bim.
440 u

Timofěev

D1 7/38

Государственная Центральная Книжная Палата
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГООБМЕНА.

940/12

Курышевъ

ЗАПИСКИ СЛѢДОВАТЕЛЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Н. П. ТИМОФѢЕВА.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Первыя впечатлѣнія. — II. Убійство и самоубійство.— III. Поджигатели.—IY. Тюремный міръ.—Y Грабительская шайка. — VI. Преступленіе суевѣрія.- VII. Проститутка.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА К. Н. ПЛОТНИКОВА.

1872.

У. п. 5176

BAYERISCHE STAATS BIBLIOTHEK MUENCHEN

Aus dem Tausch der Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft * N.D.W.

Типографія К. Н. Плотникова. (На Петербургской стор., Колпинская ул., д. № 23).

ЗАПИСКИ СЛѢДОВАТЕЛЯ.

Предисловіе.

Психологическая и нравственная сторона жизни каждаго человѣческаго общества имѣетъ всегда немало отпечатковъ въ преступныхъ ея проявленіяхъ, говоря иначе, преступная сторона жизни каждаго человѣка, есть по большей части непосредственное и прямое послѣдствіе психическихъ настроеній и движеній его сердца, ума и воли. — Преступникомъ никто не рождается, но преступниковъ формируетъ сама жизнь, въ той массѣ ея безконечныхъ и разнообразныхъ неблагопріятныхъ комбинацій, которая часто отъ безпомощно-дѣтскаго возраста, и до глубокой старости, выпадаетъ на долю многихъ и многихъ людей, дѣлающихся преступниками. Бѣдность, нищета, пороки, страсти, превратности въ жизни,—вотъ основы, и преимущественныя причины всѣхъ совершающихся на землѣ преступленій. — Удалить эти причины, и тѣмъ поставить человѣческое общество внѣ преступной возможности — немыслимо. Это не зависитъ отъ власти людей, ибо если не всѣ, то многія изъ подобныхъ причинъ, неразрывно связаны съ существомъ человѣческой природы и ея неизбѣжныхъ склонностей, а потому если бы человѣческое общество было совершенно лишено преступниковъ, то это слѣдовало бы считать ненормальнымъ явленіемъ природы и доказательствомъ неполнаго развитія жизни подобнаго общества. — Не всякое преступленіе непремѣнно заключаетъ въ себѣ, по существу, начала безнравственности, а

относительно причинъ, доводящихъ людей до преступленій, многія, если и бываютъ безнравственны, то эта безнравственность, заключающаяся въ самомъ свойствѣ преступнаго дѣянія, слагается очень часто подъ вліяніемъ такихъ душевныхъ элементовъ преступника, которые, отдѣльно взятые, не представляютъ ничего не совмѣстнаго съ требованіями правдивой человѣческой совѣсти. — Одинъ лишъ утлый и предубѣжденный противъ человѣчества обскурантизмъ, и крайне ограниченное понятіе обо всѣхъ свойствахъ, далеко еще вполнѣ, не изслѣдованной духовной стороны человѣческой природы, могутъ видѣть въ каждомъ преступникѣ непремѣнно человѣка безнравственнаго. Кто будетъ спорить противу того, что громаднѣйшая масса разныхъ каторжныхъ и ссыльныхъ, только потому возмущаетъ и оскорбляетъ въ насъ наше нравственное чувство, что мы видимъ ее въ кандалахъ, съ полувыбритыми головами, съ бубновымъ тузомъ на спинѣ, и обыкновенно при весьма неблаговидной обстановкѣ. Но если бы мы симпатію или антипатію къ каждому изъ подобныхъ субъектовъ основывали не на этихъ внѣшнихъ признакахъ преступности, а на ознакомленіи съ тѣми обстоятельствами его жизни, которыя, волей или неволей, довели его до бритаго затылка, то ни этотъ несчастный аттрибутъ, ни звенящія кандалы, ни даже самъ бубновый тузъ, не могли бы внушать намъ отвращеніе къ каждому преступнику безусловно. Анализируя почаще подобные случаи, мы въ сужденіяхъ своихъ дѣлались бы болѣе снисходительными къ участи преступнаго міра, а заглядывая вглубь своей души, и строго провѣряя всѣ свои дѣйствія, можетъ быть находили бы и за собою такіе поступки, помыслы и стремленія, которые только подъ вліяніемъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, не довели насъ до печальнаго и грустнаго положенія преступника. Высказываясь подобнымъ образомъ, я однако же далекъ отъ мысли оправдывать всѣ проступки и преступленія непремѣнно случайностями, и тѣмъ еще болѣе далекъ я отъ того, что въ практической жизни, среди

разнаго рода арестантовъ, часто приходится наблюдать такія личности, которыя не только не могутъ заслуживать какое либо къ нимъ сочувствіе, но напротивъ, по роду своихъ дѣйствій и обстоятельствамъ, сопровождавшимъ ихъ, достойны полнаго презрѣнія. Къ числу такихъ личностей я отношу преступниковъ, если только можно такъ выразиться — по ремеслу, которые въ общей фалангѣ преступной массы являются обыкновенно звѣздами первой величины. Большею частію это бываютъ личности, утратившія всякое человѣческое чувство, всякое достоинство мыслящаго разумнаго существа, низшедшія до степени какого-то звѣрскаго животнаго направленія и совершившія преступленіе не подъ вліяніемъ какихъ нибудь независѣвшихъ отъ нихъ обстоятельствъ или неотразимыхъ причинъ, а съ полнымъ умышленнымъ сознаніемъ, и во всемъ безграничномъ проявленіи своихъ злонамѣренныхъ побужденій и наклонностей — личности, которыя имѣли полную возможность избѣгнуть совершенія преступленій, но умышленно ринувшіеся въ ихъ омутъ для того только, чтобы потомъ, съ самымъ грубымъ цинизмомъ, гордиться передъ другими тѣмъ, что̀ они надѣлали, а въ гнуснѣйшихъ своихъ побужденіяхъ и дѣйствіяхъ видѣть и олицетворять (конечно по своему) апогеи своей преступной, безнравственной и подъ часъ кровавой славы.... Преступники по ремеслу, какъ нравственные уроды, составляютъ аномалію человѣческаго общества, — чего нельзя сказать относительно всѣхъ другихъ преступниковъ, но какъ тѣ, такъ и другіе, не идутъ въ разладъ съ жизнію, и не могутъ быть изъ нея исторгнуты, потому что составляютъ одну изъ темныхъ, грустныхъ, но неизбѣжныхъ ея принадлежностей.

Безконечное разнообразіе причинъ, порождающихъ преступленія, даетъ множество самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, не только между преступленіями разныхъ видовъ, но даже въ степени и свойствахъ одного и того же рода преступленій. Раскрытіе этихъ разнообразныхъ мотивовъ и обслѣдованіе со всевозможною тщательно-

стію обстановки, въ которой то или другое преступленіе совершилось, составляетъ главную и непосредственную задачу каждаго Судебнаго Слѣдователя. Собрать факты къ одному лишь обвиненію, и тѣмъ почесть роль свою въ производствѣ уголовнаго процесса оконченною, — недостойно добросовѣстнаго Слѣдователя, ибо истинная миссія его есть одновременное групированіе фактовъ, какъ обвиняющихъ подсудимаго, такъ и оправдывающихъ его по отношенію къ тѣмъ причинамъ, которыя довели его до преступленія. Послѣднее бываетъ преимущественно необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникомъ является лице изъ невежѣственной массы, по складу своихъ мыслей и убѣжденей, старающееся иногда даже скрыть отъ Слѣдователя такое обстоятельство, которое можетъ повліять на смягченіе его вины, но которое, по его мнѣнію, не слѣдуетъ высказывать.—

Продолжительная моя практика въ должности Судебнаго Слѣдователя, ознакомила меня съ цѣлою нитью разныхъ преступленій въ лицѣ всевозможныхъ обвиняемыхъ, начиная отъ самыхъ закоренѣлыхъ злодѣевъ, и кончая крайне наивными личностями, доставила мнѣ возможность изучить бытъ и нравственный складъ преступниковъ, освоиться съ такими проявленіями человѣческой натуры, которыя прежде были мнѣ неизвѣстны, и вообще во многомъ разъяснила передо мною психическую сторону нашей жизни. Разнообразіе испытанныхъ мною среди преступнаго міра впечатлѣній и ощущеній, и самый интересъ многихъ уголовныхъ происшествій, мною обслѣдованныхъ, навели меня на мысль, составить и издать въ свѣтѣ свои записки, по тѣмъ набросамъ, которыя я отъ времени до времени записывалъ для себя. Смѣю думать, что, заключая въ себѣ изложеніе уголовныхъ происшествій, представляющихъ собою событія изъ міра дѣйствительнаго, онѣ не могутъ не быть интересны, и вѣроятно многими прочтутся не безъ удовольствія, тѣмъ болѣе, что при вполнѣ понятномъ и легко объясненномъ стремленіи всякой образованной среды къ чтеніямъ подобнаго рода,

отечественная наша литература въ этомъ отношеніи представляетъ еще довольно значительный пробѣлъ.

Принести съ своей стороны посильную лепту на пополненіе этого пробѣла, — вотъ цѣль, которую я имѣю, издавая въ свѣтъ свои записки.

Въ заключеніе прошу читателя не ожидать и не требовать отъ меня блестящаго литературнаго изложенія, потому что я вовсе не имѣю поползновенія стяжать себѣ своимъ трудомъ какую нибудь литературную извѣстность, а если рѣшаюсь пустить записки въ свѣтъ, то единственно лишь по причинѣ мною вышеобъясненной.

Начальную главу своихъ записокъ я посвящаю описанію моихъ первыхъ, по должности Слѣдователя, впечатлѣній. Полагаю, что эта глава хотя и неподходящая прямо подъ общую программу моихъ записокъ, тѣмъ не менѣе прочтется не безъ интереса, потому что въ живыхъ и яркихъ краскахъ представитъ общую картину той обстановки, среди которой я началъ свою службу въ должности Слѣдователя. —

г. Б-на. 11 Января 1871 г. **Н. Тимофѣевъ.**

I.

Первыя впечатлѣнія.

Въ послѣднихъ числахъ Января мѣсяца 1864 года, я получилъ назначеніе на должность судебнаго слѣдователя въ одну изъ губерній Западной Окраины Россіи, гдѣ въ то время Польское возстаніе, поддерживаемое панами и ксендзо-шляхетствомъ и бывшее передъ тѣмъ въ полномъ разгарѣ, начинало уже стихать. Мнѣ было въ то время только 22 года отъ роду, я еще очень недавно окончилъ курсъ наукъ и, по опредѣленіи моемъ на службу, былъ причисленъ къ одному изъ Н-скихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, въ которомъ впредь до пріобрѣтенія мною опытности въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ, меня, не взирая на мое спеціальное образованіе, засадили за переписку бумагъ и за подшивку дѣлъ. Какъ ни возмущалъ меня подобный родъ занятій, требовавшій исключительно лишь механическихъ пріемовъ, но до времени нужно было подчиниться горькой необходимости, и я съ терпѣніемъ и стойкостію исправнѣйшимъ манеромъ исполнялъ каждодневно свою немудрую работу. Вѣроятно, труды мои были оцѣнены по заслугамъ, потому что въ очень скоромъ времени ближайшій мой начальникъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, обѣщалъ мнѣ похлопотать о моемъ повышеніи. Человѣкъ онъ былъ хорошій и обходительный, ужасающихъ пріемовъ не имѣлъ, обращался съ подчиненными человѣчески, но безъ фамильярности, былъ простъ,

доступенъ и деликатенъ, иногда, будучи въ веселомъ расположенiи духа, дозволялъ себѣ даже и пошутить съ нашимъ братомъ. Ко мнѣ Иванъ Ивановичъ преимущественно, — не знаю только за что—благоволилъ; увидитъ бывало, проходя по канцелярiи, что я корплю надъ перепиской, или колю себѣ съ непривычки пальцы, подшивая бумаги и давай утѣшать:

— Практикуйтесь, молодой человѣкъ, практикуйтесь; не унывайте духомъ, все въ пользу пойдетъ, начнетъ онъ...

— Да помилуйте, Иванъ Ивановичъ— перебьешь его съ досады—какая тутъ практика, бумаги переписывать да подшивать, эта практика надоѣла ужъ, дайте мнѣ хотя какую нибудь умственную работу, а то вѣдь за такою механикою можно просто отупѣть.

— Не торопитесь, не торопитесь, не ву торопе - па, — острилъ Иванъ Ивановичъ въ отвѣтъ на мою тираду, и, смѣясь, проходилъ въ свой кабинетъ.

Столъ, въ которомъ я состоялъ, былъ слѣдственный. Шкафы этаго стола ломились подъ тяжестью разныхъ старыхъ уголовныхъ дѣлъ. Однажды, столоначальникъ, въ вѣденiи котораго я находился, поручилъ мнѣ отыскать справку изъ одного дѣла. Я сталъ копаться, отыскалъ нужное дѣло, и разыскивая въ немъ справку, увлекся содержанiемъ его, началъ читать, такъ что о справкѣ и забылъ, и ее долженъ былъ отыскивать самъ мой столоначальникъ. Такъ какъ подобныя увлеченiя съ моей стороны бывали потомъ не рѣдки, то онъ меня за то не залюбилъ, а дѣлать мнѣ замѣчанiя не рѣшался, потому что я всегда съ нимъ спорилъ, а онъ этого никакъ переносить не могъ. Этому обстоятельству я былъ обязанъ тѣмъ, что ближайшее мое начальство оставило меня въ покоѣ; я совершенно удалился отъ подшивки и переписки и съ увлеченiемъ занялся перечитыванiемъ старыхъ уголовныхъ дѣлъ. Убiйства, мошенничества, разбои, грабежи такъ и зарябили у меня въ глазахъ, а дѣйствующiя въ нихъ лица, то въ томъ, то въ другомъ образѣ, безпрестанно воз-

никали и исчезали въ моемъ воображеніи. Во всѣхъ этихъ процессахъ, на ряду съ самымъ содержаніемъ ихъ, меня не менѣе того интересовали тѣ пріемы и пути слѣдователей, которыми они добирались до пути дѣла. Я мысленно сочувствовалъ каждому открытію въ дѣлѣ какого нибудь обстоятельства, и напротивъ, меня пробирала досада, когда я видѣлъ, что какой нибудь фактъ, несмотря на старанія слѣдователя, оставался не разъясненнымъ. Постояннымъ чтеніемъ этихъ старыхъ дѣлъ я незамѣтно дошелъ до того, что во мнѣ возникла та страсть къ роли слѣдователя, которая въ извѣстной долѣ служитъ всегда немалымъ ручательствомъ его будущихъ преуспѣяній на служебномъ поприщѣ. Тотъ не слѣдователь, думалъ я, кто занимается своимъ дѣломъ по одной лишь обязанности, безъ увлеченія и сочувствія къ самому свойству своего назначенія. Проникнувшись такимъ убѣжденіемъ, я мысленно рѣшилъ въ умѣ своемъ непремѣнно добиться должности слѣдователя. Мнѣ казалось, что ни на какой другой родъ занятій я болѣе неспособенъ, и недолго думая, я написалъ и вручилъ Ивану Ивановичу докладную записку, въ которой просилъ походатайствовать предъ начальствомъ о предоставленіи мнѣ гдѣ-нибудь должности судебнаго слѣдователя. Иванъ Ивановичъ очень удивился моему пассажу, посмотрѣлъ на меня чрезъ очки, сомнительно покачалъ головою, какъ бы желая сказать «не дѣло, братъ, ты затѣялъ», однакоже обѣщался хлопотать объ исполненіи моего желанія. Послѣ подачи записки и пересказать не могу, что съ мною дѣлалось: и во снѣ, и на яву, я сталъ бредить разслѣдованіями разныхъ преступленій самаго запутаннаго свойства, мысленно производилъ допросы, строилъ разные планы какъ бы уличить въ такомъ-то случаѣ, какъ бы раскрыть то-то, и въ чаяніи благопріятнаго исхода моей записки томился нетерпѣливыми ожиданіями.

Товарищи мои по службѣ всѣ мнѣ сочувствовали и предсказывали полный успѣхъ, но сочувствіе ихъ было довольно своеобразно.

— Вотъ загуляешь-то,—говорили они мнѣ — какъ получишь слѣдователя: самъ себѣ хозяинъ, никто надъ душой не стоитъ, хочешь занимайся, не хочешь ничего не дѣлай, а тысячу рублей въ годъ получай. Важно! счастье да и только — восклицали они.

Ровно черезъ мѣсяцъ желаніе мое исполнилось, я былъ назначенъ судебнымъ слѣдователемъ въ одну изъ западныхъ губерній. Назначеніе свое я встрѣтилъ съ полнымъ восторгомъ: вопервыхъ потому, что въ немъ исполнялось мое задушевное желаніе, а во вторыхъ, — оно избавляло меня отъ безжизненнаго бумажнаго міра, и главнымъ образомъ отъ моего докучливаго столоначальника, который въ послѣднее время сталъ очень недружелюбно относиться къ моему препревожденію времени и манкированію подшивкой и перепиской, а однажды даже возъимѣлъ смѣлость сказать мнѣ, что канцелярія не библіотека, гдѣ бы можно заниматься чтеніемъ.

Сборы мои въ дорогу были не долги. Передъ отъѣздомъ я зашелъ къ Ивану Ивановичу проститься. Онъ встрѣтилъ меня ласково, подалъ мнѣ руку и заговорилъ первый.

— Ну-съ, поздравляю васъ, господинъ судебный слѣдователь,—началъ онъ: желаю вамъ отъ души полнаго успѣха. Раненько только вамъ эту должность дали, вотъ годика такъ черезъ два можно бы, все таки были бы по опытнѣе, да поосторожнѣе, а теперь еще не то... молодо-зелено... еще подъ часъ и вѣтерокъ въ голову заходитъ.

— Я буду дѣйствовать осмотрительно, — отвѣчалъ я Ивану Ивановичу—и увѣренъ, что эта осмотрительность на первыхъ порахъ замѣнитъ мнѣ практику и опытность.

— Дай Богъ, дай Богъ, но только не увлекайтесь ничѣмъ черезъ чуръ. Знаете, это какъ бы сказать вамъ, будьте похладнокровнѣе, чтобы ревность ваша въ службѣ да усердіе такъ-сказать не переливали бы черезъ край — объяснялъ мнѣ Иванъ Ивановичъ и потомъ продолжалъ: Вотъ еще, молодой человѣкъ, послушайте совѣта. Ѣдете вы въ ту мѣст-

ность, гдѣ только-что свирѣпствовалъ мятежъ: избѣгайте вы ради Бога этихъ пановъ, а пуще того разныхъ паненокъ. Не поддавайтесь вы на ихъ чувства. Они васъ и обласкаютъ, и облобызаютъ, а потомъ продадутъ, какъ Іуда Христа. Особливо падки они до молодыхъ. Разными тамъ своими фокусами очаруютъ васъ, заберутъ въ лапки, да потомъ и будутъ на васъ ѣздить и дѣлать все; что имъ угодно, а тогда ужъ изъ ихъ ловушекъ не улепетнете, ей Богу правду говорю, добавилъ Иванъ Ивановичъ, замѣтивъ, что я на его тираду слегка улыбнулся.

— Почему же вы такъ не любите польскихъ пановъ и паненокъ, спросилъ я Ивана Ивановича: вѣдь вѣрно и между ними есть хорошіе люди безъ всякихъ лицемѣрныхъ чувствъ.

— Что вы, батюшка, чуть не завопилъ мой собесѣдникъ, — вамъ говорятъ то, въ чемъ убѣждаютъ насъ столѣтія, а вы, не видавши еще Поляковъ и не ознакомившись еще съ жизнію среди ихъ, навязываете имъ нелицемѣрныя чувства; ну, сказали, нѣтъ, съ такими понятіями лучше и не ѣздите къ нимъ, а то вамъ сейчасъ будетъ полнѣйшій капутъ, и Иванъ Ивановичъ заходилъ по комнатѣ.

Видно было, что онъ отъ глубины души ненавидѣлъ Поляковъ, а причиною тому — какъ по крайней мѣрѣ передавалась въ нашей канцеляріи устная молва — была какая-то неудача Ивана Ивановича во времена его молодости съ одною паненкой, и нѣчто въ родѣ коварной измѣны со стороны послѣдней, — поэтому я нисколько не удивился тому, что онъ мнѣ говорилъ, и на послѣдокъ, чтобы не оставлять его подъ дурнымъ впечатлѣніемъ, обѣщалъ даже помнить и строго соблюдать его практическіе совѣты, и на томъ мы разстались.

Черезъ два дни я уѣхалъ уже изъ Н-ское по желѣзной дорогѣ и ровно на другіе сутки былъ въ губернскомъ городѣ Т–нѣ, гдѣ мнѣ предстояло остановиться, такъ какъ я былъ назначенъ въ Т-скую губернію. Описывать свои дорожныя впечатлѣнія не буду: они слишкомъобщи для того,

чтобы быть интересными. Скажу только вотъ что: Изъ Н-ска я выѣхалъ передъ вечеромъ. Открывающаяся передо мною новая жизнь, новыя довольно серьозныя обязанности, меня пріятно радовали, и это понятно. Полный охоты къ труду, къ труду сознательному, самостоятельному, я гордился своимъ положеніемъ, а такъ какъ мнѣ предстояло ѣхать въ мѣстность, гдѣ такъ недавно еще свирѣпствовалъ мятежъ, то эта нѣсколько опасная обстановка придавала въ моихъ глазахъ еще болѣе прелести моему положенію. Въ самомъ пріятномъ распоженіи духа, въ безднѣ разныхъ мечтательныхъ предположеній, я проѣхалъ нѣсколько станцій. Но вотъ наступилъ и вечеръ, а съ нимъ, подъ вліяніемъ темноты и монотоннаго шума отъ бѣжавшаго поѣзда, перемѣнилось нѣсколько и мое расположеніе духа. Мною овладѣло чувство какого-то тоскливаго одиночества, я сталъ болѣе здраво вдумываться въ предстоящую мнѣ жизнь, и будущность своей обстановки не рисовалъ уже однѣми розовыми красками. По правдѣ сказать, мнѣ и было о чемъ подумать. Должность судебнаго слѣдователя ставила меня лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнію, во всей ея наготѣ и въ ея неблагопріятныхъ условіяхъ, раскрывала передо мною совершенно незнакомый еще мнѣ міръ преступленій, къ тому же я въ первый разъ вступалъ на одинокій, самостоятельный путь, и притомъ въ мѣстности, гдѣ и опытному уже въ жизни человѣку нужно было много такта и практической житейской подготовки для того, чтобы исполнить долгъ свой добросовѣстно, разумно и безъ возможности увлечься, а всякій согласится, что 22-лѣтній возрастъ не исключаетъ возможности увлеченій, если не преступныхъ, то подъ часъ весьма легковѣрныхъ. Я сталъ думать о томъ, что будетъ со мною, если я не въ состояніи буду выполнить свою задачу, съ какими людьми придется мнѣ жить и встрѣчаться, что ежели работа моя окажется мнѣ не по силѣ, если я ни въ комъ не встрѣчу себѣ сочувствія, если наконецъ какія нибудь случайности меня, неопытнаго и не приготовившагося еще

къ самостоятельной жизни увлекутъ и погубятъ, и Богъ знаетъ что полѣзло мнѣ въ голову. Ощущенія и чувства самыя разнообразныя наполняли все мое существо. Я сталъ чего-то бояться, путался въ своихъ соображеніяхъ, въ попыткѣ вразумить себя путемъ логики, что именно меня тревожитъ, чего я боюсь, и при всемъ желаніи этого не достигалъ. Въ меня начинало вселяться какое-то недовѣріе къ людямъ, какая-то тоска овладѣвала мною, я готовъ былъ чуть чуть не придти до сознанія въ своемъ безсиліи и ничтожествѣ, среди предстоящаго мнѣ поприща, и вернуться въ свою канцелярію къ милѣйшему Ивану Ивановичу къ подшивкѣ и перепискѣ бумагъ, а поѣздъ съ каждой минутой, съ каждой секундой, невыразимо быстро подвигался впередъ, и все ближе и ближе приближалъ меня къ той цѣли, которой я добивался, наконецъ достигъ, и которая теперь такъ странно и непонятно меня смущала и тревожила.

На другой же день по пріѣздѣ моемъ въ Т-ну, я пошелъ представляться къ начальнику губерніи. Губернаторъ принималъ въ своей канцеляріи, гдѣ была и пріемная для просителей. Публики въ пріемной было очень много. Тутъ были и военные разныхъ чиновъ и въ мундирахъ, гражданскіе чиновники разныхъ вѣдомствъ въ вицъ-мундирахъ, нѣсколько партикулярныхъ лицъ, три или четыре дамы, изъ которыхъ одна была съ сильно заплаканными глазами, солдатъ съ деревяшкой вмѣсто ноги, два-три еврея съ свойственнымъ имъ особымъ специфическимъ запахомъ, и порядочное количество простолюдиновъ. Вся эта разношерстная публика говорила шопотомъ, какъ бы боясь кого разбудить. Иные шептались чуть чуть не на ухо, у многихъ въ рукахъ были письменныя просьбы, въ томъ числѣ и у заплаканной дамы, которая постоянно утирала глаза и нюхала какой-то флакончикъ. Наконецъ дверь въ пріемную отворилась. Рослый вахмистръ громко прокричалъ: «ихъ превосходительство идутъ», и вслѣдъ за тѣмъ на нижнихъ ступеняхъ входной къ пріемной лѣстницы, послышались по мягкому ковру чьи-

то неторопливые, аристократическіе, степенные шаги. Настала всеобщая тишина, публика въ пріемной встрепенулась, дама съ флакончикомъ набожно перекрестилась по польски. «О же бы панъ Богъ и наисвентша панна Марія»—разслышалъ я мелькомъ ея слова. Чиновники въ канцеляріи заскрипѣли перьями, дежурный, сидѣвшій въ пріемной, моментально спряталъ въ карманъ номеръ «Голоса», который читалъ, и зарылся въ бумагахъ, а жидки поправили свои пейсы и довольно назойливо вылѣзли чуть чуть не впередъ всѣхъ. Губернаторъ вошелъ въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, которые, по случаю политическихъ безпорядковъ, составляли его всегдашнюю свиту, и отдавъ всѣмъ бывшимъ въ пріемной одинъ общій поклонъ, прошелъ прямо въ свой кабинетъ, куда скоро потребовалъ и меня. Узнавъ изъ моихъ словъ кто я такой и на какую должность присланъ, губернаторъ обратился ко мнѣ съ такою рѣчью.

— Вы должны знать и понимать, въ какой край и при какихъ обстоятельствахъ вы пріѣхали; мы здѣсь нуждаемся въ честныхъ русскихъ дѣятеляхъ. Вамъ предстоитъ оправдать на дѣлѣ тотъ лестный отзывъ, который я получилъ объ васъ отъ вашего прежняго начальства. При этихъ словахъ губернатора я оторопѣлъ. Неужели (подумалъ я) этотъ лестный отзывъ получилъ я за подшивку и переписку бумагъ— странно.

Губернаторъ продолжалъ: Вы слишкомъ молоды еще, а потому я считаю своею обязанностію предостеречь васъ отъ многаго. Молодость довѣрчива, а здѣсь не слѣдуетъ довѣряться никому; здѣсь большинство Поляки, вы должны освоиться съ мыслію, что каждый Полякъ въ душѣ вашъ врагъ, и только при подобномъ взглядѣ на вещи, вы въ состояніи будете дѣйствовать въ видахъ правительства, и въ видахъ, которые должны быть не чужды каждому искреннему русскому патріоту. Не вѣрьте ни въ польскія симпатіи, ни въ польскую дружбу; ни то, ни другое для насъ Русскихъ не существуетъ — закончилъ губернаторъ.

чтобы участіе мое къ ней, бывъ замѣченнымъ губернаторомъ или кѣмъ либо изъ его приближенныхъ, не было бы истолковано въ дурную сторону, въ ущербъ моимъ интересамъ, какъ Русскаго. Первый разъ въ жизни видѣлъ я плачущую отъ горя женщину, въ первый разъ въ жизни услышалъ я мольбу матери за сына, и какъ несочувственно, съ какимъ малодушіемъ, отнесся я къ ней, а сколько такихъ слезъ предвидѣлось мнѣ еще видѣть впереди?

— Скажи мнѣ пожалуста, спросилъ я уже въ прихожей вахмистра подававшаго мнѣ шинель,—припомнивъ сказанныя имъ въ корридорѣ слова,—тутъ, я думаю, барыни-то часто у васъ плачутъ?

— А часто — отозвался онъ, другую даже и жаль станетъ — плачетъ одно слово безъ памяти, а сами виноваты— накурдабалесили этое повстанье, а теперь и бѣдуютъ. У одной мужъ въ тюрьму попалъ, у другой сына хватили въ секретный номерокъ—добавилъ онъ шопотомъ—вотъ и бѣда. Извѣстно, всякому свою кровь жалко. Ну, да у насъ не плачь, сейчасъ выведемъ на дворъ, такой приказъ данъ, нужно исполнять—заключилъ онъ по военному.

— Кто же это такой приказъ отдалъ — вновь спросилъ я вахмистра, надѣвая калоши—вѣдь плакать, я думаю, не запрещено закономъ, особливо если кому есть о чемъ плакать. Вѣдь ты же самъ говоришь, что всякому свою кровь жалко.

— Такъ то такъ,—послѣдовалъ мнѣ его отвѣтъ, да правитель канцеляріи нашъ не охочъ до слезъ-то, сейчасъ, какъ послышитъ, гони говоритъ вонъ, чтобъ этого реву тутъ не было.

— Да кто онъ Русскій, или Татаринъ можетъ быть, не могъ я удержаться, чтобы не задать еще вопроса разговорившемуся вахтеру.

— Какой онъ Татаринъ, настоящій какъ есть Русскій, отвѣтилъ онъ мнѣ съ удивленіемъ, и вопросительно посмотрѣлъ на меня, желая угадать, почему сдѣлалъ я ему такой вопросъ.

Вотъ онъ настоящій-то какъ есть Русскій—думалъ я, выходя на улицу,—несчастныхъ плачущихъ женщинъ-матерей велитъ зимой выгонять на дворъ, чтобы видно морозцомъ имъ слезы осушало; что же? и это иные считаютъ тоже доблестью и заслугою передъ отечествомъ.

Пока я шелъ къ своей гостинницѣ, у меня не выходила изъ головы несчастная мать съ ея горючими слезами. Въ лицѣ ея передо мною раскрывалась настоящая жизнь, со всѣмъ ея преизобилующимъ въ ней бѣдствіемъ, со всѣми ея случайностями, доводящими до слезъ изступленій и тюрьмы, цѣлая вереница тяжелыхъ сценъ предвидѣлась мнѣ на моемъ поприщѣ впереди, инстинктивно я сознавалъ, что много слезъ будетъ пролито и предо мной, и что на всѣ подобныя слезы долженъ буду фактически смотрѣть такъ же безучастно, хотя и съ полнымъ въ душѣ состраданіемъ. Я пришелъ въ свой номеръ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа, и не могъ выкинуть изъ головы плакавшую барыню, хотя и сознавалъ, что никакой рѣшительно помощи оказать ей по ея дѣлу не могъ.

Вечеромъ чрезъ жандарма я получилъ требованіе явиться къ губернатору вновь, и былъ принятъ имъ въ своей квартирѣ. Губернаторъ поручилъ мнѣ немедленно, по прибытіи въ участокъ, принять мѣры къ скорѣйшему окончанію дѣла о дворянинѣ Ре—цкомъ, и при этомъ, вручивъ мнѣ какую то бумагу, сказалъ: это прошеніе его матери, она проситъ объ ускореніи слѣдствія по дѣлу ея сына и объ освобожденіи его изъ тюрьмы. Это дѣло по вашему участку. Разсмотрите его, когда вступите въ должность; сообразите все безъ увлеченій, и въ предѣлахъ законнаго и возможнаго удовлетворите просьбу, а что сдѣлаете по этому прошенію, о томъ мнѣ донесете. Я отправился домой и въ номерѣ у себя прочелъ эту первую формальную на мое имя бумагу. Она заключалась изъ письменной просьбы г-жи Р—кой съ подписью на ней рукою губернатора: прошеніе это передаю судебному слѣдователю 2-го участка П—скаго уѣзда на за-

конное распоряженіе, предлагая о послѣдующемъ донести мнѣ. Внизу былъ №. бумаги, годъ, мѣсяцъ и число. Мнѣ вдругъ пришло въ голову, и я почти убѣдился, что г-жа Р—кая есть вѣроятно та самая дама, которую я видѣлъ утромъ въ канцеляріи губернатора плакавшею, и у меня явилась твердая рѣшимость непремѣнно, по пріѣздѣ на мѣсто въ свой участокъ, въ П—скій уѣздъ, исполнить во чтобы то ни стало просьбу Р—ской, выпустить ея сына изъ тюрьмы и успокоить ея материнское чувство. Въ головѣ своей я уже дѣлалъ всѣ соотвѣтствующія тому распоряженія, мнѣ стало веселѣе на душѣ, и вечеромъ за чаемъ я вступилъ даже въ разговоръ съ прислуживавшимъ мнѣ въ гостинницѣ факторомъ изъ евреевъ Гершкой, который до того нѣсколько разъ бывало порывался завести со мной разговоръ, но всегда тщетно: я или молчалъ, или не обращалъ совсѣмъ вниманія на его слова.

На этотъ разъ я допивалъ четвертый стаканъ чаю, а Гершка усердно помѣшивалъ въ топившейся печкѣ.

— Надо вамъ хорошенько, васе благородіе, печку натопить, а то одному холодно будетъ спать, сказалъ онъ первый для завязки разговора, не оборачиваясь ко мнѣ и налегая особенно на слово одному.

— Мнѣ вовсе не будетъ холодно спать, потому что у меня отличное теплое одѣяло, отвѣчалъ я Гершкѣ.

— А васе благородіе вы холостой, вновь отозвался Гершко, оборачиваясь уже отъ печи ко мнѣ лицомъ.

— Холостой, удовлетворилъ я его любопытство.

— А знаете, сто я вамъ сказу, васе благородіе, въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ такихъ паненокъ якъ у насъ, хотите я вамъ показу, затараторилъ Гершка, и, какъ бы предвидя съ моей стороны отказъ, поспѣшилъ добавить: она сама къ вамъ придетъ, вы только посмотрите, не понравится, сказете: ступай, и она пойдетъ, якъ какая паненочка, ваше благородіе, егозилъ Гершко, я позову ее только для васъ, сказете Гершко

молодецъ... молоденькая... хорошенькая... и такая... хотите побудетъ у васъ немного, хотите она останется у...

На этомъ словѣ я прервалъ разчувствовавшагося Гершку.

— Ступай-ка ты, братъ, спать, запри мою дверь, да завтра разбуди меня пораньше, отвѣтилъ я ему на всѣ его изысканныя предложенія, лежа уже въ кровати и начиная дремать. На-завтра мнѣ предстояло еще являться предсѣдателю уголовной палаты и губернскому прокурору. Гершко удалился, опечаленный неудачею.

На-утро я отправился къ прокурору, который принималъ въ своей квартирѣ. Я засталъ его только что вставшимъ съ ложа, и извинившись передо мною этой причиной, онъ вышелъ ко мнѣ въ потасканномъ турецкомъ халатѣ и туфляхъ.

— Такъ вы вновь назначенный судебный слѣдователь во 2 участкѣ П—скаго уѣзда,—началъ онъ—очень пріятно, очень пріятно, мы молодымъ людямъ рады, потому что сами еще не стары (прокурору было лѣтъ около 40), да кромѣ того судебный слѣдователь непремѣнно долженъ быть человѣкъ молодой, потому что эта должность требуетъ большой подвижности, энергіи, ну а гдѣ же взять этихъ качествъ въ болѣе или менѣе пожившемъ уже организмѣ, вотъ вы, какъ ознакомитесь съ своимъ родомъ занятій... вѣдь вы не были еще судебнымъ слѣдователемъ? прервалъ онъ свою рѣчь, обратившись ко мнѣ съ вопросомъ.

— Нѣтъ не былъ, отвѣчалъ я.

— Такъ вотъ, говорю я, какъ ознакомитесь вы съ своей должностію,—продолжалъ прокуроръ, такъ и узнаете, что слѣдователь, если только онъ въ душѣ слѣдователь и любитъ свое дѣло, ни днемъ ни ночью не долженъ и не можетъ имѣть покоя. Какъ много иногда въ слѣдственныхъ пріемахъ можетъ имѣть значеніе какой нибудь извѣстный моментъ: упустили его,—и все дѣло пропало. Не нужно только смѣшивать энергію съ ложнымъ увлеченіемъ, вы поминаете, что я хочу вамъ выразить подъ ложнымъ увлеченіемъ? обратился онъ ко мнѣ.

— Я понимаю это, началъ я, въ такомъ смыслѣ, что слѣдователь, выясняя предъ собою извѣстное обстоятельство, не долженъ....

— Нѣтъ, виноватъ, что перебиваю—прервалъ меня прокуроръ, я объясню вамъ короче. Ни о какомъ событіи, составляющемъ предметъ преступленія, ни о какой личности совершившей преступленіе, слѣдователь, по первымъ впечатлѣніямъ, которыя произвели на него то событіе и личность преступника, не долженъ составлять себѣ положительнаго убѣжденія о томъ, на сколько преступленіе гнусно, и на сколько заподозрѣнный дѣйствительно виноватъ—до тѣхъ поръ, пока онъ не ознакомится съ обстоятельствами дѣла достаточно ясно для того, чтобы убѣжденіе свое основывать на положительныхъ и несомнѣнныхъ уже фактахъ, иначе первое ложное убѣжденіе можетъ внушить ему предубѣжденіе противу подъ часъ совершенно невиноватой личности, и такимъ образомъ слѣдователь невольно дастъ дѣлу одностороннее направленіе. Изыскивая всѣ способы для того, чтобы собрать всѣми натяжками, улики къ обвиненію подобнаго лица, слѣдователь поневолѣ упускаетъ изъ виду такія обстоятельства, которыя не касаются интересующей его заподозрѣнной личности, но которыя, еслибы были обслѣдованы своевременно, указали бы слѣдователю его ошибочный взглядъ, и можетъ быть и навели бы на путь дѣйствительно виновнаго. Вотъ это я называю ложнымъ увлеченіемъ — закончилъ прокуроръ—и каждому новому и потому неопытному еще слѣдователю, совѣтую избѣгать тѣхъ ошибокъ, которыя неизбѣжны при каждомъ заранѣе усвоенномъ себѣ ложномъ взглядѣ.

Я поблагодарилъ прокурора за совѣтъ и не могъ не сознать, что слова его были совершенно справедливы, а такъ какъ они были сказаны безъ всякаго начальническаго тона, и вполнѣ естественно въ видѣ практическаго и съ добрымъ намѣреніемъ даваемаго совѣта, то я рѣшился въ дѣйствіяхъ

своихъ, особенно на первое время, не расходиться съ подобнымъ мнѣніемъ прокурора.

Отъ прокурора я отправился къ предсѣдателю уголовной палаты, который принималъ всегда и всѣхъ въ присутствіи палаты. Онъ былъ изъ нѣмцевъ, изъ самыхъ надменныхъ нѣмцевъ и держалъ себя чрезвычайно гордо. Послѣ того когда ему доложили обо мнѣ, онъ около часу продержалъ меня въ пріемномъ кабинетѣ, не выходя ко мнѣ, такъ что я возъимѣлъ было даже мысль уйдти изъ палаты и не знать: какой такой есть въ ней предсѣдатель—нѣмецъ. Наконецъ онъ вошелъ, я поклонился, онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же и подошелъ со мною къ окну.

— Какъ ваша фамилія? спросилъ онъ меня. Я отвѣтилъ.

— Вы пожалуйста дѣлами занимайтесь хорошенько, продолжалъ онъ, въ вашемъ участкѣ ихъ накопилось очень много. Я чрезвычайно строго слѣжу за дѣятельностію слѣдователей, и о всякомъ упущеніи неупустительно доношу министерству, а потому совѣтую вамъ быть какъ можно трудолюбивѣе и осторожнѣе.

Такія общія фразы мнѣ крайне не понравились. Не узнавши человѣка, сулитъ уже доносить на него министерству, подумалъ я, и рѣшился сдѣлать ему возраженіе и дать отпоръ.

— Поступая на службу, я конечно имѣлъ цѣлію не тунеядствовать, а дѣлать дѣло, началъ я горячась, и полагаю, что каждый порядочный человѣкъ долженъ трудолюбиво заниматься не изъ за того только, чтобы на него не донесли, или чтобы съ него не взыскали, а изъ сознанія, что онъ...

Слова мои не понравились предсѣдателю, онъ покраснѣлъ, что служило у него признакомъ досады или злости, и перебивъ меня, сказалъ:

— Вы не должны обижаться моими словами, и поняли ихъ совсѣмъ не такъ. Я бы вамъ совѣтывалъ глубже вникать въ смыслъ того, что говорятъ вамъ старшіе, и не дѣлать на первыхъ же порахъ возраженій, которыя въ дѣлахъ службы не всегда бываютъ терпимы. Затѣмъ онъ забараба-

нилъ пальцами по стеклу окна, и опасаясь, чтобы я не сдѣлалъ ему какого нибудь новаго пассажа, направился къ дверямъ въ присутствіе.

— Я васъ больше не удерживаю, и прошу ѣхать поскорѣе въ участокъ, да пожалуйста отчетныя вѣдомости представляйте своевременно, а то палата вынуждена будетъ.. проговорилъ онъ, проходя въ дверь, и такъ, что послѣднихъ угрожательныхъ словъ его я не слышалъ, потому что выходилъ уже изъ пріемной.

Нѣмецъ-предсѣдатель меня сильно раздосадовалъ, но я былъ очень доволенъ тѣмъ, что не спасовалъ передъ нимъ. Нужно только теперь смотрѣть въ оба, думалъ я, чтобы палата не могла къ чему нибудь ко мнѣ привязаться; эти опасенія мои однако же улетучились очень скоро, потому что не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ предсѣдатель палаты былъ уволенъ въ отставку по прошенію, за болѣзнію, а на его мѣсто поступилъ губернскій прокуроръ. Этой перемѣнѣ всѣ слѣдователи въ губерніи были чрезвычайно рады. Возвращаюсь къ своему прерванному разсказу.

Окончивъ всѣ свои оффиціальныя представленія, я вечеромъ того же дня выѣхалъ на почтовыхъ изъ Т-ны въ П-скій уѣздъ, куда я былъ назначенъ и гдѣ мнѣ предстояло принять 2-й слѣдственный участокъ. Услужливый Гершко, когда я укладывалъ въ чемоданъ свои пожитки, поинтересовался узнать, куда я ѣду и на какую должность. Я сказалъ ему что ѣду судебнымъ слѣдователемъ.

— Хоросее мѣсто, зить можно и деньги будутъ — отозвался Гершко. Только бы была охота — все будетъ, и потомъ помолчавъ прибавилъ: «васе благородіе мозетъ вамъ къ себѣ фактора нужно, такъ вы возьмите меня.»

— На что мнѣ фактора — проговорилъ я, машинально, продолжая укладку, и не понявъ темнаго смысла рѣчей Гершки.

— Какъ, слѣдователю безъ фактора не мозно, у слѣдователя вседа долзенъ быть факторъ, и факторъ долзенъ быть

цестный, а то мосенникъ будетъ обманывать, вотъ меня возьмите, ухъ какой я буду цестный, и буду за васъ Бога молить, безъ фактора не мозно, развѣ васе благородіе мозно вамъ самимъ говорить съ каздымъ музикомъ, сто ему надо, а факторъ сто надо спроситъ, а потомъ, васе благородіе, сто нужно здѣлаете, объяснялъ мнѣ умильно претентендтъ на фактора.

— Нѣтъ, любезнѣйшій Гершко, никакого фактора мнѣ не нужно, а съ каждымъ мужикомъ я буду говорить самъ, и про взятки и думать не буду. Такъ то — отозвался я къ Гершкѣ—а ты лучше оставайся при своей теперешней профессіи.

Гершко удивился не на шутку, когда я ему сказалъ, что взятокъ брать не буду.

— Когда всѣ берутъ— васе благородіе, отчего-зе вы не будете брать, дуракъ нехай даетъ, а умный беретъ, урезонивалъ меня. Ну, какъ зе такъ мозно зить на свѣтѣ: паненокъ васе благородіе не любите, взятокъ не будете брать, цѣмъ зе бѣднымъ еврейцикамъ на факторствѣ заробить, то не мозно, всѣ берутъ и зивутъ и нацальство любитъ, и вы берите, а я, васе благородіе—и Гершко принялъ умильную рожу— хоцу, чтобъ вы Герскѣ дали бы на цай и помнили бы Герску. Нузно, васе благородіе, на дорогу паненочку позвать на цай, вы только посмотрите, дай бозе, чтобъ я такъ зилъ на свѣтѣ, и доздавъ шабаша, какъ вы ее не отпустите, она мозетъ и съ вами ѣхать, а какая паненка, позвать, васе благородіе, я позову, она не далеко зиветъ, и онъ направился къ дверямъ...

Меня смѣшили его навязчивыя напрашиванія, жидокъ въ порывахъ своихъ благожеланій не зналъ, какъ бы подъѣхать ко мнѣ съ паненкой. Поставивъ паненку, онъ разсчитывалъ получить отъ меня, и кромѣ того получилъ бы условленный процентъ и изъ ея заработка.

Расчетъ былъ вѣренъ, но неумолимо разбивался о мою неприступность. При послѣднихъ словахъ Гершки почтовая

тройка съ колокольчикомъ подъѣхала къ гостинницѣ, и черезъ минуту ямщикъ внесъ мою подорожную. Я приказалъ Гершкѣ выносить мои вещи и слѣдомъ за нимъ вышелъ самъ. Въ воротахъ стояла какая-то молоденькая дѣвушка, не дурная собой, въ огромнѣйшемъ кринолинѣ съ большимъ платкомъ на головѣ. Гершко, проходя мимо нея, что-то проборморталъ. Она поправила платокъ на головѣ, посмотрѣла на меня, какъ я садился, и скрылась во дворъ. Я усѣлся, ямщикъ тронулъ, Гершко получивъ «на цай», пожелалъ мнѣ благополучій и телега понеслась на выѣздъ. «Это вѣрно въ воротахъ стояла паненочка», подумалъ я «и она не дурна Гершко говорилъ правду», продолжалъ я мысленно перебирать въ умѣ, и заметался на тему о томъ, сколько подобныхъ несчастныхъ паненокъ эксплуатируются разными Гершками, и какъ не завидна вообще ихъ доля.

Между тѣмъ уже совсѣмъ стемнѣло, телега моя неслась быстро, а пронзительный и рѣзкій вѣтеръ, грустными завываніями нагонялъ на меня тоску. За второю станціею отъ Т—ны, ночью, меня остановилъ на дорогѣ какой-то кавалерійскій отрядъ. Я испугался и думалъ, что это мятежники, но оказалось, что это была небольшая разъѣздная казачья летучая колонна. Офицеръ ея потребовалъ отъ меня видъ, и убѣдившись, что я не панъ и не повстанецъ, пропустилъ меня дальше. Рано утромъ слѣдующаго дня я пріѣхалъ въ П—ны, гдѣ, за неимѣніемъ гостинницъ, остановился въ еврейской корчмѣ. Страшная вонь, духота, грязь и огромное изобиліе евреевъ подѣйствовали на меня крайне непріятно, хозяинъ еврей былъ впрочемъ любезенъ на сколько возможно, и узнавъ, что я ѣду слѣдователемъ въ м. С—ки, мѣсто, въ которомъ находилась квартира слѣдователя 2 участка, объявилъ мнѣ, что въ С—кахъ у него живетъ братъ, имѣющій лавку съ товарами, и совѣтовалъ съ нимъ познакомиться, потому что онъ имѣетъ деньги и «такому нацальнику какъ я» будетъ давать въ долгъ сколько угодно.

Не живя никогда между евреями, я на первыхъ порахъ не могъ уяснить себѣ вполнѣ отношеній ихъ ко всякому пріѣзжему. Я готовъ былъ считать ихъ людьми самыми безкорыстными, готовыми дѣлиться съ ближнимъ всѣмъ и всегда. Неуспѣлъ я еще пріѣхать въ С—шки, думалъ я, а мнѣ предлагаются уже въ долгъ деньги, —какая предупредительность. Не долго впрочемъ оставался я подъ вліяніемъ подобныхъ ошибочныхъ убѣжденій, и скоро убѣдился въ томъ, что эта еврейская предупредительность, ссужать деньгами въ долгъ и обязывать вообще разными долговыми обязательствами, и составляетъ ту силу, путемъ которой цестные евреи эксплуатируютъ каждую заѣзжую личность и спекулируютъ на счетъ всякаго, кто свяжетъ себя съ ними какими нибудь отношеніями.

Въ уѣздный судъ, съ которымъ мнѣ приходилось познакомиться, какъ съ мѣстною судебною функціею, я отправился немедленно по пріѣздѣ въ П—ны. Дорога и путешествіе съ разными перерывами и представленіями мнѣ уже надоѣла, и я хотѣлъ поскорѣе добраться до своего будущаго мѣстопребыванія мѣстечка С—къ, которое отъ уѣзднаго города находилось въ 38 верстахъ. Въ канцеляріи суда нашелъ я уже нѣсколько чиновничковъ, въ потасканныхъ сюртукахъ, съ испитыми лицами. Доходившіе до меня разговоры ихъ были на польскомъ языкѣ. Въ числѣ этихъ чиновничковъ за однимъ изъ столовъ сидѣлъ молодой черноватый еврей, ни дать ни взять мой знакомый Гершка. Въ присутствіи я познакомился съ секретаремъ, который былъ тоже изъ Поляковъ. Когда канцелярія отъ секретаря узнала, кто я такой, то изъ за дверей въ присутствіе стали выглядывать на меня поочередно, то одна, то другая голова. Я сдѣлался предметомъ разговоровъ и пересудовъ. Изъ канцеляріи доходили до меня такія сужденія «завшисткимъ млодый хлопецъ, бардзо ладный али мусе бить ницъ еще не разуметъ». «Я мысле же онъ дурень естъ»—съострилъ кто-то на мой счетъ и вся канцелярщина расхохоталась, гром-

кимъ смѣхомъ, такъ что секретарь вышелъ къ канцеляристамъ и сталъ усмирять ихъ. Слѣдомъ за секретаремъ въ присутственную комнату вошелъ съ толстымъ дѣломъ въ рукахъ еврей, котораго я видалъ въ канцеляріи.

— По этому дѣлу я сдѣлалъ выписку — обратился онъ къ секретарю,—теперь нужно только подвести законы.

— Хорошо, положите на столъ — отвѣтилъ ему секретарь,—я доложу сегодня присутствію.

Еврейчикъ съ вальяжностію подошелъ къ присутственному столу, за которымъ, въ ожиданіи членовъ, я сѣлъ на одно изъ обтертыхъ креселъ, и положивъ на концѣ его принесенное съ собою дѣло, сталъ пересматривать лежавшія на столѣ бумаги, какъ бы желая этимъ показать, что онъ здѣсь къ судѣ не послѣдняя спица въ колесницѣ.

— Скажите пожалуйста, что это за личность,—обратился я къ секретарю, сидѣвшему за другимъ столомъ, указывая слѣдомъ на еврея, когда тотъ вышелъ изъ присутствія.

— Это здѣшній мѣщанинъ, еврей К—кій. За недостаткомъ въ штатѣ канцеляріи чиновниковъ, онъ привáтно занимается у насъ по найму, и исполняетъ должность столоначальника уголовнаго стола, отвѣтилъ мнѣ секретарь.

— Значитъ онъ разсматриваетъ всѣ вообще поступающія въ уѣздный судъ уголовныя дѣла, спросилъ я у секретаря.

— Да. Вотъ и ваши слѣдствія онъ также будетъ разсматривать, и составлять по нимъ доклады, съ ироніею отвѣтилъ мнѣ секретарь и добавилъ: впрочемъ, если вы ему положите въ мѣсяцъ рублей пять, такъ онъ всѣ ваши дѣла будетъ пропускать къ рѣшенію, а то не обойдется безъ того, чтобы вы не получали своихъ дѣлъ обратно, для разныхъ тамъ дополненій. Слова секретаря меня просто поразили. Это еще ничего, подумалъ я, что какой нибудь еврей будетъ возвращать мнѣ дѣла и орудовать мною. Противъ этаго можно принять мѣры, но вотъ что очень грустно: участь несчастныхъ подсудимыхъ проэктируется подобною

личностью, которая за 5 рублей въ мѣсяцъ будетъ давать дѣлу одно направленіе, а безъ этихъ 5 рублей другое.

— Неужели у васъ въ судѣ допускаются такія злоупотребленія, обратился я къ секретарю. Что же смотрятъ и дѣлаютъ члены?

— Не у насъ однихъ такъ дѣлается, а и вездѣ, да и какія же тутъ злоупотребленія, что вы бѣдному человѣку дадите 5 р. сер. Онъ за васъ Бога поблагодаритъ да и вамъ угодитъ. Какое дѣло въ судъ не пришлите, оно къ вамъ ужъ не вернется,—слѣдователю и хорошо: дѣлъ на отчетѣ меньше. Вѣдомости пошлете въ палату, вамъ ни замѣчанія, ни поставленія на видъ за медленность нѣтъ, а то смотришь еще и къ наградѣ представятъ. А что пользы, если вамъ дѣла будутъ возвращаться. Вѣдь вы суду не запретите писать вамъ указы, да находить въ вашихъ дѣлахъ недостатки, ну и будутъ васъ забрасывать то тѣмъ, то другимъ. Станете спорить, такъ еще разныхъ старыхъ дѣлъ вамъ поддадутъ. Вотъ вы и будете въ выигрышѣ. Дѣлъ у васъ накопится пропасть, справиться вы съ ними будете не въ силахъ, а палата вамъ будетъ лѣпить выговоры да замѣчанія, а все изъ за 5 рублей. — Секретарь на минутку остановился, а потомъ продолжалъ. Вы вѣрно еще недавно служите, а вотъ послужите побольше, такъ и увидите, какъ дѣла дѣлаются. А на счетъ членовъ-то, вы спрашиваете, что они дѣлаютъ, да развѣ мало у нихъ дѣла, чтобъ они еще настоящими-то дѣлами занимались, и видимо довольный своею глупою остротою онъ разсмѣялся.

— Очень вамъ благодаренъ, что вы съ такою откровенностію при первомъ же знакомствѣ разсказали мнѣ здѣшніе порядки, обратился я къ секретарю, но я постараюсь имъ не слѣдовать, а если со стороны суда замѣчу придирки къ себѣ, то буду жаловаться, и неправильныя притязанія ко мнѣ выставлять на видъ губернскому начальству. Я увѣренъ, что въ состояніи буду дать отпоръ каждой попыткѣ подчинить меня такимъ убѣжденіямъ, которыя идутъ въ раз-

рѣзъ съ убѣжденіями честнаго человѣка — твердо и съ достоинствомъ сказалъ я секретарю, который немножко струхнулъ и сталъ извиняться, что если онъ говорилъ со мною откровенно, то изъ желанія мнѣ же добра и успѣха по службѣ. Немного позже уже я замѣтилъ, что секретарская откровенность явилась послѣдствіемъ выпитой вѣроятно не за долго до моего прихода, въ излишнемъ количествѣ, водочки. Секретарь этотъ дѣйствительно былъ пьяница, и не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ послѣ моего пріѣзда, былъ уволенъ отъ службы, какъ онъ выражался «безъ прошенія по прошенію». Но все что онъ мнѣ подъ хмѣлькомъ высказалъ, мнѣ пришлось потомъ испытать на дѣлѣ.

Черноволосый жидокъ, не получая отъ меня узаконенной имъ подати, сталъ составлять доклады по моимъ дѣламъ о возвращеніи къ дополненію, и съ каждой почтой я получалъ по нѣскольку дѣлъ не только своихъ, но даже и какихъ-то старыхъ, давно уже забытыхъ. Сначала я просилъ судъ прекратить свои придирки, но потомъ, собравшись съ силами, пожаловался уголовной палатѣ, представилъ въ нее нѣсколько неосновательныхъ требованій суда о дополненіи совершенно полныхъ дѣлъ, и палата уважила мое ходатайство, а уѣздному суду послѣдовало внушеніе. Съ тѣхъ поръ прекратились ко мнѣ всякія неосновательныя притязанія, и даже отношенія мои съ судомъ нисколько не ухудшились, потому что самолюбія у судьи и засѣдателей было мало, и они сами очень хорошо сознавали, что главною причиною всей интрижки, былъ черноволосый К—ній, котораго они въ интимныхъ разговорахъ звали Юдашкой,—а Юдашка въ своемъ озлобленіи строилъ мнѣ въ мысляхъ ковы до тѣхъ поръ, пока однажды не попалъ подъ судъ и не очутился въ острогѣ. Сдѣлалъ же Юдаша небольшую вину: поддѣлалъ въ книгѣ крѣпостныхъ актовъ въ одномъ изъ документовъ, вмѣсто настоящей, какую-то другую фамилію, и къ цифрѣ одной суммы въ документѣ приставилъ съ правой стороны только одинъ нуликъ — самые пустяки.

Судью и засѣдателей я прождалъ въ присутствіи суда около часа, и скоро со всѣми ими познакомился, кромѣ одного, который, какъ я узналъ, находился въ м. С—нахъ, и временно исправлялъ мою должность, впредь до моего прибытія, такъ какъ предшественникъ мой, судебный слѣдователь изъ мѣстныхъ пановъ, въ одно утро, бросивъ дѣла, отправился «до лясу.» Судья на первыхъ же словахъ хотѣлъ себя показать передо мною, и началъ что-то говорить высокимъ слогомъ, но этотъ высокій слогъ у него не клеился. Однако же я могъ понять, что онъ желалъ себя выставить вполнѣ современнымъ, сочувствующимъ новому учрежденію слѣдователей. Узнавъ, что я ѣду изъ Н—ска, онъ поинтересовался разными Н—скими новостями, и когда я ихъ ему сообщилъ, то замѣтилъ мнѣ, что мѣстное общество такъ неразвито, что онъ имъ положительно томится, и высказалъ мнѣ комплиментъ въ родѣ того, что встрѣча со мною, какъ съ человѣкомъ, пріѣхавшимъ изъ болѣе образованной и развитой умственно среды, ему чрезвычайно пріятна. Я пробовалъ было заводить съ нимъ разговоры о дѣлахъ, выставлялъ себя передъ нимъ полнымъ новичкомъ въ службѣ, навязывался на нравоученія и совѣты съ его стороны, но все это было тщетно: онъ видимо стѣснялся говорить о томъ, чего самъ не понималъ, и тотчасъ же сворачивалъ на общіе разговоры о томъ— о семъ, а больше ни о чемъ.

— А гдѣ Казиміръ Векентьевичъ—довольно громко крикнулъ онъ, прервавъ со мною разговоръ и обращая свой возгласъ въ полуотворенную дверь канцеляріи.

— Панъ секретамъ бардзо хорый естъ, у него глова болитъ,—объяснилъ по польски вошедшій въ камеру присутствія черноволосый жидокъ.

— Навѣрное опять пьянъ—отзвался судья, обращаясь ко всѣмъ вообще и ни къ кому въ особенности. Я поспѣшилъ заявить, что имѣлъ удовольствіе съ нимъ уже познакомиться предъ приходомъ судей, и дѣйствительно въ разговорѣ съ

нимъ замѣтилъ какую-то необыкновенную развязность, откровенность и фамильярность.

— Ну такъ, пьянъ, навѣрное пьянъ, утѣшался судья и потомъ, обратясь къ одному изъ засѣдателей, сказалъ: ну, воля ваша, больше заступничествъ вашихъ за этакого господина я не приму и непремѣнно представлю объ его увольненіи.

— Да по мнѣ хоть сейчасъ, отвѣтилъ ему засѣдатель, жаль только, продолжалъ онъ засмѣявшись, отлично умѣетъ компанію держать.

Оба видѣнные мною засѣдателя были на столько дюжинныя во всѣхъ отношеніяхъ личности, изъ прежняго чиновничьяго кружка, что говорить о нихъ что либо просто не стоитъ. Охарактеризовать ихъ впрочемъ не трудно. Испитыя лица, хриплые голоса, до нельзя потертые сюртуки, страсть къ разнаго рода карточнымъ и водочнымъ компаніямъ—вотъ ихъ сфера и обстановка. Въ дѣлахъ ни аза, подписыванія бумагъ безсознательныя, такъ сказать по привычкѣ. Они себя никогда не звали засѣдателями, а заѣдателями, или засидателями, и каждый при удобномъ случаѣ любилъ пощеголять новымъ своимъ титуломъ, при особенно же веселомъ расположеніи духа, въ доброй и безмятежной компаніи, въ припадкахъ пьянаго лиризма, они восклицали, обращаясь одинъ къ другому: «ну, что ты скажешь заѣдатель рода человѣческаго.»

Нужно ли говорить, на сколько было пріятно служить съ подобными личностями, и нѣкоторымъ образомъ быть отъ ихъ невѣжества, каприза и произвола въ зависимости. Чѣмъ другимъ объяснить тотъ антагонизмъ, который существовалъ и существуетъ еще до сихъ поръ между судебными слѣдователями, учрежденіемъ молодымъ, новымъ, и уѣздными судами въ лицѣ ихъ невѣжественнаго, подобнаго вышеописанному, персонала.

Изъ П—нъ на другой день по пріѣздѣ моемъ, я выѣхалъ уже въ м. С-тки — центръ моего слѣдственнаго участка и мое будущее мѣстопребываніе. Я ѣхалъ на обывательскихъ,

которыя еле-еле тащили меня. Телѣжонка, къ моему несчастію, пришлась маленькая, съ неокованными колесами; пожитки мои, уложенные въ повозку, отъ тряски безпрерывно мѣнялись мѣстами, вылѣзали, и я ни минуты не могъ усидѣть спокойно, а къ всему этому безпрестанные толчки, ямы и остановки: то колесо свалится, то шлея у коренной порвется, то гужъ лопнетъ, то постромка у пристяжной. Возница Литвинъ слѣзаетъ, и, какъ бы сердясь, начинаетъ связывать сбрую, а самъ ругается. «А кабъ тебѣ паралличъ- а кабъ тебѣ лиха бѣда задавила, кабъ на тебѣ лиха година нашла», и все въ такомъ родѣ. Ругается онъ по привычкѣ, безсознательно; спросите: кого онъ ругаетъ, и онъ одурѣетъ отъ невозможности отвѣтить на подобный вопросъ, въ сущности же онъ въ душѣ радъ всякой подобной остановкѣ, потому что она даетъ ему возможность закурить свою немудрую трубочку, которую Литвинъ никогда почти не выпускаетъ изо рта. На половинѣ дороги мы остановились въ деревнѣ К-цѣ мѣнять лошадей. Возница, остановившись около корчмы и подкинувъ лошадямъ сѣна, взялъ мой открытый листъ и отправился искать сотскаго, который скоро доставилъ мнѣ подводу гораздо лучше той, на которой я пріѣхалъ. Она была очень удобна. Сидѣнье устроено хорошо, и даже покрыто какимъ-то коврикомъ. Вещи мои всѣ уложились въ передокъ, и во избѣжаніе скачки, были перевязаны веревкой. Лошади въ повозкѣ были сытыя, и по литовскому обычаю не зануздáнныя. Сотскій былъ изъ безсрочныхъ унтеръ-офицеровъ, и подсаживая меня съ большою предупредительностію въ повозку, отозвался улыбаясь:

— Вѣрно, ваше высокоблагородіе, на слѣдователя въ С-мки ѣдете.

— Да, отвѣчалъ я.

— К-цы до васъ надлежатъ ваше высокоблагородіе, счастливо оставаться, проговорилъ сотскій, когда я сѣлъ уже въ повозку и тронулся. Не было сомнѣнія, что предупреди-

тельность сотскаго была слѣдствіемъ того, что я былъ уже въ своемъ будущемъ участкѣ.

Погода, когда я выѣхалъ изъ К-цъ, была порядочная, но по мѣрѣ приближенія къ С—камъ она стала портиться, начался дождь, сначала слабый, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе, подулъ порывистый вѣтеръ, и я былъ уже совершенно прозябшимъ отъ холода, когда вдругъ на горѣ, среди непроглядной ночной темноты, стали мелькать кое-гдѣ огоньки, вотъ показался темный силуэтъ стараго деревяннаго костела, и наконецъ по сторонамъ дороги замелькали заборы, потомъ хаты. Онѣ сдѣлались чаще, мы завернули круто влѣво, и, прямо передъ нами, немного всторонѣ отъ дороги, увидали огромный костеръ и около него нѣсколько человѣкъ въ разныхъ костюмахъ, съ палками, два три казака и нѣсколько пѣхотинцевъ.

— Стой, закричалъ чей-то голосъ,—кто ѣдетъ!? и мигомъ моя подвода была окружена солдатами, казаками и поселянами. Толпа потребовала отъ меня «рашпорта». Я понялъ, что это былъ пикетъ на рогаткѣ. Подобныя рогатки были вездѣ, по болѣе или менѣе населеннымъ мѣстностямъ, по случаю мятежа. На этихъ рогаткахъ останавливали обыкновенно всѣхъ проѣзжающихъ, осматривали паспорты, и затѣмъ пропускали. Я предъявилъ казачьему унтеръ-офицеру свой видъ и тотчасъ же былъ пропущенъ.

Пока я проѣзжалъ подъ рогатку, къ унтеръ-офицеру, отошедшему уже въ сторону, вышелъ изъ ближайшей хаты еврей, и спросилъ его о чемъ-то:

— Это на вашу голову, мошенники, новый слѣдователь пріѣхалъ, дастъ онъ вамъ, жидки, перцу съ макомъ, да цибули съ пустарнакомъ, услыхалъ я явственно зычный голосъ унтеръ-офицера. Жидокъ мгновенно скрылся въ хату. Я поднялся по улицѣ на горку, выѣхалъ на довольно большую площадь, и въ раздумьи велѣлъ остановиться. Куда бы заѣхать на ночь, гдѣ бы получить спокойный ночлегъ, подумалъ я, и послалъ подводчика поискать получше корчмы,

или трактира. Въ это самое время какая-то темная личность подошла ко мнѣ.

— Послусайте, господинъ, вамъ сто надо? заговорила она на сильно еврейскомъ жаргонѣ.

— Мнѣ нужна квартира, гдѣ бы я могъ переночевать и получить самоваръ, отвѣчалъ я.

— А ви кто? — послѣдовалъ новый вопросъ.

— Я сюда слѣдователемъ пріѣхалъ,—отозвался я.

Еврей вдругъ засеменилъ ногами и руками.

— Такъ если ви слѣдователь, такъ поѣззайте на квартиру, у насъ здѣсь у слѣдователя казенная квартира, я васъ проведу.

Въ это время подошла къ моей подводѣ кучка евреевъ. «Веръ истъ да», послышался голосъ изъ толпы, «деръ нейе слѣдователь», отвѣчалъ разговаривавшій со мною еврей, и не медля толпа разошлась по всѣмъ направленіямъ возвѣстить населенію новость—пріѣздъ новаго слѣдователя, а я, дождавшись своего извощика, поѣхалъ по указанію еврея въ одинъ грязный переулочекъ, гдѣ предъ довольно впрочемъ чистымъ деревяннымъ домикомъ въ четыре окна остановилась моя подвода.

— Здѣсь, васе благородіе, васа квартира, отозвался еврей, помогъ мнѣ вылѣзти, и я постучался въ дверь, которая была отворена десятскимъ.

— Здѣсь квартира слѣдователя? спросилъ я его.—Здѣсь, отвѣтилъ онъ, впуская меня въ сѣни и указывая дверь во внутреннія комнаты.

Я вошелъ въ мое будущее обиталище и нашелъ въ немъ засѣдателя уѣзднаго суда П—ва, временно исправлявшаго мою должность, впредь до моего пріѣзда. Этотъ засѣдатель ни по внѣшнему своему виду, ни по роду мыслей и убѣжденій, съ которыми я въ тотъ же вечеръ ознакомился, не былъ похожъ на двухъ своихъ товарищей, видѣнныхъ мною въ П-кахъ. Онъ былъ съ порядочнымъ запасомъ довольно разносторонняго образованія, съ возмущеніемъ разсказывалъ

мнѣ о разныхъ судейскихъ продѣлкахъ и подлостяхъ, а главное досадовалъ, что, по пословицѣ «одинъ въ полѣ не воинъ», ничего не могъ сдѣлать къ искорененію заматорѣвшихъ въ судѣ злоупотребленій.

Пока въ комнаты вносились мои вещи, онъ распорядился напоить меня съ дороги чаемъ и накормить, и вообще встрѣтилъ меня со всѣмъ радушіемъ, такъ что встрѣча съ нимъ въ такой глуши, какъ П-скій уѣздъ вообще, а м. С-шки въ особенности, меня пріятно поразила. Мы съ нимъ очень скоро сошлись и сдѣлались друзьями. Сдачу и пріемку дѣлъ условились начать завтра.

Только что мы расположились пить чай, какъ въ комнату вошелъ какой-то еврей и почтительно остановился у дверей.

— Что скажешь К-ръ, — обратился къ нему мой товарищъ,—пришелъ познакомиться съ своимъ новымъ жильцомъ новымъ слѣдователемъ? — это хозяинъ этого дома, который подъ помѣщеніе слѣдователя нанимается у него отъ казны, добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я посмотрѣлъ на К-ра. Онъ пріятно оскаблился, и проговорилъ: «просимъ покорно, васе благородіе, насихъ евреевъ любить и залովать».

Я на это ничего не отвѣтилъ и продолжалъ пить чай.

— Если, васе благородіе, вамъ сто нужно будетъ, то я все могу вамъ приставить, — заговорилъ, обращаясь ко мнѣ несмѣлымъ голосомъ К-ръ, мозе что изъ товаровъ надо, то у меня лавки есть, мозе вамъ фактора надо или кухарку, то я могу прислать вамъ, мозе вы думаете, что я какой-нибудь мосенникъ, здѣсь меня все знаютъ, у меня большой гандель, меня и помѣсцики знаютъ, и все въ такомъ же родѣ тараторилъ неугомонный К-ръ, стараясь съ перваго же момента заполонить меня и начать надо мной свою эксплуатацію.

— Мошенники всѣ эти евреи — началъ мой товарищъ, по выходѣ К-ра, съ ними только свяжись, оберутъ и обмотаютъ кругомъ, вы пожалуйста будьте съ ними поосторожнѣе, и

не допускайте ихъ близко до себя. Этотъ жидъ еще лучше другихъ, продолжалъ онъ, а есть тутъ такіе молодцы, что ничего подобнаго себѣ и вообразить нельзя.

Среди разговоровъ о предстоящихъ мнѣ занятіяхъ, я не замѣтилъ, какъ время зашло уже за полночь, и можетъ быть говорили бы еще долго, если бы товарищъ мой не напомнилъ мнѣ, что пора уже спать.

На утро мы встали оба довольно рано, и тотчасъ же принялись за сдачу и пріемку дѣлъ. Эта процедура тянулась недолго. Дѣла были всѣ въ порядкѣ, и къ вечеру я вручилъ уже моему предшественнику сдаточную и пріемную опись, подписанную мною, послѣ чего онъ и уѣхалъ. De jure и de facto я былъ уже судебнымъ слѣдователемъ, и въ первыя минуты, оставшись одинъ съ грудою принятыхъ мною дѣлъ, я сильно и невольно смутился. Все, о чемъ я прежде только мечталъ, теперь уже мною достигнуто нужно дѣйствовать начать занятія, а какъ къ нимъ приступить? какъ бы не сдѣлать маха или какой нибудь грубой ошибки?

Я сталъ пересматривать дѣла. Между ними было очень много важныхъ и серьозныхъ дѣлъ, нашелъ я и дѣло Ре-цкаго. Были дѣла тонкія, были дѣла толстыя, въ нѣсколько томовъ, старинные какъ антики. Названія нѣкоторыхъ дѣлъ меня просто поражали: были, напримѣръ, дѣла, озаглавленныя такимъ образомъ: «О повѣсившейся какъ бы будто бы крестьянкѣ». «О намѣреніи крестьянина В-скаго, произвести изъ ревности обезображеніе на лицѣ и животѣ дѣвицы С-кой». «Объ обнаруженіи злоупотребленія еврейскаго старосты Г–ча по приснившимся еврейкѣ К-вой гнуснымъ его поступкамъ», и тому подобныя.

Не успѣлъ я еще пересмотрѣть всѣ принятыя мною дѣла, какъ ко мнѣ стали являться, то по одиночкѣ, то вдвоемъ, разные мѣстные евреи, имѣвшіе много дѣлъ въ числѣ мною принятыхъ. Какіе маневры не употребляли только эти сыны Палестины, чтобы залучить меня въ свою пользу!

Они зондировали меня на всѣ лады, всѣми способами, изощряясь всѣми изгибами своего ума для того только, чтобы узнать мои вкусы, убѣжденія и привычки; иной говоритъ о дѣлѣ, а тамъ вдругъ свернетъ на кухарку, которую онъ имѣетъ для меня въ виду: «така млада, борздо ладна дивчина», съ маленькой ироніей проговѳритъ жидокъ, другой объявляетъ, что онъ мясникъ, и что можетъ доставлять мнѣ въ домъ какое угодно мясо.

А какъ тебя звать? спрашиваю я мясника. Мясникъ колеблется сказать, наконецъ отвѣчаетъ, что его зовутъ М-хъ Г-бергъ. Справляюсь съ принятыми мною дѣлами, и нахожу одно озаглавленное такимъ образомъ: «О с-комъ мѣщанинѣ еврѣѣ М-хѣ Г-бергъ, преданномъ суду за поставку квартирующей въ С-кахъ ротѣ Н-скаго пѣхотнаго полка, вмѣсто баранины, мяса отъ издохшей больной козы».

— У тебя страшно брать мясо, говорю я мяснику, ты, пожалуй, дохлятиной накормишь.»

— Это, васе благородіе, на меня напасть. Дай Богъ, чтобъ я такъ по правдѣ жилъ на свѣтѣ, какъ я не виноватъ. Это по злобѣ на меня выдумываетъ фельдфебель, за то, что... Васе благородіе, вы сами можете понять, доканчиваетъ еврей таинственно, онъ хотѣлъ пять фунтовъ лишнихъ, а я не далъ. Я бѣдный еврей. Откуда мнѣ взять? И у хитраго жидка, какъ бы въ подтвержденіе его словъ о бѣдности и честности, готовъ былъ ринуться изъ глазъ цѣлый потокъ слезъ.

Первоначальное ознакомленіе съ дѣлами заняло у меня нѣсколько дней. Въ эти нѣсколько дней я былъ постоянно осаждаемъ разными просителями, имѣвшими у меня дѣла. Я терпѣливо выслушивалъ каждаго, и недостатокъ практичности своей при первоначальныхъ дѣйствіяхъ, возмѣщалъ большою осторожностію и вниманіемъ. Въ эти же дни ознакомился я уже вполнѣ съ своимъ новымъ мѣстожительствомъ, и хотя мизерный, грязный и грустный видъ С—хъ, особенно въ дождливое весеннее время, былъ далеко не привлекателенъ, и нагонялъ на меня сильную тоску, особенно при воспоми-

наніи о Н—скѣ, но, тѣмъ не менѣе, я не скучалъ, во первыхъ потому, что всякая новизна въ положеніи человѣка, особенно на первое время, всегда его развлекаетъ, а во вторыхъ потому, что скучать мнѣ было некогда, такъ какъ я усиленно принялся за занятія, и на второй же недѣлѣ своего пріѣзда въ С—шки, забравъ съ собою часть дѣлъ, отправился въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ угловъ моего участка.

Первая встрѣча съ людьми, въ должности слѣдователя, первые допросы, первые обыски—какую бездну разныхъ впечатлѣній и ощущеній возбуждали они во мнѣ! Теперь, когда тому минуло уже нѣсколько лѣтъ, я съ удовольствіемъ и восторгомъ вспоминаю о нихъ; какъ теперь, вижу себя бодрымъ, веселымъ, не знающимъ устали, работающимъ съ увлеченіемъ надъ какимъ нибудь глупымъ воровствомъ, надъ какою нибудь пустою дракою, докапывающимся до какого нибудь самаго ничтожнаго проступка, изъ благороднаго сознанія и честнаго убѣжденія, что въ томъ выполняю я свой долгъ. Много прелести, много художественности въ этой юной, увлекающейся до самозабвенія, не знающей устали, молодой энергіи,—энергіи не обезкураженной еще ни неудачами, ни тою строго-разсудительною, а подъ часъ и пошлою, стороною жизни, на долю которой выпадаетъ охлаждать и умѣрять этотъ пылъ, это рвеніе и эту неугомонную энергію молодости; кто изъ молодыхъ судебныхъ слѣдователей, съ честными убѣжденіями и правдивымъ взглядомъ на жизнь, не испыталъ въ своей служебной обстановкѣ тѣхъ непріятностей, тѣхъ придирокъ и тѣхъ препятствій, которыми болѣе практическая въ своихъ исключительныхъ видахъ и цѣляхъ жизнь, старалась зачастую парализировать всѣ ихъ дѣйствія, стремленія, и препятствовать проявленію ихъ благихъ послѣдствій? Грустно подумать, что это могло быть, что подобныя положенія приходилось испытывать, къ несчастію это правда. Много подобнаго бывало и случалось,—если только не случается и до сихъ поръ.

II.

Убійство и самоубійство.

Съ угрюмымъ видомъ привелъ ко мнѣ сотскій, въ сопровожденіи десятскихъ блѣдную, худую, изнеможенную, но молодую еще женщину. «Извольте, ваше благородіе, пакетъ отъ пристава», мрачно проговорилъ онъ, подавая мнѣ запечатанный конвертъ, который я тотчасъ же вскрылъ, и изъ заключавшейся въ немъ переписки узналъ, что приведенная ко мнѣ женщина есть крестьянка Маріанна Бодресова, покушавшаяся на самоубійство, но во-время вынутая изъ петли. Къ пакету приложено было и выбранное Бодресовою орудіе самоубійства—петля изъ краснаго кумачоваго женскаго пояса. Меня обдало холодомъ, такъ какъ имѣть дѣло съ покусителемъ на свою собственную жизнь, мнѣ въ моей практикѣ, приходилось еще только въ первый разъ. Бодресова представлялась мнѣ пришлицею съ того свѣта; я тяготился съ нею заговорить, и не зналъ съ какой стороны начать чрезвычайно щекотливый вопросъ, о причинѣ покушенія на самоубійство. Сотскій и десятскіе не менѣе меня понимали трудность моего положенія, и, слѣдя за моею нерѣшительностію, съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали моего перваго къ Бодресовой вопроса. Не зная мотивовъ, побудившихъ Бодресову къ самоубійству, не видя ихъ и изъ присланной ко мнѣ о ней переписки, я стѣснялея начать допросъ, чтобы какъ-нибудь не взволновать видимо не успокоившіяся еще ея чувства.

Бодресова стояла понуривъ голову, слезы градомъ текли по ея щекамъ, глазъ своихъ она не поднимала и, на сколько было возможно, сдерживала свои глухія рыданія. Она была красивая женщина, лѣтъ около 27, съ пріятнымъ и правильнымъ лицемъ, выразительные глаза ея ясно выказывали глубокую скорбь и какое-то затаенное несчастіе, очертаніе губъ выражало сдержанность рѣчи, волоса на ея головѣ были распущены и прикрыты платкомъ, завязаннымъ подъ подбородкомъ, кофта и рубашка были разстегнуты, и, распахиваясь при малѣйшемъ движеніи, выказывали похудавшую ея грудь. Одѣта она была чрезвычайно бѣдно, но одежда не представляла неряшливости, а носила на себѣ отпечатокъ порядочности. Сотскій, примѣтивъ, что я вопросительно смотрю на разстегнутую у Бодресовой на груди рубашку и кофту, отозвался ко мнѣ такъ: «это, ваше благородіе, какъ ее сегодня утромъ сняли съ петли, такъ фельдшеръ ей рубашку, да кофту на скорости порвалъ, вишь онъ ей грудь оттиралъ, и въ душу воздуху̀ запускалъ.» Бодресова при этихъ словахъ неторопливо подняла правую руку, и запахнула на груди своей рубашку.

Полученное мною дознаніе свидѣтельствовало, что Бодресова рано утромъ того дня усмотрѣна была висѣвшею на чердакѣ нанимаемой ею хаты, въ которой она жила съ тремя своими незаконнорожденными дѣтьми. Увидала ее тамъ уже висѣвшею прежде всѣхъ сосѣдка ея, которая полѣзла на чердакъ за капустнымъ листомъ. По крику ея сбѣжались другіе сосѣди, вынули Бодресову изъ петли, и, за принятыми мѣрами, она возвращена была къ жизни. О причинѣ покушенія своего на самоубійство Бодресова, по удостовѣренію пристава, «упорствовала гробовымъ молчаніемъ, а потому онъ, приставъ, постановилъ: заключить о томъ актъ, Бодресову подвергнуть аресту и, вмѣстѣ съ дознаніемъ и петлею, на которой она намѣревалась удавиться, отослать къ судебному слѣдователю.» Безцеремонность обращенія представителя мѣстной полицейской власти съ несчастною Бодре-

совою, меня просто возмутила. За что приставъ ее арестовалъ, и почему такъ несочувственно отнесся къ несчастной женщинѣ—думалъ я, и неужели могутъ быть и есть люди, которые въ своей служебной сферѣ, не идутъ дальше исполненія одной лишь пустой формальности, основывая этою же формальностію, и общечеловѣческое чувство состраданія и участія къ несчастію ближняго? Мнѣ было жаль мою бѣдную подсудимую, личность ея возбудила во мнѣ полную къ ней симпатію, и я непремѣнно желалъ дать ей понять всѣ мои симпатизирующія къ ней чувства. Я понялъ, что одни лишь формальныя отношенія мои къ Бодресовой, какъ судебнаго слѣдователя, выпытывающаго отъ нея по обязанности причину, по которой она рѣшилась на самоубійство, могли бы на нравственное ея состояніе подѣйствовать самымъ губительнымъ образомъ; одно неосторожное слово, одинъ безучастный взглядъ, могли бы снова привести ее къ мысли, привести въ исполненіе задуманное, и покончить всѣ разсчеты съ жизнію, а потому я старался обращеніемъ своимъ съ ней внушить ей маленькое къ себѣ довѣріе. Этимъ путемъ я надѣялся успѣшнѣе дойдти до цѣли, которая въ данномъ случаѣ заключалась въ желаніи моемъ обнаружить дѣйствительную причину покушенія Бодресовой на самоубійство.

Приказавъ сотскому и десятскому удалиться, я заговорилъ ласково съ Бодресовою о томъ, не устала ли она стоять, не хочетъ ли сѣсть, и не желаетъ ли повидаться съ своими дѣтьми, такъ какъ цѣлый день не видала ихъ, по той причинѣ, что до присылки ко мнѣ была, по распоряженію становаго пристава, подъ арестомъ. Не отвѣчая мнѣ ни единымъ словомъ и какъ бы боясь проронить малѣйшій звукъ, Бодресова на всѣ мои вопроты отвѣтила лишь легкимъ поклономъ головы, потомъ сѣла на близъ стоявшій стулъ, и начала тихо плакать.

Не нужно быть психіатромъ для того, чтобы понять, какія чувства овладѣли бѣдною Бодресовою, когда она услыхала

отъ меня, что я прикажу привести къ ней ея дѣтей, которыхъ она не думала уже никогда увидать, и не видала съ того времени, когда была вынута изъ петли и приведена въ чувство. Вызвавъ сотскаго, я приказалъ ему отправиться къ Бодресовой, и привести ко мнѣ ея дѣтей. Домъ, гдѣ она жила, находился недалеко отъ моей квартиры, а потому, послѣ ухода сотскаго, Бодресова съ напряженнымъ вниманіемъ стала прислушиваться къ малѣйшему скрипу въ дверяхъ моихъ сѣней, а я между тѣмъ не рѣшался нарушить ни единымъ словомъ ея покой, если только подобное состояніе можетъ быть названо покоемъ. Предоставивъ ей углубиться въ самоё-себя, я, какъ бы не обращая на нее вниманіе, умышленно вышелъ въ другую комнату и нѣсколько времени оттуда не возвращался.

Маріанна Бодресова возбуждала во мнѣ двойственное любопытство, какъ человѣка вообще, которому не могутъ быть безразличны подобныя положенія другаго человѣческаго существа, и какъ судебнаго слѣдователя, преслѣдующаго въ каждомъ подобномъ случаѣ извѣстную цѣль. Я сталъ за нею наблюдать. Бодресова, нѣсколько минутъ спустя послѣ ухода моего, встала и презрительнымъ взглядомъ окинула всю комнату, потомъ подошла потихоньку къ столу, на которомъ лежалъ опечатанный въ видѣ петли кушакъ, и стала его пристально разсматривать, поворачивая въ рукахъ во всѣ стороны. Меня взяла нервная дрожь. Я не могъ выносить того убійственнаго хладнокровія Бодресовой, съ которымъ она совершенно безстрастно и равнодушно разсматривала орудіе своей смерти, отъ которой она была такъ недалека. Что она чувствовала и думала въ эти минуты, сказать мудрено, а угадывать подобныя чувства и дѣлать на ихъ счетъ какія-либо предположенія, положительно невозможно, не зная ни мотивовъ, ни основаній, вынудившихъ на столь энергическій протестъ противъ своей собственной жизни. Очень можетъ быть, что рѣшившись на самоубійство подъ вліяніемъ какой-нибудь мгновенной мечты или какого либо ду-

шевнаго порыва, Бодресова въ глубинѣ души своей радовалась своему спасенію; но кто можетъ поручиться, что она сознательно не проклинала тѣ обстоятельства и тѣхъ лицъ, которыя вернули ее къ жизни? На сколько первое предположеніе казалось мнѣ вполнѣ естественнымъ, на столько нельзя было отвергать и возможности втораго. Мало ли въ жизни людей бываетъ загадочнаго, необъяснимаго и непонятнаго? Что касается до меня, то я положительно не былъ даже въ состояніи предположить, что было на душѣ и сердцѣ у моей несчастной подсудимой, когда она, стоя около моего письменнаго стола, поварачивала въ рукахъ убійственную петлю и разсматривала ее. Наконецъ Бодресова отошла отъ стола къ окну, посмотрѣла на улицу, снова подошла къ столу, попробовала руками крѣпость петли, и затѣмъ, съ презрѣніемъ бросивъ ее, сѣла обратно на свой стулъ, и лѣвою рукою нѣсколько разъ потерла себѣ кругомъ шеи. Я вошелъ въ комнату. Бодресова ни малѣйшимъ движеніемъ не измѣнила своего положенія. Въ это время дверь изъ сѣней въ комнату отворилась, Бодресова дрогнула всѣмъ существомъ своимъ, и въ комнату вошелъ сотскій но одинъ безъ дѣтей.

— Ничего, ваше благородіе, не сообразишь съ ейными ребятами, — началъ сотскій видимо недовольнымъ тономъ — заперлись въ хатѣ, влѣзли на печку и кричатъ благимъ матомъ. Ишь, проклятая, продолжалъ онъ уже громче, обращаясь къ Бодресовой, себѣ стыда, да срамоты надѣлала, и честнымъ людямъ сколько хлопотъ, лучше бы давилась до конца, и ихъ благородію не было бы такого безпокойства. Послѣднія слова сотскаго были сказаны въ угоду мнѣ, но, тѣмъ не менѣе, совершенная неумѣстность и неожиданность ихъ, вынудили меня удалить его изъ комнаты, гдѣ была Бодресова, потому что послѣ его словъ новый приступъ слезъ овладѣлъ ею, она рыдала какъ безумная, и всѣ мои старанія успокоить ее были тщетны. Думая утѣшить ее путемъ религіозныхъ внушеній, я послалъ для успокоенія и увѣщанія Бодресовой за мѣстнымъ священникомъ.

За нѣсколько минутъ до его прихода, Бодресова вдругъ бросилась ко мнѣ съ воплями, и, ползая на колѣняхъ и заламывая руки, стала просить, чтобы я самъ сходилъ за ея дѣтьми. Чувства матери начинали въ ней проявляться, а попроситься сходить къ дѣтямъ самой она не посмѣла, думая, что она и въ самомъ дѣлѣ арестантка, содержащаяся подъ карауломъ. Несчастная женщина, взросшая въ той средѣ и при такой обстановкѣ, которая не допускаетъ ни какой возвышенности и симпатіи въ чувствахъ, съ дѣтства своего бывшая рабою чужихъ прихотей, и прихотей самыхъ гнусныхъ, въ глубинѣ души своей можетъ быть и убѣждалась съ мнѣніемъ сотскаго и сокрушалась о томъ, почему не удалось ей въ самомъ дѣлѣ задавиться до конца, и что въ томъ хорошаго, что она надѣлала теперь столько хлопотъ всѣмъ вообще, а моему высокоблагородію въ особенности. По выраженію лица ея, съ которымъ она обратилась ко мнѣ съ рыданіями о приводѣ къ ней дѣтей ея, видно было, что она считала чуть-чуть не дерзостью просить о томъ меня, а осуществленіе этой просьбы считала просто невѣроятнымъ, а потому когда я объявилъ ей, что исполню охотно ея желаніе и пойду самъ за ея дѣтьми, то она отъ радости оторопѣла и не могла ничего выговорить. Вслѣдъ за тѣмъ пришелъ священникъ. Поручивъ ему Бодресову и попросивъ нравственнымъ вліяніемъ своимъ успокоить ее, я самъ пошелъ за ея дѣтьми, а за мною послѣдовалъ сотскій.

— Ваше благородіе, заговорилъ онъ дорогой, нужно топоръ съ собой взять, дверь въ хатѣ выломить, а то они, ехидные, провалъ ихъ возьми, заперлись и не пускаютъ.

«Этотъ сотскій положительный матеріалистъ, безъ души и безъ сердца, подумалъ я, вездѣ проявлялъ бы онъ свое грубое необузданное и невѣжественное насиліе».

— Дѣлай то, что я тебѣ прикажу, и побольше молчи — отвѣтилъ я ему, на неумѣстное его желаніе выказать свою распорядительность и находчивость.

У хаты Бодресовой я нашелъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, толпу народа. Присутствіе этой толпы и постоянныя заглядыванія въ хату чрезъ окно и постукиванія въ дверь, видимо пугали дѣтей, тѣмъ болѣе, что они смутно сознавали и понимали, что матка ихъ задавилась и что съ нею теперь неладно. Безъ матери они были какъ потерянные, и очень естественно, что, при всякой попыткѣ толпы отворить къ нимъ дверь, они пугались и поднимали вой. При моемъ приближеніи съ понятыми людьми, толпа нѣсколько раздвинулась. Я подошелъ къ хатѣ. Единственная дверь ея на улицу была изнутри приперта, чрезъ небольшое окошко, при наступавшемъ уже сумракѣ, въ хатѣ нельзя было ничего разсмотрѣть, а только со стороны печи слышались дружныя всхлипыванія троихъ малолѣтнихъ дѣтей Бодресовой, изъ коихъ старшему мальчику, Васѣ, было девять лѣтъ, а двумъ другимъ—дѣвочкамъ—одной семь, а другой шесть лѣтъ.—Я назвалъ Васю по имени, и просилъ, чтобы онъ отворилъ дверь, обѣщаясь отвести его «до матки». Вася для своихъ лѣтъ былъ уже достаточно развитъ, и настолько общественъ, что зналъ о существованіи на селѣ становаго и слѣдователя: я ему сказалъ, что я слѣдователь, и повторилъ свою просьбу, и такъ какъ голосу своему и манерѣ старался придать возможно болѣе миролюбивое свойство, то Вася меня послушался и полѣзъ съ печи, а за нимъ полѣзли и двѣ его сестренки.

— А биться не будешь?—послышался изъ-за дверей слезливый голосокъ Васи.

— Не буду, не буду, за что же я тебя сталъ бы бить? Я тебя и сестеръ твоихъ отведу къ маткѣ, чтобъ вамъ однимъ не было скучно и боязно—успокоивалъ я ребятишекъ, и, вслѣдъ за тѣмъ, за дверью послышалась какая-то возня, дѣти начали разбирать, устроенныя ими у дверей отъ иноземнаго нашествія баррикады, но сколько ни возились, ничего не могли сдѣлать; а я чрезъ ближайшее къ двери окно разсмотрѣлъ, что дверь была приперта изнутри хлѣбною ло-

патою, широкій конецъ которой упирался въ поперечную дверную перекладину, а противоположный конецъ ея былъ упертъ въ земляной полъ хаты. Отъ постоянныхъ усилій, съ внѣшней стороны отворить въ хату дверь, лопата острымъ концемъ вдавливалась въ землю, и взошла въ нее на столько, что не уступала усиліямъ девятилѣтнаго ребенка. Наконецъ, при помощи своихъ сестренокъ, Васѣ удалось отворить дверь, и я первый вошелъ въ хату. Нѣсколькихъ моихъ ласковыхъ словъ было совершенно достаточно для того, чтобы окончательно расположить дѣтей въ свою пользу: они довѣрчиво подошли ко мнѣ, и безъ всякихъ опасеній послѣдовали за мною, а Вася рѣшился даже дорогой спросить меня: «чи матка жива чи нѣтъ?»

Будучи въ хатѣ Бодресовой, я произвелъ на чердакѣ осмотръ мѣста, гдѣ она повѣсилась. Петля устроена была на поперечной толстой балкѣ, на вышинѣ отъ пола около трехъ аршинъ. Чтобы повѣситься на такой высотѣ, Бодресова должна была подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ приготовила петлю, стать на что-нибудь высокое, затѣмъ, сунувъ голову въ петлю, оттолкнуть ногами изъ-подъ себя подставку и такимъ образомъ повиснуть. Это, дѣйствительно, и было такъ. Около того мѣста лежалъ на боку старый боченокъ, а на нижнемъ днѣ его, съ внѣшней стороны покрытомъ пылью, были явственные слѣды двухъ босыхъ ногъ. Балка, на которой висѣла петля, была также вся въ пыли, и около того мѣста, гдѣ ее огибалъ поясъ, виднѣлись на пыли слѣды рукъ. Несомнѣнно, что это были слѣды отъ рукъ Маріанны. Происхожденіе слѣдовъ можно было объяснить тѣмъ, что, вставъ на боченокъ, она придерживалась рукою за балку въ то время, когда накладывала на себя петлю, а можетъ быть уже послѣ повѣшенія; при первыхъ же моментахъ задушенія, она изъ чувства самосохраненія думала хвататься руками за балку; какъ то, такъ и другое предположеніе были очень возможны. Балка на всей длинѣ была наложена сухими капустными

листами, которые съ того мѣста, гдѣ была петля, оказались сброшенными на полъ.

Идя къ своей квартирѣ съ дѣтьми Бодресовой, я чрезвычайно интересовался предстоящею сценою ея свиданія съ ними; а такъ какъ дѣти Бодресовой были незаконные, личность, ихъ отца никому положительно не была извѣстна, причина покушенія ея на самоубійство—также, то я думалъ воспользоваться, въ интересѣ дѣла, предстоящею сценою, думая, что, можетъ быть, извлеку изъ нея какія-либо нелишнія для слѣдствія данныя. Въ сильно экзальтированномъ состояніи ввелъ я дѣтей Бодресовой въ свою квартиру, и подвелъ ихъ къ ней. Бодресова только ахнула, бросилась къ дѣтямъ, стала ихъ обнимать, цѣловать и плакать. Ребятишки сначала дичились матери и съ какою-то неразумною боязнію смотрѣли на нее, но потомъ освоились, оступили ее кругомъ, и стали внимательно слѣдить за всѣмъ происходившимъ у меня въ комнатѣ. Присутствіе дѣтей совершенно успокоило Бодресову, она оживѣла, стала немного развязнѣе, и я нашелъ возможнымъ по состоянію ея духа приступить къ формальной сторонѣ дѣла, т. е. допросить ее. Изъ сцены свиданія ея съ дѣтьми я ничего не вынесъ, замѣтилъ только то, что она ласкала больше дѣвочекъ, нежели Васю, но я объяснялъ это тѣмъ, что первыя обѣ были моложе ея сына, и не предвидѣлъ, что это неравенство въ материнскихъ ласкахъ объяснится въ непродолжительномъ времени гораздо сложнѣе и иначе, нежели какъ я предполагалъ.

— Васъ зовутъ Маріанна Бодресова, а какъ ваше отчество, т. е. какъ ъзвали вашего отца, началъ я допросъ обращаясь къ Бодресовой. Она на первомъ же вопросѣ смѣшалась и, потупивъ глаза, отвѣчала:

— Я Маріанна, по фамиліи Бодресова, а отчества у меня нѣтъ, потому что я незаконнорожденная, и, по ревизіи, за помѣщикомъ Грондзѣвскимъ, записана въ числѣ дворовыхъ подъ именемъ Маріанны Бодресовой, безъ отчества.

— Вы, однако, знаете кто былъ вашъ отецъ, и кто была ваша мать? продолжалъ я.

— Мало пользы съ того, что знаю, а можетъ быть лучше бы было, еслибы я ихъ совсѣмъ не знала и не раждалась бы на свѣтъ, проговорила Бодресова, и на послѣднихъ словахъ стала проглатывать слезы.

— Сколько вамъ лѣтъ?—вновь спросилъ я ее.

— Лѣтъ будетъ 27, не больше, отвѣчала она.

— Вы дѣвушка или замужняя?

— Нѣтъ, дѣвушка, но имѣю трехъ незаконнорожденныхъ дѣтей, двухъ дочекъ и одного сына—вотъ что видите, проговорила она, и съ горечью повела глазами на троихъ своихъ дѣтокъ. Былъ еще у меня сынокъ, самый первенькій—добавила она, да тотъ умеръ на восьмомъ мѣсяцѣ, простудила я его осенью, стираючи на пруду господское бѣлье... и вновь слезы показались на ея опухшихъ глазахъ.

— Разскажите мнѣ, Бодресова, не стѣсняясь, кто были ваши родители, мнѣ это нужно непремѣнно знать, обратился я къ ней послѣ минувшаго молчанія.

— Отецъ мой былъ Грондзевскій, онъ ужъ умеръ—Бог съ нимъ—пустилъ онъ меня на свѣтъ несчастною, отвѣтила мнѣ Бодресова, а относительно матери отозвалась, что ее совсѣмъ не помнитъ, знаетъ только, по слухамъ, что она была какая-то французская мамзель, жившая у Грондзевскаго на содержаніи.

На послѣдующіе мои вопросы о дѣтствѣ и молодости Бодресовой, объ обстановкѣ, при которой она росла и обо всѣхъ обстоятельствахъ ея жизни, она, прерывая свой разсказъ безпрестанными слезами и приходя въ волненіе отъ тяжелыхъ воспоминаній, передала, мою такую грустную, тяжелую исторію, что я едва могъ выносить слезы, я готовъ былъ плакать вмѣстѣ съ нею, чтобы хоть сколько нибудь смягчить отраву ея мрачныхъ воспоминаній. Разсказъ Бодресовой передаю своими словами, чтобы не повредить интересу ея исторіи, потому что не берусь со всею пунктуальностію выразить его словами самой Маріанны. Вотъ въ чемъ раз-

сказъ ея заключался. Отъ связи съ Грондзевскимъ мамзель родила дѣвочку Маріанну, но такъ какъ крайне тяготилась ролью матери, потому что постоянно занята была съ Грондзевскимъ и его холостыми сосѣдями, вакханаліями разнаго рода, то дѣвочка, по распоряженію помѣщика, была отдана, на прокормъ грудью, въ деревню, гдѣ и выросла до третьяго года. На третьемъ году мамзель пожелала увидѣть свое чадо, и малолѣтняя Маріанна была доставлена на господскій дворъ, гдѣ ее обмыли, одѣли и помѣстили въ комнатахъ, а на четвертомъ году она получила уже свою спеціальную работу. По вечерамъ, когда Грондзевскій и мамзель ложились спать, малолѣтній ребенокъ долженъ былъ своими рученками чесать имъ обоимъ ноги. Несчастнаго ребенка обыкновенно для этого, среди ночи, будили, заставляли его полусоннаго щекотать ноги, и не заботились гдѣ и какъ онъ проводилъ остатокъ ночи, въ то время, когда Грондзевскій и его любовница, засыпали подъ впечатлѣніями пріятныхъ щекотаній, производимыхъ, невинными дѣтскими ручками. Иногда, когда ребенокъ въ чемъ-нибудь не удовлетворялъ прихоти мамзели, послѣдняя, безъ церемоніи, ударомъ ноги, куда попало, заставляла ребенка удвоивать свои старанія, и инстинктивно предугадывать прихоти своей жестокой матери. Обхожденіе мамзели съ своею дочкой извѣстно было всей окрестности; всѣ жалѣли несчастнаго ребенка, но никто не могъ ему помочь, суровость и жестокость мамзели, пріобрѣли въ мѣстной средѣ такую популярность, что матери-крестьянки пугали ею своихъ маленькихъ дѣтей. Грондзевскій также совершенно равнодушно относился къ своему чаду, и не только не старался смирять жестокости мамзели, но иногда даже самъ поддерживалъ ихъ, и выдумывалъ, для своего развлеченія, разные невинные проказы надъ Маруськой. Такъ, напримѣръ, иногда, во время обѣда, Грондзевскій призывалъ Марусю, и вкладывалъ ей въ ротъ цѣлую столовую ложку горчицы. Ребенокъ кричалъ, морщился, а Грондзевскій и и мамзель забавлялись, и повторяли пріемъ въ удвоенной

порціи. За малѣйшую дѣтскую шалость или оплошность, Маріанну сѣкли, запирали на цѣлые часы подъ печку, привязывали въ саду къ пню, около котораго былъ муравейникъ, заставляли ѣсть съ одной тарелки съ комнатными собаченками, и радостямъ и смѣху не было конца, когда иная болонка, оспаривая у дѣвочки лучшій кусокъ, хватала ее за руку и кусала. Однимъ словомъ, много чего вытерпѣла эта несчастная до тѣхъ поръ, пока не произошло слѣдующее обстоятельство. У Грондзевскаго собралось большое общество окрестной холостежи, погулять, попьянствовать и поскандальничать съ мамзель Бодрессою. За обѣдомъ, какъ водится, выпито было много вина, и гости, всѣ, не исключая хозяина и хозяйки, были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Послѣ обѣда, полупьяная ватага, имѣя во главѣ мамзель, вышла на дворъ, гдѣ всѣ и усѣлись на крыльцѣ. Въ это время показались на улицѣ медвѣдники съ медвѣдями, и конечно, были зазваны на дворъ, гдѣ и началось обычное представленіе.

— А ну-ка, Марья Ивановна, покажи-ка, какъ послѣ доброй ночки, молодая барынька передъ зеркальцомъ свои помятые волоски убираетъ — вопилъ медвѣдникъ, подлаживаясь подъ вкусъ полупьяной компаніи. Наконецъ представленіе кончилось. Медвѣдникамъ дали водки, а медвѣдямъ, хлѣба и меду.

— Скажи-ка мнѣ, голубчикъ,—отозвалась мамзель къ медвѣднику, а что ежели твоему медвѣдю живаго человѣка бросить, что онъ съ нимъ сдѣлаетъ.

— Извѣстно задеретъ—отвѣчалъ тотъ.

— На смерть задеретъ—интересовалась мамзель—и глаза ея, налитые кровью, отъ выпитой водки и вина, остановились на Маруськѣ, которая въ это время стояла передъ ней и держала принесенный, по ея приказанію, для нея стаканъ воды. Ей было въ то время уже пять лѣтъ. Вдругъ сильный ударъ ногою въ грудь, опрокинулъ бѣдное дитя навзничь, оно упало съ крыльца, испустивъ громкій крикъ, послы-

шался ревъ медвѣдя, и въ одинъ мигъ онъ былъ ужъ надъ ребенкомъ. Послѣдовало общее смятеніе. Мамзель вскочила и убѣжала, Грондзевскій, неизвѣстно для чего, схватилъ въ руки, стулъ на которомъ она сидѣла, а гости—кто кричалъ, кто замеръ. Не потерялся одинъ медвѣдникъ. Сильнымъ ударомъ палки, бывшей у него въ рукахъ, онъ ошеломилъ по переносью медвѣдя, и затѣмъ, при помощи товарищей своихъ, стянулъ его съ дѣвочки, которая оказалась безъ чувствъ, но изъ носу у нея текла ручьемъ кровь отъ ушиба, на спинѣ была разорвана рубашонка и струилась слегка кровь изъ тѣхъ мѣстъ, которыхъ успѣла уже коснуться лапа медвѣдя. Гости поспѣшили разъѣхаться отъ непріятнаго происшествія, Грондзевскій почуялъ бѣду, въ ожиданіи «дѣла», мамзель окончательно запила, и не могла съ тѣхъ поръ видѣть Маруську, къ которой получила полное презрѣніе и негодованіе, и, будучи постоянно пьяною, кричала: «Задеру бестію, безъ медвѣдя на смерть убью». Никто не могъ объяснить причины такой ненависти мамзели къ своему ребенку, но, въ предупрежденіе ея угрозъ, Маруська была отдана на воспитаніе въ деревню, къ сельскому старостѣ. Грондзевскій не ошибся, дѣло возникло, и какъ ни старались благожелатели его и мамзели придать случаю съ Маруськой видъ нечаянности, однако же высшія власти взглянули на дѣло серьезнѣе, и мамзель была осуждена въ ссылку, откуда, черезъ два года, пришло извѣстіе о ея смерти. Между тѣмъ, Маруська росла и росла. Староста ее очень полюбилъ и даже прочилъ въ невѣсты своему сыну, ея сверстнику. Грондзевскій, послѣ ссылки своей любовницы, уѣхалъ изъ имѣнія, и десять лѣтъ въ него не показывался, наконецъ, на десятомъ году пріѣхалъ, поселился въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жилъ съ мамзелью, и вспомнилъ, что у него, кажется, была отъ нея дочь. Неизвѣстно изъ какихъ чувствъ, приказалъ онъ представить къ себѣ Маруську, а прежняя Маруська обратилась уже въ хорошенькую, стройную красавицу Марусю. Ей былъ уже семнадцатый годъ; она совершенно

сроднилась съ семействомъ пріютившаго ее старосты, и любила уже 19-ти лѣтняго сына его Степана, который также ждалъ-не дождался, когда-то онъ назоветъ Марусю своей женой. Жениться безъ воли помѣщика, въ число крѣпостныхъ котораго была записана и Маріанна, Степанъ на ней не могъ, а потому пріѣздъ Грондзевскаго, повидимому, долженъ бы былъ обрадовать ихъ обоихъ, но не такъ случилось на самомъ дѣлѣ. Маріанна съ трепетомъ приняла вѣсть, что пріѣхалъ ея панъ-отецъ, не менѣе встревожился и Степанъ за будущность свою и своей милой Маруси. Онъ зналъ безнравственныя наклонности Грондзевскаго, по разсказамъ старшихъ, и потому крайне опечалился и струсилъ, когда узналъ, что невѣсту его требуютъ «до пана». Предчувствія Маруси и Степана оправдались. Грондзевскій увидавъ Марусю, и, плѣнившись ея красотою и свѣжестью, пользуясь своимъ правомъ отца и помѣщика, оставилъ ее при себѣ. Ни ея слезы, ни слезы и мольбы любившаго ее хлопца, ни просьбы его старика-отца не могли умилостивить пана. Среди разныхъ возмутительныхъ сценъ Маріанна сдѣлалась любовницей Грондзевскаго. Несчастный Степанъ не вынесъ этого, и, явившись внезапно къ помѣщику, хотѣлъ съ нимъ покончить своимъ разсчетомъ, но былъ удержанъ; однако объявилъ, что донесетъ на него за то, что онъ растлилъ свою собственную дочь и живетъ съ нею. Чтобы отбить у Степана охоту къ доносамъ, и вразумить его на будущее время мириться съ возможными превратностями и неудачами въ жизни, онъ былъ жестоко высѣченъ розгами, на глазахъ помѣщика, передъ крыльцомъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, около 12 лѣтъ тому назадъ, Маруся чуть не сдѣлалась добычею медвѣдя, и затѣмъ, въ первый же рекрутскій наборъ, сданъ въ солдаты. Угрозу свою на помѣщика Степанъ привелъ въ исполненіе, доносъ былъ сдѣланъ, но почему-то остался безъ послѣдствій. Предоставляю читателю мысленно переиспытать все то, что должны были въ то время вынести сердца Степана и Маріанны. Несчастный хлопецъ, уходя въ

солдаты, клялся Маріаннѣ никогда ее не разлюбить, и утѣшалъ своимъ возвращеніемъ, онъ имѣлъ хоть надежду на будущее; а бѣдная Маруся, казалось, не вѣрила въ возможность своего счастія, и, какъ снопъ, повалилась на землю, перекрестивъ и поцаловавъ, и то потихоньку, своего милаго въ послѣдній разъ... На первомъ же году послѣ сдачи Степана въ солдаты, Маріанна родила отъ Грондзевскаго сына, который, по неестественной естественности, если только можно такъ выразиться, былъ и отцомъ и дѣдомъ новорожденнаго. Грондзевскій совершенно хладнокровно встрѣтилъ его рожденіе, а когда однажды узналъ, что Маріанна получила отъ Степана письмо, въ которомъ онъ ее умолялъ не отчаяваться, то, невзирая на то, что новорожденному былъ только восьмой мѣсяцъ, Грондзевскій прогналъ Маріанну на черный дворъ, и запрегъ въ самыя трудныя работы, и вотъ однажды, стирала она осенью на пруду, въ ненастную погоду, барское бѣлье. Грудной ея ребенокъ, тутъ же на вѣтру лежалъ при ней, на мокрыхъ простыняхъ. Немного нужно было, чтобы простудить его, и ребенокъ умеръ. Ни участія, ни состраданія не выказалъ Грондзевскій къ Маріаннѣ, и даже послѣ смерти ребенка, оставилъ ее на черномъ дворѣ, не безъ причины, впрочемъ. Открывшуюся при себѣ вакансію любовницы онъ думалъ уже замѣстить другою, деревенскою дѣвушкою; но внезапная смерть разстроила гнусные планы старика-сластолюбца, и пресѣкла его безчестные поступки и самую жизнь. Онъ умеръ внезапно за обѣдомъ, подавившись кускомъ худо разжеванной индѣйки, на 58 году своей развратной жизни, оставивъ Маріанну опозоренною, безъ малѣйшаго обезпеченія, не выказалъ ей даже передъ смертью никакого участія.

Этимъ обстоятельствомъ Маріанна прекратила свой разсказъ, и объявила, что желаетъ отдохнуть, что она устала и разстроилась отъ бездны разныхъ тягостныхъ воспоминаній и впечатлѣній. Дѣти Бодресовой, во все время ея разсказа, внимательно слушали ее; при разсказѣ о медвѣдѣ одна

изъ дочекъ заплакала, а когда Бодресова стала говорить про смертъ своего перваго ребенка, то сынишка ея Вася прослезился и сталъ утирать рукою слезы матери. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣти смутно понимали, что мать разсказывала. Продолжая допросъ дальше, я просилъ Маріанну окончить свой разсказъ, но она дала мнѣ уклончивый отвѣтъ.

— Чтожъ дальше я буду разсказывать? Все такая же была моя несчастная жизнь, ничего хорошаго я не видала— отозвалась она, и потомъ, обратясь ко мнѣ, сказала: Отпустите меня, ваше благородіе, домой, не бойтесь никуда не уйду и ничего надъ собой не сдѣлаю. Ужъ поздно. Ребятишки еще сегодня не ѣли. Бѣдные вы мои сиротки, заголосила она вдругъ, и разомъ обняла всѣхъ своихъ дѣтей, кто бы васъ безъ меня пожалѣлъ, да пріютилъ. Эхъ вы, мои голубчики, бѣдные вы мои дѣтки, одни то вы на свѣтѣ... причитывала она, не унимаясь.

— Мама, а батька гдѣ?—отозвался вдругъ къ ней Вася и повторилъ «гдѣ батька?»

Я посмотрѣлъ на Бодресову.

При внезапномъ вопросѣ сына обо отцѣ она смѣшалась, бросила на меня пронзительный взглядъ, и, какъ бы не разслышавъ, объ чемъ сынъ ея спросилъ ее, снова заговорила со мною, прося ее отпустить домой.

— Нельзя, ваше благородіе, домой ее пущать,—одно слово опять лихо сдѣлаетъ надъ собой—вмѣшивался сотскій.

— Не сдѣлаю я больше лиха, добрый человѣкъ, отозвалась къ нему Бодресова, грѣхъ вамъ, что вы мнѣ это въ попрекъ ставите, неровенъ-часъ, со всякимъ бѣда случается, а отъ своего лиха не уйдешь.

Сотскій промолчалъ.

Взглядываясь въ лицо Бодресовой, я замѣтилъ, что разговорливость ея явилась только для того, чтобы какъ нибудь уничтожить и замять впечатлѣніе, производимое на меня вопросомъ ея сына обо отцѣ. Я воспользовался этимъ случаемъ, и, безъ всякихъ подозрѣній, спросилъ Бодресову, отъ кого она имѣетъ трехъ настоящихъ ея дѣтей?

Бодресова поблѣднѣла, замолчала, и, черезъ нѣсколько минутъ, отвѣчала съ твердостью:

— Объ этомъ, ваше благородіе, вы меня не спрашивайте. Дѣти есть, вотъ они, я ихъ не таю; а отъ кого они не нужно знать никому, и я про то никогда нескажу, одному Богу душу свою открою умираючи.

— Почему же вы не хотите мнѣ этого сказать? спросилъ я ее.

— Извѣстно приблудные, отъ москалевъ, али бо отъ кого— вмѣшался сотскій, кто къ такимъ дѣтямъ признается? а она дѣвка куда не молодаго ужъ вѣку, вотъ и стыдно, какъ ни есть, а соблудила... окончилъ сотскій.

— Спасибо, добрый человѣкъ, за правду,—отозвалась къ нему съ горечью Бодресова, и поклонилась ему довольно низко.

— Благодари на хорошемъ дѣлѣ, а не на дурномъ, отвѣтилъ ей сотскій, и замолчалъ.

Тонъ отвѣта Бодресовой на вопросъ мой объ отцѣ ея дѣтей, ясно указывалъ, что эта личность играла немалую роль въ ея нравственной жизни, и не знаю почему, но мнѣ показалось, что между таинственностію, которою покрывала Бодресова личность отца своихъ дѣтей, и покушеніемъ ея на самоубійство, должна была быть непремѣнно довольно тѣсная связь. Въ этомъ меня убѣждало еще больше смущеніе Бодресовой, при вопросѣ сына ея Васи о томъ, гдѣ батька.

— Если вы не хотите сказать мнѣ, отъ кого вы имѣете троихъ вашихъ дѣтей, то скажите—обратился я къ Бодресовой,—какая причина могла побудить васъ покуситься на самоубійство и оставить на произволъ судьбы вашихъ малютокъ?

— Не отъ радости и не отъ хорошаго житья задумала я такое дѣло, отвѣчала она мнѣ, все равно, когда нибудь пришлось бы умирать, такъ подумала, что лучше раньше, ну, и рѣшилась, а на счетъ дѣтей... извѣстно... пока малы всякъ ихъ пожалѣлъ бы... а хуже кабы подросли на моихъ

глазахъ... сына бы сдали въ солдаты, а дочекъ... паны бы разобрали за любовницъ... говорила она въ волненіи, и со слезами добавила: сироты, блуденныя, всякій бы упрекалъ... лучше не жить и не видать...

Бодресова была слишкомъ взволнована. Настаивать на дальнѣйшемъ признаніи было бы незаконно и нечеловѣчно, и хотя я видѣлъ, что она тщательно скрываетъ причину своего самоубійства, но не рѣшался долѣе тревожить ее, и такъ какъ было уже очень поздно, то освободивъ ее отъ всякаго ареста, отпустилъ домой, пожелавъ ей успокоиться среди своихъ дѣтей, и посовѣтовавъ не тужить и не мучить себя мрачными думами.

— Какіе славныя у васъ дѣти!—ободрялъ я ее, вы должны жить для нихъ, если для самихъ себя жизнь ваша вамъ надоѣла. Бодресова улыбнулась, поблагодарила меня за участіе къ ней, и пошла домой, унося на рукахъ заснувшую младшую дочку. Вася и старшая дочка слѣдовали за матерью, придерживаясь за ея платье. Дѣти Бодресовой были, дѣйствительно очень хорошенькіе ребятишки. Васька и меньшая дочь были очень похожи на мать, а сама она, несмотря на грустную свою обстановку, могла еще нравиться. Я не разъ заглядывался на нее, во время допроса, и любовался ея правильными очертаніями, стройнымъ видомъ, и какой то рѣшимостью и энергичностію во вглядѣ.

Освобожденіе Бодресовой изъ–подъ ареста положительно привело въ недоумѣніе сотскаго. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, и разъ десять принимался доказывать мнѣ незаконность моего распоряженія. Простодушіе его не дозволяло мнѣ на него сердиться, и я не безъ нѣкотораго удовольствія выслушивалъ его своеобразные совѣты, и разныя предположенія на счетъ того, что Бодресова можетъ «много лиха наробить», однако же распоряженіе свое объ оставленіи ея на свободѣ не отмѣнилъ. Часа черезъ полтора послѣ ухода Бодресовой, я вышелъ изъ дома, и пошелъ прогуляться. Проходя по той улицѣ, гдѣ жила Бодрисова, я замѣтилъ въ

окнѣ у нея огонь. На улицѣ, по случаю поздняго времени, никого уже не было, и я незамѣтно подошолъ къ окну ея. Внутренность хаты была освѣщена ярко горѣвшею лучиною и довала возможность разсматривать ее со всею подробностію. Дѣти Бодресовой уже спали. Обѣ дочки лежали на постели, близъ печи, а Вася спалъ на лавкѣ на соломенникѣ, тщательно прикрытый какою-то кофтою, изъ-подъ которой высовывались его ножки. Сама Бодресова не спала. Она сидѣла около своего сына, и гладила его рукою по русымъ его волоскамъ. Въ хатѣ виденъ былъ отпечатокъ бѣдности, но порядочность и чистота поражали во всемъ. Бодресова жила въ наемной хатѣ, и содержала себя и дѣтей своихъ заработками, заключавшимся въ стиркѣ бѣлья и другихъ поденныхъ работахъ. Минуты три я видѣлъ Бодресову въ одномъ и томъ же положеніи, наконецъ она встала и сняла съ себя кофту, поправила нагорѣвшую лучину, и начала ощупывать правою рукою рубецъ по своей шеѣ, потомъ полѣзла въ уголъ на полку, достала изъ подъ образовъ масла изъ лампадки, потерла имъ себѣ шею, и обвязала ее платкомъ, затѣмъ стала на колѣни, и начала горячо молиться. Слезы такъ и заструились по ея щекамъ. Мнѣ защемило сердце, и я поспѣшно ушелъ, искренно желая въ душѣ моей бѣдной подсудимой возможнаго упокоенія среди невзгодъ ея жизни.

Дѣлаю маленькое отступленіе отъ сущности своего разсказа, для того, чтобы представить читателю то нравственно-психическое состояніе, въ которомъ иногда случается быть въ подобномъ случаѣ самому слѣдователю. Дѣло въ томъ, что слѣдователю, какъ напр. въ данномъ слчуаѣ, необходимо раскрыть причину самоубійства, и обнаружить мотивы этого преступленія. Покушавшаяся на самоубійство скрываетъ эти причины, и не выказываетъ желанія ихъ обнаружить, но онѣ очевидно интересуютъ слѣдователя, во первыхъ, какъ лицо спеціально занимающееся раскрытіемъ подобныхъ случаевъ и, во вторыхъ, просто какъ человѣка, который, по природѣ своей, не можетъ не интересоваться причиною покуше-

нія на самоубійство подобнаго себѣ существа. Слѣдователь понимаетъ и сознаетъ, что запирающійся въ обнаруженіи причины покушенія на самоубійство, дѣлаетъ это не изъ упрямства, а изъ-за того, что, по какимъ нибудь нравственнымъ побужденіямъ, не хочетъ сдѣлать ихъ извѣстными другому лицу, понимаетъ, что, настаивая на подобномъ сознаніи и изыскивая причины чтобы вызвать его—мучаетъ несчастную жертву, и, по поводу этой нравственной муки ея, отъ души жалѣетъ ее, желаетъ ей успокоенія, а намѣренія своего обнаружить причину самоубійства очевидно не покидаетъ, зная притомъ, что дѣйствіями своими терзаетъ несчастную душу и обрекаетъ ее иногда, въ случаѣ сознанія, на болѣе тяжкія и нескончаемыя страданія и даже наказанія. Кто не знаетъ, какъ разнообразны бываютъ мотивы самоубійствъ?

Передо мною была Маріанна Бодресова. Изъ словъ ея, я ознакомился съ несчастною обстановкою ея житейскаго бѣдствія, зналъ, что она повѣсилась не ради какого-нибудь каприза; по свойству дѣла имѣлъ полное основаніе предполагать существованіе какой-то важной причины, которая вынудила ее полѣсть въ петлю; зналъ, что раскрытіемъ этой причины очень можетъ быть то, что погубило ее, такъ какъ она ее столь тщательно скрывала, — жалѣлъ ее отъ всей моей души, и однакоже съ такою настойчивостію домогался ея сознанія, устраняя ея запирательства, и принимая твердую рѣшимость непремѣнно обнаружить ту тайну Бодресовой, которую она съ такою таинственностію скрывала въ глубинѣ своей души.

Съ этою цѣлію я предпринялъ въ мѣстечкѣ Дерешахъ, гдѣ жила Бодресова, гдѣ равно была и моя квартира, большой повальный обыскъ, который привелъ меня кое къ какимъ результатамъ. Сосѣди Бодресовой и знающіе ее люди подтвердили, что она родомъ изъ имѣнія Гостица, что она есть незаконнорожденная дочь тамошняго помѣщика Грондзевскаго — умершаго наглою смертью; кто именно была ея

мать, неизвѣстно, не то какая-то «хранцузинка», не то прачка Каруська; отъ Грондзевскаго имѣла Маріанна одного ребенка, который умеръ, а послѣ смерти Грондзевскаго она прижила въ Гостицѣ еще трехъ дѣтей, но отъ кого—навѣрное не знаютъ. Слухи носятся, что за ней разные господа «виляли, а кто пристарался—Богъ ихъ разберетъ». Далѣе, спрошенныя лица отозвались, что въ Дереши Бодресова переселилась около двухъ уже лѣтъ тому назадъ, что поведенія она хорошаго, занимается трудами, чѣмъ и содержитъ себя и дѣтей своихъ; нѣкоторые же изъ обыскныхъ людей добавили, что съ тѣхъ поръ, какъ она выѣхала изъ Гостицы и поселилась въ Дерешахъ, ее стали замѣчать въ раздумьѣ, она начала чуждаться общества людей, и всегда казалась какою-то неспокойною. — Богъ ее знаетъ, что у нее такое за сумнѣніе на душѣ есть, восклицали обыскные люди, мы и сами видимъ, что она не такъ, какъ другіе, да таится, никогда ни съ кѣмъ по душѣ не поговоритъ.

— А я что слыхалъ, такъ долженъ по присягѣ все разсказать вамъ, ваше благородіе—отозвался изъ толпы обыскныхъ одинъ старикъ,—слышалъ я, продолжалъ онъ, что не любитъ она своего старшаго ребенка, мальчишку-то, за то, что тотъ все попрекаетъ ее,—гдѣ, говоритъ, мой батька, куда онъ ушелъ, хочу, говоритъ, видѣть своего батьку; а ей это непонутру, потому она можетъ и сама не знаетъ, кто его батька, какъ жила въ Гостицѣ, загуливала, говорятъ, съ панами, все съ ними компанію держала, кабы хоть съ однимъ, а то, говорятъ, устали не знала, бой-дѣвка была, ну, да и красивая же, сказывали люди, какъ есть господа все ухаживали. Я ухватился за это послѣднее показаніе, и, для разслѣдованія его, отправился въ Гостицу, гдѣ обнаружилъ слѣдующія обстоятельства. По смерти старика Грондзевскаго, Маріанна оставалась въ числѣ дворовыхъ, при имѣніи Гостица. У Грондзевскаго отъ брака его съ женою, умершею въ молодыхъ годахъ, родился сынъ, котораго онъ сначала и держалъ при себѣ. Когда мальчику исполнилось 5 лѣтъ, ста-

рикъ Грондзевскій, имѣвшій въ то время около 38 лѣтъ, отыскалъ себѣ гдѣ-то французскую гризетку, дѣвицу Бодрессю, которую и помѣстилъ у себя въ качествѣ содержанки. Малолѣтній сынъ при такомъ положеніи только тяготилъ его, такъ какъ Бодрессю не оказывала никакой склонности къ воспитанію мальчика, а была предана постояннымъ увеселеніямъ и оргіямъ съ своимъ обожателемъ, въ компаніи съ разною окрестною холостежью, а потому Грондзевскій отдалъ сына своего на воспитаніе къ какому то своему дальнему родственнику, у котораго мальчикъ росъ, возмужалъ, и даже успѣлъ жениться, почти не зная своего отца. Въ эпоху смерти отца своего, ему было уже 26 лѣтъ отъ роду. Получивъ извѣстіе о смерти родителя, онъ пріѣхалъ съ женою своею въ наслѣдственную Гостицу, гдѣ и поселился. Дѣтей у нихъ не было. Молодые господа завели свои порядки. Хорошенькая Маріанна была тотчасъ отличена изо всего женскаго персонала гостицкой дворни, и, по желанію Грондзевскаго, взята въ домъ горничною.

Жена Грондзевскаго была хотя молодая еще женщина, но болѣзненная, и, какъ говорили, не хороша собою, а Маріанна, 17-лѣтняя дѣвушка, была въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, красива, стройна и имѣла всѣ шансы для того, чтобы Грондзевскій влюбился въ свою сестрицу, какъ онъ потомъ называлъ ее. Какъ и слѣдовало ожидать, Маріанна сдѣлалась любовницей молодаго Грондзевскаго, но такъ какъ при жизни жены, слѣдовало хоть сколько нибудь, ради приличій, скрывать это, то оффиціально ни дворовые, ни кто-либо другой, не зналъ о дѣйствительномъ существованіи этой связи, хотя многіе ее предполагали. Болѣе всѣхъ эта связь могла быть извѣстна женѣ Грондзевскаго, которая, конечно, о ней и знала, но не мѣняла даже своего хорошаго расположенія къ Маріаннѣ, потому, что сама была въ интимныхъ отношеніяхъ съ однимъ молодымъ сосѣдомъ, связью съ которымъ уравновѣшивалась связь ея мужа съ ея горничною. Черезъ годъ у Маріанны родился сынъ, котораго она назвала Василіемъ.

Рожденіе его приписали господскому кучеру, котораго, для проформы, за таковой проступокъ высѣкли на конюшнѣ, а потомъ подарили армякъ. Дѣло выходило хорошо, и жена Грондзевскаго крестила даже ребенка Маріанны. Такимъ образомъ читатель видитъ, что растлѣніе нравовъ въ Гостицѣ было полное, и шло прогрессивно, прикрываясь приличными формами. Всѣ были довольны, всѣмъ было хорошо; чего же лучше? Черезъ годъ жена Грондзевскаго умерла, и Маріанна вступила въ права хозяйки, а черезъ два года послѣ рожденія Васи, у Маріанны родилась дочь, а еще черезъ полтора года другая. Молва приписывала рожденіе этихъ дѣтей Грондзевскому, но Маріанна отвергала это упорно, и при случаѣ всегда высказывалась, что дѣтей имѣетъ отъ другихъ господъ. Этому и вѣрили, и не вѣрили. Вѣрили потому, что Грондзевскій, послѣ смерти своей жены, пошелъ по стопамъ отца, завелъ оргіи, кутежи, и банкеты, на которые съѣзжались молодые люди чуть не со всего уѣзда. Имѣніе онъ имѣлъ большое, состояніе обезпеченное, отчего же не кутить?—и кутилъ. Хорошенькая Маріанна была кумиромъ всей молодежи. Въ обществѣ пановъ она пріобрѣла развязность, манеры ея сдѣлались пикантны, и она научилась курить, кокетничать, и немудрено поэтому, что за ней ухаживала вся молодежь. Правда и въ то время находили иногда на нее грустныя минуты, когда она вспоминала Степана; но она давно уже его не видала, извѣстій о немъ никакихъ не было, а севастопольская компанія незадолго передъ тѣмъ только что окончилась, думала Маріанна, что ее миленькій также въ числѣ другихъ сложилъ гдѣ-нибудь свою буйную головушку, и снова вступала въ заколдованный кругъ своей обыденной жизни. Впрочемъ, дѣтей своихъ она любила, за то они совершенно чужды были Грондзевскому, и онъ не иначе называлъ ихъ, какъ щенятами. Въ первое время своихъ отношеній къ Маріаннѣ, Грондзевскій увлекался ею не на шутку, на сколько способенъ каждый молодой человѣкъ увлекаться хорошенькою женщиною, обѣщалъ ей даже

со временемъ жениться на ней, и Маріанна вѣрила его обѣщанію, тѣмъ болѣе, что жена его въ то время уже умерла; но такъ какъ близость родства Грондзевскаго съ Маріанной, хотя и незаконнаго, доказывалась, однако, метрикою ея, въ которой было сказано положительно, что она есть незаконнорожденная дочь Грондзевскаго, рожденная приживалкою Бодрессю, то молодой Грондзевскій внушилъ Маріаннѣ, чтобы она ни въ какомъ случаѣ, никому, никогда не говорила бы о своей съ нимъ связи и о обѣщаніи его жениться на ней, говоря, что иначе возникнетъ молва отъ близкихъ отношеніяхъ, о кровной связи, и имъ не только нельзя будетъ жениться, по что они могутъ еще подпасть подъ отвѣтственность за самую связь. Маріанна вѣрила словамъ Грондзевскаго тѣмъ болѣе, что онъ увѣрялъ, что женится на ней въ какой нибудь другой мѣстности, гдѣ не могли бы знать о томъ, что они происходятъ отъ одного отца, и потому тщательно скрывала отъ всѣхъ, что трое дѣтей ея прижиты ею отъ него, а обыкновенно при случаяхъ говорила, что дѣти у нея отъ чужихъ господъ. Въ сущности же Грондзевскій употребилъ этотъ маневръ съ тою цѣлію, чтобы впослѣдствіи когда нибудь не стать бы въ зависимость отъ Маріанны. Жениться на ней онъ никогда въ дѣйствительности не думалъ, и въ этомъ отношеніи ее нагло обманывалъ, зналъ даже, что очень долго занимать его она не будетъ, и потому, разсчитывая въ недалекомъ будущемъ ее бросить, хитрымъ маневромъ отуманилъ довѣрчивую дѣвушку, и обезпечилъ себѣ полное отступленіе. Чего же лучше: сама цѣлому свѣту говорила, что дѣти не отъ него, какія же обязательства могли бы для него впослѣдствіи возникнуть изъ его отношеній къ ней, если бы, Маріанна, увидавъ себя кругомъ обманутою, вздумала бы хоть ради обезпеченія дѣтей своихъ, искать покровительства у закона? Всякій, на основаніи прежнихъ же ея собственныхъ словъ, заклеймилъ бы ее позорнымъ именемъ и она ничего бы не выиграла. Нравственная совѣсть каждаго изъ мѣстныхъ жи-

телей говорили, что дѣти Маріанны рождены отъ Грандзевскаго. Дѣлать подобныя заключенія было полное основаніе: она жила у него въ домѣ, была у него хозяйкой, распорядительницей, принимала участія во всѣхъ его пирахъ, наконецъ всѣ видѣли его короткое съ нею обхожденіе, но никто не могъ утвердительно доказывать, что Маріанна жила съ Грандзевскимъ, и что дѣти ея, суть и его дѣти, тѣмъ болѣе, что она сама это отвергала — а этого Грандзевскому, какъ человѣку безсовѣстному, было вполнѣ достаточно. Онъ боялся не нравственной отвѣтственности, не голоса совѣсти, онъ боялся возможности юридически быть изобличеннымъ въ связи съ Маріанной.

Наступилъ незабвенный въ лѣтописяхъ Россіи 1861 годъ. Крѣпостничество пало, людъ крѣпостной получилъ свободу. Маріаннѣ въ тотъ достопамятный годъ исполнилось уже двадцать три года. Старшему сыну ея Васѣ было уже 5 лѣтъ, а меньшая дочка имѣла уже два года. Нужно было подумывать о дѣтяхъ, а между тѣмъ въ обращеніи Грондзевскаго съ собою, она стала замѣчать большую перемѣну. Онъ перевелъ ее съ дѣтьми изъ дома въ людской флигель, сталъ меньше допускать ее къ себѣ, наконецъ сталъ гонять на работы, оказывать ей полное пренебреженіе, и, въ заключеніе, однажды прямо объявилъ ей, что она дура, что никогда онъ на ней не женится, и что ежели она не хочетъ быть тотчасъ же выгнанною вонъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, то должна сидѣть смирно, забыть свои мечты и перестать о немъ думать. Несчастная Маріанна уже поздно увидала, что она обманута Грондзевскимъ самымъ наглымъ образомъ, и что теперь остается ей одинъ исходъ: жить у него изъ милости. Она тѣмъ болѣе терзалась за себя и за дѣтей своихъ, что сама враньемъ своимъ поставила себя въ самое безвыходное положеніе и жизнь полная горя, нищеты, заботъ, предстала передъ ней впереди. Ни защиты, ни участія, ни помощи ни отъ кого она не могла уже ждать, одна съ тремя малолѣтними дѣтьми, и бездною обманутыхъ надеждъ и грустныхъ воспоминаній. Къ

довершенію ея нравственныхъ страданій, Грондзевскій познакомился съ одною сосѣднею панни, одно время прошелъ даже слухъ, что онъ женится на ней, но отношенія ихъ ограничились простою любовною интригою. Ревность, месть, досада, презрѣніе: все заговорило въ груди бѣдной Маріанны, но она была безсильна, и изъ милости жили у того, котораго презирала всею силою своей души.

Насталъ 1863 годъ—годъ польскаго возстанія. Грондзевскій, какъ одинъ изъ богатѣйшихъ мѣстныхъ пановъ, принималъ въ немъ большое участіе. Однажды утромъ въ 1863 году онъ внезапно изчезъ, и, по общему всѣхъ тогда предположенію, было рѣшено, что онъ ушелъ въ мятежъ, во время котораго пропалъ безъ вѣсти, и нигдѣ потомъ отысканъ не былъ. Обстоятельству объ уходѣ Грондзевскаго въ мятежъ и мѣстныя власти придавали полное вѣроятіе, такъ какъ сношенія его съ мятежниками были извѣстны правительству, и о томъ производились дѣла, по которымъ было обнаружено, что ближайшія къ нему лица изъ служившихъ у него во дворѣ и также сочувствовавшихъ мятежу, положительно знали не только предположеніе Грондзевскаго идти въ шайку, но даже и время, когда онъ ушелъ въ повстанье. Маріанна въ то время жила еще во дворѣ у него, и гдѣ-то на заднемъ углу, въ какой то поганой хаткѣ, предоставлено было ей жить съ тремя ея дѣтьми, на самомъ скромномъ пайкѣ, за которой она должна была работать чуть-чуть не 24 часа въ сутки. Силы ея истощались, здоровье падало, и она, пользуясь своимъ правомъ оставить службу у помѣщика, перешла на жительство въ м. Дереши, гдѣ и засталъ ее мой разсказъ. Въ Derешахъ она жила два года, и въ 1865 году случилась съ нею та катастрофа, которая составляетъ предметъ настоящаго моего разсказа.—Я увидалъ Маріанну Бодресову уже истощенною отъ горя, заботъ и нужды, но все еще красивою и привлекательною женщиною.

Собранныя мною въ Гостицѣ свѣдѣнія много уяснили мнѣ дѣло. Изъ массы слуховъ, заявленій, показаній, начинала

выдѣляться личность молодаго Грондзевскаго, стоявшаго въ наивозможно близкихъ отношеніяхъ къ Маріаннѣ. Было очевидно до-нельзя, что дѣти ея — его дѣти, но непонятно было, почему она и въ данное время, отвергала связь свою съ нимъ, не называла его отцомъ своихъ дѣтей, а мистифировала какою-то таинственностью личность, отъ которой прижила этихъ дѣтей. Прежнія заявленія ея въ подобномъ смыслѣ были понятны. Она въ нихъ видѣла, по хитрому наущенію Грондзевскаго, въ будущемъ, возможность обезпечить себя и дѣтей замужествомъ съ нимъ, но послѣ того, когда онъ ее обманулъ, казалось бы, что ожесточеніе противъ безчестнаго его поступка должно было вырвать отъ нея сознаніе въ улику ему—сознаніе, которое въ свое время могло бы послужить даже способомъ къ обезпеченію ея со стороны Грондзевскаго, но она этого не дѣлала. По этому становилось яснымъ до-нельзя, что какая-нибудь болѣе важная причина побуждала Маріанну скрывать и отвергать близость своихъ отношеній къ молодому Грондзевскому. Видно было, что она опасалась разоблаченія чего-то тайнаго, чего-то для нея ужаснаго, чего она такъ боялась. Будучи въ Гостицѣ, я повѣрялъ показаніе Маріанны Бодресовой, данное ею у меня на допросѣ относительно ея рожденія, дѣтства, сцены съ медвѣдемъ, обольщенія ея старикомъ Грондзевскимъ. Всѣ заявленія ея подтвердились вполнѣ, и даже выяснились нѣкоторыми подробностями. Такъ, напримѣръ, разсказывали, что старикъ Грондзевскій хотѣлъ расположить къ себѣ шестнадцатилѣтнюю Маріанну сначала ласками; но она не поддавалась. Тогда начались угрозы, и, наконецъ, ее, противъ воли, не взирая на ея протесты, двое клевретовъ Грондзевскаго притащили ночью въ гумно, гдѣ несчастная дѣвушка подъ грубымъ цинизмомъ и насиліемъ, сдѣлалась жертвою сластолюбія. Разсказывали за вполнѣ достовѣрное, что паробокъ Степанъ былъ высѣченъ и сданъ въ солдаты вовсе не за то только, что явился къ помѣщику дѣлать угрозы, а за то, что, въ рѣшительную минуту, когда надъ его милою дѣлались наси-

лія, дѣйствительно, явился на мѣсто происшествія, съ ножемъ рукахъ, и, можетъ быть, пролилъ бы грѣховную кровь пана, если бы не былъ удержанъ его клевретами.

По возвращеніи моемъ изъ Гостицы въ Дереши, я занялся разслѣдованіемъ того обстоятельства, по какому случаю сынъ Маріанны, Вася, сталъ вспоминать о своемъ отцѣ и требовать, чтобъ его ему указали. Обстоятельство это разъяснилось очень просто.

Года за полтора до покушенія Маріанны на самоубійство, когда она жила уже въ Дерешахъ, малолѣтній Вася, имѣвшій тогда только около 8 лѣтъ, гулялъ однажды на улицѣ съ другими ребятишками. При этомъ одинъ изъ нихъ показывалъ ему новую шапку, и хвастался ею, говоря, что батька купилъ ее на базарѣ. Шапка такъ понравилась Васѣ, что онъ тотчасъ же прибѣжалъ домой, и сталъ спрашивать мать свою, гдѣ его батька, отчего его нѣтъ? И съ тѣхъ поръ мысль объ отцѣ не покидала ребенка, и онъ вопросами объ немъ не давалъ своей матери покоя. Иногда съ подобными вопросами онъ обращался къ матери при постороннихъ лицахъ, и нѣкоторые болѣе проницательные люди замѣчали, что Бодресова въ подобныя минуты сильно мѣнялась въ лицѣ.

Однажды, послѣ пріѣзда моего изъ Гостицы, я потребовалъ къ себѣ Маріанну, и, сообщивъ ей въ короткихъ словахъ результатъ своихъ разслѣдованій, объявилъ, что я положительно убѣжденъ въ томъ, что дѣтей своихъ она имѣетъ отъ молодаго Грондзевскаго и что меня крайне удивляетъ причина, заставляющая ее скрывать это.

— Не хочу на невиннаго человѣка даромъ грѣха накладать. Онъ точно поступалъ со мною нехорошо, да дѣти не отъ него, а отъ другихъ господъ, отвѣчала мнѣ Маріанна. Потомъ она продолжала: люди говорятъ потому, что я жила у него; такъ развѣ я виновата, что его барыня взяла меня за горничную, а когда она умерла, такъ я осталась при баринѣ потому, что знала всѣ господскіе порядки. Меня баринъ и сдѣлали у себя экономкой, да злые люди позавидо-

вали, что мнѣ хорошо живется, и наговорили барину, что я, будто, господское добро на сторону пускаю. Вотъ они осерчали, да и прогнали меня, съ того и жить мнѣ худо стало.

Маріанна видимо врала, и нужно признаться, что она выбрала очень удачный и вполнѣ возможный и естественный мотивъ для объясненія причины, по которой изъ барскихъ покоевъ, да изъ хорошаго житья, она попала вдругъ въ опалу на чорныя работы. Я сдѣлалъ видъ, будто повѣрилъ ей и вопросительно смотрѣлъ на нее, а Маріанна примѣтивъ, что я даю вѣру ея словамъ, продолжала уже посвободнѣе и нѣсколько риторически:

— И хоть бы теперь, ваше благородіе, спросить позвольте: кому есть дѣло, отъ кого у меня дѣти? Вѣдь никто моихъ дѣтей кормить и одѣвать не будетъ, а прижила ихъ грѣхомъ, такъ грѣхъ на моей душѣ. И кто это выдумалъ на Грондзевскаго? Вы бы ваше, благородіе, спросили его самаго; онъ бы вамъ и сказалъ правду, что дѣти не отъ него, а только что знаетъ онъ того человѣка... говорила Маріанна таинственно... Потомъ, какъ бы спохватившись, добавила: да только вотъ неизвѣстно, гдѣ Грондзевскій-то находится, пошелъ въ мятежъ, да съ той поры—какъ въ воду канулъ, видно гдѣнибудь убили его, а можетъ куда и ушелъ... Богъ его знаетъ ..

Не нужно было имѣть много наблюдательности для того. чтобы замѣтить, что, говоря объ изчезновеніи Грондзевскаго, Маріанна была въ сильной ажитаціи, которую по возможности сдерживала и старалась быть спокойною и равнодушною; но голосъ ея измѣнялъ ей. Рѣчь какъ-то туго сходила съ губъ, а руки судорожно передергивались. Я пристально сталъ смотрѣть Маріаннѣ въ глаза, она еще болѣе оробѣла, совершенно измѣнилась въ лицѣ, и, чтобы скрыть свое смущеніе, стала переминаться съ ноги на ногу, и вытирать передникомъ свое лице. Моментъ былъ удачный для того, чтобы вынудить нравственнымъ путемъ у Маріанны сознаніе въ скрываемой ею тайнѣ.

— Знаете, что скажу я вамъ — обратился я къ ней. У васъ на душѣ есть какой-то грѣхъ противу Грондзевскаго, и, обращаясь къ ней съ этими словами, я въ душѣ былъ убѣжденъ, что этотъ грѣхъ дѣйствительно существуетъ, и что нравственная сторона Маріанны не выдержитъ, чтобы не высказать его, но Маріанна собрала всѣ усилія, употребила надъ собою всю свою силу воли и отвѣтила совершенно спокойно:

— Никакого грѣха я за него не имѣю, а онъ за меня отвѣтитъ Богу.

Крайность и запутанность положенія Маріанны придали ей въ настоящую рѣшительную минуту тотъ строгій и невозмутимый оттѣнокъ, съ которымъ она произнесла послѣднія слова. Минуты двѣ Маріанна молчала, какъ бы что-то передумывая и, наконецъ, обратилась ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Ужъ что тутъ грѣха таить: я лучше признаюсь передъ вашимъ благородіемъ, отъ кого у меня дѣти, и отчего я скрывала до сихъ поръ ихъ отца.

— Ну, вотъ и дѣло! отозвался я и съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ ожидать слова Маріанны, думая, что она и въ самомъ дѣлѣ рѣшилась на признаніе.

— Вѣдь вамъ извѣстно, начала она, что когда я служила у Грондзевскаго, такъ у него послѣ смерти жены завсегда былъ дымъ коромысломъ. Разныхъ молодыхъ господъ у него много было и день, и ночь. Вѣчно гуляли, пили, и кутежамъ конца не было. Грѣхъ про себя говорить, а нужно, да и всѣ скажутъ, что я была красивая дѣвушка—не было лучше меня на ту пору въ цѣломъ кругу:—ну, молодые господа, извѣстно, всѣ ухаживали за мной, и бывало мнѣ отъ нихъ покою не было. Тотъ норовитъ поцаловать, тотъ обнять, тотъ... что говорить!... это извѣстное дѣло, но только я шутить шутила, а до грѣха ни съ кѣмъ изъ нихъ себя не допускала, хотя и имѣла уже тяжкій грѣхъ съ отцомъ Грондзевскаго и моимъ отцомъ.—Вотъ разъ какъ-то наѣхало къ барину много

гостей, гуляли они долго за полночь, всѣ хорошо выпили, просто покою мнѣ не давали, и наконецъ засѣли въ карты играть. Ну, думаю я себѣ, слава Богу, отдохну; пусть-себѣ играютъ, такъ нѣтъ же, слышу, кличетъ меня баринъ. Я пришла, вижу: и баринъ, и всѣ господа совсѣмъ пьяные. Вотъ, баринъ подозвали меня къ себѣ, и стали обнимать: «принеси ты, говоритъ, Маріанна мнѣ счастья, всѣ говоритъ деньги вотъ этому пану проигралъ», и указалъ на одного — Зрудскимъ прозывался, а самъ посадилъ меня на колѣни къ себѣ, и все цѣлуетъ. Ну, чтожъ, говоритъ Зрудскій къ барину—будетъ еще ставка, или нѣтъ, а баринъ помялся, вскочилъ вдругъ со стула и закричалъ: «Ну, куда ни шла Маріанна: ставлю ее на карту, выиграешь—твоя, не выиграешь—всѣ мои деньги назадъ. Зрудскій посмотрѣлъ на меня и—согласился; а я ни жива, ни мертва, не понимаю что это дѣется. Вдругъ Зрудскій закричалъ: «выигралъ, моя!» и хвать за меня. Ты, говоритъ, теперь моя, все я надъ тобой могу дѣлать; я тебя въ счастливую карту выигралъ. И доподлинно съ тѣхъ поръ сталъ дѣлать со мной что хотѣлъ. Осталась я все-таки у барина, а онъ, бывало, задумаетъ и пришлетъ за мной: я и должна ѣхать, а потомъ и опять отпуститъ. Вотъ отъ этого-то Зрудскаго у меня и были дѣти, съ нимъ я грѣхъ имѣла, а не съ бариномъ, хоть сейчасъ спросите обоихъ ихъ, чистую правду сказала, и дай Богъ, чтобъ я по этой правдѣ и умерла.

Разсказъ Маріанны меня немного смутилъ. Неужели, думалъ я, она говоритъ правду?.. и глубокое состраданіе къ ней овладѣло мною. Какихъ униженій, какихъ пытокъ не вытерпѣла она!

— А отъ кого же ты родила Ваську? обратился я къ Маріаннѣ. Вѣдь онъ родился еще тогда, когда жена Грондзевскаго была жива, — и когда ты не была еще проиграна въ карты Зрудскому? добавилъ я, едва будучи въ состояніи выговорить эти слова.

— Ваську родила я отъ господскаго кучера, отвѣтила она мнѣ смѣло, за то его, несчастнаго, и розгами высѣкли. — добавила она. Я припомнилъ, что въ Гостицѣ также слышалъ о ея связи съ кучеромъ, но посторонніяя лица отзывались объ этой связи, какъ объ выдуманной, единственно лишь для прикрытія грѣшка самого Грондзевскаго, а Маріанна выдавала связь свою съ кучеромъ за фактъ достовѣрный и дѣйствительный.

— А гдѣ находится Зрудскій и живъ ли онъ еще? спросилъ я Маріанну.

— Нѣтъ ужъ онъ умеръ два года назадъ. Жалко. А то бы онъ не отперся, съ сожалѣніемъ отвѣчала она.

Ссылка Маріанны на неживаго человѣка, положительное удостовѣреніе, что Васька родился отъ кучера, и волненіе, вызванное въ ней вопросами о Грандзевскомъ, навели меня на мысль, что исторію съ Зрудскимъ Маріанна могла выдумать только для того, чтобы отвлечь мое вниманіе отъ Грондзевскаго, но, не показывая ей въ томъ никакого вида, я, напротивъ, сказалъ ей, что вполнѣ вѣрю ея словамъ, и отпустилъ ее домой.

Личность Маріанны, въ ея прошлой и настоящей жизни, начинала меня интересовать все болѣе и болѣе, а совокупность и загадочность всѣхъ обнаруженныхъ уже мною обстоятельствъ, мало по малу, обрисовывала мнѣ въ ней не какую-нибудь дюжинную женщину, рѣшившуюся ради горькаго житья лѣзть въ петлю, а субъектъ болѣе серьезный, достойный болѣе внимательнаго наблюденія. Я сталъ приходить къ убѣжденію, что надъ Маріанною непремѣнно тяготѣетъ какая нибудь важная вина, и инстинктивно, по ходу слѣдствія, остановился на отношеніяхъ ея къ Грондзевскому и на внезапномъ его изчезновеніи въ 1863 году, послѣ чего онъ нигдѣ не былъ отысканъ.

Я принялся за дѣло съ удвоенною энергіею.

Справка, сдѣланная изъ военно-слѣдственнаго о Грондзевскомъ дѣла, удостовѣрила слѣдующіе факты. Грондзев-

скій былъ участникомъ польскаго возстанія, и, въ средѣ своей дворни, открыто приготовлялся идти въ мятежъ. День его изчезновенія съ мызы обнаруженъ былъ совершенно точно. Многіе изъ дворовыхъ видѣли, какъ онъ въ полномъ вооруженіи, ночью, вышелъ съ мызы своей въ лѣсъ, одинъ. Въ тотъ самый день въ лѣсу его скрывалась шайка, къ которой онъ и долженъ былъ примкнуть; но на другой же день эта шайка быда окружена войсками и взята въ полномъ составѣ. Грондзевскаго въ числѣ мятежниковъ не оказалось, а участники шайки единогласно показали, что его между ними не было, и что онъ ночью, передъ взятіемъ шайки, къ нимъ не приходилъ. Всѣ послѣдующіе поиски Грондзевскаго, какъ тяжкаго политическаго преступника, оказались тщетными; его нигдѣ не находили. Онъ изчезъ безслѣдно, между двумя моментами: между моментомъ выхода его изъ Гостицы и моментомъ взятія шайки, и исчезъ совершенно непонятнымъ образомъ.

Въ чемъ искать причину его изчезновенія? задалъ я себѣ вопросъ—и отвѣтилъ: не иначе какъ въ отношеніяхъ его къ Маріаннѣ Бодресовой, Въ этомъ я не ошибся—и въ непродолжительномъ времени предо мною разыгрались послѣдствія кровавой драмы: въ лицѣ Маріанны Бодресовой, съ одной, и убитаго ею Грондзевскаго, съ другой стороны.

Бодресова была вызвана мною къ допросу въ третій разъ. Она явилась ко мнѣ тщательно одѣтая, съ легкимъ оттѣнкомъ грусти на лицѣ, но съ выраженіемъ на столько спокойнымъ, что нельзя было и подумать о возможности того, чтобы Бодресова была тяжкая преступница. Войдя ко мнѣ, она выразила удивленіе, что я ее еще разъ требую къ допросу.

— А я думала, что ваше благородіе ужъ кончили мое дѣло,—отозвалась она, смѣясь:—анъ смотрю, сотскій пришелъ и снова требуетъ къ вамъ. Что за оказія, думяю я, надо идти—и пошла.

Я не зналъ какъ приступить къ допросу и, обдумывая съ чего бы начать, медлилъ. Наконецъ собрался съ духомъ, и обратился къ Бодресовой съ такою рѣчью:

— Слушайте, Маріанна по ходу всего слѣдствія я дошелъ до положительнаго убѣжденія, что надъ вами тяготѣетъ какой-то тяжкій грѣхъ, изъ-за котораго вы и рѣшились на самоубійство. Я имѣю основанія считать васъ виновницею смерти Грондзевскаго, и, не касаясь разбора въ настоящую минуту нравственной оцѣнки дѣйствіи Грондзевскаго, доведшихъ васъ до посягательства на его жизнь, и собственнаго вашего преступленія, выставляю передъ вами теперь только одинъ голый и очевидный фактъ. Грондзевскій, несомнѣнно, убитъ той ночью, когда вышелъ въ мятежъ. Никто, кромѣ васъ, не имѣлъ побудительныхъ причинъ убивать его, и его убили, конечно, вы. Не оправдывайтесь, потому что запирательство ваше усугубитъ ваши нравственныя страданія и муки. Какъ человѣкъ и какъ слѣдователь, въ лицѣ закона и по совѣсти, прошу васъ признаться во всемъ, что васъ тяготитъ. Признаніе смягчитъ вашу вину, которая выкупается достаточно вашею несчастною жизнію, и успокоитъ вашу востревоженную совѣсть.

Маріанна при первыхъ же словахъ моихъ поблѣднѣла, и во все время моей рѣчи стояла, не сказавъ ни слова, ни проронивъ ни одного звука. Казалось, она взвѣшивала свое положеніе и раздумывала что ей дѣлать — бухнуть сознаніемъ, или сдѣлаться истуканомъ и во всемъ заперѣться. Взглянувъ на Маріанну, я окончательно убѣдился въ справедливости своего предположенія, и новымъ потокомъ увѣщаній, вызвалъ ее, наконецъ, на полное признаніе. Маріанна вдругъ зарыдала, бросилась ко мнѣ въ ноги и завопила:

— Виновата я, точно: грѣшница я... что таить?.. убила его я... охъ, я несчастная, когда мой конецъ придетъ?.. совѣсть измучила... слезы повысохли... и смерти Богъ не даетъ... ничего-то теперь не боюсь я... дѣтокъ только жалко... Охъ, жалко сиротъ своихъ... а мнѣ все равно... я пропащая до конца .. Пропала моя жизнь... пропала.

Прерывая несвязныя свои слова слезами, Маріанна долго не могла остановиться, отъ душившаго ее потока; слезъ; наконецъ успокоилась, посмотрѣла мнѣ въ глаза и проговорила:

— Теперь все вамъ открыто, какъ было, пусть на совѣсти ничего не лежитъ, можетъ спокойнѣе будетъ, судите меня ваше благородіе, какъ знаете, судите меня добрые люди своимъ судомъ,—сказала она, обращаясь къ стоявшимъ въ моей камерѣ постороннимъ лицамъ, бывшимъ свидѣтелями ея признанія. Я убила Грондзевскаго, я его, каналью, убила!— говорила она съ остервенѣніемъ. Чтобъ онъ издохъ безъ покаянія... анаѳема... онъ... проклятый... Охъ, судите меня скорѣе... я на все готова!— кричала она, задыхаясь.

Признаніе Бодресовой нисколько меня не удивило. Я предвидѣлъ, что рано или поздно она должна будетъ признаться, потому что совѣсть ея не позволила бы ей таиться. Въ несчастной своей подсудимой я видѣлъ честную женщину, и имѣлъ основанія считать ее такою. Подлецы и безчестные люди не вѣшаются изъ-за угрызеній совѣсти, которыхъ, впрочемъ, иногда и совсѣмъ не чувствуютъ, а Маріанна долго терзалась ими, не смотря на то, что выкупались они вполнѣ ея собственною несчастною жизнью. Успокоившаяся Маріанна начала свое сознаніе такъ:

— Убила я Грондзевскаго, ваше благородіе, не изъ корысти какой:—что мнѣ въ его смерти? Развѣ мнѣ чего прибыло отъ того? а не могла я снести, чтобъ не убить его. Много онъ надо мною наругался, много насмѣлся, и напослѣдокъ вывелъ меня изъ терпѣнія; сама я не въ силахъ уже была сносить его оскорбленій, и рѣшилась убить его.

Я остановилъ Маріанну, и просилъ, чтобы она со всею послѣдовательностію разсказала всю нить событій ея жизни послѣ смерти старика Грондзевскаго, на чемъ она остановилась въ первомъ своемъ показаніи. Вотъ въ чемъ заключался дальнѣйшій ея разсказъ.

— Послѣ смерти старика Грондзевскаго, начала Маріанна, пріѣхалъ въ Гостицу его сынъ, женатый. Я была

въ то время на чорномъ дворѣ. Молодой баринъ, узнавши, что во дворѣ есть незаконная дочь его отца, пожелалъ увидѣть меня, и меня къ нему привели. Онъ сидѣлъ на крыльцѣ, на томъ самомъ, съ котораго я была сброшена къ медвѣдю. Увидѣвъ меня, онъ сказалъ: «какая ты хорошенькая!» и приказалъ мнѣ подойдти къ нему. Я подошла. Онъ поцѣловалъ меня разъ въ щеку, и сказалъ: «ты вѣдь моя сестричка, я тебя возьму къ себѣ.» И точно, мнѣ было приказано перейдти въ комнаты, гдѣ барыня сдѣлала меня своею горничною. Баринъ съ барыней жили нехорошо и дѣтей у нихъ не было. Барыня скоро сошлась съ какимъ-то паномъ, который сталъ къ ней ѣздить, а она къ нему, а баринъ влюбился въ меня, и я стала жить съ нимъ. Барыня про это знала, но не сердилась, потому, что и баринъ зналъ про связь ея съ паномъ — какъ его фамилія только, забыла. Баринъ и барыня подъ конецъ даже жили на отдѣльныхъ половинахъ и другъ другу не мѣшали. Скоро у меня отъ барина родился сынъ Василій. Баринъ строго-на-строго не велѣлъ мнѣ говорить ни кому, что это его ребенокъ, а пустили говорку, что будто бы сына я родила отъ кучера, котораго и высѣкли за то, что онъ меня соблазнилъ. Мнѣ приказывали говорить, что я сына прижила отъ кучера, и я въ глаза ему врала, потому что боялась барина. Скоро умерла барыня, а баринъ продолжалъ жить со мной, и я родила отъ него двухъ дѣвочекъ, но никому не говорила, что онѣ отъ него, а все врала, что отъ другихъ пановъ. Баринъ на-строго запретилъ мнѣ разсказывать, что я имѣю съ нимъ связь, и хотя мнѣ стыдно было подъ часъ врать, что дѣти не отъ него, но я исполняла его приказъ. Онъ обѣщалъ жениться на мнѣ, и говорилъ, что если кто узнаетъ, что я съ нимъ жила прежде, то запретятъ жениться. Я этому вѣрила, и скрывала свою съ нимъ связь. Это мнѣ было легко потому, что послѣ смерти барыни къ намъ стали наѣзжать молодые господа, и всѣ за мной ухаживали. Это видала вся дворня, и многіе точно думали, что дѣти у меня отъ разныхъ господъ: я съ ними

ходила въ рощи, въ сады, и нарочно оставалась тамъ подолгу. Наконецъ, послѣ рожденія третьяго ребенка, я стала замѣчать, что баринъ постепенно дѣлался ко мнѣ холоднѣе, наконецъ обращеніе его со мною сдѣлалось сурово. Онъ сталъ требовать отъ меня работъ не по силамъ; я видѣла, что онъ намѣревался совсѣмъ развязаться со мной, и когда однажды я напомнила ему про его обѣщаніе, то онъ расхохотался надо мной, выгналъ меня совсѣмъ вонъ, и помѣстилъ на чорномъ дворѣ. Я попала въ самое ужасное положеніе. Съ тремя малолѣтними дѣтьми терпѣла во всемъ недостатокъ, меня заставляли работать самыя чорныя работы. Въ это время пришла вольность. Я думала жаловаться на Гродзевскаго, но подумала, что никто моей жалобѣ не дастъ вѣры, потому что я сама же всѣмъ говорила, что связи съ нимъ не имѣла. Онъ, узнавъ про намѣреніе мое жаловаться, еще болѣе возненавидѣлъ меня, и положеніе мое сдѣлалось еще хуже, тѣмъ болѣе, что я должна была выносить насмѣшки отъ всякаго встрѣчнаго, и сочувствія и ласки себѣ и своимъ несчастнымъ дѣтямъ не видала ни отъ кого. А на то время у Грондзевскаго завелась какая-то паненка, которая впрочемъ его скоро бросила, и эта измѣна его еще болѣе меня возмущала. Представляя себѣ самую ужасную картину моей будущности съ тремя малолѣтними дѣтьми, я сознавала, что Грондзевскій и отецъ его единственные виновники моей несчастной жизни, а еще они мнѣ отецъ и братъ, думала я! И озлобленіе противу нихъ росло у меня каждую минуту. Мнѣ не разъ въ то время уже приходило въ голову убить Грондзевскаго, но не хватало на это духу и рѣшимости. Наступилъ 1863 годъ. Грондзевскій сталъ открыто среди своей дворни готовиться въ мятежъ. Слухъ объ этомъ дошелъ и до меня. Сдѣлался извѣстнымъ даже и день, когда Грондзевскій выйдетъ съ мызы одинъ и вступитъ въ шайку, сформировавшуюся въ лѣсу его имѣнія. Наканунѣ того дня я получила вдругъ приказаніе придти къ барину. Думая, что онъ, можетъ быть, уходя въ мятежъ хочетъ чѣмъ нибудь меня

обезпечить, и хоть сколько нибудь вознаградить за претерпѣнныя мною муки, я одѣлась и пошла къ нему въ комнату. Онъ былъ одинъ и принялъ меня ласково. Спросивъ, здоровы ли дѣти, онъ подошелъ ко мнѣ и сталъ меня ласкать, потомъ обнялъ, поцѣловалъ и повлекъ къ дивану. Мнѣ сдѣлалось гнусно, я уже отвыкла отъ такихъ ласкъ, а испытывать ихъ отъ человѣка, котораго я презирала, мнѣ было еще гнуснѣе. Я не поддалась и вырвалась изъ его объятій. Онъ кинулся къ двери, заперъ ее на ключъ, и снова схватилъ меня въ охапку. Я начала кричать, но на крикъ мой никто не отозвался; какъ онъ былъ мнѣ противенъ въ эту минуту, я вамъ и выразить не могу, я въ душѣ проклинала себя, зачѣмъ къ нему пришла!

Борьба между нами длилась нѣсколько минутъ. Я стала уже ослабѣвать, но, собравъ послѣднія свои силы, съ отчаяніемъ ринулась я въ послѣдній разъ; рука его попала мнѣ въ ротъ, я его сильно укусила. Онъ крикнулъ, рванулся отъ меня въ сторону, и потомъ, какъ звѣрь, съ остервенѣніемъ, съ пѣной на губахъ, ударилъ меня кулакомъ по лицу, такъ сильно, что я упала навзничъ, и кровь струею побѣжала у меня изъ носа. Не довольствуясь этимъ и приходя въ ярость все больше и больше, онъ мгновенно отворилъ дверь изъ своей комнаты въ слѣдующую, и такъ, какъ я въ это время уже поднялась съ полу, то онъ съ силой вытолкнулъ меня вонъ такъ, что я не удержалась на ногахъ, и, падая, упала грудью на стоявшій среди комнаты столъ. На этотъ разъ, кровь хлынула уже у меня изо рта, и я едва осилила себя, чтобы встать и скорѣе идти къ себѣ, въ убогій уголъ, оплакать, глядючи на своихъ трехъ дѣтей, свое безъисходное горе. Когда я проходила по двору, то изъ его комнаты, чрезъ оконную фортку, послышался слѣдомъ за мной голосъ его: «Постой ты, собачья кровь» а за этимъ возгласомъ цѣлый рядъ ругательствъ. Не смотря на сильную боль въ груди и въ головѣ, я превозмогла ее. Чувства злобы, мести, ненависти, величайшаго презрѣнія, рев-

ности и оскорбленнаго самолюбія зашевелились во мнѣ, и я рѣшилась непремѣнно убить его, этого гнуснаго, подлаго, безсовѣстнаго человѣка. Отомщу ему за него самаго и за отца его, думала я, и мысль убить, непремѣнно убить его, не покидала уже моей головы. Мысль эта не вселяла даже въ меня никакого страха: напротивъ, придавала мнѣ какую-то гордую бодрость. Если не кому вступиться за меня, и отомстить за моихъ сиротъ, то я сама отомщу ему, думала я. И, съ твердою рѣшимостью непремѣнно его убить, пришла я домой. Дѣти, увидавъ меня въ крови, стали плакать, но мнѣ ихъ слезы сожалѣнія были даже непріятны: онѣ производили во мнѣ какую-то вялость, и я поскорѣе ихъ утѣшила. На другой день сдѣлалось извѣстнымъ, что Грондзевскій вечеромъ, когда уже совсѣмъ стемнѣетъ, отправится въ лѣсъ одинъ, черезъ садъ и плотину. За плотиной сейчасъ и начинался тотъ лѣсъ, и черезъ ближайшую къ мызѣ часть его лежала натоптанная тропинка, по которой и долженъ былъ идти Грондзевскій. На этой тропинкѣ, шагахъ во ста отъ опушки лѣса, стоялъ старый выгнившій дуплистый дубъ, обращенный пустою стороною, къ чащѣ лѣса. Я рѣшилась воспользоваться этимъ дубомъ, и устроить себѣ изъ него засаду, т. е. спрятаться въ немъ съ ножемъ, или съ топоромъ, и потомъ, когда Грондзевскій будетъ проходить мимо, то сзади нанести ему ударъ и убить его. Рѣшимость моя придавала мнѣ энергію, и, утромъ того дня, я съ полнымъ хладнокровіемъ точила у себя топоръ для своей жертвы. Потомъ мнѣ показалось, что топоромъ я несовсѣмъ хорошо владѣю, ножа хорошаго я не имѣла, а потому я выбрала въ орудіе смерти желѣзный шкворень, который вынула изъ стоявшей на дворѣ повозки. Уложивъ дѣтей своихъ спать пораньше, заперла свой чуланъ извнутри, сама вылѣзла чрезъ окно, которое потомъ также заперла. Отсутствіе мое изъ дому не могло быть замѣчено никѣмъ, потому что, по вечерамъ, никто меня не навѣщалъ, къ тому же чуланъ мой былъ въ дальнемъ углу двора, куда никто безъ особенной надобности не

заходилъ. Затѣмъ я отправилась къ своей засадѣ, и, спрятавшись въ дупло, приготовилась съ шворнемъ въ рукахъ, ожидать моего врага. Среди ночной тишины, до меня долетали какіе-то неясные звуки, отъ мятежнической шайки, расположенной отъ мѣста моей засады, на разстояніи около версты, и пировавшей въ ожиданіи своего предводителя, который долженъ былъ къ ней придти.

На этихъ словахъ Бодресова остановилась, вѣрнѣе же сказать, я останавливаю ея рѣчь, чтобы дать опомниться читателю и приготовиться къ болѣе тяжелымъ впечатлѣніямъ моего разсказа, если до сего времени онъ не былъ чуждъ всему тому, что перенесла и вытерпѣла бѣдная Бодресова. Очевидно, что Бодресова, передавая мнѣ свою жизнь, измѣну со стороны Грондзевскаго, рѣшимость свою убить его и самыя приготовленія свои къ тому, не могла не волноваться, и не прерывать своихъ показаній, но я не вижу особенной надобности, всю эту процедурную обстановку передавать буквально. Каждый легко можетъ самъ себѣ представить, что происходило, или могло происходить съ Бодресовой, когда она послѣ столькихъ запирательствъ, наконецъ рѣшилась повѣдать мнѣ свой великій грѣхъ и облегчить свою душу признаніемъ. Какъ судебный слѣдователь, я и въ литературномъ даже изложеніи процесса, остаюсь вѣренъ своему принципу: обращать вниманіе не на форму и внѣшность событія, съ его декоративной стороны, а болѣе на внутренній смыслъ и нравственное его значеніе. При всемъ томъ, ради характеристики моей печальной героини, я долженъ сказать, что во время своего разсказа, она, отъ сильнаго душевнаго волненія, впадала раза два въ обморокъ. Откровенная ея рѣчь дышала не какимъ нибудь геройскимъ цинизмомъ, въ родѣ того, что вотъ-дескать я человѣка убила— нѣтъ, въ каждомъ ея словѣ, въ каждомъ душевномъ движеніи, во всей ея манерѣ и интонаціи, выражался какой-то глубоко осмысленный протестъ противъ той несчастной жизни, которая выпала на ея долю, а въ побужденіи своемъ

убить Грондзевскаго Маріанна находила не вину въ смыслѣ преступленія, сознательно ею совершеннаго, а вину вполнѣ съ ея стороны естественную, какъ необходимое звено, въ безконечной цѣпи ея жизненныхъ бѣдствій, тревогъ и мученій. Во все время допроса Бодресовой, въ камерѣ моей находился сотскій. Сознаніе Бодресовой его крайне изумило. Онъ слушалъ ее, переступая съ ноги на ногу, съ разинутымъ ртомъ, и, казалось, получилъ къ ней большее уваженіе, нежели какое имѣлъ къ ней прежде. Въ одномъ маленькомъ антрактѣ между словами Бодресовой, онъ замѣтилъ: «человѣка убить—не гада задавить, этакую бѣду на свою голову принять—одно слово страсть Господня!» И пошелъ наряжать, по своему побужденію, въ караулъ къ Бодресовой десятскихъ, вполнѣ увѣренный, что послѣ такого «лиха», какое она учинила, наврядъ она уже будетъ отпущена домой и, конечно, на этотъ разъ онъ не ошибался.

Возвращаюсь къ прерванному показанію Маріанны Бодресовой.

— Недолго я ждала, сидючи въ дуплѣ, продолжала Маріанна, слышу—вдругъ кто-то идетъ по тропинкѣ, шаги все ближе и ближе, выглянула немного изъ-за дупла—онъ, Страхъ меня взялъ, руки задрожали: нѣтъ, думаю, не буду... пусть живетъ, а нѣтъ—убей, какъ словно кто подсказываетъ. Онъ тебя загубилъ, бей его на смерть! И вдругъ стало мнѣ такъ досадно на себя, что жалость меня взяла, подняла я шворень обѣими руками, держу—и сила откуда взялась, и руки то ужъ не трясутся. Вотъ, слышу, онъ уже близко, вотъ поровнялся подлѣ дуба, ступилъ еще шагъ, и въ одинъ мигъ очутилась я за нимъ и изо всей мочи хватила его въ голову, шапка у него свалилась. Онъ упалъ, только крякнулъ разъ и началъ биться по землѣ. Смотрю я на него, и такъ мнѣ сдѣлалось за себя весело. Канай, думаю, какъ собака, это тебѣ не по мордамъ ѣздить, да сиротъ плодить. Сгубилъ ты, думаю, меня окаянный. И такъ-то я рада, что отъ моей руки онъ умираетъ, точно доброе дѣло сдѣлала, и на душѣ

не смутно, а кровь-то у него изъ головы такъ и бьетъ. Однимъ глазомъ смотритъ, а другимъ мигаетъ, и все еще дергаетъ ему руки и ноги. Сняла я съ него же кинжалъ, что у него на поясу висѣлъ, да и махнула его по горлу. Затихъ онъ и не шевельнулся. Такъ онъ отъ моихъ рукъ и кончился. Думала я сейчасъ идти домой, а его тутъ и бросить; невелика бѣда, если найдутъ, на меня не подумаютъ, а скажутъ: видно москали, за повстанцами гоняючись, забили, да вижу недалеко въ гущѣ старая раззореная лѣсникова хата, а около нее колодезь. Взяла я его за ноги, сволокла къ колодцу, да и бухъ его внизъ, а за нимъ и кинжалъ туда же и шапку, а шкворень обтерла объ землю, и пошла домой, и не было мнѣ страшно, а такъ спокойно и легко, что отомстила я ему за себя и за своихъ сиротъ. Ужъ поздно ночью пришла я домой, никто меня не видалъ, шворень я положила на мѣсто и легла спать.

— Скажите мнѣ, Бодресова, неужели вы могли послѣ того спать спокойно? спросилъ я ее.

— Спала, ваше благородіе, совсѣмъ покойно, отвѣчала она. Все утѣшала себя, что я ему за дѣтей своихъ отомстила, да и такъ сама себѣ думала, что коли на этомъ свѣтѣ онъ покуту потерпѣлъ, такъ на томъ у Господа Бога заслужитъ, а грѣхъ его передо мною великъ.

— А не жалко вамъ его теперь? спросилъ я вновь Маріанну.

— Жалко не жалко, а я за его душу, что день молю Бога. Пусть Богъ ему проститъ его грѣхи, отвѣчала мнѣ Маріанна.

— Что—на ту пору никто о немъ не вспоминалъ на мызѣ, и не интересовались узнать, гдѣ онъ находится, послѣ того, какъ бывшая въ его лѣсу шайка мятежниковъ была взята, а его въ ней не оказалось?—обратился я вновь къ Маріаннѣ.

— Всѣ думали, что онъ куда нибудь ушелъ, — таковъ былъ общій слухъ, и никто даже не предполагалъ, что онъ былъ уже убитъ, отвѣчала Маріанна.

Послѣдующій и окончательный разсказъ ея состоялъ въ томъ, что она, въ скоромъ времени послѣ убійства Грондзевскаго перешла на жительство въ м. Дереши, гдѣ наняла хату, поселилась въ ней съ тремя своими дѣтьми, и стала жить трудами своихъ рукъ. Время отъ времени, ей иногда приходилъ въ голову Грондзевскій, и ее, съ истеченіемъ нѣкотораго времени, начало мучить угрызеніе совѣсти, призракъ убитаго ею Грондзевскаго все чаще и чаще сталъ являться въ ея воображеніи, ею сталъ овладѣвать какой-то страхъ, и нѣсколько разъ, подъ вліяніемъ душевной тоски, она порывалась было признаться кому-нибудь въ своемъ грѣхѣ, но, подъ вліяніемъ другаго чувства,—чувства страха и наказанія, постоянно отъ того удерживалась. Такимъ образомъ, жизнь Маріанны текла среди постоянныхъ душевныхъ волненій, какъ вдругъ однажды сынъ ея Вася, по поводу вышеописаннаго случая, прибѣжалъ къ матери, и сталъ ее спрашивать—гдѣ его отецъ. Вопросъ ребенка крайне поразилъ мать неожиданностію, и блеснулъ въ ея воображеніи горькимъ и тяжелымъ предчувствіемъ; ей стало казаться, что скрытое преступленіе, начинаетъ высказываться устами невиннаго сына, котораго она втайнѣ начала бояться, и дошло до того, что наединѣ съ нимъ Маріанна оставалась даже подъ вліяніемъ крайне смущавшаго чувства, а неразумное дитя, какъ бы нарочно послѣ того, постоянно спрашивало мать объ отцѣ, и надоѣдало ей о томъ даже при постороннихъ лицахъ. Маріанна призналась даже и въ томъ, что одно время она къ сыну своему Васѣ, составившему для нея источникъ новыхъ страданій и пытокъ, получила отвращеніе и ненависть, задумала избавиться и отъ него. Для этой цѣли однажды завела его въ сосѣдній лѣсъ, чтобы тамъ покончить, но не могла рѣшиться исполнить это, и воротилась домой, оставивъ Васю живымъ, хотя незамѣтно разлюбила его. Она не питала уже къ нему прежнихъ материнскихъ чувствъ, а ребенокъ не могъ этого не замѣчать, и, видя охлажденіе къ себѣ матери, все настойчивѣе

домогался увидать своего батьку. Среди такой невыносимой душевной тревоги, вѣчнаго страха и постояннаго укора совѣсти, Бодресова должна была переносить множество и матеріальныхъ лишеній. Бѣдность ея дошла до крайности, а нужно было кормить себя и троихъ дѣтей; къ довершенію всего, и здоровье постоянно приходило въ упадокъ. Побои, полученные ею отъ Грондзевскаго и ударъ въ грудь, не прошли безслѣдно. Страданіе головы и груди по цѣлымъ днямъ заставляли Бодресову лежать, отнимая возможность работать; по временамъ у нея открывалось кровохарканіе. Многіе другіе болѣзненные сипмтомы уже указывали, прибавьте къ этому, полное отсутствіе всякаго согрѣвающаго родственнаго чувства, ни искры сочувствія къ бѣдствбенному ея положенію, съ чьей-либо стороны — вы поймете, читатель, бѣдственное положеніе Бодресовой.

Въ это время вдругъ ее потребовали къ становому приставу. Маріанна перепугалась не на шутку. Ей показалось, что слѣды преступленія какъ-нибудь открылись, и не сдобровать ей. Со страхомъ является она въ станъ, и, къ удивленію, получаетъ повѣстку на письмо съ 10 руб. денегъ, на ея имя. Она отправляется въ почтовую контору; взрѣзываютъ ей письмо, услужливый почтальонъ отводитъ ее въ уголокъ, и начинаетъ читать, въ чаяніи заработать что нибудь отъ прельщавшей его десятирублевки, какъ вдругъ, при самомъ же началѣ письма, Маріанна блѣднѣетъ и разражается потокомъ горючихъ слезъ. Письмо было отъ Степана, съ Кавказа. Долго не писалъ ей кавказскій герой, не получая отъ нея никакихъ извѣстій, наконецъ въ этомъ страховомъ денежномъ письмѣ, высказывая предъ ней прежнія свои чувства, прежнюю любовь, напоминаетъ ей о взаимныхъ чувствахъ, умоляетъ сохранить ихъ, проситъ быть честною, и пановъ не бояться, (потому что ужъ воля дана), быть ему вѣрною, и обѣщаетъ чередъ годъ придти въ безсрочный отпускъ и жениться на ней, а на надобности ея посылаетъ изъ своихъ заработковъ 10 руб. сер. «Это

тебѣ на ребенка, можетъ отъ проклятаго пана имѣешь, такъ я на то не гнѣваюсь, не твоя то была вина и воля, только больше не знайся, да помни меня», сказано было въ письмѣ. Тяжелымъ гнетомъ легло это письмо на душу Маріанны; вспоминала она свой шестнадцаталѣтній возрастъ и своего милаго девятнадцатилѣтняго Степана, съ которымъ ее тогда разлучили, всю свою жизнь съ той поры, и затуманилась ея голова. Что дѣлать, какъ быть, какъ взглянуть въ глаза Степану,—этому единственному теперь существу—высказавшему столько чувства, и которому она теперь мысленно отвѣтила тою же возродившеюся взаимностію?.. Что мнѣ за радость будетъ съ нимъ свидѣться, думала Маріанна, нелюбы будутъ ему мои трое дѣтей, не люба ему сдѣлаюсь и я... Тяжко жить, надо умирать... душу успокоить .. Пусть придетъ, узнаетъ, что умерла, можетъ дѣтей... дѣтокъ-то не броситъ... пожалѣетъ, ради меня, сиротъ несчастныхъ...—терзалась мысленно Маріанна и придя домой бросила письмо съ деньгами на столъ, а сама залилась слезами. Дѣти съ недоумѣніемъ смотрѣли на мать, и только Васька, увидавъ письмо, обратился къ ней: «Мама, можетъ, письмо отъ батьки», надоѣдалъ онъ ей. Бѣдная Маріанна! выносить такое положеніе дольше она не могла, и зародилась въ ней сокровенная дума. Что за жизнь представлялась ей впереди: вѣчный страхъ за преступленіе, угрызенія совѣсти, полнѣйшее ожесточеніе противъ жизни, не давшей ничего, кромѣ горя, вѣчныя скорби и душевный гнетъ отъ тяжелыхъ воспоминаній, бѣдность, крайность во всемъ, болѣзнь, какъ вѣрный залогъ медлительнаго съ разными страданіями пути къ смерти, ничего отраднаго впереди... предстоящая отрава своимъ положеніемъ единственнаго любящаго сердца и неразумные вопросы сына о батькѣ...

Маріанна, въ то же утро когда получила письмо, рѣшилась повѣситься. Вечеромъ она уложила дѣтей спать, накормила ихъ и наготовила въ печи кушанья дня на два. Деньги и письмо спрятала въ свой сундучекъ, заперла на-

ключъ, повѣсила его сонному Васѣ на образной шнурокъ, всю ночь не спала. По ея словамъ, она усердно молилась Богу, и, чуть свѣтъ, перекрестивъ въ послѣднiй разъ дѣтей своихъ, взошла по лѣстницѣ на чердакъ, сняла съ себя кумачевый поясъ, сдѣлала петлю, которую прикрѣпила къ поперечной балкѣ, встала на боченокъ, наклонилась въ петлю, метнулась... и жизнь ея готова была отлетѣть. Но если таково было желанiе Марiанны, то не согласовалось оно съ ея предназначенiемъ, не суждено ей вѣрно было умереть, не покаявшись въ своемъ грѣхѣ, и не облегчивъ свою совѣсть признанiемъ. Марiанна была замѣчена сосѣдкой, пошедшей на чердакъ за листомъ капусты. Сдѣлался шумъ. Марiанну вынули, оживили и представили по начальству. Дальнѣйшая ея судьба извѣстна.

— Такъ ты отъ того скрывала, что Грондзевскiй отецъ твоихъ дѣтей, что опасалась какъ бы связь твоя съ нимъ не могла послужить поводомъ къ розысканiю его и обнаруженiю твоего преступленiя, спросилъ я Бодресову.

— Да, именно отъ того, отвѣчала она, тѣмъ болѣе, что и самое воспоминанiе объ немъ меня всегда приводило въ ужасъ, и я мѣнялась въ лицѣ, при одной лишь мысли о немъ. Вотъ и ваше благородiе, отозвалась она съ горечью, — небось тоже по лицу моему, да по разговору, много чего узнали, можетъ по лицу и къ сознанiю привели.

— Ну, а какъ же ты говорила мнѣ, обратился я къ ней, что дѣти у тебя отъ Зрудскаго, и что Грондзевскiй проигралъ тебя ему въ карты: это, значитъ, ты неправду показывала?

Марiанна нисколько не сконфузилась, но отвѣчала совершенно спокойно:

— Соврала я только то, что дѣти не отъ барина, а остальное все правду сказала. Послѣ рожденiя второй моей дочки, Грондзевскiй былъ ко мнѣ уже меньше привязанъ и, играя постоянно въ карты, часто проигрывался. Когда, бывало, не хватало у него денегъ, такъ онъ игралъ и на меня, и раз-

нымъ господамъ проигрывалъ меня, кому на день, кому на два, а кому и на мѣсяцъ, а совсѣмъ не отдавалъ. Кто изъ молодыхъ господъ выиграетъ, вотъ и везетъ меня къ себѣ, да и дѣлаетъ что хочетъ; извѣстно, была я ему подневольная, заступиться за меня было некому — оттого и терпѣла. Какъ кончится срокъ, на который я была выиграна, то отсылаютъ меня обратно къ барину, а оттуда опять посылаютъ на побывку къ другому. Иногда бывало и просто, безъ картъ, возьметъ меня баринъ, да и отправитъ,—къ кому ему тамъ угодно: на день на два или на ночь, а ему за то деньгами даютъ. Вотъ она, моя жизнь-то какая была, а всему красота моя виновата... лучше бы меня мать-то камнемъ бы родила, не знала бы я этого горя и срама. Такимъ маneромъ - продолжала Бодресова, была я раза два и у Зрудскаго, онъ меня и прозвалъ-то «выигрышною». Такъ меня потомъ съ усмѣшкой и во дворѣ звали: «выиграшная да выигрышная».

— И долго ты такую жизнь вела? —перебилъ я Бодресову.

— Нѣтъ, около года только — отвѣчала она, а тамъ вышла вольность, я ужъ и не захотѣла. Грондзевскій принуждалъ, да ужъ я его не слушалась и не боялась, — вотъ и прогналъ онъ меня на черный-то дворъ. Теперь, ваше благородіе, заключила съ горечью Маріанна, я разсказала вамъ все, призналась во всемъ, судите меня какъ знаете, мнѣ одинъ конецъ. Прошу только васъ, чтобъ дѣло мое поскорѣй кончить, чтобъ долго не томиться, теперь мнѣ ужъ никакое рѣшенье не страшно. Хоть къ смерти приговорятъ,— все одно. Можетъ, я и сама скоро умру... только дѣтей жалко,—и она заплакала тихими, сдержанными слезами.

На сколько, во все время допроса и даже при показаніи Маріанна волновалась, на столько, по окончаніи своего послѣдняго слова, она сдѣлалась совершенно спокойною, и равнодушно ожидала будущаго. Это было, впрочемъ, и естественно: трудно было допустить, чтобы будущее, какое бы оно

ни было, могло казаться Маріаннѣ хуже и невыносимѣе ея несчастнаго прошедшаго.

Маріанна, по свойству совершеннаго ею преступленія, подлежала, на время слѣдствія и. суда заключенію въ тюрьмѣ. Съ сокрушеннымъ сердцемъ составилъ я о томъ свое постановленіе, и съ грустнымъ чувствомъ объявилъ его Маріаннѣ. Она приняла это извѣстіе совершенно равнодушно, и это равнодушіе, какъ-то кольнуло меня въ сердце, какъ будто бы оно явилось послѣдствіемъ какой-нибудь несправедливости моей къ ней. Что это за чувство—выразить трудно, но понять его немудрено, принявъ въ соображеніе, что слѣдователю, въ предѣлахъ строго-законной формальности, часто приходится сознавать, что, дѣйствуя по влеченію совѣсти и движеній души, идущихъ подъ часъ въ разладъ съ законностію по формѣ и по буквѣ закона, онъ съ извѣстнымъ лицемъ поступилъ бы діаметрально противоположно тому, какъ долженъ поступить по закону. Маріаннѣ Бодресовой — при всѣхъ смягчающихъ вину обстоятельствахъ, все-таки предстояла впереди каторжная работа; а я былъ того мнѣнія, что если бы ей простили всю вину, отдали бы все состояніе Грондзевскаго, и доставили бы полный комфортъ въ жизни и возможность воспитать и сдѣлать честными людьми дѣтей своихъ, то все-таки она была бы недостаточно вознаграждена за свое несчастное прошлое. На дѣлѣ выходитъ не такъ: съ нее за вину взыщутъ, а нравственная обида, ея муки, скорбь, несчастія, получатъ только развѣ сочувствіе общества, но не возмездіе. Но что же въ этомъ сочувствіи, когда оно является вопервыхъ несвоевременно, а вовторыхъ, не облегчаетъ нисколько въ обстановкѣ человѣка грустную матеріальную сторону его жизни. Впрочемъ, и то сказать: на эту тему можно многое наговорить, и коснуться такихъ нравственно-оціальныхъ вопросовъ нашей общественной жизни, поверхностное обсужденіе которыхъ по меньшей мѣрѣ должно считаться недобросовѣстнымъ. Предметъ этотъ слишкомъ важенъ для того, что-

бы объ немъ трактовать вскользь, а потому я о немъ умалчиваю, и перехожу къ своему разсказу.

Передъ отправленіемъ, въ острогъ, Маріанна просила, что бы двухъ дѣвочекъ ей дозволено было взять съ собой, а сына Васю, поручала своей ближайшей сосѣдкѣ, которая, за рубль въ мѣсяцъ, согласилась принять мальчика, кормить его и одѣвать. Маріанна на моихъ глазахъ отдала ей, съ горечью 10-рублевую бумажку, отозвавшись. «а тамъ что у тебя останется,—когда нибудь разсчитаемся», но при этомъ попросила 75 коп., отдать хозяину, за хату, и поручила выплатить кое-какіе свои грошовые долги, копѣекъ на 50. Васька, услыхавъ, что мать не беретъ его съ собой, разревѣлся; но успокоился, когда сказали, что его повезутъ «до батьки» и что тотъ ему купитъ новую шапку. Когда подвода для отправки Маріанны была уже готова, сотскій явился ко мнѣ.

— Я ей, ваше высокоблагородіе, на дорогу прикажу руки связать, кабъ часомъ не утягла, теперь ей не што, человѣка убивши —началъ онъ. Я отмѣнилъ его предположеніе, и тѣмъ поставилъ въ положительный тупикъ.

Бодресова, прежде чѣмъ садиться въ повозку, вошла ко мнѣ въ комнату, и, горько заплакавъ, стала меня благодарить и ловить мою руку поцѣловать; я тщательно себя отъ этого отстранялъ. Прощаніе ея было искренно, но я немного смутился. За что она меня благодаритъ?—думалъ я: за сочувствіе ли къ ней, за то ли, что я довелъ ее до сознанія въ преступленіи, которое ее мучило, или, можетъ быть, за то, что я сажаю ее въ тюрьму? —недоумѣвалъ я.

Исторія Маріанны и обнаруженіе ея большаго преступленія, составило въ Дерешахъ немалое событіе. Мѣстное населеніе, однако, жалѣло Маріанну, и, передъ ея отправкой въ уѣздный городъ и въ тюрьму, толпа народа собралась поглазѣть какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ. Маріанна со всѣми прощалась, садясь на повозку: «Прощайте, люди добрые, не поминайте меня лихомъ; кому что худо

сдѣлала, такъ простите, а ужъ мнѣ здѣсь травы не топтать»— говорила она со слезами на глазахъ, трогаясь въ путь. Наконецъ она завернула за уголъ, и скрылась съ моихъ глазъ. Я обрадовался этому мгновенію, потому что могъ немного отдохнуть нравственно. Присутствіе Маріанны неминуемо вызывало во мнѣ представленіе о всей ея несчастной жизни, и мнѣ дѣлалось тяжело отъ сознанія, какая тяжкая жизнь выпадаетъ иногда на долю людей. Я жалѣлъ Маріанну тѣмъ болѣе, что и впереди ей, во всякомъ случаѣ, не предстояло ничего радостнаго,—однѣ муки были у ней и впереди.

Послѣ отправки Маріанны Бодресовой въ острогъ, а занялся обслѣдованіемъ всѣхъ подробностей ея показанія, и заранѣе былъ увѣренъ, что оно подтвердится во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ. Въ этомъ убѣждало меня чистосердечное и откровенное признаніе Бодресовой, въ которомъ не было ничего напускнаго, — такъ какъ оно явилось естественнымъ послѣдствіемъ выстраданной скорби наболѣвшей души. Я отправился въ Гостицу. Трупъ Грондзевскаго, дѣйствительно, былъ найденъ въ томъ самомъ колодцѣ, на который указала Бодресова,—и вытащенъ оттуда для осмотра. Я приступилъ къ нему съ омерзѣніемъ, которое, впрочемъ, чувствовалъ не къ лежавшей передо мной вонючей массѣ, а къ личности, которую эта масса когда-то представляла. Мнѣ казалось, что живой Грондзевскій, если бы онъ предсталъ передо мною, внушилъ бы мнѣ гораздо болѣе отвращенія, нежели теперь его вонючіе остатки. Трупъ найденъ былъ уже почти совершенно сгнившимъ, особенно въ верхней половинѣ. Мягкихъ покрововъ уже почти не было, одежда сохранилась слабо, но ее можно было еще хорошо различить; на головѣ, въ задней части темени, оказался проломъ въ черепѣ. Нужно полагать, что ударъ былъ удаченъ и силенъ, потому что осколокъ черепа вошелъ въ средину головы и остался внутри. При трупѣ найденъ пистолетъ, а кинжалъ, которымъ Бодресова дорѣзала его, вытащили со дна колодца, когда уже вынули трупъ; на лезвіяхъ кинжала была сильная

ржавчина. Въ колодцѣ воды не было, онъ оказался высохшимъ, а потому на днѣ, заваленномъ листвой и хвоей, было явственно видно вдавленіе отъ головы, такъ какъ трупъ найденъ въ положеніи почти перепендикулярномъ, головою внизъ, а ногами къ верху. Понятые, бывшіе при вытаскиваніи и осмотрѣ трупа, издѣвались надъ положеніемъ его въ колодцѣ, въ которомъ онъ былъ найденъ.

— Собакой жилъ, собакой и вѣкъ свой кончилъ — говорили они въ одинъ голосъ, и на распросы мои, чѣмъ же онъ былъ собака—отвѣчали, что подлѣе и безсовѣстнѣе человѣка они не знали. Не одну дѣвушку онъ съ пути свелъ, не одну опакостилъ—гнусная душа—отзывались они о немъ; а Маріанну всѣ жалѣли, и интересовались узнать, какую будущность готовитъ ей судьба за убійство Грондзевскаго. Покончивъ съ трупомъ и осмотрѣвъ его на сколько мнѣ было нужно, я занялся дальнѣйшими разслѣдованіями, а трупъ передалъ въ распоряженіе полиціи. Осмотръ трупа ясно убѣдилъ, что Грондзевскій былъ убитъ сзади, ударомъ въ голову какимъ-нибудь твердымъ тѣломъ. Это мнѣніе подтвердилъ и врачъ, находившійся при осмотрѣ, добавивъ, что по состоянію гнилости трупа полагать слѣдуетъ, что онъ принадлежитъ человѣку, убитому около 2-хъ лѣтъ назадъ. Это согласовалось вполнѣ съ дѣйствительностію. Осмотръ трупа, какъ и все слѣдствіе по дѣлу Бодресовой, были произведены въ 1865 году лѣтомъ, а Грондзевскій былъ убитъ въ началѣ второй половины 1863 года.

Въ Гостицѣ я поинтересовался провѣрить правильность показанія Бодресовой относительно того, что Грондзевскій проигрывалъ Маріанну разнымъ лицамъ въ карты. Это обстоятельство подтвердилось вполнѣ, при чемъ въ деталяхъ и подробностяхъ подобныхъ дѣйствій Грондзевскаго, высказались такіе безчестныя правила и такая гнусность, что я по истинѣ удивлялся, какъ несчастная Бодресова могла переносить подобныя униженія? Для обращика укажу на одинъ примѣръ. Грондзевскій, будучи однажды пьянъ черезъ мѣру,

проигралъ Маріанну на двое сутокъ, заразъ двоимъ. Какъ тотъ, такъ и другой заявили требованіе немедленно воспользоваться выигрышемъ. Происходитъ споръ, чуть-чуть не драка; противники не уступаютъ; наконецъ Грондзевскій, въ присутствіи другихъ своихъ полупьяныхъ гостей, предлагаетъ рѣшить дѣло жребіемъ такого рода: Маріанна призывается въ общую комнату, гдѣ находится вся спорящая компанія. Ей приказываютъ раздѣться до рубашки, и въ такомъ видѣ отправляютъ въ смежную пустую, темную комнату, гдѣ она получаетъ приказаніе куда-нибудь спрятаться, и не подавать голоса. Затѣмъ оба противника разоблачаются такимъ же образомъ и входятъ вмѣстѣ въ темную комнату къ Маріаннѣ, гдѣ и начинаютъ ее въ темнотѣ искать. Тотъ, который первый ее обрѣтетъ, получаетъ на нее свои выигранныя права тотъ часъ же. Другой же долженъ уже ожидать очереди по истеченіи двухъ дней.

Вотъ до чего доходили поступки Грондзевскаго, и какъ немилосердно и жестоко попиралъ онъ въ Маріаннѣ человѣческую личность и важнѣйшія ея достоинства—особенно въ женщинѣ — стыдъ, цѣломудріе и нравственность. Не буду долго распространяться о дальнѣйшихъ моихъ разслѣдованіяхъ. Всѣ они привели къ одному результату. Показанія Маріанны Бодресовой, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, подтвердились вполнѣ, моими разслѣдованіями. Личности Бодресовой и Грондзевскаго обрисовались какъ нельзя лучше, и на сколько къ первой обстоятельства дѣла внушали чувства сожалѣнія, сострааданія и участія, на столько личность Грондзевскаго внушала отвращеніе и презрѣніе. Я, закончивъ дѣло и отправивъ его по принадлежности, съ нетерпѣніемъ ожидалъ грустной развязки участи Маріанны. Черезъ нѣсколько дней я былъ въ уѣздномъ городѣ, и зашелъ въ острогъ, навѣстить ее. Она очень обрадовалась моему приходу, но нисколько не выказала удовольствія, когда я ей сказалъ, что дѣло уже окончено и отослано въ судъ. Ее, казалось, нисколько

уже не интересовалъ конецъ дѣла и будущность, потому что это извѣстіе приняла совершенно равнодушно. Она спросила меня, здоровъ ли Васька; я отвѣтилъ, что здоровъ, и спросилъ: не хочетъ ли она перевести къ себѣ и сына.

— Нѣтъ, ваше благородіе, отвѣтила она: пускай будетъ въ Дерешахъ, ему тамъ лучше, да и мнѣ безъ него спокойнѣе, и она грустно вздохнула. Уходя, я оставилъ Бодресову спокойною и совершенно освоившеюся съ своимъ положеніемъ и съ мыслью о предстоящей ей тяжелой будущности. Меня даже удивляла твердость и стойкость ея характера. Прошла недѣля. Вдругъ я получаю отъ смотрителя острога слѣдующее форменное извѣщеніе: «Имѣю честь сообщить вашему высокоблагородію, что содержавшаяся во ввѣренномъ мнѣ тюремномъ замкѣ, на женской половинѣ, арестантка Маріанна Бодресова сего числа найдена въ отхожемъ мѣстѣ зарѣзавшеюся на смерть кухоннымъ ножомъ, взятымъ ею тайкомъ съ арестантской кухни.» О причинѣ смерти Бодресовой, т. е. вѣрнѣе о поводахъ самоубійства, въ донесеніи смотрителя не говорилось ничего, но мнѣ эти поводы были извѣстны. Конечно они были тѣже, что и въ первомъ случаѣ, съ тою лишь разницею, что теперь ее тяготила еще мысль о предстоящемъ наказаніи. На этотъ разъ Маріанна была уже предусмотрительнѣе. Она не повѣсилась, а зарѣзалась — возврата къ жизни уже не было. Смѣлою и твердою рукою отхватила она себѣ большимъ ножомъ чуть-чуть не половину шеи, и умерла мгновенно. Отлично наточенный ножъ, которымъ на арестантской кухнѣ рѣзали хлѣбъ, найденъ былъ лежащимъ на полу, около нея весь въ крови. Я пріѣхалъ въ острогъ, и нашелъ Маріанну уже одѣтою, и положенною на лавкѣ, въ острожной часовнѣ. Шея ея для скрытія безобразно-зіяющей раны была перевязана широкою повязкою бѣлой чистой косынки. Обмыта она была своими товарками по острогу, и одѣта на столько опрятно, и хорошо, на сколько было усердіе у содержав-

шихся съ нею въ каморѣ женщинъ, которыя въ короткое время полюбили Маріанну, и одѣли ее со всею возможною роскошью бѣдной тюремной обстановки. Войдя въ часовню, я увидалъ въ углу двухъ ея дѣвочекъ, сиротъ. Онѣ безстрастно смотрѣли на мать и, казалось, не понимали своего положенія. Лице Маріанны было совершенно спокойное, а серьезно-торжественное выраженіе его, казалось, хотѣло сказать, что въ смерти своей она нашла ту отраду и успокоеніе, которыхъ была лишена при жизни. Дознаніе о ея смерти было коротко. Содержавшіяся въ одной съ нею каморѣ арестантки удостовѣрили, что Бодресова, во время содержанія въ тюрьмѣ, была задумчива, грустна, мало говорила, иногда плакала и роптала на жизнь; въ разговоры вступала неохотно, и только разъ, когда незамужнія арестантки завели между собою крайне интересный разговоръ о томъ, которая изъ нихъ скорѣе выйдетъ замужъ, то Маріанна бойко отозвалась впередъ всѣхъ: «Я прежде васъ всѣхъ выйду за мужъ», а когда ее спросили за кого, то она отвѣтила: «разомъ за двухъ—за Лопатинскаго и Песоцкаго», и больше ничего не сказала. Въ то время никто не понялъ и не разобралъ ея словъ, и только уже послѣ ея внезапнаго самоубійства, острожная братія мужской половины филологически разъяснила, что подъ Лопатинскимъ и Песоцкимъ Маріанна разумѣла лопату и песокъ, которые должны были закрыть ей на вѣки глаза на городскомъ выгонѣ, куда обыкновенно таскали зарывать всѣхъ городскихъ самоубійцъ. Когда тюремные служителя понесли тѣло Маріанны изъ тюрьмы, то вся женская камера вышла въ корридоръ, чрезъ который несли трупъ покойницы, и громко завыла, какъ будто послѣ потери близкой родни. Въ этихъ искреннихъ слезахъ выразилась, со всею неподдѣльностію та нравственная связь, которая сближаетъ и соединяетъ людей, поставленныхъ превратностями жизни, въ одинаковыя неблагопріятныя обстоятельства, и подъ часъ составляетъ единственную ихъ нравственную поддержку. На муж-

ской половинѣ также затихъ между арестантами обычный шумъ и гамъ, когда показался гробъ Маріанны. Кто крестился, глядя ей въ слѣдъ, кто тупоумно смотрѣлъ, какъ бы о чемъ-то недоумѣвая; были и такіе, что поплелись сзади проводить покойницу до острожныхъ воротъ. Идя дворомъ, кто-то изъ провожавшихъ гробъ арестантовъ затянулъ: «Со святыми упокой», ему подтянули довольно стройно нѣсколько человѣкъ, какъ вдругъ голосъ дежурнаго унтера: «что вы, черти, распѣлись-то—маршъ по камерамъ!» прервалъ ихъ концертъ и молитвенное настроеніе. Ретивый унтеръ, вѣроятно, былъ того мнѣнія, что Маріаннѣ ни въ какомъ случаѣ не подобало слышать столь умилительное пѣніе, и чаять надежды получить заманчивое успокоеніе со святыми. Вынесли, наконецъ, гробъ Маріанны, кое какъ сбитый изъ еловыхъ обломковъ за ворота, положили его на какой-то грязный возъ, запряженный чуть живою лошаденкою, и повезли въ безчестное, — по выраженію закона, — мѣсто, на городской выгонъ, гдѣ и закопали въ яму. Вотъ и конецъ печальной исторіи несчастной Маріанны, одной изъ тѣхъ, которыхъ жизнь производитъ тысячами, и тысячами же губитъ, по волѣ тѣхъ случайностей и необъяснимыхъ явленій въ жизни, которыя мы привыкли называть судьбою, и оправдывать неизбѣжностію предопредѣленія.

Прошло два мѣсяца послѣ смерти Маріанны. Среди разнаго рода другихъ дѣлъ, я и забылъ уже про нее; но вотъ однажды является ко мнѣ бравый загорѣлый солдатъ лѣтъ за 30-ть, съ грудью увѣшенною отличіями.

— Что нужно, служивый? спрашиваю я.

— Да къ вамъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчаетъ онъ. Это я на счетъ креста... Крестъ желательно поставить, такъ безъ вашего высокоблагородія не смѣю—какъ позволите?..

— Какой крестъ, гдѣ поставить? ничего я не понимаю, перебиваю я солдата:—говори, братецъ, яснѣе, чего ты хочешь.

— Извольте видѣть, ваше высокобрагородіе, я безсрочный, Степанъ Курдгомъ. Вотъ только недѣлю пришелъ съ Кап-

каза, а тутъ одна женщина померла... Вы изволили слѣдство производить,—Маріанной прозывалась... такъ сдѣлайте божескую милость... чтобъ крестъ хоть ей на могилу-то поставить, заговорилъ сконфуженный Степанъ перерывистымъ на послѣднихъ словахъ отъ волненія голосомъ.

Едва только услышалъ я отъ него, что онъ Степанъ—какъ у меня мелькнуло предчувствіе, что онъ вѣроятно и есть бывшій женихъ Маріанны, и, какъ видите, читатель, я не ошибся. Просьба Степана ко мнѣ заключалась въ томъ, чтобы дать ему разрѣшеніе поставить на могилѣ Маріанны, на городскомъ выгонѣ, крестъ.

— Я не имѣю права давать тебѣ на эту просьбу никакого разрѣшенія, отвѣтилъ я Степану, во первыхъ потому, что поставить крестъ ты можешь безъ всякаго разрѣшенія и никто тебѣ запретитъ этого не можетъ, а во вторыхъ, обстоятельство это до меня, какъ до слѣдователя, нисколько не касается.

— Такъ я, ваше высокобрагородіе, поставлю крестъ: хоть память ей будетъ христіанская, знать будетъ всякій, что не скотина, а человѣкъ лежитъ подъ бугромъ-то, отозвался на мои слова Степанъ, сильно взволнованный.

— Вѣдь ты ее крѣпко любилъ какъ паробкомъ былъ, за нее и въ солдаты пошолъ? обратился я къ нему съ вопросомъ.

— Вѣрно, ваше высокоблагородіе, что любилъ, да и по днесь люблю, думалъ: приду домой, какая она ни на есть, женюсь. Пришелъ, да вотъ не довелось: говорятъ—померла не своей смертью, говорилъ въ волненіи Степанъ—не довелось мнѣ молодость-то свою вспомнить... бѣдная дѣвка... Вы, ваше высокоблагородіе, вѣдь знаете, каково ей было житье, на то время, даромъ что крѣпостной-то я былъ, а такъ заговорило во мнѣ, что стараго-то пана хотѣлъ ножомъ полоснуть; ну, да не допустили и сдали въ солдаты. Кабы зналъ я такую свою долю, лучше бы не приходилъ домой. Теперь всю утѣху хоть въ ейныхъ дѣткахъ имѣю, хоть не мои, да ея—проговорилъ сквозъ слезы бѣдный Степанъ.

— Такъ ты ее дѣтей къ себѣ на воспитаніе взялъ? спросилъ я.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе. Гдѣ же имъ, сиротамъ, дѣться? не толкаться вѣкъ безпріютно. Тяжко было ихъ матери, сиротѣ, одной жить на свѣтѣ. много она обиды перенесла, да и свой грѣхъ черезъ обиду допустила, а я ее любилъ да и теперь люблю. Хоть дѣтей ейныхъ не пущу по чужимъ людямъ горе мыкать, все душѣ ея будетъ спокойнѣе. «Да вѣдь и тебѣ ея дѣти—чужіе, подумалъ я, но не рѣшился сказать этого, боясь затронуть и взволновать слишкомъ сокровенныя чувства Степана, въ искренности которыхъ къ Маріаннѣ я сомнѣваться не могъ. Подъ конецъ моего разговора со Степаномъ, въ комнату зашелъ мальчикъ и непринужденно подошелъ къ нему. Я узналъ въ немъ Ваську.

— Здравствуй, Вася, обратился я къ нему.

— Здравствуй. Дядька мнѣ нову шапку купилъ, весело отвѣтилъ мнѣ Васька, и съ достоинствомъ завертѣлъ фуражкой, которую держалъ въ рукахъ.

— Какой дядька? Это не дядька, а твой батька, котораго ты хотѣлъ видѣть, сказалъ я Васькѣ.

— У меня батьки нема, проговорилъ Васька полушопотомъ.

Отъ чего не уразумѣлъ ты эту горькую истину раньше, подумалъ я самъ про себя. Можетъ быть, у тебя была бы теперь хоть матка, а можетъ и дядьку своего назвалъ бы ты скоро батькой, фантазировалъ я въ умѣ, и обратился къ нему съ вопросомъ:

— А гдѣ теперь твоя матка?

— Померла, въ острогѣ зарѣзалася отъ худаго житья,— бойко проговорилъ Васька.

Затѣмъ Степанъ вышелъ, напутствуемый моими благожеланіями, за его доброе дѣло, и участіе къ сиротамъ. За Степаномъ послѣдовалъ и Васька, улыбнувшись мнѣ на прощанье, какъ знакомому.

Степанъ получилъ безсрочный отпускъ, о которомъ пи-

салъ къ Маріаннѣ, раньше нежели, какъ предполагалъ, и, съ надеждою увидать чрезъ 13 лѣтъ женщину, которую, онъ любилъ еще юношей, и къ которой сохранилъ свою юношескую страсть, подходилъ къ Гостицѣ. Недружелюбно она его встрѣтила. Отецъ и вся ближайщая родня его въ 13 лѣтъ вымерла. Дальной роднѣ до него было мало дѣла. Въ Гостицѣ же узналъ Степанъ и несчастную судьбу Маріанны, а также ея печальную кончину. Приди онъ двумя мѣсяцами раньше, можетъ быть онъ засталъ бы еще живою, но не суждено уже ему было увидать ее. Степанъ не оскорбился связью Маріанны съ Грондзевскимъ, потому что на себѣ очень хорошо испыталъ деспотизмъ и произволъ панской власти, и не осуждалъ убійство ею Грондзевскаго. Въ лицѣ своемъ Маріанна мстила Грондзевскому и за Степана. На другой же день по приходѣ въ Гостицу, Степанъ отправился въ городъ, посѣтилъ могилу Маріанны, и принялъ твердую рѣшимость взять къ себѣ всѣхъ ея трехъ дѣтей на воспитаніе, розыскалъ ихъ по разнымъ угламъ, и забралъ къ себѣ, поселившись временно въ наемной квартирѣ въ городѣ, гдѣ-то на краю близъ выгона, неподалеку отъ Маріанны.

Прошелъ годъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась могила Маріанны въ сторонѣ, въ углу, при дорогѣ, стояла уже новая небольшая хатка. Степанъ купилъ отъ города ту часть выгона, гдѣ сокрыты дорогіе ему останки Маріанны. Онъ построилъ тамъ хату, въ которой пріютился съ тремя малютками. Могила Маріанны отличается отъ другихъ, подобныхъ ей, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ выгона могилъ: она обложена дерномъ, окружена рѣшеткою, и имѣетъ черный крестъ, издѣліе самого Степана. На крестѣ надписи никакой нѣтъ, да и кому, кромѣ Степана и трехъ сиротъ, нужно знать, кого та могила успокоила? Зимою она имѣетъ видъ запустѣнія, а лѣтомъ и весной, около нея постоянно играютъ, подъ наблюденіемъ Васи, двѣ его младшихъ сестренки, и вмѣстѣ всѣ, втроемъ, оберегаютъ могилу матери,

отъ нашествія пасущихся на городскомъ выгонѣ коровъ, свиней и лошадей.—На этой могилѣ, въ день печальной кончины Маріанны, Степанъ и трое сиротъ молятся, со слезами на глазахъ, объ успокоеніи ея грѣшной души.

Таковъ исходный житейскій конецъ Маріанны Бодресовой—этой несчастной страдалицы, жертвы насилія, разврата, грубаго произвола, деспотизма и гнуснаго обмана!...

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

III.

Поджигатели.

Лѣтомъ 1865 года, вся западная окраина Россіи страдала отъ безпрерывныхъ пожаровъ, производимыхъ, съ политическою цѣлію, вождями польскаго возстанія, незадолго передъ тѣмъ усмиреннаго.—Озлобленная польская справа, потерпѣвъ полное фіаско въ созданномъ ею вооруженномъ мятежѣ, на который она такъ много разсчитывала, думала путемъ поджоговъ озлобить населеніе, не сочувствовавшее мятежу, и волей-неволей заполонить его въ свой лагерь. Нашлись фанатики-исполнители, которые, дѣйствуя по правилу «цѣль оправдываетъ средства» стали ходитъ по селамъ и деревнямъ, и поджигали, не давая себѣ труда вникнуть въ гнусность своихъ поступковъ. Нечего и говорить, что правительствомъ были приняты всѣ мѣры къ пресѣченію этого зла, путемъ наблюденій и преслѣдованій злонамѣренныхъ лицъ; для разслѣдованія причинъ всѣхъ вообще случающихся пожаровъ были учреждены особыя слѣдственныя коммиссіи, и эти мѣры были не безуспѣшны. Онѣ обнаружали не только отдѣльныя личности поджигателей, но даже, такъ сказать, мѣстную центральную администрацію, руководившую поджогами. Во главѣ этой администраціи, сколько извѣстно, была женщина — полька изъ средняго сословія, горячо сочувствовавшая своему дѣлу. Когда тщательно производимыя разслѣдованія стали несомнѣнно доказывать происхожденіе пожаровъ отъ поджоговъ, и обнаружили уже нѣ-

сколько занимавшихся этимъ личностей, то, во многихъ мѣстностяхъ, паника между населенiемъ была такъ сильна, что, оберегая себя и свое имущество, многiе выселялись въ поля со всѣмъ своимъ добромъ и скотомъ, и жили бивуаками.

Я въ то время служилъ слѣдователемъ въ Б—скомъ уѣздѣ. Квартира моя была въ мѣстечкѣ Д—кахъ, въ окрестностяхъ котораго было уже нѣсколько пожарныхъ случаевъ отъ поджоговъ. Д—кiе жители, по преимуществу евреи—торговцы, опасаясь оставаться въ своихъ домахъ, почти всѣ переселились со всѣмъ своимъ добромъ въ сосѣднее поле, гдѣ и поселились по лѣтнему положенiю. Очень немногiе оставались въ своихъ домахъ и квартирахъ, въ числѣ послѣднихъ былъ и я.

Въ первыхъ числахъ iюля мѣсяца, ночью, къ дому моему, который я занималъ, подъѣхала повозка, и кто-то сильною, нетерпѣливою рукою сталъ стучаться ко мнѣ въ дверь, отъ чего я проснулся. Подобные ночные внезапные визиты для слѣдователей въ то время были очень обыкновенны. По случаю множества производившихся въ то время военно-слѣдственныхъ политическихъ дѣлъ отъ мѣстнаго уѣзднаго военнаго начальства очень часто поступали разныя экстренныя требованiя, то о производствѣ гдѣ-нибудь обыска, то о снятiи съ кого-нибудь немедленнаго показанiя и пр. На этотъ разъ предо мною явился унтеръ-офицеръ б—ской жандармской команды, съ пакетомъ отъ мѣстнаго военнаго начальника, съ много говорящею надписью: «секретное экстренное, весьма нужное».

Въ описываемое время, въ каждомъ уѣздномъ городѣ находился военный начальникъ, которому, по случаю военнаго положенiя, подчинялись всѣ служащiе въ уѣздѣ. Въ лицѣ его сосредоточивалось высшее въ уѣздѣ управленiе политическими дѣлами, по поводу бывшаго мятежа. При нихъ были особые штаты, имъ подчинялись всѣ войска въ уѣздѣ и жандармскiя команды. Одновременно съ жандармомъ, вошла ко

мнѣ въ комнату молоденькая, очень миловидная собою дѣвушка, изъ крестьянскаго сословія, лѣтъ 18. Нетерпѣливо сломавъ печать у конверта я прочелъ бумагу. Въ ней сообщалось, что двѣ ночи тому назадъ, въ имѣніи Лѣнки, расположенномъ въ моемъ участкѣ, у тамошняго помѣщика Вѣнскаго, ночевали три поджигателя—неизвѣстные мужчины—что доказываетъ служащая у Вѣнскаго дѣвушка Агата,—та самая, которая и была ко мнѣ прислана. Поэтому предлагалось мнѣ: немедленно, по заявленію дѣвушки Агаты, начать слѣдствіе о пребываніи въ Лѣнкахъ поджигателей. и принять всѣ мѣры къ отысканію и задержанію ихъ. При разслѣдованіи дѣла и для розыска преступниковъ, мнѣ предоставлено было право пользоваться военными командами, расположенными въ Лѣнкахъ, и, кромѣ того, въ качествѣ развѣдчиковъ, ко мнѣ были прикомандированы нѣсколько жандармовъ и казаковъ. Бумага военнаго начальника меня совершенно взбудоражила. Я готовъ былъ сейчасъ же летѣть въ Лѣнки, чтобы успѣть захватить поджигателей. Говоря, безъ ироніи я испытывалъ въ то время ощущенія такого рода, которыя не чужды охотнику, когда онъ предвидитъ возможность того, что преслѣдуемая имъ дичь можетъ изчезнуть, улепетнуть. Сонъ былъ отложенъ въ сторону, сдѣлано немедленное распоряженіе о заготовленіи подводъ, и приступлено тотчасъ же къ снятію показанія съ дѣвушки Агаты, которая видимо порывалась какъ можно скорѣе передать мнѣ свое повѣствованіе.

— Разскажите мнѣ—началъ я, обращаясь къ дѣвушкѣ—все, что вы знаете относительно пребыванія въ Лѣнкахъ у Вѣнскаго поджигателей. Говорите правду, ничего не прибавляя ни убавляя. Вы служите вѣрно у Вѣнскаго? добавилъ я.

— Да, я служу у него нянькой, отвѣчала Агата, а что вы говорите на счетъ правды, такъ въ этомъ не сомнѣвайтесь, я врать не буду—потому крестъ ношу, а такую напасть на человѣка безвиннаго грѣхъ взводить, и я бы на то никогда не рѣшилась...

— Ну, такъ говорите же, въ чемъ дѣло—перебилъ я ее.

— Вотъ какое было дѣло. Полегли мы четвертаго дня съ вечера спать, барыня съ дѣтьми въ спальней, а я въ столовой въ углу, около двери, рядомъ съ спальней—гдѣ я и всегда спала. Самъ баринъ былъ на ту пору нездоровъ и спалъ у себя въ кабинетѣ, на другомъ концѣ дома. Вотъ только что было мы позасыпали, слышу я вдругъ изъ сада стукъ въ окно столовой. Былъ часъ одиннадцатый, и я ясно услышала чей-то стукъ рукою въ оконное стекло. Я ужасно испугалась, замерла, и не знала что подумать и дѣлать. Изъ столовой выходила въ садъ дверь чрезъ балконъ, ночь-то тихая, и слышно какъ кто-то по балкону ходитъ. Вдругъ слышу я уже и голоса, и не одного, а двухъ-трехъ челоловѣкъ, и въ это время послышался съ балкона стукъ въ окно уже не столовой, а въ барынину спальню. Думаю я себѣ: пусть барыня проснется, а я боюсь вставать; слышу дверь изъ спальни отворяется, и входитъ барыня. Вошла она со свѣчей въ столовую и окликнула меня. Я притворилась, что сплю, и не слышу; думаю, что-то будетъ. Барыня подошла къ двери, что на балконъ, отворила щеколку, смотрю: въ комнату вошли какіе-то трое пановъ, и давай съ барыней здороваться, какъ со старою знакомою. Одинъ изъ нихъ, увидавъ меня, спросилъ барыню, указывая головою въ мою сторону: «а та спитъ?» Спитъ, отвѣтила успокоивающимъ тономъ барыня. Нечего безпокоиться, ее и фузіей не разбудишь. Я лежу ни жива, ни мертва, боюсь шевельнуться, смотрю—они всѣ ушли въ гостиную, которая была рядомъ съ спальней, заперли туда дверь и начали разговаривать. Всего ихъ разговора я не могла разслышать, а только, припавши къ двери, слыхала, что они поминали про пожары, да про то, что нужно всѣхъ палить, и что они ужъ восемь деревень спалили, я и догадалась что это, видно, поджигатели. Барыня, черезъ нѣсколько минутъ, вышла отъ нихъ, прошла въ кладовую, взяла оттуда колбасъ, сыру, ветчины, хлѣба и водки и все это понесла къ нимъ. Гости поѣли, по-

томъ попрощались съ барыней, и она ихъ тѣмъ же порядкомъ выпустила чрезъ балконъ въ садъ, заперла за ними дверь, убрала остатки ужина въ кладовую, и вернулась въ спальню, гдѣ и легла въ постель. Чрезъ нѣсколько времени стало свѣтать. Я встала скоро,—проснулась и барыня. Послѣ чая я пошла съ дѣтьми гулять въ садъ, и не знала что предпринять и на что рѣшиться относительно того, что я ночью видѣла. Въ это время къ намъ на мызу шелъ еврей Гу—чъ, доставлявшій господамъ говядину. Онъ разговорился со мною, и я въ разговорѣ передала ему все, что было ночью. Онъ тотчасъ же посовѣтовалъ мнѣ идти немедленно въ городъ, и объявить обо всемъ военному начальнику, говоря, что иначе донесетъ самъ. Я воротилась съ дѣтьми въ комнаты, затѣмъ незамѣтно скрылась съ мызы, и пошла въ городъ, куда дошла ночью. Тамъ я объявила на другое утро обо всемъ военному начальнику, который и прислалъ меня къ вамъ.

Разскащица замолкла, какъ бы что-то одумывая, и потомъ добавила: «Теперь извольте, ваше благородіе, слѣдство скорѣй производить, а я могу свою барыню въ глаза уличать.

По первому впечатлѣнію, разсказъ Агаты, показался мнѣ не совсѣмъ правдоподобнымъ: въ немъ было много не вполнѣ естественнаго. Она и сама замѣчала это, а потому старалась придать словамъ своимъ, какъ можно болѣе наивности и простоты, а въ заключеніе выразила желаніе, поскорѣе уличить въ справедливости своихъ словъ барыню. Этимъ маневромъ она думала разсѣять съ моей стороны всякое сомнѣніе, но ошиблась. Я очень хорошо зналъ по опыту и по свойству человѣческой природы, что всякій, говорящій правду, никогда не станетъ стараться тотчасъ же, безъ всякаго къ тому повода, доказывать, что онъ не вретъ, и не будетъ представлять ничего, къ утвержденію своего показанія, до тѣхъ поръ, пока на это не вызовутъ его оппозиціи. Я не говорилъ и не могъ говорить Агатѣ, что она вретъ. Это было бы съ моей стороны слишкомъ безтактно, особенно выслу-

шивая отъ нее обвиненіе по столь важному политическому преступленію; но она сама въ душѣ сознавала, что не можетъ внушить большаго довѣрія, къ своимъ словамъ, а потому, старалась заручиться какою-нибудь выходкою, лишь бы ей была дана вѣра. Мнѣ, напримѣръ, казалось очень сомнительнымъ, чтобы Агата могла улежать на своемъ мѣстѣ спокойно, зная, какихъ дорогихъ гостей угощаетъ ея барыня, и не принять какихъ-нибудь мѣръ къ задержанію ихъ, хотя бы при посредствѣ другихъ людей, которыхъ на мызѣ было немало. Въ этихъ видахъ я принялся развивать дополнительно показаніе Агаты, которую, съ этихъ поръ, буду называть ея фамиліею—Кролевою.

— Скажите мнѣ, Кролева,—обратился я къ ней,—въ ту ночь, когда это происшествіе случилось, кто изъ прислуги вашихъ господъ спалъ въ томъ самомъ домѣ, кромѣ васъ?

— Въ спальнѣ, при маленькомъ ребенкѣ, спала нянька старуха; въ чуланѣ около столовой, рядомъ съ кухней, спалъ лакей, а въ кухнѣ поваръ, отвѣтила она безъ запинки

— Отчего же вы, когда барыня повела поджигателей въ гостиную, не разбудили няньку, лакея и повара, чтобы, при помощи ихъ, задержать злоумышленниковъ, — продолжалъ я.

— Я боялась, что онѣ меня убьютъ, отозвалась Кролева и добавила: у нихъ были при себѣ кинжалы и пистолеты.

— Но вѣдь васъ было бы четверо, еслибы вамъ удалось разбудить другую прислугу, наконецъ вы могли бы собрать съ мызы больше народа, и задержать хоть одного, еслибы, другіе даже и ушли. По вашему разсказу, гостиная была въ сторонѣ, дверь изъ нея въ столовую барыня заперла, такъ что вы на босую ногу, не стуча по комнатѣ, легко могли бы пройдти въ чуланъ и кухню, чтобы разбудить лакея и повара. Затѣмъ, если вы такъ боялись, что васъ могутъ убить, то вы могли бы себѣ хоть уйдти изъ дома, и этимъ самымъ разбудить больше народа, короче—вы могли

принять такія мѣры, при которыхъ поджигатели не ушли бы изъ рукъ,—а вы этого не сдѣлали.

— Хорошо говорить, а неладно было дѣлать, пробормотала Кролева, не найдясь, что отвѣтить. А кабы они меня догнали, да убили, что было бы, спросила она меня, такимъ тономъ, какъ будто бы жизнь ея особы была въ самомъ дѣлѣ такая драгоцѣнность, которою, кромѣ нея самой, долженъ дорожить весь свѣтъ, и повидимому, была довольна, что по ея мнѣнію озадачила меня.

— Въ чемъ были одѣты поджигатели?—продолжалъ я допросъ, обращаясь къ Кролевой.

— Въ длиныхъ, черныхъ суконныхъ шинеляхъ.

— Какихъ они были примѣтъ?

— Одинъ высокій, а два пониже. Бородъ у нихъ не было, а были ли усы не замѣтила. На головахъ были драповыя шапки, у двухъ черныя и у одного коричневая; у самаго большаго была на плечахъ котомка, и у всѣхъ были подъ шинелями кинжалы и пистолеты,—отвѣчала бойко Кролева.

— А какъ онѣ разговаривали съ барыней?—вновь обратился я къ ней.

— Извѣстно какъ, по польски, какъ же больше.

— Вы не слыхали, какъ барыня ихъ называла?

— Не слыхала, только одного она называла пане Яне.

— Котораго же?

— Того, что былъ побольше всѣхъ.

— Какъ же вы могли знать, перебилъ я Кролеву, кого барыня называла паномъ Яномъ, когда дверь гостиную была заперта?

Кролева на минуту смѣшалась, не зная что отвѣтить, но потомъ бойко сказала:

— Она высокаго называла паномъ Яномъ, еще въ то время, какъ они только что вошли изъ сада въ столовую, оттого я его и знаю, что его она такъ называла.

— Эти паны прежде бывали когда-нибудь у вашихъ господъ? спросилъ я вновь Кролеву.

— Нѣтъ, я ихъ никогда не видала.

— А вы давно служите у Вѣнскихъ?

— Второй годъ пошелъ отъ Троицы.

— Скажите мнѣ, Кролева, какъ же это барыня могла рѣшиться ночью пускать къ себѣ, да еще въ отсутствіе барина, трехъ мущинъ, еслибы она ихъ не знала?—обратился я къ Агатѣ.

— А кто ее знаетъ, можетъ она съ ними и знается,— отвѣтила, смѣясь, Кролева. Развѣ я могу знать, что у ней въ думкѣ бываетъ! добавила она.

— Неужели же баринъ къ тѣмъ поджигателямъ не выходилъ совсѣмъ и не зналъ, что они были у него въ домѣ? перебилъ я ее.

— Можетъ и выходилъ, но только я его не видала, и въ гостиной его голоса не слыхала, а кабинетъ, въ которомъ онъ въ ту ночь спалъ, находится за гостиной, изъ которой въ комнату барина надо идти черезъ корридоръ,—отвѣчала Кролева.

— Барыня одѣвалась, когда вышла къ поджигателямъ, или приняла ихъ такъ, не одѣвшись?

— Нѣтъ, она не одѣвалась, только накинула свой бѣлый халатъ, что носитъ по утрамъ, такъ и вышла въ гостиную.

— Какъ же ей не было стыдно?

— Чего стыдно, когда она съ паномъ Яномъ цѣловалась въ гостиной!—проговорила Кролева засмѣявшись. Видно цаловаться хорошо съ чужими панами, — заключила она съ маленькимъ цинизмомъ.

— Это ужъ вы вѣрно прибавили, и я вамъ не повѣрю, чтобы Вѣнская цѣловалась съ какимъ-то паномъ Яномъ, — отвѣтилъ я ей, ибо очень хорошо зналъ семейство Вѣнскихъ и добрыя супружескія отношенія въ этомъ семействѣ.

Допуская возможность того, что Вѣнскіе, какъ мѣстные

помѣщики, польскаго происхожденія, могли имѣть сношеніе съ поджигателями, я, однако же, на столько зналъ нравственную сторону семейной ихъ жизни, что не задумался опровергнуть послѣднія слова Кролевой, какъ клевету и потомъ добавилъ: вы не имѣете ли къ своимъ господамъ какой-нибудь злобы, или ненависти, что начинаете ужъ взводить на свою барыню клевету?

— Никакой злобы я къ нимъ не имѣю, а что барыня цѣловалась, такъ это правда, да что тутъ скрывать, она могитъ со всякимъ цѣловаться, хоть съ вами, нахально обратясь ко мнѣ, сказала Кролева. Только баринъ то такой, что не видитъ, а просто страмъ, дома-то что.

Я остановилъ неудержимый потокъ клеветъ Кролевой, и объявилъ ей, чтобы она не касалась больше обстоятельствъ, не идущихъ къ дѣлу, и о которыхъ ее вовсе не спрашиваютъ. Она остановилась, сильно покраснѣла, лице ея приняло злобное выраженіе, и манерой своей она видимо хотѣла показать мнѣ свое неудовольствіе, за то, что я вступился за ея барыню, и не дозволилъ ей дальше острить свой языкъ насчетъ Вѣнской.

— Баринъ-то въ ударъ за мною, а барыня на сторону, послѣ минутнаго молчанія, начала опять Кролева, обращаясь на этотъ разъ уже не ко мнѣ, а къ жандарму, пріѣхавшему вмѣстѣ съ ней, и присутствовавшему все время при допросѣ ея, который, судя по сочувственному выраженію лица, обращенному къ Агатѣ, послѣ первыхъ же ея словъ, казалось, не прочь былъ бы послушать интересныя подробности о томъ, какъ «баринъ то за Агатой, а барыня на сторону», но я и на этотъ разъ остановилъ Кролеву и уже строже и внушительнѣе приказалъ ей воздерживаться отъ лишнихъ словъ, и отвѣчать лишь на то, о чемъ ее спрашиваютъ.

Кролева вспыхнула съ досады и, съ обидчивымъ тономъ обратившись ко мнѣ, сказала: «я этимъ слѣдствіемъ не довольна, потому вы стоите за пановъ, а не за Царя. Я, ваше

благородіе, буду просить другаго слѣдователя, а васъ не желаю, потому вы не по правдѣ допросъ пишите. Мнѣ желательно говорить все, а вы не дозволяете, самъ военный начальникъ мнѣ не запрещалъ, а отправляючи къ вамъ: ты говоритъ, все, что знаешь, скажешь слѣдователю, а слѣдователь чтожъ?—вмѣсто того, и словъ моихъ не принимаетъ, какъ вижу я за пановъ вамъ желательно, а я Богу и Царю хочу щиро служить по правдѣ. Пойдемте—обратилась она, закончивъ свою рѣчь, къ жандарму, — я здѣсь больше никакихъ допросовъ давать не буду, и она сдѣлала движеніе къ выходу.

— Постойте, обратился я къ ней. Вы можете жаловаться на что вамъ угодно, можете просить назначенія другаго слѣдователя, это мнѣ рѣшительно все равно; но, пока слѣдствіе производится мною, вы не имѣете права самопроизвольно уклоняться отъ показаній на мои вопросы, а тѣмъ болѣе безъ моего дозволенія уходить, какъ вы намѣревались сдѣлать это сейчасъ. Я могу составить о вашихъ поступкахъ актъ, и вы за нихъ можете отвѣчать, какъ бы ни оказалось справедливымъ заявленіе ваше о поджигателяхъ.

Присутствовавшій при допросѣ жандармъ старался держать себя передо мною какъ можно либеральнѣе: онъ иногда дозволялъ себѣ вмѣшиваться въ допросъ, прохаживался по комнатѣ и пытался даже сѣсть, но почему то не сѣлъ. На послѣднихъ моихъ словахъ къ Кролевой онъ вздумалъ было вступиться за нее и передъ нею же порисоваться тѣмъ, чѣмъ онъ, по его убѣжденію, былъ. Онъ видимо былъ недоволенъ методой моего допроса; и заступничествомъ за Вѣнскихъ, пожалуй, готовъ былъ заподозрить и меня въ покровительствѣ поджигателямъ, если не въ самомъ сношеніи съ ними. Жандармы въ то время играли въ западныхъ губерніяхъ большую роль, и нужно сказать, что изъ нихъ болѣе развитые, способные и понимавшіе свое назначеніе принесли много дѣйствительной помощи, и выполнили свое назначеніе вполнѣ. Но зато было много и такихъ, которые рѣшительно не понимали, на какой должны они стоять поч-

вѣ, что дѣлать, и не могли усвоить себѣ, въ чемъ заключалась ихъ задача. Къ числу послѣднихъ отношу я и того, который былъ присланъ ко мнѣ, съ бумагой отъ военнаго начальника. Онъ не могъ понять того, что присланъ въ мое распоряженіе, съ тѣмъ, чтобы я по мѣрѣ надобности, могъ бы употреблять его для розысковъ по своему усмотрѣнію. Онъ вообразилъ, напротивъ, что ему ввѣрена подъ опеку, или подъ попечительство, Кролева, и потому считалъ себя вправѣ вступиться за нее, и поддерживать и развивать ея убѣжденія въ смыслѣ того, что она за Бога и Царя, и что слѣдователь держитъ руку пановъ. Въ этомъ смыслѣ жандармъ обратился ко мнѣ съ такими словами.

— Это, ваше благородіе, на счетъ того, что она говоритъ, будьте безъ сумнѣнія, потому—эти Вѣнскіе точно знаются съ мятежниками, я и самъ ихъ на примѣтѣ имѣю. Ихъ нужно, примѣрно, построже взять, а не поблажки имъ дѣлать, ей съ чего врать?—мотнулъ онъ головой въ сторону Кролевой—она какъ есть правду говоритъ, а что примѣрно барыня тамъ цаловалась, такъ то заподлинно вѣрно, потому, значитъ, польскія барыни какъ есть... ни совѣсти у нихъ супротивъ мужа,—ничего, извѣстно—польки какъ есть, со всякимъ можетъ быть жена...

На этихъ словахъ я прервалъ заврашагося жандарма.

— Ваше дѣло молчать и ожидать моихъ приказаній, строго отозвался я къ нему, а не дозволять себѣ вмѣшиваться въ разговоръ мой, пока я васъ не спрашиваю.

Жандармъ замолчалъ, и если въ ту минуту разлилось въ немъ противъ меня негодованіе, то развѣ только по поводу того, что строгими моими словами, обращенными къ нему, авторитетъ его передъ Кролевою потерпѣлъ полное фіаско и былъ уничтоженъ. Послѣ того я распросилъ Кролеву еще кое о чемъ, въ разъясненіе ея показанія и по возможно большему обнаруженію примѣтъ поджигателей. Кролева отвѣчала какъ слѣдуетъ, безъ горячности и безъ уклончивости. Сцена съ жандармомъ немного ее отрезвила. Въ

дополнительныхъ своихъ показаніяхъ она также нѣсколько разъ смѣшалась, но, въ концѣ концовъ, патетически бросилась вдругъ на колѣни, сложила руки крестомъ, и стала клясться, что говоритъ правду, что поджигатели у Вѣнскихъ точно были, и что или Вѣнскимъ или ей — все равно пропадать. На послѣднемъ словѣ Кролева проврались, какъ увидитъ читатель изъ послѣдующей нити моего разсказа,—она дѣйствительно могла бы впослѣдствіи погибнуть, но не въ смыслѣ дѣйствительной погибели, а въ смыслѣ того, чтобы—какъ она сама понимала—не остаться бы подъ конецъ дѣла виноватою самой, вмѣсто Вѣнскихъ, которыхъ она обвиняла. По окончаніи допроса я отправилъ Кролеву и пріѣхавшаго съ нею жандарма въ Лѣнки, куда, слѣдомъ за ними, отправился и самъ для дальнѣйшаго производства дѣла.

Дѣлаю маленькій перерывъ, и послѣдующему описанію хода слѣдствія предпошлю небольшое отступленіе отъ сущности дѣла.

Въ описываемое время всѣ помѣщики польскаго происхожденія были на самомъ строгомъ и подозрительномъ счету у правительства. Мятежъ 1863 года только что былъ усмиренъ, польская крамола подавлена, но, озлобленная неудачею и обманутыми надеждами, она продолжала дѣйствовать если не явно, то тайно, еще съ большимъ усердіемъ на пользу своей справы. Нѣтъ сомнѣнія, что усерднѣйшими дѣятелями въ этомъ были помѣщики; по складу своихъ мыслей, и понятій, наконецъ по состоянію и положенію своему, они были преимущественными во всемъ агитаторами. Военно-слѣдственныя дѣла, по усмиреніи мятежа, доказали это совершенно наглядно. Начавшіеся еще съ 1864 года пожары, явно носившіе слѣды поджоговъ, были ничѣмъ другимъ, какъ однимъ изъ средства польской пропаганды, выбраннымъ ею для своихъ противузаконныхъ цѣлей. Не было сомнѣнія, что и въ этомъ главную роль играли паны. Народъ, по инстиктивному своему чутью, настойчиво обвинялъ въ поджогахъ помѣщиковъ, и правительство имѣло достаточныя данныя вполнѣ

этому вѣрить и убѣждаться. Но такъ какъ, очевидно, не каждая помѣщичья семья непремѣнно вмѣщала въ себѣ кого-либо изъ подобныхъ агитаторовъ, то поэтому положеніе такихъ семей, ни въ чемъ неповинныхъ, было крайне непріятное. Съ одной стороны ихъ несочувственно встрѣчала партія, преданная дѣлу польской справы, съ другой же стороны правительство недовѣрчиво относилось къ нимъ, и смотрѣло на нихъ съ предубѣжденной точки зрѣнія,—что являлось впрочемъ совершенно естественнымъ послѣдствіемъ тогдашняго положенія дѣлъ, такъ какъ если, съ одной стороны, правительство силою обстоятельствъ вынуждено было въ каждомъ полякѣ-помѣщикѣ видѣть агитатора и слѣдить за нимъ, то, съ другой стороны, какія же доказательства и гарантіи могли быть представлены помѣщиками, до времени не изобличенными юридически ни въ чемъ относительно того, что въ политическомъ смыслѣ они представляютъ собою контингентъ вполнѣ благонадежный? Очевидно, что, при такой обстановкѣ, нужно было быть осмотрительнымъ, и тамъ, гдѣ въ общей массѣ нельзя различить друга и недруга, благоразуміе внушало не довѣряться никому, и смотрѣть на всѣхъ какъ на недруговъ.

Помѣщикъ Вѣнскій, о которомъ идетъ рѣчь, во все время мятежа, ни послѣ него, не былъ замѣченъ ни въ чемъ по соучастію въ возстаніи, и потому не подвергался никакому преслѣдованію. Его ни въ чемъ обвинить было фактически нельзя, и, по видимому, онъ былъ человѣкъ вполнѣ благонамѣренный,—по крайней мѣрѣ въ пользу этой благонамѣренности говорили его откровенныя сужденія и нерасположеніе, съ какимъ къ нему относились окрестные помѣщики, почти всѣ, если не тѣмъ, то другимъ—если не лично то деньгами, участвовавшіе въ мятежѣ. Но такъ какъ онъ, тѣмъ не менѣе, былъ полякъ, а поляки при случаяхъ отлично умѣли разыгрывать напускныя роли приверженцевъ и искреннѣйшихъ друзей правительства, то поэтому и онъ не избѣгнулъ того общаго взгляда, какой правительство имѣло на всѣхъ пановъ

вообще, и когда служившая у него дѣвушка явилась къ военному начальнику, и объявила, что въ домѣ были поджигатели, принятые его женою, то сообщеніе это признано было за вполнѣ возможное и достовѣрное, тѣмъ болѣе, что нельзя было заподозрить молодую и съ виду простенькую дѣвушку въ лживости показанія и какой либо недобросовѣстности.

По причинамъ, которыя я указалъ уже выше, я не далъ полной вѣры показанію Кролевой. Въ ней не было, во время разсказа, той безыскуственной открытой свободы, которая всегда характеризуетъ правдивую рѣчь. Она часто путалась, давала неудовлетворительные отвѣты, и какъ бы обдумывала каждый свой шагъ, каждое слово; а когда она стала касаться нравственной стороны жизни Вѣнскихъ, то я безъ большаго сомнѣнія предположилъ, что Кролева лжетъ и клевещетъ на нихъ, изъ какой-нибудь мести или злобы. Я лично зналъ семейство Вѣнскихъ, зналъ ихъ домашную семейную жизнь, зналъ ихъ взаимныя отношенія, наконецъ зналъ полнѣйшую ихъ безучастность къ польскому возстанію и отсутствіе въ нихъ какихъ либо враждебныхъ элементовъ въ отношеніи къ правительству; но тѣмъ, не менѣе, при всѣмъ сомнѣніи къ показаніи Кролевой, я не рѣшался непремѣнно и положительно оправдывать ихъ отъ извѣта ея, и допуская возможность всякихъ, иногда даже и непредполагаемыхъ, случайностей, я пріѣхалъ въ Лѣнки, отбросивъ всякое предрасположеніе и предубѣжденіе въ пользу или противъ той или другой стороны. Какъ ни непріятно мнѣ было вносить мой официальный элементъ въ семейство людей мнѣ знакомыхъ, но одна мысль, что я могъ ошибаться въ людяхъ и считать ихъ не тѣми, кѣмъ они на самомъ дѣлѣ были, представлялась для меня вполнѣ достаточною для того, чтобы усиливъ свою энергію по раскрытію обстоятельствъ дѣла, рѣшиться непремѣнно—или обнаружить виновность Вѣнскихъ по сношенію съ поджигателями, и затѣмъ безъ снихожденія примѣнить къ нимъ первыя послѣдствія карающаго закона, или же—если

они действительно невиноваты, то очистить ихъ имя отъ клеветъ и подозрѣнія и возстановить ихъ доброе имя.

Мыза Вѣнскаго Лѣнки была расположена на краю большаго, торговаго богатаго мѣстечка того же имени, населеннаго крестьянина и евреями. Лѣнки лежали на большомъ почтовомъ трактѣ, въ 8 верстахъ отъ рѣки Нѣ—на, составлявшей въ той мѣстности губернскую границу. При мызѣ Лѣнки находился огромный старинный, на большомъ пространствѣ, вѣковой барской садъ, окруженный рвомъ и валомъ, съ живою изгородью онъ разростался до-нельзя. Въ самые солнечные и свѣтлые дни, въ которыхъ мѣстностяхъ этого сада бывало просто темно отъ густоты листвы столѣтнихъ деревъ, громаднѣйшихъ размѣровъ. Упадокъ прежнихъ помѣщичьихъ средствъ не дозволялъ владѣльцу поддерживать садъ какъ слѣдуетъ, а потому онъ еще болѣе заросъ и одичалъ. Въ саду въ этомъ смѣло можно было и днемъ спрятаться человѣку такъ, что его трудно было бы найдти: этому много помогали старинныя развалины и руины, находившихся когда-то въ саду каменныхъ оранжерей, теплицъ и парниковъ со множествомъ разныхъ сводовъ и погребовъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Лѣнки, я распорядился прежде всего разослать въ всѣ концы и по всѣмъ направленіямъ гонцовъ, въ лицѣ казаковъ и жандармовъ, для преслѣдованія и отыскиванія поджигателей, объяснивъ подробно всѣмъ посылаемымъ грамоты злоумышленниковъ, а самъ приступилъ къ немедленному обыску во всей мызѣ Вѣнскаго. Обыскъ въ данномъ случаѣ былъ необходимъ по двумъ причинамъ. По первой слѣдовало принять мѣры къ отысканію на самой мызѣ поджигателей, которые могли имѣть здѣсь пріютъ вполнѣ безопасный, на всемъ пространствѣ сада, а по второй по свойству обвиненія Вѣнскихъ въ политическомъ преступленіи, посредствомъ обыска могли быть найдены у Вѣнскихъ бумаги документы или просто даже какія-нибудь вещи, которыя могли бы свидѣтельствовать о сношеніяхъ ихъ съ поджигателям и вообще съ участниками и руководителями польской справы.

Обыскъ былъ произведенъ при наивозможно-лучшей для того обстановкѣ. Мыза вся, не исключая и сада, была оцѣплена кругомъ понятыми и казаками верхами. Внутри мызы всѣ служащіе у Вѣнскаго люди, самъ онъ, все семейство его, бывшіе у него гости, по случаю имянинъ его жены— всѣ были арестованы тамъ, гдѣ были застигнуты, для того, чтобы во первыхъ не могли ни въ чемъ сговориться, а во вторыхъ, чтобъ отстранить возможность уничтожить что либо изъ бумагъ и документовъ, на случай, если-бы таковыя были. Въ каждой изъ комнатъ Вѣнскаго, а также при всѣхъ другихъ помѣщеніяхъ, гдѣ были люди, поставлены были для надзора жандармы и понятые. Когда я только что подъѣхалъ крыльцу дома Вѣнскаго, и онъ, веселый, ничѣмъ не озабоченный выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу, думая, что я пріѣхалъ на именины его жены, — веселость его тотчасъ же пропала, когда онъ увидалъ, что со мною на повозкѣ сидѣлъ жандармъ, слѣзшій слѣдомъ за мною, а сзади показались повозки тоже съ жандармами и понятыми, и казаки.

— Что это, съ какими вы мрачными аттрибутами сегодня,—обратился ко мнѣ Вѣнскій:—неужли это ко мнѣ за чѣмъ нибудь? Господи! что это такое, бѣдная жена... она испугается... ради Бога, что... говорилъ несчастный Вѣнскій, сильно взволнованный и дрожащимъ голосомъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ съ обыскомъ твердо и рѣшительно сказалъ я ему. Вы обвиняетесь въ сношеніи съ представителями шайки, производящей поджоги съ политическою цѣлію. Кто и по какому случаю васъ обвиняетъ—объ этомъ вы узнаете послѣ обыска сегодня же, а теперь прошу васъ быть спокойнымъ и подчиниться на время моимъ распоряженіямъ. Это первое распоряженіе было сдача Вѣнскаго подъ арестъ жандарму, въ собственномъ его, Вѣнскаго, кабинетѣ.—Вѣнскій сначала очень было встревожившійся, выслушавъ мои слова, сказалъ:

— Это на меня, не знаю только кѣмъ, взведена такая подлая клевета, что я рѣшительно не могу даже предполо-

жить, кто бы могъ быть этимъ гнуснымъ, безчестнымъ доносчикомъ. Впрочемъ я чистъ и ничего не боюсь, прошу васъ, г. слѣдователь, потрудиться сдѣлать обыскъ какъ можно тщательнѣе, чтобы это позорное пятно не оставалось на мнѣ. Вотъ вамъ мои ключи, сказалъ онъ, вынувъ связку ихъ изъ кармана, и добавилъ: только, прошу васъ, пощадите мою жену. Она женщина нервная: это ее можетъ просто убить, особенно сегодня, когда мы въ своемъ дружескомъ и родственномъ кругу собрались отпраздновать день ея имянинъ. Пожалуйста, успокойте ее, г. слѣдователь,—чуть не умолялъ меня бѣдный Вѣнскій.

Пока у крыльца происходила описанная мною сцена, гости Вѣнскаго и домашніе его не могли не замѣтить чрезъ окна дома пріѣзда моего съ жандармами и понятыми. — Въ стеклахъ оконъ то и дѣло показывались то то, то другое испуганное лице. Я поспѣшилъ войдти съ понятыми и жандармами въ домъ, и взялъ съ собою Вѣнскаго, чтобы присутствіе его при мнѣ могло бы дать мнѣ возможность, болѣе успокоительнымъ образомъ, передать женѣ его цѣль и причину моего пріѣзда. Вѣнская встрѣтила насъ въ сѣняхъ уже заплаканная, и, при входѣ моемъ, громко зарыдала.

— Что это мужа моего арестовали? За что?.. онъ ни въ чемъ не виноватъ—не виноватъ... Жозефъ, что съ тобой—кто на насъ дон..... и она, не договоривъ своихъ словъ, упала безъ чувствъ на руки мужа.

— Отравили вы мнѣ мое счастье сегодня, съ грустью и отчаяніемъ проговорилъ Вѣнскій, унося на рукахъ жену свою въ дверь на-право, въ спальную, откуда послышался плачь перепугавшихся дѣтей.

Двое жандармовъ послѣдовали за Вѣнскими, а я съ остальными вошелъ въ дверь, на лѣво, въ гостинную, гдѣ и засталъ все остальное общество знакомыхъ и домашнихъ Вѣнскихъ. Внезапный наѣздъ слѣдователя, арестъ самого хозяина, обморокъ хозяйки, смутныя предположенія о причинахъ всего этого, совершенно обезкуражили всѣхъ. Публика въ гости-

ной стояла ни жива, ни мертва въ ожиданіи, что вотъ, вотъ, и ихъ всѣхъ заберутъ, да куда нибудь и погонятъ.

Пока Вѣнскій хлопоталъ съ своей женой, я распорядился разставить вездѣ, гдѣ слѣдовало, внутри и внѣ дома караулы, и понятыхъ, потомъ пошелъ провѣдать бѣдную Вѣнскую, и нашелъ ее приведенною уже въ чувство, но въ сильно раздраженномъ истерическомъ состояніи. Вѣнскій объяснилъ ей въ чемъ дѣло, и всячески старался успокоить ее. Я въ этомъ также принялъ участіе, и изъ роли слѣдователя на нѣсколько минутъ обратился въ роль утѣшителя. Мнѣ было очень жаль бѣдныхъ Вѣнскихъ, которыхъ, въ такой радостный для нихъ день, я долженъ былъ нежданно поразить столь печальнымъ для нихъ событіемъ, и нарушить ихъ семейное домашное торжество.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, поскорѣе,—нетвердымъ голосомъ спросила меня Вѣнская: кто сдѣлалъ на насъ этотъ ложный доносъ.

— Да, признаться, и я жду съ нетерпѣніемъ узнать, кто бы могъ быть этимъ подлецомъ, нарушившимъ мой покой оскорбившимъ и оклеветавшимъ меня,—отозвался Вѣнскій на слова жены, и, обратясь ко мнѣ сказалъ: Не только женой, которую я люблю, вотъ этими дѣтьми своими, и онъ указалъ на дѣтей—я клянусь, что все это ложь, и если въ этомъ доносѣ есть хотя искра правды, то пусть Господь покараетъ меня смертью, вотъ ее, и ихъ. И онъ вновь указалъ, весь взволнованный, со слезами на глазахъ, на жену и дѣтей. Ума не приложу, кто бы могъ сдѣлать на меня доносъ...

Меня чрезвычайно удивляло, что ни Вѣнскій, ни жена его не догадывались, кому они обязаны были моимъ посѣщеніемъ, а я, въ интересахъ обыска, до окончанія его, не хотѣлъ имъ сказать этого. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, что они не могутъ догадаться, что это была Кролева, которая внезапно скрылась отъ нихъ и не возвращалась. Чего естественнѣе и вѣроятнѣе имъ бы лобы указать на нее, но они про нее и не вспоминали. Вѣнская стала спраши-

вать меня, долго ли они будутъ арестованы, и содрогалась при мысли—если вдругъ ее мужа засадятъ куда нибудь дальше?.. Я старался успокоить ее, говоря, что если они себя не чувствуютъ ни въ чемъ виноватыми, то обыскъ послужитъ только къ ихъ оправданію, и, съ своей стороны, зная ихъ за честныхъ людей, пожелалъ имъ отъ души, чтобы они оправдались вполнѣ.

Вѣнская, уже совсѣмъ было успокоившаяся, вдругъ пришли снова въ какое-то экзальтированное состояніе, бросилась къ мужу, стала рыдать, отъ мужа перешла къ своимъ дѣтямъ, двумъ мальчикамъ 7 и 6 лѣтъ и дѣвочкѣ 5 лѣтъ, кричала, что она не виновата, что она не вынесетъ этого позора, наконецъ, уже просто не помня себя, стала бѣгать по комнатѣ. Дѣти подняли плачъ. Вѣнскій самъ растерялся, наконецъ не выдержалъ и онъ: громкій потокъ слезъ и взрывъ рыданій вырвался изъ его груди. Онъ бросился лицомъ на подушки своей постели, и съ какимъ-то дикимъ отчаяніемъ кричалъ, и вопилъ, что нѣтъ правды на свѣтѣ, что и честнымъ, и подлецамъ все одинъ и тотъ же конецъ.

Мнѣ сдѣлалось невыносимо тяжело. Я тяготился въ эти минуты своею ролью и своею должностью. Что если они въ самомъ дѣлѣ ни въ чемъ не виноваты, а доносъ на нихъ сдѣланъ ложный, думалъ я. Въ такомъ случаѣ я не сомнѣваюсь, что имъ тяжело переносить подобные обыски и случаи. Люди, ни въ чемъ не виноватые, живутъ смирно, тихо, собрались въ своемъ кружку отпраздновать радостный семейный день—и вдругъ шасть: откуда ни возьмись слѣдователь съ понятыми, да еще съ жандармами, врывается въ эту тихую, семейную обстановку, приводитъ всѣхъ въ смущеніе, арестуетъ гостей и хозяевъ, а послѣднихъ, кромѣ того, объявляетъ преступниками, нарушаетъ покой семейства, и все это дѣлается вслѣдствіе заявленіе какой-то дѣвчонки, которая Богъ знаетъ еще правду ли говоритъ или можетъ быть подъ часъ и вретъ? Допустивъ къ Вѣнскимъ, для успокоенія, нѣкоторыхъ изъ ихъ родныхъ, я, не теряя времени,

приступилъ къ самому тщательному обыску. Обыскъ не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Ни какихъ подозрительныхъ лицъ, даже бумагъ и документовъ, или вещей, которыя могли бы компрометировать Вѣнскихъ, нигдѣ у нихъ не нашлось, не смотря на то, что въ домѣ у нихъ я пересмотрѣлъ все, до послѣдней пылинки, а усердствующіе понятые, изъ крестьянъ, казаки и жандармы не щадили при обыскѣ также своихъ трудовъ, перекопали всѣ навозныя кучи, пересмотрѣли всѣ закромы, подполья, чердаки, сѣновалы, сараи, садъ до малѣйшихъ подробностей, но нигдѣ поджигателей не нашли. Среди обыска, пришли ко мнѣ Вѣнскіе, какъ мужъ, такъ и жена, оба уже успокоенные. Вѣнскій съ предусмотрительностію показалъ самъ весь свой кабинетъ, всѣ свои бумаги, а Вѣнская до послѣдней иголки, до послѣдней тряпочки, всѣ свои сундуки, комоды, гардеробы. Постели, не исключая и дѣтскихъ, были также обысканы, перины и подушки, были осмотрѣны со всею тщательностію, такъ какъ практика обысковъ указала мнѣ, что иногда розыскиваемыя вещи находимы были зашитыми въ пуху, въ серединѣ подушекъ, перинъ и матрацовъ. Вѣнская, не смотря на то, что была еще женщина очень молодая, не болѣе 25 лѣтъ, пожелала, чтобы я, при бытности мужа, обыскалъ и ее, а то «могутъ говорить, что я что-нибудь спрятала при себѣ»,—говорила она предъ понятыми. Желаніе ея было исполнено: она была обыскана, на столько тщательно, на сколько это ей дозволяли женская щепетильность и стыдливость. Обысканы были равно самъ Вѣнскій, дѣти его и даже всѣ гости, но нигдѣ ничего, положительно ничего, не найдено. Нельзя было думать, чтобы Вѣнскіе утаили, или перепрятали что-нибудь, потому, что видно было, съ какою неожиданностію, встрѣтили они пріѣздъ мой и самое извѣстіе объ обыскѣ.

По окончаніи обыска, аресты со всѣхъ были сняты, и гости, одинъ за другимъ, стали собираться и уѣзжать домой, мысленно благодаря судьбу за то, что счаст-

ливо отдѣлались отъ обыска, и отъ не вкушеннаго еще хлѣба-соли Вѣнскихъ.

Праздникъ Вѣнскихъ былъ разрушенъ вполнѣ, и хотя обыскъ, сошелъ для нихъ благополучно, но, тѣмъ не менѣе, день, который онѣ надѣялись провести весело, прошелъ крайне печально, въ слезахъ и огорченіяхъ.

Передъ отъѣздомъ отъ Вѣнскихъ, къ себѣ на квартиру, я наконецъ, объявилъ имъ, что обвиненіе въ пріемѣ поджигателей взведено на нихъ Кролевою. Онѣ крайне удивились этому, и не вѣрили мнѣ: имъ почему-то казалось, что доносъ на нихъ сдѣланъ быть Кролевою не могъ; онѣ сомнѣвались, чтобы доносъ былъ ея штуки.

— Какая-же можетъ быть ей дана противу насъ вѣра, отзывался ко мнѣ Вѣнскій: когда она, недѣлю тому назадъ, обокрала меня и затѣмъ тайно ушла отъ насъ. Она съ тѣхъ поръ у меня вовсе не была, и потому какимъ же образомъ могла видѣть поджигателей, которые, по ея словамъ, были пять дней тому назадъ.

— Мы на нее, за воровство у насъ денегъ, и жалобу становому приставу подали, добавила Вѣнская: но вотъ ужъ никакъ не могло придти въ голову, чтобы Агата рѣшилась намъ такъ отомстить. Я и думать не могла, чтобы она была способна на такой поступокъ, добавила Вѣнская, обращаясь къ мужу.

— Я и самъ того не думалъ, отозвался Вѣнскій, а вотъ теперь вижу, на что способна людская подлость. По крайней мѣрѣ я теперь уже знаю, кому я обязанъ сегодняшнимъ безпокойствомъ и слезами жены, — проговорилъ грустно Вѣнскій, и съ любовью поцѣловалъ свою заплаканную жену.

— Видите ли, какой у насъ случай былъ, отозвалась ко мнѣ Вѣнская. Сегодня ровно недѣля, какъ у меня со стола, въ спальнѣ, изъ ящика, пропали десять руб. серебр. Такъ какъ въ ту комнату, никто изъ постороннихъ никогда не входитъ, то я, не нашедши денегъ, и зная вѣрно, куда ихъ положила, ни на кого больше не могла имѣть подозрѣ-

нія въ воровствѣ ихъ, какъ на прислугу. Въ этомъ отношеніи, нянька при моемъ меньшемъ ребенкѣ — испытанная честность, поваръ и лакей никогда въ спальню не ходятъ: оставалась одна Агата, къ которой я и обратилась съ требованіемъ, чтобы она возвратила деньги.

— Я и прежде замѣчалъ ее въ разныхъ мелкихъ воровствахъ, перебилъ жену Вѣнскій: но до времени терпѣлъ изъ необходимости.

— Агатка, — продолжала Вѣнская, на требованіе мое сконфузилась, но заперлась, и того же дня передъ обѣдомъ, захвативъ мой головной платокъ, пару чулокъ и золотыя серьги, ушла потихоньку, къ своей матери, живущей отсюда въ 8-ми верстахъ, о чемъ на другой день мы узнали уже отъ людей. Мужъ мой написалъ о воровствѣ Агаткою денегъ и довольно цѣнныхъ вещей моихъ объявленіе къ становому приставу, которое было послано вечеромъ, того же дня, когда Агата ушла, а на другой день кучеръ нашъ былъ, по своимъ надобностямъ, въ той деревнѣ, откуда она родомъ, и, увидавъ ее, сталъ срамить и совѣтовалъ воротить вещи и деньги назадъ, сказавъ, что мы на нее занесли жалобу. Она, услыхавъ это, ни сколько не сробѣла, и отвѣчала кучеру, что ничего у насъ не украла, а коли мы на нее жалобу занесли, такъ и она на насъ тоже знаетъ за что жаловаться, и при этомъ, хвасталась передъ кучеромъ, что сдѣлаетъ такой сюрпризъ, что будемъ у ней въ ногахъ валяться, и что въ два раза еще больше дадимъ ей противу того, что съ нее ищемъ. Кучеръ, воротившись домой, разсказалъ обо всемъ этомъ; но мы никакого вниманія на ея угрозы не обратили, и еслибы вы не сказали намъ, что доносъ сдѣланъ Агаткою, то намъ никогда не пришло бы въ голову, чтобы она способна была на такой гнусный, въ отношеніи насъ поступокъ. Все, что мы могли думать по поводу угрозъ Агатки—это только то, что она вѣроятно также думаетъ жаловаться на насъ за то, что за нами находится нѣсколько рублей ея жалованья, ко-

торые мы удержали, и не отдали ея матери, приходившей съ требованіемъ денегъ, нѣсколько дней тому назадъ.

Вѣнская замолкла и начала тихо плакать. Дѣло становилось на столько яснымъ, что я не затруднился уже обвинить Кролеву мысленно въ ложномъ доносѣ, и потому, естественно, всѣми мѣрами старался успокоить Вѣнскихъ. Ставя себя въ ихъ положеніе, я находилъ вполнѣ естественными тѣ огорченія и оскорбленія, которыя они, ни въ чемъ не будучи виновны, должны были вынести, по злонамѣренному доносу ихъ же обокравшей личности. Когда я разсказалъ Вѣнскимъ всѣ подробности того, какимъ образомъ Кролева передавала посѣщеніе ихъ мятежниками, то Вѣнская выслушавъ меня сдѣлала одно очень дѣльное замѣчаніе.

— Я не понимаю, сказала она, какимъ образомъ, по словамъ Агаты, поджигатель, съ балкона, могъ стучать въ окно моей спальни, когда крайнее окно спальни отстоитъ отъ балкона на разстояніи четырехъ аршинъ, т. е. на такомъ разстояніи, на которомъ съ балкона трудно достать до окна, даже и довольно большею палкою.

Я припомнилъ показаніе Агаты, въ которомъ именно говорилось, что поджигатель стучалъ въ окно спальни съ балкона, а потому, провѣряя слова Вѣнской, вышелъ на балконъ, и убѣдился въ справедливости ея словъ.

— Да что оно баринъ, Агатка-то вретъ,—отозвалась ко мнѣ старуха нянька, при меньшемъ ребенкѣ, слышавшая разговоръ мой съ Вѣнской: все то она брешетъ по злости на барыню. У насъ ставни, что ночь—запираются до одного на замки, можно спросить хоть дворника, а ключи завсегда у него. Такъ какъ же съ балкона могъ бы попасть кто въ комнату, когда и у дверей ставни были тоже заперты. Нужно сперва ставню сломать, а иначе и въ дверь не попадешь. И старуха весело посмотрѣла на Вѣнскую, думая обрадовать ее открытіемъ своимъ, въ ея пользу. Вѣнская точно обрадовалась.

— И точно, нянька говоритъ правду, — обратилась она ко мнѣ. Я вѣдь забыла, что у насъ на ночь всѣ ставни запираются на замки, такъ я хоть бы и хотѣла кого впустить, такъ безъ дворника не обошлась бы, а вѣдь онъ живой человѣкъ, его можно спросить; а у меня съ перепугу и изъ головы это вышло. Какая ты у меня, няня, умница, обратилась она къ старухѣ, и со слезами на рѣсницахъ обняла ее и разомъ повеселѣла.

— Теперь, я думаю, и вы разувѣритесь положительно въ словахъ Агатки, проговорила ко мнѣ Вѣнская, и побѣжала въ садъ, на встрѣчу мужу своему, услыхавъ его голосъ, сообщить ему новое, въ пользу ихъ, открытіе. Вѣнскаго при послѣднемъ разговорѣ не было.

Нянька, ободренная ласкою барыни, разохотилась говорить и, по уходѣ ея, обратилась ко мнѣ съ такими словами:

— Не вѣрь ты, батюшка, этой Агаткѣ-то, одно ей названіе — дрянь. Этакую, прости Богъ, напасть на человѣка взвести. По злобости только-что обокрала барыню, а та ее пристращала становымъ. Я и завсегда говорила господамъ, что дрянь эта Агатка-то, вы меня-то, старуху, спросите, такъ я вамъ правду скажу, вѣдь мнѣ умирать скоро придется, а за правду не грѣхъ стоять. Теперь если бы барыня, часомъ хоть куда на минутку ночью вышла, такъ непремѣнно я видала бы, потому что маленькая барышня вотъ уже другой мѣсяцъ болѣетъ, и не спитъ по ночамъ, такъ я почесть всю ночь глазъ не смыкаю — какіе тамъ поджигатели! Слава Богу, наши господа не такіе, я хоть имъ и чужая, а знаю, что не такіе, промежъ себя живутъ хорошо, занимаются своимъ дѣломъ. Вотъ съ дѣтьми возятся, а чтобы въ такія дѣла пускались—такъ это нѣтъ, какъ сейчасъ мнѣ умирать:— такъ не боюсь за правду. А баринъ не токма что одну ночь, а вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ у себя въ кабинетѣ спятъ, потому что маленькая барышня какъ не спитъ, такъ мы съ барыней около нея и возимся—ну, извѣстно, барину и нѣтъ покою, а имъ, цѣлый день-то находившись по хозяйству, нуж-

но и отдохнуть; вотъ они для покою и спятъ въ кабинетѣ. А на счетъ этой самой Агатки можно спросить въ деревнѣ—откуда она есть. Тамъ скажутъ: какая она, прости Богъ, язычница.

На послѣднихъ словахъ старухи, няньки, въ комнату, гдѣ я былъ, вошли изъ сада Вѣнскій съ женою они оба, сверхъ моего ожиданія, были очень чѣмъ то встревожены.

— Къ вамъ нарочный казакъ отъ военнаго начальника съ эстафетой пріѣхалъ, ожидалъ васъ на дворѣ. Я позвалъ его сюда, съ безпокойствомъ проговорилъ Вѣнскій, и, вслѣдъ за его словами вошедшій казакъ подалъ мнѣ пакетъ.

Что это такое могло бы быть экстренное, думалъ я, смотря на облатку конверта и взламывая печать. Въ конвертѣ оказались бумага отъ военнаго начальника и при ней присланный съ эстафетой, на мое имя, конвертъ отъ начальника губерніи. «Прошу васъ, милостивый государь, о скорѣйшемъ окончаніи дѣла о пребываніи поджигателей въ имѣніи помѣщика Вѣнскаго, и присылкѣ таковаго ко мнѣ. Одновременно съ отсылкою дѣла не оставьте прислать ко мнѣ за карауломъ какъ самаго Вѣнскаго, такъ и жену его»—значилось въ бумагѣ воинскаго начальника. Въ бумагѣ начальника губерніи предписывалось мнѣ принять рѣшительныя мѣры къ непремѣнному задержанію и обнаруженію поджигателей, по переданному мнѣ военнымъ начальникомъ дѣлу, и дѣйствуя безъ послабленій, обнаружить со всею ясностію виновныхъ лицъ, принимавшихъ къ себѣ злоумышленниковъ, для подверженія какъ тѣхъ, такъ и другихъ строгой по законамъ военнаго положенія отвѣтственности.—«По важности дѣла, на которое, по докладу моему, обращено особенное вниманіе военнаго начальства, предлагаю вашему высокоблагородію объ успѣхѣ дѣла доносить мнѣ неупустительно, чрезъ каждые три дня, при чемъ предваряю васъ, что недавняя наличность на мѣстѣ слѣдствія самихъ злоумышленниковъ, средства, которые вамъ предоставлены для непремѣннаго обнаруженія и задержанія ихъ, даютъ право требовать отъ васъ полнѣйшаго по дѣлу успѣха; всякій же неуспѣхъ въ

столь важномъ дѣлѣ будетъ отнесенъ не только къ нерачительности вашей въ дѣлѣ службы, но и къ небрежности и невниманію къ возлагаемымъ на васъ порученіямъ»—значилось въ бумагѣ начальника губерніи.

Очевидно, что такія сообщенія не могли вызвать на моемъ лицѣ улыбки. Мнѣ сдѣлалось досадно и за себя, и за Вѣнскихъ, а пуще того на Кролеву, которая—въ чемъ я уже ни чуть не сомнѣвался—нѣсколькими ложными показаніями возбудила такое дѣло, на которое такъ строго и такою важностью взглянуло мѣстное начальство и даже высшія власти.—Пока я читалъ обѣ бумаги, Вѣнскій и жена его нѣсколько разъ между собою переглянулись съ какою-то особенною грустью, и, понятно, что по выраженію моего лица, догадались, что въ бумагѣ не было ничего веселаго.—

— Скажите, пожалуйста, г. слѣдователь, — объ чемъ и отъ кого эти бумаги къ вамъ? приставала ко мнѣ чуть не со слезами на глазахъ Вѣнская.

— Пожалуйста разсѣйте наши недоумѣнія и безпокойства, упрашивалъ меня самъ Вѣнскій,—вѣдь эти бумаги вѣрно касаются насъ, успокойте хоть жену мою..? Можетъ быть, насъ велѣно?.. арестовать приставалъ онъ ко мнѣ, стараясь, по выраженію глазъ моихъ и лица, догадаться о содержаніи интересовавшихъ его и полученныхъ мною бумагъ.

— Обѣ бумаги касаются точно васъ, вѣрнѣе, впрочемъ, не васъ, а настоящаго дѣла, въ которомъ вы явились невольными дѣйствующими лицами — сказалъ я, обратившись къ Вѣнскимъ; но ни та, ни другая не заключаютъ ничего для васъ важнаго, или такого, что могло бы васъ тревожить,—успокоивалъ я ихъ обоихъ. Обѣ бумаги скорѣе непріятны для меня, потому что ставятъ меня въ необходимость—разочаровать мое начальство,—думалъ я сказать, но не сказалъ этого, потому что—чего на свѣтѣ не бываетъ? мелькнуло у меня въ умѣ. Повидимому, Кролева вретъ, словамъ и объясненіямъ Вѣнскаго нельзя не дать вѣры, а Богъ знаетъ что еще выйдетъ при концѣ слѣдствія, а что

какъ и въ самомъ дѣлѣ Вѣнскіе окажутся виновными, тогда что?... И я рѣшился до времени вполнѣ вѣрить и вполнѣ невѣрить какъ той, такъ и другой сторонѣ.

Я подъ предлогомъ спѣшности, уѣхалъ отъ нихъ, оставивъ, ихъ свободными отъ ареста. Въ этомъ, при всей строгости полученныхъ мною бумагъ, никакой надобности не представлялось. Вечеромъ, съ тѣмъ же нарочнымъ казакомъ, посланы были мною донесенія какъ губернатору, такъ и военному начальнику. Въ этихъ донесеніяхъ въ общихъ фразахъ выражалось, что слѣдствіе идетъ дѣятельно, что о результатѣ его нельзя еще сказать ничего положительнаго, но что мною принимаются всѣ соотвѣтствующія мѣры къ обнаруженію присутствія и личностей поджигателей.

Агата Кролева, во все время обыска и пребыванія моего на мызѣ, тамъ не находилась, а оставалась въ мѣстечкѣ, въ отведенной ей квартирѣ. Узнавъ, что я вернулся съ обыска, она тотчасъ же пришла ко мнѣ, и поинтересовалась узнать, говорили ли мнѣ про нее господа что-нибудь или нѣтъ. Взглянувъ на лицо Кролевой, когда она ко мнѣ вошла, я не могъ не замѣтить, что ей какимъ-нибудь путемъ вѣроятно передано уже то, что мнѣ про нее говорили Вѣнскіе. Нахальность ея и наглость меня просто возмутили. Я не могъ на нее равнодушно смотрѣть, и потому обошелся съ нею очень холодно; на вопросъ ея даже не отвѣталъ ей, и велѣлъ идти къ себѣ, говоря, что пришлю за ней, когда мнѣ будетъ въ ней предстоять надобность.—Кролева не ожидала такого пріема, крайне сконфузилась, и, конечно, не могла не догадаться, что курсъ ея въ моихъ глазахъ начинаетъ еще болѣе падать.

Того же дня сняты были мною формальные допросы съ самихъ Вѣнскихъ, со всей ихъ комнатной прислуги и со всѣхъ служащихъ у нихъ на мызѣ работниковъ. Вѣнскіе объяснялись полною невиновностью, отвергали всякое знакомство и сношеніе свое съ поджигателями, и объясняли этотъ ложный на нихъ доносъ местію, совершенно впрочемъ

для нихъ неожиданною со стороны Кролевой, по причинамъ, объясненнымъ выше. Старуха-нянька утвердила все, что передавала мнѣ въ утреннемъ разговорѣ, добавивъ, что въ ту ночь, на которую Агата указываетъ посѣщеніемъ поджигателей, т. е. съ среды на четвергъ, ее, Агатки, вовсе у Вѣнскихъ уже не было, такъ какъ она ушла отъ господъ тайно еще въ понедѣльникъ. Лакей и поваръ отвергли также всякую вѣроятность въ ея показаніи, заявивъ, что, зная ея характеръ, они положительно увѣрены, что доносъ свой она выдумала съ цѣлію отмѣтить господамъ, за то, что они подали на нее жалобу за воровство, и добавили, что если бы что либо подобное когда нибудь дѣйствительно было, то Агатка, по своей чрезвычайной болтливости, непремѣнно разсказала бы мнѣ, что она видала. А она про посѣщеніе барыни поджигателями, ни мнѣ, ниже кому либо другому не говорила; изъ чего они и заключаютъ, что она положительно вретъ, тѣмъ болѣе, что ушла отъ господъ въ понедѣльникъ, а потому если бы что и дѣлалось въ ночи, съ среды на четвергъ, то очевидно она про то не могла бы знать и тѣмъ болѣе видать.

Дворникъ Вѣнскаго показалъ, что ставни при господскомъ домѣ онъ запираетъ постоянно по вечерамъ, и отворяетъ утромъ, что запираются онѣ всѣ на замки съ наружной стороны, и ключи находятся ночью у него. Такимъ же образомъ запирается ставнею на замокъ и дверь, ведущая изъ столовой на балконъ, и потому ночью никто въ домъ чрезъ ту дверь проникнуть не могъ. Изъ чего онъ и выводитъ, что Агата показываетъ на господъ—будто бы они ночью, съ среды на четвергъ, принимали поджигателей—ложно.—Вы сами, ваше высокоблагородіе, извольте разсудить,—философствовалъ дворникъ—человѣкъ не духъ: какъ же ему, примѣрно, чрезъ запертую дверъ попасть, замка не сломавши; а это тая дѣвка вретъ, да Господь-то ее попуталъ, не обдумалася хорошо. Теперича ваше высокоблагородіе—продолжалъ дворникъ—я, по моей обязанности, служу дворникомъ, и ночью не

сплю, мызу караулю, и тую ночь, на которую дѣвка показываетъ, я тоже не спалъ, а, значитъ, хожу кругомъ дома по саду и по двору, да и не одинъ, чтобъ часомъ на лихого человѣка не наскочить, а съ собаками. А собаки у меня первый сортъ—никого не пропустятъ, да если бы тутъ ночью какой чужой зашелъ, такъ онѣ мызу всю на ноги бы подняли. А то, слава Богу, благополучно, ни я никого не видалъ, ни собаки мои голосу не давали: вретъ Агатка-то одно слово — вретъ! закончилъ съ удареніемъ на послѣднемъ словѣ дворникъ.

Показаніе кучера было не менѣе интересно:—Поѣхалъ я во вторникъ утромъ—началъ онъ—въ Хабаловку, провѣдать брата своего, что тамъ живетъ, и увидалъ въ деревнѣ на улицѣ Агатку. Сталъ я ее срамить: чего, говорю, тебѣ было отъ господъ уходить? какого тебѣ еще чорта житья надо было. Лучше бы попросила, говорю, у барыни прощенія, да отдала тамъ, что взяла. Какъ окрысится она на меня! Не поймавши, говоритъ, не говори что взяла; можетъ, ты самъ, говоритъ, укралъ, да на меня говоришь, а сама такая злая. Познаютъ меня господа-то скоро, познаютъ, твердитъ въ одно слово: будутъ, говоритъ, у меня ногахъ валяться. Такъ меня даже зло взяло: дрянь ты, говорю, этакая, поскуда! чтобъ у тебя господа еще въ ногахъ валялись. А самъ, признаться, и подумалъ: чего она такого говоритъ? Можетъ и въ правду думаетъ что сдѣлать: анъ вотъ сдѣлала, лихо ее возьми!

— А что, ты не замѣтилъ: съ злостью она свои угрозы говорила, или просто такъ, языкомъ только болтала? спросилъ я кучера.

— Богъ ее знаетъ,—отвѣчалъ онъ: я не могу знать, что у ней тамъ на думкѣ было, а только сказывала такъ, вѣрно слово, хоть присягнуть.

На мызѣ Вѣнскаго, кромѣ того, было много рабочихъ и работницъ. Всѣ они были также спрошены, и въ одинъ голосъ дали во всемъ отрицательные отвѣты, т. е., что никакихъ поджигателей не видали, и ничего даже про нихъ не

слыхали. Въ такомъ же смыслѣ былъ результатъ и повальнаго обыска, произведеннаго въ мѣстечкѣ. Обыскные люди, отозвались, кромѣ того, что семейство помѣщика Вѣнскаго, судя по его поведенію, въ 1863 году, они не могутъ заподозрить въ сношеніяхъ съ злоумышленниками - поджигателями, а если подобный извѣтъ взведенъ на него, то не иначе, какъ по чьей-нибудь злобѣ, потому что еслибы какія-либо подозрительныя личности были у Вѣнскаго, то объ этомъ непремѣнно былъ бы слухъ и по мѣстечку, такъ какъ мыза Вѣнскаго почти кругомъ окружена разными мѣстечковыми жителями. Къ довершенію дѣла, вытребованъ былъ и мясникъ еврей Гу—чь, на котораго сдѣлала ссылку Агата. Въ сильномъ перепугѣ предсталъ предо мною перепугавшійся еврей, въ хитокѣ своемъ, имѣющемъ видъ замасленнаго.

— Скажите пожалуйста, гдѣ вы находились въ теченіи четверга прошлой недѣли? спросилъ я его.

Еврей оторопѣлъ.

— А сто я могу знать, гдѣ я былъ, развѣ то мозно все помнить, мозетъ я былъ дома, а мозетъ былъ гдѣ съ говядиной, возилъ мясо, отвѣчалъ еврей, стараясь придать, по всегдашней еврейской актикѣ, своимъ отвѣтамъ такой смыслъ, чтобы изъ нихъ нельзя было бы вывести ничего положительнаго.

— Были-ли вы въ тотъ четвергъ на мызѣ у Вѣнскаго? продолжалъ я.

— А зацѣмъ я у него былъ? отвѣтилъ онъ мнѣ въ видѣ вопроса.

— Я не знаю зачѣмъ, но мнѣ только нужно знать: были ли вы у него, въ четвергъ утромъ, настаивалъ я у еврея, который впалъ въ какую-то нерѣшительность и не зналъ что отвѣчать, не будучи въ состояніи, главнымъ образомъ, понять всю суть, съ которою онъ призванъ былъ къ допросу.

Онъ зналъ, что слѣдствіе надъ Вѣнскимъ производится по поводу того, что будто бы у него въ домѣ, въ ночь, съ середы на четвергъ, были какіе-то поджигатели, а потому,

при вопросѣ о томъ, былъ-ли онъ у Вѣнскихъ въ четвергъ, утромъ, фантазіи несчастнаго еврея навѣрное представилось, что его, изъ какихъ-нибудь видовъ, хотятъ вѣроятно пріобщить къ поджигателямъ. Гу—чь забожился, заклялся, что не только въ четвергъ, но и всю ту недѣлю, кромѣ понедѣльника, когда приносилъ къ Вѣнскимъ говядину, у нихъ не былъ.

Чтобы получить отъ еврея дѣйствительно вѣрный и справедливый отвѣтъ, я успокоилъ его, и передалъ ему сущность сдѣланной на него Кролевою ссылки, но и затѣмъ онъ остался при своихъ словахъ.

— Дай Бозе, чтобы она во вѣкъ такъ по правдѣ жила, какъ я ее не видалъ и никакого разговора съ нею не имѣлъ. Дурная дѣвцина, что она отъ мене хоцетъ, цтобы я никогда такой бѣды не зналъ, какъ я съ ней не говорилъ и ницего не знаю! закончилъ расходившійся Гу—чь.

Показанію Гу—ча нельзя было давать безусловную вѣру. Извѣстно, что никто не умѣетъ такъ ловко и съ такою способностію, служить и нашимъ, и вашимъ, какъ евреи, а потому отпирательство его, отъ подтвержденія сдѣланной на него Кролевою ссылки, можно было объяснить тѣмъ, что давъ ей совѣтъ, донести на Вѣнскаго, онъ, имѣя съ послѣднимъ свои разсчеты, и доставляя ему круглый годъ мясо, не желалъ портить своихъ къ нему отношеній, и потому хотѣлъ скрыть совѣтъ, данный Кролевой. Вотъ почему я потребовалъ отъ Гу—ча, чтобы онъ положительно указалъ, гдѣ онъ былъ въ четвергъ, и онъ дѣйствительно объявилъ, что всю среду, четвергъ и пятницу, до шабаша, онъ провелъ въ мѣстечкѣ Г—нахъ, на ярмаркѣ, покупая скотъ, въ разстояніи отъ Лѣнокъ въ 30-ти верстахъ. Это обстоятельство подтвердилось вполнѣ, и потому дѣлалось очевиднымъ, что быть въ четвергъ на мызѣ Вѣнскихъ и разговаривать съ Агатой Гу—чь не могъ. Такимъ образомъ, путемъ многихъ обслѣдованныхъ обстоятельствъ, опровергавшихъ показаніе Кролевой, нельзя было наконецъ не прійдти къ положительному и без-

ошибочному выводу, что никакихъ поджигателей она не видала, и выдумала этотъ доносъ въ отмщеніе Вѣнскимъ за то, что они занесли на нее жалобу, за воровство. Трудно въ самомъ дѣлѣ было и представить, чтобы столь важные злоумышленники и преступники, рѣшились бы входить такъ смѣло въ дома, хотя бы и сочуствовавшихъ имъ лицъ, какъ описала въ своемъ показаніи Кролева, посѣщеніе ими Вѣнской. Соображая разсказъ ея въ деталяхъ и взвѣшивая всю его непослѣдовательность можно бы быть и заранѣе увѣреннымъ, что онъ, есть продуктъ одной лишь выдумки, а потому, когда при повѣркѣ его на дѣлѣ, оказалъ столько несообразностей и ошибокъ, то выдумка Кролевой дѣлалась очевидною. Очевиднымъ дѣлалось и то, что она не дала даже себѣ труда вымыселъ свой обставить болѣе или менѣе на столько удачно, чтобы онъ по меньшей мѣрѣ показался бы естественнымъ.

Въ одинъ изъ первыхъ же дней пребыванія моего въ Лѣнкахъ, я получилъ отъ мѣстнаго пристава объявленіе Вѣнскаго съ жалобою на Кролеву, на воровство 10 р. денегъ, платка, серегъ, и 2 паръ чулокъ. Вызвавъ ее, я предъявилъ это обвиненіе. Она совершенно спокойно выслушала мои вопросы и, нимало не смущаясь, отвѣтила, что жалоба несправедлива, что ничего она у Вѣнскихъ не воровала, и въ заключеніе отозвалась ко мнѣ такъ:

— Желаю, ваше благородіе, еще правду сказать: куда дѣлись барынины деньги, серьги и чулки не знаю, и не знаю, а платокъ сама барыня отдала своему миленькому пану Яну, шею закрутить отъ холоду. Вотъ если это неправда, дай мнѣ Богъ оборотнемъ перевернуться! Въ глаза уличать буду барыню. Ишь выдумали на меня свою напасть складать! Нѣтъ, я имъ докажу гдѣ платокъ-то. Подайте сюда поджигателя пана Яна! Я у него найду платокъ. Хорошо было съ нимъ цѣловаться, да не хорошо, видно, приходитъ отвѣчать... Выдумали... обокрала ихъ. Что красть то? нечего: что было,

такъ все на повстанье ушло. Я докажу... докажу—шипѣла и кричала расходившаяся Агатка.

— Нельзя и вамъ вѣру во всемъ давать, отозвался я къ ней. Вы въ показанiи своемъ также говорили много неправды, добавилъ я.

— Какую неправду, какую, я все правду сказывала имъ; теперь вольно отговариваться, а я докажу—отвѣчала въ сердцахъ Агатка. Какую-жъ я неправду говорила? обратилась она ко мнѣ, видимо желая узнать на чемъ ее изловили, чтобы поскорѣе одуматься и поправить свои ошибки. Я угадалъ ея мысль, и отвѣтилъ что о томъ она узнаетъ на очныхъ ставкахъ съ тѣми, кто будетъ изобличать во лжи. Отвѣтъ мой, конечно, не понравился, потому что разстроивалъ ея планы, и какъ она ни была нахальна, но все-таки по этой части сознавала еще вполнѣ свою неопытность, и боялась быть обойденною или уличенною кѣмъ-либо во лжи. Не мытьемъ такъ катаньемъ, и она дерзко отозвалась ко мнѣ:

— Какъ угодно, а я говорила вамъ, что буду на васъ жаловаться, и буду, непремѣнно буду. Какое же это слѣдствiе, когда вы за пановъ стоите, а я что ни скажу—все врешь да врешь! Коли они такiе правые, такъ нужно было къ себѣ поджигателей не принимать. Этимъ слѣдствiемъ я недовольна, и найду себѣ судъ дальше. Я дойду знаю куда, закончила съ злостью Агатка, и вышла. Я уже былъ вполнѣ убѣжденъ во лживости всего ея показанiя. Это видно было изъ того, что она, не имѣя уже надежды отстоять свои слова, думала брать нахальствомъ, крикомъ и запугиванiемъ слѣдователя, чтобъ онъ не стоялъ за пановъ. Она, конечно, не безъ маленькаго нравственнаго потрясенiя, ожидала очныхъ ставокъ съ Вѣнскимъ, потому что какъ ни груба была ея ложь, какъ ни старалась она придавать себѣ побольше напускнаго нахальства, но говорить въ глаза неправду людямъ, которымъ эта неправда, по случаю военнаго положенiя, могла указывать дорогу къ эшафоту—было не такъ легко, даже и для болѣе

непокорной натуры, нежели какою была восьмнадцатилѣтняя дѣвушка Агатка.

Принятая ею роль оказывалась ей не подъ силу. Игра становилась слишкомъ трудною, а спасовать на подмосткахъ, на которыхъ она себя поставила, ей не хотѣлось. Путь къ этому былъ одинъ—признаться во всемъ по правдѣ; но для этого нужно было много силы воли, а ея у Агатки, не было. Она вошла въ свою роль случайно, подъ вліяніемъ минутнаго озлобленія, а ставши разъ на ложную почву не имѣла уже столько мужества, чтобы перемѣнить ее. Дѣло приняло уже слишкомъ далекіе размѣры. Агатка знала, что она возбудила дѣло не шуточное, что о немъ знаютъ уже и губернскія власти, что на нее обращены тысячи глазъ мѣстныхъ жителей, изъ которыхъ иные, пожалуй, втайнѣ и завидуютъ ей, и мысленно считаютъ уже рубли, которые она получитъ за свой доносъ, — какъ же среди такой относительно выгодной для нея обстановки, вдругъ сорваться, обнаружить свой гнусный поступокъ, свою ложь, какъ взглянуть потомъ въ глаза всѣмъ честнымъ людямъ? Нужно взять въ соображеніе еще и то, что при подобной развязкѣ ей впереди представлялось получить уже не рублевое возмездіе, которое она въ воображеніи своемъ неизвѣстно почему предполагала, а какое-либо другое, болѣе суровое и менѣе привлекательное. Агатка все это сознавала, понимала и рѣшила въ умѣ своемъ стоять до послѣдняго, биться до крайности, маневрировать до невозможности—и не сознаваться. Она не знала, что съ каждой минутой роль ея будетъ ее тяготить все больше и больше, что рано или поздно ложь обнаружится, — она думала противное, и, втайнѣ озлобленная первыми неудачами, выдумывала для предстоящихъ очныхъ ставокъ новые способы поддерживать, изощрять и выводить въ люди свою непрошенную гостью— ложь. По мѣрѣ того, какъ съ большею и большею рельефностью выяснилась выдумка Кролевой и извѣтъ ея на Вѣнскихъ, меня начинали—и это очень естественно—интересовать по-

слѣдствія розысковъ, на которые были отправлены мною казаки и жандармы, для разыскиванія и преслѣдованія поджигателей. Для развѣдокъ имъ поручено было ѣздить по всѣмъ окрестностямъ на 50 верстъ въ окружности, и изъ деревни въ деревню, по всѣмъ мызамъ, поселкамъ и хуторамъ—узнавать, не были ли гдѣ и не проходили ли или не показывались ли подобныя личности? Развѣдки эти продолжались уже нѣсколько дней и нѣкоторые изъ посланцевъ стали уже возвращаться, съ однимъ отвѣтомъ, что нигдѣ никакихъ поджигателей никто не видалъ и ничего не слыхалъ были ли гдѣ нибудь подобныя личности или нѣтъ. Нужно замѣтить, что мѣстность, гдѣ были расположены Лѣнки и вся окрестность была очень густо населена: деревни и мызы стояли очень не далеко одни отъ другой; а потому невѣроятнымъ казалось, чтобы поджигатели, даже и находя себѣ пріютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, могли бы проходить и скрываться такъ, чтобы не быть нигдѣ замѣченными.

Между тѣмъ предстояло давать очныя ставки Кролевой съ Вѣнскими и ихъ прислугой. Обѣ стороны ожидали съ нетерпѣніемъ этого состязанія. Предметъ спора и сущность разнорѣчій были на столько важны и существенны, а взаимныя озлобленія той и другой стороны на столько велики, что предстоящія очныя ставки приводили въ маленькое волненіе и меня. Я не покидалъ надежды, что этими очными ставками, разсѣятся, наконецъ, всѣ мои сомнѣнія, и торжествующая правда выйдетъ наружу побѣдительницею. Я отправился на мызу къ Вѣнскимъ, за мною поѣхала Кролева съ жандармомъ и нѣсколькими свидѣтелями, въ качествѣ постороннихъ понятыхъ людей. Вѣнскіе встрѣтили меня невесело; они старались быть предупредительными, показывать видъ, что настоящее положеніе нисколько ихъ не безпокоитъ, но это они могли только показывать. Не говоря уже о томъ, что нравственный ихъ покой былъ глубоко нарушенъ клеветою Кролевой, они не могли быть спокойными и касательно возможнаго исхода

дѣла. Положимъ, если они были убѣждены точно въ своей невиновности, то съ большею вѣроятностію могли разсчитывать, что возбужденное противу нихъ дѣло пройдетъ безслѣдно, оставивъ въ семьѣ ихъ одно лишь непріятное воспоминаніе. Но если какія - нибудь случайности, которыя иногда не только не бываетъ возможнымъ предвидѣть, но даже и отстранить, и на этотъ разъ впутаются въ ихъ дѣло, тогда если не строгая кара, то справедливое административное взысканіе могло очень легко обрушиться на ихъ голову. Обвиненіе было слишкомъ важно, оно не имѣло, въ сущности, ничего невозможнаго, а край былъ въ исключительномъ положеніи; можно было ожидать всего, и быть готовымъ къ разнаго рода превратностямъ. Вѣнскіе тѣмъ болѣе могли разсчитывать на какія-нибудь случайности, которыя могли бы отозваться для нихъ не съ хорошей стороны. Повѣривъ съ трудомъ, что Кролева могла въ отмщеніе имъ взвести на нихъ обвиненіе столь тяжкое, они необходимо пришли къ убѣжденію, что она вѣроятно констатировала впереди улики свои къ обвиненію ихъ такимъ образомъ, чтобы, по возможности, достигнуть этой цѣли. Нельзя было, казалось имъ, думать, чтобы молодая дѣвушка рѣшилась такъ ни съ того, ни съ сего, не одумавшись хорошенько, валить на нихъ такую тяжесть обвиненія, и въ этомъ Вѣнскіе ошибались. Только неопытные мошенники рѣшаются на такіе поступки, и бросаются на большой рискъ, не обдумавъ ни своего положенія въ будущемъ, ни послѣдствій. Опытный же въ подобныхъ дѣлахъ умъ, въ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствахъ предпринятаго имъ дѣла, всегда заблаговременно обдумаетъ всѣ шансы свои, и всю возможность задумываемаго предпріятія для того, чтобы всегда имѣть въ запасѣ припасенный отвѣтъ кстати, и чтобы, даже при всякой неожиданности, не брякнуть ничкомъ въ лужу, а съ умѣньемъ обойдти ее, не пачкаясь. Кролева была не изъ такихъ.

Объявивъ Вѣнскимъ о предстоящей имъ очной ставкѣ съ Кролевою, я просилъ ихъ быть умѣреннѣе, воздерживаться отъ горячности, и смотрѣть на дѣло по возможности хладнокровнѣе. Конечно, подобный совѣтъ можно было только давать; пожалуй, можно было и выслушивать его, но невозможно было исполнить. Еще до прихода Кролевой, когда я только что послалъ за ней, Вѣнская пришла уже въ сильное волненіе. Руки ея дрожали, губы посинѣли, рѣчь сдѣлалась нетверда. Она безсознательно ходила по комнатѣ, и переходила отъ предмета къ предмету. Мужъ съ тревогой слѣдилъ за ней, по временамъ взглядывалъ на меня, какъ бы ища во мнѣ опоры и поддержки, и заставивъ жену свою выпить стаканъ сахарной воды, привелъ двухъ старшихъ дѣтей, чтобы хотя нѣсколько отвлечь ея вниманіе отъ предстоявшей сцены. Наконецъ въ смежной комнатѣ послышались шаги, и въ столовую, гдѣ мы находились вошла Кролева, и нѣсколько человѣкъ постороннихъ свидѣтелей. Дѣти Вѣнской, увидавъ свою няню, мигомъ, съ веселыми лицами и радостными возгласами, бросились къ ней. Вѣнская хотѣла было удержать ихъ, но не успѣла; они были уже около и, хватая ее за руки, засыпали тысячами своихъ дѣтскихъ вопросовъ. Кролева даже не нагнулась къ нимъ, мгновенно сдѣлалась блѣдна, какъ полотно, какъ-то глупо замялась на мѣстѣ, и стала пятиться къ двери, бормоча что-то подъ носъ. Вѣнскій вывелъ ее изъ непріятной сцены: не поднимая глазъ, подошелъ къ ней, взялъ дѣтей за руки и отвелъ ихъ. Очная ставка, какъ формальное процессуальное дѣйствіе для разъясненія разнорѣчій сторонъ, не имѣетъ обыкновенно важнаго спасенія въ дѣлѣ. Обыкновенно, одна сторона говоритъ свое, другая свое, и слѣдователь, извлекая изъ взаимныхъ возраженій то, что нужно къ дѣлу, переноситъ это на бумагу. Гораздо болѣе значенія имѣетъ очная ставка какъ нравственное доказательство правдивости одной и лживости другой стороны. Всякій, преданный своему дѣлу, слѣдователь непремѣнно долженъ быть немного психіатромъ и

физіономистомъ, и тогда никакая очная ставка, какъ бы она пустою ни была, не пройдетъ для него безслѣдно, а укажетъ ему непремѣнно праваго и виноватаго. Какъ бы виноватый, или имѣющій какой-нибудь интересъ лгать, ни старался придавать словамъ своимъ, твердость, рѣчи своей правдивый оттѣнокъ, но совѣсть его всегда служитъ ему въ этомъ отношеніи помѣхою, и непремѣнно выдастъ его. Нерѣдко путемъ очныхъ ставокъ, виновные доводятся и до искренняго сознанія. Подобное сознаніе на очной ставкѣ приходитъ иногда совершенно неожиданно, даже помимо воли сознающагося, единственно лишь вслѣдствіе неумолимаго и непреодолимаго требованія совѣсти.

— Послѣ входа Кролевой въ комнату, гдѣ были Вѣнскіе, я умышленно длилъ минуту общаго молчанія, и замѣтивъ совершенную неестественность въ положеніи, взглядѣ, и манерѣ Кролевой, тогда какъ Вѣнскіе представляли совершенно противоположное состояніе. Убѣжденіе мое, что Кролева лжетъ, росло и утверждалось съ каждымъ часомъ.

— Г-жа Вѣнская противу показанія вашего, Кролева, сказалъ я, обращаясь къ послѣдней, сознанія никакого не дѣлаетъ, и объясняетъ оговоръ вашъ тѣмъ, что вы мстите ей за воровство ваше, которое не было покрыто, а передано по принадлежности, для возбужденія противу васъ преслѣдованія, поэтому на очной ставкѣ съ г-жею Вѣнской: которая теперь вамъ дается, имѣете вы объяснить, что находите нужнымъ въ улику ея и въ опроверженіе взводимаго ею на васъ обвиненія, а также къ подтвержденію своего показанія.

— Имъ вольно теперь отъ всего отпираться,—начала довольно спокойно, но опустивъ глаза въ полъ, Кролева: а я что говорила, то и буду говорить. Принимала барыня поджигателей, это вѣрно. Небось я неправду говорю?—проговорила она съ какимъ-то натянутымъ смѣхомъ, обращаясь уже прямо къ Вѣнской, и сдѣлавъ къ ней нѣсколько шаговъ впередъ. Небось не виноваты вы? Агатка вретъ, а барыня права! говорила съ наглостію Агатка.

Вѣнская вздрогнула и пуще прежняго поблѣднѣла.

— Агата, что ты говоришь? отвѣчала она взволнованнымъ голосомъ, вставая со стула:—опомнись, побойся Бога. Какъ у тебя языкъ ворочается наговаривать на меня такую ложь—и ты мнѣ можешь въ глаза говорить, что я принимала поджигателей... Господи! Гдѣ же твоя совѣсть?..

— Что тамъ болтать,—хладнокровно перебила ее Кролева:—въ такомъ дѣлѣ, чтобъ вы повинились, развѣ вы дурные, не знаете что за это будетъ. Надо было не принимать гостей, да не кормить ихъ, а мнѣ не панамъ служить! у меня совѣсть есть, Богу да Царю отвѣтъ даю, что видала и говорю. Поджигатели были, и барыня ихъ принимала и кормила, это вѣрно, чтобъ я съ этого мѣста не сошла, такъ и пишите мое показаніе, ваше благородіе,—отозвалась ко мнѣ Кролева.

— Врешь ты, безчестная дѣвчонка, неблагодарная, закричала вдругъ съ неистовствомъ вышедшая изъ себя Вѣнская... Это ты мнѣ за шаль, да за деньги *мстишь*, кучеру сама говорила! Врешь никого у меня не было, гнусная, подлая... Это благодарность мнѣ за мое добро, что я ее изъ грязи вытянула, да къ себѣ взяла... Господи! вотъ отогрѣла то себѣ я змѣю. Извергъ ты, клевещешь на меня, но не докажешь. Не такъ будетъ, какъ ты хочешь и думаешь, безсовѣстная доносчица... Богъ тебя накажетъ за меня... Въ глаза такъ можешь врать и увѣрять .. безчестная душа.

Вѣнская, не будучи въ силахъ выносить нахальныя улики Кролевой, просто выходила изъ себя. Подъ конецъ ея рѣчи, съ ней сдѣлался истерическій припадокъ, и Вѣнскій вывелъ ее изъ комнаты. Кролева нимало не смутилась послѣдствіями своихъ лживыхъ рѣчей, и, по выходѣ Вѣнскихъ, проговорила, обращаясь къ постороннимъ свидѣтелямъ, съ самодовольнымъ видомъ:

— Правду-то не любитъ слушать! Вишь, дурно сдѣлалось. А какъ по ночамъ чужихъ пановъ къ себѣ пускать, такъ небось храбрости хватаетъ, да еще бы диви - какихъ, а то мятежниковъ-поджигателей. А я что видала, такъ дол-

жна все начальству сказать, резонерствовала Кролева: по правдѣ, мнѣ и Богъ да поможетъ...

— Мудрено ты говоришь дѣвка, мудреная твоя и правда, отозвался къ ней кто-то изъ постороннихъ свидѣтелей: славно говоришь, что не знаешь...

— И дивно. Никто нигдѣ ни кого не видалъ, ничего не слыхалъ, а вишь выискалась одна, что видала. Одно слово вретъ, а господа, я знаю, не такіе люди, чтобы, супротивъ твоего болтовства, вѣру давать, отозвался другой голосъ.

— Не диво тебѣ и вступаться, — перебила послѣдняго Агатка, когда тебѣ глотку-то, да глаза водкой залили, вишь выискался заступникъ!

— Чтобъ тебѣ очи смолой залило, коли я хоть каплю водки видалъ! громко отозвался разобидѣвшійся свидѣтель. Десять лѣтъ уже водки не пью, присягу на то въ церкви далъ,—обратился онъ ко мнѣ. Вотъ такая и вся ея правда, плутня ты...

— Не ругайтесь, перебилъ я свидѣтеля, если она лжетъ, указалъ я на Кролеву: то ей же хуже, не говоря уже о томъ, что она отвѣтитъ за то передъ своею совѣстью; но я постараюсь и слѣдствіемъ раскрыть всю правду, и если окажется, что она ложно оговорила Вѣнскихъ, то, соотвѣтственно важности оговора, она сама будетъ наказана.

— Да ей и въ пеклѣ мало будетъ мѣста! отозвался разобидѣвшійся за водку свидѣтель. Объ ней только спросить, какая она: за ее языкъ никто ее къ себѣ въ хату не впускаетъ.

— Не бѣдуй, — будемъ въ пеклѣ, такъ разомъ — утѣшала свидѣтеля Кролева. Я помоложе, буду подъ котелкомъ огонь раскладать, и дѣдъ—она кивнула, смѣючись, на свидѣтеля: будетъ въ смолкѣ париться.

Пустопорожняя перебранка мнѣ надоѣла, и только что я прекратилъ ее, какъ въ комнату вошелъ сильно взволнованный Вѣнскій.

— Будьте такъ добры, г. слѣдователь, обратился онъ ко мнѣ, не тревожить, не требовать больше мою жену, потому что она сильно взволнована и разстроена. Она можетъ заболѣть отъ выслушиванія такой наглой лжи.

Вѣнскій самъ былъ сильно взволнованъ.

— Ты не думай, сударыня, обратился онъ громко и дрожа отъ волненія къ Кролевой,—что я тебѣ прощу даромъ всю эту исторію. Ты мнѣ докажи поджигателей, отыщи ихъ, а я тебѣ докажу, что ты виновна. Стыдись! ты еще молодая дѣвушка и сколько дѣлаешь уже зла! урезонивалъ онъ ее. Лучше сознайся во всемъ, совѣсть свою очисти.

— Вы, баринъ, что хотите говорите, а не ругайтесь. Васъ тогда не было, вы ничего и не видали, а я что видала, то и говорю. Какая я воровка? ничего я у васъ не крала, и вовсе не уходила сама, а вы меня прогнали по злости. Хотите, такъ и скажу за что—закончила она двухсмысленно.

— Это интересно услыхать, горячился Вѣнскій.

— За то, что не хотѣла къ вамъ ночью въ кабинетъ ходить: вотъ за что! съ какимъ-то достоинствомъ проговорила Агатка Вѣнскому, прямо въ глаза. Послѣдній, не давъ ей почти договорить послѣднихъ словъ, прервалъ ее:

— Врешь мерзавка! Клевещешь, дрянь ты....

— Нѣтъ, не вру, а правда, твердо и съ настойчивостію говорила ему въ глаза Агатка. Хотите такъ и еще скажу, какъ барыня съ паномъ Яномъ въ гостиной цаловал...

— Молчи, или я тебя убью за честь моей жены, завопилъ Вѣнскій въ изступленіи, и бросился на Агату такъ, что та подалась даже на задъ, и приподнялъ руки къ головѣ, какъ будто ее и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ уже бить. Я долженъ былъ остановить Вѣнскаго и успокоить его, но онъ долго не приходилъ въ себя, и въ волненіи ходилъ по комнатѣ. Наконецъ и его натура не вынесла,—разомъ зарыдалъ онъ, какъ могутъ рыдать только мущины, и ринулся въ дверь, къ своей женѣ, въ другую комнату. Долго слышались ихъ общія рыданія, прерываемыя слабымъ плачемъ

дѣтей, и утѣшеніями преданной имъ старухи-няньки. Предшествовавшая сцена была тяжела всѣмъ присутствовавшимъ, кромѣ Агатки, которая успѣла уже войдти въ свою роль, улыбалась и была довольна. Она хотѣла своими улыбками показать, что всѣ эти слезы и рыданія ей ни по чемъ, и что она считаетъ ихъ за притворство.

— Грѣхъ тебѣ, дѣвка, будетъ, коли ты врешь, да на людей напасть наводишь, — отозвался одинъ голосъ изъ числа свидѣтелей.

— Нехай бы присягнула, коли правду говоритъ,—отозвался другой.

— Такая и присягнетъ ни по чемъ на напасть. Что ей присяга, коли она свою душу чорту заподрядила! Вретъ въ одно слово, каторжная. Далъ бы я ей такъ... чтобы съ мѣста не встала, за ейный непотребный языкъ, говорилъ, горячась, третій свидѣтель.

— Извольте, ваше благородіе, отнеслась уже ко мнѣ Кролева, приказать, чтобъ они не ругались, потому какъ вижу, что у нихъ у всѣхъ сговоръ съ помѣщиками, за то и ругаются, а я буду жалобы на нихъ заносить. Далъ бы я ей!.. передразнивалась она къ свидѣтелю: смотри, какъ бы не пришлось по своей...

— Не пугай! попала, королева якая! Вретъ, да еще слушать велитъ, пропади ты со своей правдой!.. послышались голоса.

Въ комнатѣ, гдѣ были Вѣнскіе, рыданія и слезы прекратились, и всхлипываній больше не было уже слышно, и вышедшая оттуда нянька объяснила, что господа ушли въ дальную комнату, чтобы ничего не слыхать и не тревожиться. Нянькѣ также нужно было дать очную ставку съ Кролевою, а потому я воспользовался ея выходомъ, и остановилъ ее.

— Вотъ вы отвергаете, и не допускаете возможности посѣщенія вашей барыни поджигателями, а Агата это ут-

верждаетъ. Кто же изъ васъ говоритъ правду? обратился я къ обѣимъ имъ, сводя ихъ и предвидя жаркую схватку.

— Агатка, а Агатка! И тебѣ не грѣхъ на барыню-то клепать? начала усовѣщивающимъ голосомъ, старуха-нянька.— Послушай меня, старуху, ей-Богу тебѣ грѣхъ, коли бы правду ты говорила, а то такую напасть выдумать ты думаешь, тебѣ и вѣру дадутъ. Какъ же могли какіе тамъ поджигатели барыню вызывать и въ домъ входить, когда я съ барыней въ одной комнатѣ сплю, а тую ночь, что ты говоришь, мы и совсѣмъ не спали, потому барыня все плакала. Коли бы что такое было, такъ я бы видала, я бы слыхала, чего ты врешь. Вѣдь барыня тебя съ грязи вынула, ты бы должна за нихъ Богу молить, а не такія рѣчи выдумывать, — вѣдь барыня, ее жалѣючи, съ дурной дороги къ себѣ взяла, обратилась ко мнѣ нянька. Такъ вотъ, извините, господа,—таскалась ужъ, дешевымъ хлѣбомъ жить хотѣла, ну да подошелъ случай, узнала барыня, пожалѣла, да и взяла къ себѣ, а она вотъ и отблагодарила, обокрала барыню, да по злобѣ теперь и напасть навела—сама кучеру признавалась.

— Можетъ быть вы сами барыню-то обокрали, а на меня говорите, отозвалась Агатка къ нянькѣ, не совсѣмъ однако, смѣло.

— Я тебѣ за такія рѣчи глаза заплюю, разгорячилась старуха, я вѣкъ прожила—ни отъ кого дурнаго слова не слыхала, а ты смѣешь. Врешь ты все! Ну, говори, какъ же могли попасть поджигатели, когда двери были съ балкона по ставнѣ заперты на замокъ?

— Отворили, да и вошли, извѣстно какъ! куражилась Агатка.

— Врешь ты, отворили, да вошли, да какъ отворили? замокъ-то и утромъ былъ цѣлъ, не духомъ попали въ комнату, уличала Агатку старуха-нянька.

— Можетъ и духомъ, а можетъ быть кто и ключъ отъ ставни подалъ, отвѣчала, конфузясь, Агатка, не зная что и говорить.

— Ты меня не порочь своимъ языкомъ, заговорилъ, выступая впередъ, только что передъ тѣмъ вошедшій въ комнату дворникъ, изъ безсрочныхъ. Я, слава Богу, Царю выслужилъ, а ты что дрянь! внушительно отозвался онъ. Я подъ Сибастополемъ былъ, кровь проливалъ, а такого дѣла не видалъ, видьмя вретъ. Ты мнѣ скажи, какъ тамъ твои поджигатели-то могли попасть съ балкона, когда я самъ всѣ ставни съ вечера заперъ, а ключи у меня были? Говори, да не виляй.

— Самъ видно впустилъ—отозвалась Агатка.

— Самъ!—встрѣпенулся безсрочный—нѣтъ такого срама не будетъ, я самъ и по днесь Царю служу, присягу давалъ. —Ей, ваше благородіе, развѣ есть вѣра—обратился дворникъ ко мнѣ, коли она худыми дѣлами съ нашимъ братомъ занималась. Мы порядки знаемъ, ты что не говори, тебѣ вѣры нѣтъ, —что собака брешитъ, то и твои слова.

— Сказываетъ еще вмѣшалась нянька, обращаясь къ дворнику, что съ балкона къ намъ въ окно стучали—да тамъ и палкой до нашего окна не достать, далеко, говорила старуха, обращаясь къ Агаткѣ. Съ низа отъ сада тоже не добрать—высоко. Такъ какъ же ты такія рѣчи выдумываешь, врешь—вся тебѣ и цѣна то такая.

— Я не говорила что съ балкона къ вамъ въ окно стучали, стучали отъ сада начала было оправдываться Агатка.

— Врешь—остановилъ ее дворникъ и отъ сада съ земли до окна и палкой не достанешь, потому высоко: второй этажъ. Изволите видѣть, а можетъ и видѣли, ваше благородіе, обратился онъ ко мнѣ, что къ тому окну что въ спальнѣ то нужно по лѣсенкѣ на 10 ступней сказать, чтобъ ставни запирать, потому отъ земли высоко, конецъ около двухъ саженъ будетъ—такъ какъ же тамъ съ земли дотронешь—не ладно говоритъ.

— Такъ по лѣсенкѣ можетъ и поджигатель лазить до окна, съ находчивостью и довольная собою отозвалась Агатка.

— Нѣтъ, шалишь—вотъ когда попала, ваше благородіе, выступилъ впередъ ко мнѣ безсрочный.—Это точно, я какъ запираю ставни, такъ сладилъ себѣ лѣсенку, потому—высоко, а какъ позапираю ставни такъ лѣсенку въ сарай, а никогда при окнахъ не оставляю, извольте всѣхъ спросить, чтобъ часомъ кто ночью не укралъ, и той ночи, что ты говоришь—обратился онъ къ Агаткѣ—лѣстницы у окна не было. Врешь ты, ехидная твоя морда, врешь, съ досадою говорилъ безсрочный,—меня къ поджигателямъ приравняла. Вишь—можетъ самъ я ихъ впустилъ, чтобъ ты такъ Божій свѣтъ видала, какъ ты никого не видѣла, и, отойдя въ сторону, разсвирѣпѣвшій дворникъ плюнулъ.

На улику его Агатка уже ничего не отвѣчала, потому что сибастополецъ ее сбилъ съ толку, и возражать было нельзя. Агатка молчала и не такъ настойчиво лѣзла уже въ споръ, и для поддержки своей напирала уже больше на то, что можетъ хоть сейчасъ чистымъ сердцемъ, на голыхъ колѣнкахъ, присягнуть.—Между тѣмъ Вѣнскіе снова вошли въ столовую. Какъ ни возмущались они словами Агатки, но не могли, однако, оставаться равнодушными ко всѣму тому, что происходило недалеко отъ нихъ.

— Г. слѣдователь, обратилась ко мнѣ Вѣнская, допросите, пожалуста, Кролеву, куда она дѣвала мой платокъ? Ни денегъ, ни серегъ, ни чулокъ мнѣ такъ не жалко, какъ моего платка.

— Не нужно было пана Яна повязывать, съ наглостію и дерзостью сказала ей Кролева.

— Какого пана Яна? недоумѣвала Вѣнская.

— Какого? извѣстно какого: поджигателя! Забыли барыня, какъ кормили то колбасами, да ветчиной.

— Врешь, врешь! Не мучь ты меня, не смѣй ты мнѣ этого говорить, дерзкая... И голосъ Вѣнской начиналъ дрожать, а на глазахъ ея показались слезы. Вѣнскій сталъ ее успокоивать.

— Не обращай вниманія, другъ мой, отозвался онъ къ женѣ: не по ея словамъ будутъ цѣнить и судить насъ, пусть говоритъ что хочетъ.

— Извѣстно буду,—перебила его Агатка, и, значитъ, такой балъ справили! Барыня ихъ и тѣмъ и другимъ угощаетъ, кушайте панове, а панове такъ и убираютъ, а потомъ слышу: чмокъ да чмокъ; ну, думаю, ловко барыня-то съ паномъ Яномъ безъ барина цалуются.

На этихъ словахъ Кролевой ужасный судорожный крикъ вырвался изъ груди несчастной Вѣнской, вдвойнѣ оскорбленной нравственно—какъ женщины передъ людьми, и жены передъ мужемъ.

— Вздоръ! не вѣрьте, не вѣрь! успѣла крикнуть только Вѣнская, и, какъ снопъ, повалилась на полъ. Ее поддержали и вынесли въ спальню. Все смолкло. Сцена была возмутительная. Всѣ жалѣли бѣдную Вѣнскую, и съ презрѣніемъ смотрѣли на Кролеву. Никто не сомнѣвался уже, что она вретъ. Обморокъ Вѣнской продолжался долго, и на этотъ разъ ограничился не однимъ истерическимъ припадкомъ. Вѣнскій послалъ за докторомъ жившимъ въ мѣстечкѣ. Докторъ пришелъ скоро, покачалъ головой, и сомнѣвался за хорошій исходъ. Нравственное потрясеніе было слишкомъ велико, чувство женщины оскорблено до-нельзя. Вѣнская не вынесла: у нея открылась сильнѣйшая нервная горячка. — Когда сдѣлалось извѣстнымъ опасное состояніе Вѣнской, то пропасть упрековъ съ разныхъ сторонъ посыпались на Кролеву. Въ упрекахъ ее не щадили тѣмъ болѣе, что для спокойствія заболѣвшей Вѣнской, я перешелъ изъ ихъ дома, и продолжалъ занятія въ одномъ изъ флигелей, гдѣ лица, уличавшія Кролеву въ лживости ея показаній, не боялись стѣснять кого-либо своими словами. Кролева сдѣлалась мягче. Встревоженный привлеченіемъ къ дѣлу о поджигателяхъ, еврей Гу—чь былъ крайне озабоченъ главнымъ образомъ по тому, что не зналъ или вѣрнѣе, не могъ понять

съ какою цѣлію и въ какомъ именно смыслѣ сдѣлала на него Кролева ссылку.

— Васе благородіе, надоѣдалъ онъ мнѣ—что зе это будетъ, цего она отъ меня хоцетъ. Я бѣдный еврей, имѣю свой гандель, а цего эта сволоцъ вретъ, то за такою дусою зить нельзя, она будетъ брекать, а другому хлопоты робить.

Гу—чу предстояло еще состязаться глазъ на глазъ съ Кролевою, и когда я объявилъ объ этомъ, то онъ повеселѣлъ.

— Нехай она мнѣ въ оци сказетъ, чи я видѣлъ ее чи я ей что говорилъ. Мозе она во снѣ цто видила, такая дурная, мозе цортъ ее знаетъ цего она хоцетъ—говорилъ ходя по комнатѣ Гу—чь, размахивая руками, и съ нетерпѣніемъ ожидая свиданія съ Агаткой, за которою я послалъ. Наконецъ она пришла. Гу—чь не далъ еще ей запирать за собой дверь и набросился на нее съ цѣлымъ потокомъ брани.

— Цто ты, масенница, цестныхъ людей мараешь, чего ты на меня маклюешь, якихъ ты выдумала поджигателей, чи я съ тобой о томъ что говорилъ, когда меня въ середу вовсе здѣсь и не было, сто ты врешь! подлая. Якая твоя правда на свѣтѣ, ци ты маишь Бога, ци мозешь цорту служить..... загомонилъ Гу—чь, безъ устали и безъ остановки.

Я долженъ былъ прервать его и удержать, чтобы дать мѣсто словамъ Кролевой. На слова Гу—ча она презрительно усмѣхнулась, и потомъ отвѣчала:

— Чего ты, пане жиде, расходился? Какая я тебѣ далась мошенница, какъ ты смѣешь пархъ меня ругать? чего запираешься? развѣ я на тебя вину какую валю? Извѣстно я тебѣ сказывала про поджигателей, а ты мнѣ говорилъ, что нужно начальству донести. Чего же ты отпираешься: развѣ это не правда, развѣ тебѣ за то якая бѣда будетъ? продолжала она урезонивающимъ тономъ, и потомъ, обратясь ко мнѣ, добавила:—ругается, ваше благородіе, самъ не знаетъ чего.

— Когда ты все врешь, то какъ же мнѣ тебя не ругать? отозвался къ ней Гу-чь.

— А когда ты врешь, а я правду говорю, тогда что будетъ? — Тогда пана-жида за-разъ за пейсы повѣситъ, дразнилась она.

— Васе благородіе, цего она ругается, чи ей есть дѣло до мои пейсы — обратился ко мнѣ съ жалобою еврей, и добавилъ: я съ ней говорить больше не хоцу, вы сами знаете, это она вретъ, и меня вовсе не было въ четвергъ въ Лѣнкахъ, ци я духъ, ци Богъ, што могъ быть и здѣсь, и тамъ? закончилъ еврей, обратясь къ Кролевой, и затѣмъ, попросивъ дозволенія удалиться, вышелъ.

Кролева огрызалась уже не съ такою охотою. Натянутость роли ей уже надоѣдала, и я не могъ не видѣть, что она отъ души желала скорѣйшаго окончанія слѣдствія, и всей заведенной «тягонины», а потому, когда, въ заключеніе всѣхъ очныхъ ставокъ, дана была послѣдняя ставка съ кучеромъ, который уличалъ ее въ томъ, что она еще въ понедѣльникъ ушла отъ господъ, а во вторникъ онъ видѣлъ ее въ Хабаровкѣ, гдѣ она передъ нимъ хвасталась въ томъ, что надѣлаетъ хлопотъ и бѣды господамъ, то Кролева, противу уликъ кучера, говоренныхъ съ настойчивостію и прямотою, съ неохотою высказывала даже общіе отвѣты, въ родѣ того, что «говори какъ хочешь. Вамъ вольно за господъ вступаться, потому—вы ими закуплены, а я говорю правду», и все въ такомъ родѣ. На буквально предлагаемые ей кучеромъ вопросы, не давала никакихъ отвѣтовъ, и видимо отъ нихъ уклонилась, да, по правдѣ сказать, что же и могла бы она говорить, обойденная въ своей лжи кругомъ и на всѣхъ путяхъ?

— Слышь ты, Агатка—обратился къ ней кучеръ, уходя: повинись ты лучше передъ барыней. Смотри: вѣдь ты ее въ постель уложила, вотъ и сейчасъ баринъ приказалъ ѣхать за докторомъ, потому—барынѣ плохо, а не приведи Богъ съ твоей бѣды, что случится, грѣхъ тебѣ, дѣвка, будетъ за бары-

ниныx сиротъ, а лучше повинись передъ ихъ благородіемъ, они все дѣло знаютъ: стушатъ, и будетъ тебѣ ничего, а то, примѣрно, ничего ты не докажешь, потому слова твои одна брехня. На этихъ словахъ кучеръ вышелъ, а Агатка осталась стоять въ задумчивости. Я это замѣтилъ. «А что? вѣдь хорошія рѣчи любо и слушать, обратился я къ ней, и я вамъ тоже совѣтую разсказать лучше всю правду, и признатъся. Вѣдь по всему видно, что вы на свою барыню наговорили ложно, а это большой грѣхъ. Агата, надо будетъ Богу отчетъ отдать; вѣдь барыня ваша изъ-за вашихъ рѣчей теперь больна, и сильно больна, ну, не дай Богъ, умретъ, вѣдь васъ совѣсть замучитъ, вы молодая дѣвушка; подумайте, опомнитесь. Раскаяніе никогда не поздно, раскаяніемъ вы облегчите себя, распутаете дѣло, и успокоите людей, которыхъ подвели подъ такія безпокойства и тревоги».

Агата слушала мои слова молча, по временамъ озираясь кругомъ и тоскливо поглядывая то на меня, то по сторонамъ. Видно было, что въ ней происходила борьба, и борьба для нея нелегкая. Въ эту минуту, когда требованія совѣсти, въ не вполнѣ испорченной еще натурѣ, начинали вступать въ свои права, мнѣ стало даже жаль Агату, и, ославляя уже въ сторонѣ возможную развязку дѣла въ интересахъ самаго слѣдствія, я отъ души желалъ услышать отъ Кролевой раскаяніе, чтобы положить предѣлъ и ея тревожному состоянію. Кромѣ меня и Кролевой въ комнатѣ никого не было. Видя ея настроеніе, я рѣшился употребить все свое вліяніе, чтобы довести дѣло до желаемой цѣли.

— Знаете что, сказалъ я Кролевой — я по вашему лицу вижу, что вы хотите мнѣ во всемъ признаться. Это добрый признакъ: онъ доказываетъ, что совѣсть у васъ еще не потеряна, конечно трудно выговорить это раскаяніе, но я его облегчу вотъ чѣмъ. Пойдемъ вмѣстѣ къ Вѣнскимъ. Я скажу имъ, что вы признались въ ложномъ оговорѣ ихъ, и раскаяніемъ хотите загладить свою вину Вѣнскіе на асъ, конечно, посердятся, но не долго, да и вамъ легче

будетъ разомъ признаться и передо мною, и передъ ними. Хорошо, Агата? обратился я къ ней вопросительно: пойдемъ же. И я вышелъ изъ флигеля, въ которомъ находился, въ квартиру Вѣнскихъ. Агата молча послѣдовала за мною. Трудно было разобрать, что въ данную минуту выражалось на ея лицѣ. Нерѣшительность, сознаніе крайне глупаго положенія, досада, неудавшаяся месть: все это вмѣстѣ наложило на Агату свои оттѣнки, и придавало ея лицу какой то неестественный, напряженный видъ.

Собственно говоря, мнѣ не было никакой надобности настаивать на сознаніи Агаты Кролевой. Лживость ея достаточно рельефно выражалась обстоятельствами дѣла, не могла подлежать сомнѣнію, и юридически вполнѣ гарантировала судебную отвѣтственность Вѣнскихъ, но мнѣ хотѣлось, кромѣ того, нравственно успокоить несчастную Вѣнскую, которой, какъ невинно оговоренной жертвѣ, я вполнѣ симпатизировалъ, и, уяснивъ дѣло до собственнаго сознанія Кролевой въ лживости ея доноса, тѣмъ самымъ, окончательно успокоить Вѣнскихъ, разсѣять всѣ ихъ сомнѣнія относительно разныхъ случайностей, и имѣть, наконецъ, уже вполнѣ положительный и неопровержимый по существу дѣла фактъ, который, заканчивая слѣдствіе, служилъ бы нѣсколько результатомъ дневныхъ моихъ трудовъ и стараній.

Я вошелъ въ домъ Вѣнскихъ въ сопровожденіи Агаты, въ ту комнату. гдѣ передъ тѣмъ занимался. Въ комнатѣ никого не было, и во всемъ домѣ царствовала мертвая тишина. Минуты три послѣ нашего входа, дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась, и изъ-за нея показались головки двухъ старшихъ дѣтей Вѣнскихъ. Увидавъ въ отворенную половину двери свою прежнюю няню, дѣти проворно вошли въ комнату и бѣгомъ подбѣжали къ Агатѣ. Съ наивными дѣтскими ласками и нѣжностями, усадили они ее на стулъ, забрались къ ней на колѣни, стали обнимать и цѣловать. Нравственное состояніе Агаты въ эту минуту было крайне тяжело. Она сознавала эту тягость своего положенія съ дѣтьми, тѣмъ

болѣе, что, при свиданіи съ ними, находился и я, а потому, чтобы вывести ее изъ этого непріятнаго положенія, я разомъ подошелъ къ ней, и сказалъ:

— Вотъ видите: и дѣти чувствуютъ, что вы пришли къ нимъ съ добрымъ сердцемъ и не съ злымъ намѣреніемъ.

Кролева тронулась ласками дѣтей; у ней на глазахъ навернулись слезы, и, обратившись ко мнѣ, она сказала:

— Видно, надо ужъ правду сказать: виновата я, точно, по злобѣ оговорила барыню, а онѣ ни въ чемъ не виноваты, даромъ потерпѣли по моей пакости. Голосъ ея задрожалъ, она не выдержала и заплакала... Въ это время вошелъ Вѣнскій съ чрезвычайно грустнымъ и разстроеннымъ видомъ. Онъ передалъ мнѣ, что жена его находится въ сильно взволнованномъ состояніи, и что при томъ положеніи, въ которое она впала, одно лишь полное нравственное успокоеніе можетъ возстановить силы и здоровье, и что во всякомъ другомъ случаѣ исходъ болѣзни можетъ принесть крайне не хорошій характеръ. Увидавъ двоихъ своихъ дѣтей, на колѣняхъ у Агаты, разговаривающими съ ней, Вѣнскій мгновенно принялъ суровое выраженіе лица, и намѣревался уже взять у Кролевой дѣтей, но я его остановилъ словами:

— Не тревожтесь! Богъ дастъ, мы успокоимъ сейчасъ вашу супругу. Агата чистосердечно сознается и раскаявается, что оговоръ на нее въ принятіи въ домъ поджигателя сдѣлала ложно. Она мнѣ въ этомъ уже призналась, и подтвердитъ свое признаніе передъ вашей супругой, если вы дозволите мнѣ увидать ее и привести Кролеву. Вѣнскій былъ ужасно пораженъ моими словами.

— Не можетъ быть! Агата! ты раскаяваешься, въ тебѣ есть еще совѣсть. Ну, такъ, значитъ, ты еще честная, совѣстливая дѣвушка! Богъ тебя проститъ, успокой же скорѣй мою жену! Г. слѣдователь, будьте добры: устройте это свиданіе скорѣе, обратился ко мнѣ Вѣнскій. Агата, Агата, что ты надѣлала? говорилъ онъ, подходя къ ней. Ну, да Богъ проститъ тебя, только, ради Бога, успокой жену мою, умо-

лялъ онъ ее прерывистымъ отъ волненія голосомъ и смотрѣлъ на нее уже вполнѣ дружелюбно. Послѣдняя также сдѣлалась немного веселѣе, шутила и болтала съ дѣтями, Видно было, что раскаянію и сознаніе, какъ ни трудны были они произвели свое дѣйствіе, возстановили ея душевное спокойствіе. Вѣнскій, послѣ первыхъ порывовъ радости, тотчасъ же бросился къ своей женѣ, разсказалъ о сознаніи, какъ ей, такъ равно и нянькѣ. Послѣдняя не вытерпѣла, чтобы тотчасъ же сходить на кухню, и сообщить эту новость повару, кучеру и другимъ, а чрезъ этихъ послѣднихъ, сознаніе Агаты въ самое короткое время, сдѣлалось извѣстнымъ не только всѣмъ жившимъ во дворѣ Вѣнскаго, но даже и другимъ ближайшимъ мѣстечковымъ жителямъ. Такъ какъ всѣ интересовались исходомъ этого дѣла, то потому подобное извѣстіе собрало на дворѣ цѣлую толпу народа, по мѣрѣ возростанія которой непріятность положенія Агаты увеличивалась больше и больше. Агата знала, что эта толпа не замедлитъ глазъ на глазъ высказать свое ожесточеніе за безнравственный доносъ, и даже нешутя побаивалась, чтобы ее гдѣ нибудь на досугѣ не побили бы, потому что Вѣнскіе, какъ добрые люди, были любимы всею окрестностію, а страданія и муки самой Вѣнской, перенесенныя ею вслѣдствіе доноса Агаты, были всѣмъ не безызвѣстны. Изъ толпы, чрезъ растворенное окно, доносились разныя сужденія на счетъ Агаты, крайне неблагопріятныя для нея въ родѣ того, что ей бы языкъ слѣдовало отрѣзать, въ примѣръ другимъ, наказать поскорѣе, чтобъ такихъ доносовъ не дѣлала.

Агата слушала и млѣла, а угрозы со двора не унимались.

— Я бы, примѣрно, ее, кабы моя власть, за такую штуку на висѣлицу: повѣсилъ бы! — говорилъ одинъ голосъ.

— Чтобъ поганый ейный языкъ больше во вѣкъ по свѣту непотребныхъ рѣчей не произносилъ! — вторилъ другой голосъ изъ толпы.

— Да чтобъ людямъ хлопотъ, а начальству безпокойства такая сволочь не дѣлала, такъ ей и висѣлицы мало, ей бы что еще почуднѣе надо придумать въ наказаніе, — мало она лиха словами своими надѣлала, заключилъ третій голосъ изъ толпы.

— А что и за правду ей это даромъ не сойдетъ? спросилъ кто-то изъ толпы другаго.

— Чортъ ее знаетъ! отвѣтилъ послѣдній—этихъ дѣловъ не знаемъ, какъ тамъ начальство разсудитъ.

— Дурни вы, отозвался къ первымъ двумъ, третій голосъ. Прямо въ законѣ сказано: доносчику первый кнутъ, готовилъ значитъ плеть другому, такъ попробуй самъ.

— Дурни-то не мы, а ты, отвѣтилъ къ законнику одинъ изъ первыхъ. Нониче такой законъ вышелъ, что плетьми не драть, а бабъ и совсѣмъ розгами даже пужать не велѣно, потому стыдъ: стало и ей, Агаткѣ, того не будетъ. Посидитъ може кольки мѣсяцы въ острогѣ, да и все тутъ,—закончилъ онъ.

Агатка слыхала всѣ эти сужденія, и видно было, что тяжелое чувство производили они. Она нѣсколько разъ принималась плакать, и, наконецъ, обратившись ко мнѣ со слезами стала спрашивать: что ей будетъ. Я постарался успокоить ее, говоря, что если она и потерпитъ наказаніе за ложное оклеветаніе невинныхъ людей, то, во всякомъ случаѣ, нестрогое, во вниманіе сознанія и чистосердечнаго раскаянія.

— А что же они тамъ на дворѣ говорятъ? проговорила дрожащимъ голосомъ Агата, указывая въ окно на толпу.

— Они говорятъ чего не знаютъ и не понимаютъ, отвѣтилъ я ей, но все-таки, въ общемъ смыслѣ, сужденія толпы, я объяснилъ Агатѣ какъ вполнѣ основательное и естественное послѣдствіе того ожесточенія, которое она возбудила противъ себя своимъ безнравственнымъ поступкомъ.

Между тѣмъ, въ комнату вошелъ Вѣнскій, и объявилъ, что жена его хотя и лежитъ въ постели сильно разслаблен-

ная перенесенными ею потрясеніями, но тѣмъ не менѣе принять меня можетъ. Я отправился къ ней въ спальную, въ сопровожденіи Вѣнскаго и Агаты. Послѣдняя, едва только вошла въ дверь, съ плачемъ бросилась къ постели Вѣнской и, схвативъ ее за руку, стала цѣловать.

— Барыня, миленькая, голубушка! простите вы меня, виновата я много передъ вами, не погубите меня. Даромъ, по злобѣ оговаривала я васъ, ничего-то вы ни въ чемъ не виноваты. Охъ тяжко мнѣ, барыня! простите, не сердитесь вы на меня, вопила Агата въ отчаяніи, стоя передъ Вѣнскою на колѣнахъ и смотря на нее умоляющимъ взглядомъ.

Вѣнская о сознаніи Агаты была уже предупреждена мужемъ своимъ, а раскаяніе Агаты, которое въ самомъ дѣлѣ было довольно искреннее, не могло не уничтожить въ сердцѣ ея, несмотря на переиспытанныя муки, озлобленіе, которое она питала къ Агатѣ.

— Встань, Агата, обратилась къ ней Вѣнская. Богъ съ тобой, я тебя прощаю. Больно мнѣ только то, что ты за добро мое отплатила мнѣ такимъ зломъ. Я тебя прощаю совсѣмъ, если тебя и начальство проститъ, ступай себѣ съ Богомъ. При послѣднихъ словахъ у Вѣнской показались на глазахъ слезы и она отвернулась къ стѣнкѣ.

Чтобъ не тревожить больше Вѣнскую, я вывелъ Агату изъ спальни и, подъ вліяніемъ сознанія повелъ рѣчь о вещахъ и деньгахъ Вѣнской. Агата тотчасъ-же созналась и въ воровствѣ, и объявила, что вещи и деньги всѣ цѣлы и находятся у ея матери, обѣщалась представить ихъ въ цѣлости немедленно, и продолжала просить о прощеніи. Сознаніе Агаты какъ въ оговорѣ Вѣнской ложнымъ доносомъ, такъ равно и въ воровствѣ денегъ и вещей, было надлежащимъ образомъ оформлено и занесено въ протоколъ при свидѣтеляхъ, при которыхъ Агата съ новыми припадками откровенности и чистосердечія, въ подробностяхъ высказала свое сознаніе еще разъ. Сущность этого сознанія заключалась въ томъ, что никакихъ поджигателей она не видала, и ни какія

подозрительныя личности къ барынѣ не приходили, но что она будучи зла на нее за то, что Вѣнская противу нее, Агаты, возбудила дѣло, за воровство динегъ и вещей, рѣшилась отомстить. Агата по слухамъ знала, что по губерніи ходятъ какіе-то поджигатели изъ партіи помѣщиковъ и дѣлаютъ поджоги съ политическою цѣлію, знала и то, что правительство строго слѣдитъ за появленіемъ гдѣ-нибудь этихъ поджигателей, съ тѣмъ, чтобы ихъ схватить. Отсюда у ней явился вѣрный разсчетъ, что если она обвинитъ Вѣнскую въ пріемѣ къ себѣ въ домъ поджигателей, и сочинитъ на эту тему доносъ начальству, то Вѣнская неизбѣгнетъ бѣды и непріятностей. Разсчетъ оказался вполнѣ вѣренъ, но онъ въ одномъ разошелся съ предположеніями Агаты. Она не думала, чтобы бездоказательнымъ словамъ была дана такая безусловная вѣра, и не предполагала, что, по ея доносу, возникнетъ такое сложное дѣло. Ей хотѣлось, чтобы Вѣнская потерпѣла бы немного «тягонины» т. е. тасканья по судамъ и допросамъ,—а вышло иначе: она вытерпѣла и вынесла слишкомъ много и, не осиливъ нанесеннаго оскорбленія, занемогла. Совѣсть проснулась въ Агатѣ, и она рѣшилась сознаться во лжи. Весь ея доносъ, отъ перваго до послѣдняго слова, былъ выдуманъ, выдуманъ равно извѣтъ на Вѣнскаго въ томъ, что будто бы онъ имѣлъ на нее, т. е. на Агату, извѣстные виды, выдуманъ былъ и разговоръ съ Гу—мъ, котораго она вовсе не видала. Наконецъ, Агата созналась и въ томъ, что она отъ Вѣнскихъ ушла еще въ понедѣльникъ, и съ тѣхъ поръ у нихъ не была, подтвердила разговоръ съ кучеромъ объ угрозахъ Вѣнскимъ, однимъ словомъ—разъяснила дѣло вполнѣ. Таинственные поджигатели, въ лицѣ трехъ выдуманныхъ Кролевою мужчинъ, и костюмированныя ея пылкимъ воображеніемъ, изчезли со сцены, и вся обрисованная ею обстановка ихъ, при посѣщеніи Вѣнской, выразилась миѳомъ, чепухой, вздоромъ. Никто уже, послѣ сознанія Агаты, не сомнѣвался въ томъ, что накакихъ поджигателей въ Лѣнкахъ не было. Не останавливаясь на полу-

шагѣ, Агата въ подробности передала мнѣ обстоятельства о воровствѣ ею у Вѣнской денегъ и вещей, которыя передала на сохраненіе своей матери въ Хабаровку. Вещи эти и деньги были мною тотчасъ же потребованы и вручены въ цѣлости Вѣнской, которая, успокоенная сознаніемъ Кролевой, начала мало по малу приходить въ себя и поправляться. Роли дѣйствующихъ лицъ нѣсколько перемѣнились. Вѣнскіе, немедленно послѣ сознанія Кролевой, были освобождены отъ всякаго надзора, а Кролева, какъ обвиняемая въ ложномъ доносѣ и воровствѣ, была мною арестована. Извѣстіе объ арестѣ она приняла совершенно спокойно, и даже, для контенанса, рисовалась нѣсколько передъ толпой этимъ арестомъ, говоря: «За мои грѣхи нужно покутовать», т. е. потерпѣть. Въ день окончательной развязки дѣла и сознанія Кролевой, я получилъ отъ начальника строгое предписаніе, по эстафетѣ же, о скорѣйшемъ окончаніи дѣла о поджигателяхъ и о немедленномъ донесеніи ему: обнаружены ли уже они и въ какой степени обвиняются по дѣлу Вѣнскіе, дававшіе поджигателямъ у себя пристанище? Не безъ нѣкотораго удовольствія послалъ я губернатору донесеніе вът отъ же день, что, по произведенному мною слѣдствію, обнаружилась виновность не Вѣнскихъ, которые поджигателей вовсе къ себѣ не принимали, а доносчицы, крестьянки Агаты Кролевой, которая собственнымъ сознаніемъ, согласнымъ съ обстоятельствами дѣла и показаніями спрошенныхъ по дѣлу лицъ, повинилась въ ложномъ доносѣ на Вѣнскихъ, и оговорила ихъ, въ отмщеніе за то, что ими возбуждено было на нее дѣло за воровство. Донесеніе мое было послано въ тотъ же день. Дѣло приходило къ концу, и я подумывалъ уже о возвратѣ домой, послѣ нѣсколькихъ дней усиленныхъ трудовъ и занятій. Не менѣе отдыха физическаго, мнѣ нуженъ былъ и нравственный отдыхъ, потому что я не могъ оставаться во все время слѣдствія равнодушнымъ ко всему тому, что происходило на моихъ глазахъ. Трудно было оставаться равнодушнымъ къ страданіямъ и испытаніямъ бѣдной Вѣнской, когда она на моихъ глазахъ

по нѣскольку разъ млѣла и падала въ обмороки, будучи поражаема гнусностію взводимаго на нее обвиненія. Находившихся при мнѣ, во время слѣдствія жандармовъ и казаковъ, я уже отпустилъ. Только двое изъ нихъ, одинъ жандармъ и одинъ казакъ, не воротились еще съ поисковъ но конечно я не ожидалъ уже отъ возврата ихъ какихъ-либо свѣдѣній о поджигателяхъ, такъ какъ, за обнаруженіемъ правды и за осзнаніемъ Кролевой, они не могли не привезти мнѣ отвѣтовъ подобныхъ тѣмъ, которые я получилъ отъ другихъ, прежде воротившихся съ розысковъ посланныхъ. Агата Кролева, подвернутая задержанію, была отправлена въ мѣсто своего жительства, для содержанія въ домашнемъ арестѣ, впредь до окончанія объ ней дѣла, а повальный обыскъ, произведенный о ея поведеніи и образѣ жизни въ Хабаровкѣ, обнаружилъ, что она была дѣвушка самаго дурнаго, неуживчиваго и кляузнаго характера. «За языкъ ея съ ней жить неможно, ее туда услать, гдѣ горькій перецъ ростетъ. Избави Богъ отъ всякой бѣды и напасти и отъ Агаткинаго языка! отзывались на допросѣ, обыскные люди. Повальный обыскъ еще ярче обрисовалъ ея личность, и, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы подверждалъ собственное ея сознаніе о лживости доноса—который теперь очень ясно явился послѣдствіемъ сквернаго характера, болтливости на языкъ, безнравственности. Повидимому, легенда о поджигателяхъ кончилась, добродѣтель восторжествовала, порокъ обнаруженъ и направленъ къ возмездію, роль слѣдователя выполнена полнымъ и безпристрастнымъ обнаруженіямъ правды. Я и самъ думалъ въ то время, что роль моя уже окончена, но жестоко ошибся. Одна изъ тѣхъ непредвидѣнныхъ случайностей, которыя иногда вдругъ даютъ совершенно иной оборотъ тому или другому обстоятельству, той или иной обстановкѣ извѣстнаго факта, и на этотъ разъ произвела огромной сумбуръ въ моей головѣ, совершенный переворотъ въ мысляхъ, и въ исходномъ положеніи только что оконченнаго слѣдствія. Послѣдній изъ жандармовъ, ко-

тораго я только и ожидалъ, долго не возвращался. Я уже хотѣлъ было не ждать его больше, и рѣшился, на завтра утромъ рано, ѣхать домой, и только по случаю темноты вечера остался ночевать въ Лѣнкахъ, въ корчмѣ, въ которой стоялъ. Среди ночи, слышу вдругъ стукъ въ дверь, и стукъ самый нетерпѣливый, самый ожесточенный. Я проснулся, и окликнулъ:

— Кто тамъ? — а самъ поднялся съ постели.

— Я, ваше благородіе, жандармъ! И онъ назвалъ себя по имени.

— Что такое?—спросилъ я его, быстро одѣваясь и подходя къ двери, чтобы впустить его, а въ головѣ у меня моментально родилась мысль, что жандармъ, котораго я ожидалъ, не безъ важной, вѣроятно, причины рѣшился ночью будить меня такимъ назойливымъ стукомъ. Я отворилъ дверь и впустилъ его.

— Поджигатели есть, ваше благородіе, торопливо проговорилъ онъ, въ деревнѣ Дайковкѣ ихъ видали, тѣхъ самыхъ, что дѣвка показываетъ, да ушли. Нужно, ваше благородіе, ловить, людей посылать, такъ будутъ пойманы. Дѣвка, точно, правду говорила. Теперича, я слыхалъ, она отперлась. Ну, да это съ перепугу, а что поджигатели точно въ этихъ краяхъ были и пошли на Дайновку, это вѣрно. Я вотъ и мужика съ собой привезъ, что видалъ ихъ — думаю, можетъ, ваше благородіе, одному мнѣ не повѣрите.

Слова жандарма меня поразили. Я не могъ ни подумать, ни соображать что-либо. Не долѣе, какъ вчера, послалъ я уже и донесеніе по начальству объ исходѣ слѣдствія, убѣдилъ всѣхъ, что никакихъ поджигателей не было ни въ селахъ, ни гдѣ либо въ окрестностяхъ — и вдругъ, какъ снѣгъ на голову, говорятъ поджигатели есть, и даже приводятъ ко мнѣ человѣка, который ихъ видалъ. А какъ же Кролева созналась, что она все наврала? думалъ. я: вѣрно она правду говорила, не даромъ сначала стояла на своемъ такъ твердо; неужели я ее сбилъ, и, оказывая

невѣріе къ ея показаніямъ, и давая вѣру слезамъ и клятвамъ Вѣнской, довелъ ее до принудительнаго сознанія, заставилъ назвать свой правдивый разсказъ вымышленнымъ; что же это такое, вѣдь за это достаться можетъ! Покрыватель преступленія и преступниковъ, строгая кара, взысканіе, увольненіе отъ службы, отдача подъ судъ — безчестность поступка съ моей стороны, грубая, неисправимая ошибка, несправедливость, недобросовѣстность, грязная исторія, мерзость! Самъ себя опуталъ, да и какъ опуталъ: такъ, что не выберешься!..... Затуманилось у меня въ воображеніи! Мысли одна другой мрачнѣе полѣзли въ мою голову. Я просто потерялся, и не зналъ что предпринять, и на что рѣшиться. Наконецъ, придя немного въ себя, сталъ допрашивать жандарма: какъ? что? и гдѣ онъ открылъ?

— Пріѣхалъ я третьяго дни — началъ жандармъ — въ деревню Дайковку, по Н—скому тракту, и, по приказанію вашему, какъ вы отправлямшись изволили разсказывать, чтобы вездѣ въ каждой деревнѣ спрашивать про этихъ самыхъ значитъ—поджигателей, позвалъ я дайковскаго старосту. Спрашиваю: что, не видали-ли, говорю, въ вашей деревнѣ вотъ такихъ-то трехъ мущинъ, не говорю что поджигателей: извѣстно, мужицкая натура—чтобъ не заперся староста. А онъ и отвѣчаетъ мнѣ: мало ли, говоритъ, чрезъ деревню народу ходитъ, да ѣздитъ, може какіе и шли, что вы говорите, да я то, говоритъ, самъ не видалъ, а самъ спрашиваетъ меня: какихъ же это людей требуется, може чи не бѣглые какіе или арестанты? Я и говорю ему, что не бѣглые, не арестанты, а хуже того —поджигатели, что народъ палятъ. Какъ сказалъ я — поджигатели, и задумался староста, да и говоритъ: вотъ намедни точно такой-то хозяинъ съ нашей деревни утромъ рано вышелъ въ поле ярину осмотрѣть, идетъ себѣ по обмѣнку да и видитъ подъ лѣскомъ на концѣ поля сидятъ при пнѣ три человѣка, сказывалъ мущины; хозяину тому извѣстно думки мало, какіе то оюди, а къ нимъ идти ему не нужно было, онъ и прошелъ себѣ сторонкой, такъ отъ нихъ не близко, а они заверну-

лись да въ лѣсъ, — только онъ ихъ и видалъ! Пришедши домой на деревню и разсказалъ онъ, что, вотъ, видалъ около лѣсу трехъ мущинъ, а какіе они, откуль—Богъ знаетъ. Я сталъ спрашивать старосту, — продолжалъ жандармъ, не говорилъ ли тотъ хозяинъ, какіе то были мужчины, такъ онъ и сказалъ, что вотъ, говоритъ, лучше я вамъ того самаго хозяина представлю, а вы его и распытайте. Привелъ онъ ко мнѣ того хозяина. Тотъ все и разсказалъ, какъ по старостинымъ словамъ, въ лице, говоритъ, тѣхъ людей не видалъ, потому что отъ нихъ былъ не близко, а только примѣтилъ, что были въ черномъ: два поменьше, а одинъ по выше. Я говоритъ, какъ пришелъ въ деревню домой, да и думаю себѣ, что это за люди около лѣса болтались, видно утекачи *), да и наказали своимъ дочкамъ и бабѣ, чтобъ въ лѣсъ за ягодами, да за грибами не ходили; потому, думаю, чтобъ лихой человѣкъ къ дѣвкамъ не привязался. Вотъ и пошла отъ моихъ словъ говорка до другихъ бабъ; дошло и до старосты: прослышалъ и онъ про мои слова. Такимъ манеромъ—продолжалъ жандармъ—хотѣлъ я сряду деревню выгнать, да искать по лѣсу тѣхъ поджигателей, да безъ вашего благородія не посмѣлъ, а забралъ съ собой того человѣка и доставилъ сюда. На этомъ жандармъ кончилъ и добавилъ только: а это, ваше благородіе, безпремѣнно были поджигатели, еще время ушло недолгое. Можно ихъ поискать, такъ не уйдутъ съ рукъ.

Жандармъ вышелъ, и привелъ ко мнѣ привезеннаго съ собой крестьянина. Послѣдній, попавъ случайно въ такую передрягу, робѣлъ и переминался съ мѣста на мѣсто.

— Разскажи мнѣ подробно, какихъ людей, гдѣ и когда видалъ ты около лѣса, да только говори правду, не путай, потому что будешь присягать, — обратился я къ нему.

— Чего путать? отозвался ко мнѣ крестьянинъ, что ви-

*) Утекачи, по мѣстному нарѣчію — бѣглые солдаты — отъ слова утекать, что значитъ уходить.

далъ, то и скажу, а чего не знаю, не скажу—какіе то были, поджигатели или другіе. Какіе, или, можетъ утекачи, чортъ ихъ знаетъ. хвороба (болѣзнь) ихъ побери, дай Боже, кабъ имъ всѣ мозги такъ спутало, какъ они меня въ это дѣло впутали, да я ничего не вѣдаю, а теперь по ночи долженъ такую тягонину пытать—кабъ они свѣту Божьяго въэту ночь не дождали.

Я остановилъ неудержимый потокъ его брани, и приказалъ ему разсказывать подробно всю суть дѣла. что онъ видѣлъ и знаетъ.

— Что я видалъ?—началъ разскащикъ —вышелъ четыре дня тому назадъ, утромъ по зарѣ осмотрѣть ярину, кабъ часомъ шкоды въ ней не найдти, — потому у насъ бываетъ, что съ сосѣдней деревни пастухи на ночь пускаютъ въ ярину коней пасти. Иду я по своей полосѣ, вижу: въ концѣ поля, такъ отъ меня было саженяхъ въ 100, подъ лѣсомъ, сидятъ въ кустахъ трое мужчинъ, одѣвшись, кажись, въ черномъ, посидѣли, да и пошли въ лѣсъ. Думаю себѣ, видно утекачи замѣтили меня, такъ и въ ходъ. Вотъ пришелъ до дому, и говорю бабѣ своей и дѣвкамъ: кабъ въ лѣсъ не ходили, чтобъ часомъ грѣха не было. Извѣстно, эти утекачи живутъ по лѣсамъ, гдѣ имъ взять? кого поймаютъ, такъ и обдерутъ. Ну, а дѣвкѣ али бабѣ, и другой бѣды могутъ наробить— значитъ худаго дѣла, а моя-то баба, да дѣвки то и дѣло въ лѣсъ шныряютъ, то за ягодами, то за вѣниками, то за грибами, вотъ и наказалъ имъ кабъ въ лѣсъ не ходили. Мои-то разскажи другимъ, ну, извѣстно съ бабскаго языка и пошло, и заговорили на деревнѣ: утекачи въ лѣсу; анъ приходитъ вчера вечеромъ ко мнѣ староста: «иди говоритъ, ты до жындара, якихъ ты тамъ людей видалъ въ лѣсу? Чтожъ? пришелъ и разсказалъ. А я не могу знать, какіе то были люди, може поджигатели, а може и честные люди — кабъ ихъ земля не носила, а мнѣ тягонина теперь! Шутка, всю ночь гналъ, кобылу свою смучилъ, сюда ѣхавши, а жындаръ все гонитъ, да гонитъ: скорѣй, говоритъ, да скорѣй, а мое дѣло, что видать видалъ, а кого видалъ—не знаю—абъ

я такую себѣ бѣду чулъ, такъ я бъ лучше и на поле не ходилъ. Не имѣла баба хлопоту: купила порося, такъ и я! закончилъ онъ съ ироніей. Было бы въ хатѣ на печи лежать, нѣтъ понесъ чортъ на лиху годину, теперь и тягайся! Кабъ имъ такъ на томъ свѣтѣ жилы тягало!

— Скажи, пожалуйста, какихъ примѣтъ были тѣ люди, въ чемъ были одѣты и какого были роста? — обратился я къ крестьянину.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ: я-жъ говорю, что близко не видалъ, видалъ, что одѣты по мужскому, въ черномъ, а лицъ не разсмотрѣлъ, какъ пошли они, такъ видалъ, что двое, кажись, были поменьше одинъ повыше.

На этомъ допросъ крестьянина кончился. Показаніе его было вполнѣ естественно, и ему нельзя было не дать вѣры. Неизвѣстныя три личности, одѣтыя въ черномъ, по примѣтамъ, нѣсколько сходнымъ съ примѣтами, описанными Кролевою, въ ея показаніи, снова явились передо мною на сцену. Поджигатели были, и есть, а я не только не обнаружилъ ихъ, но даже скрылъ своимъ слѣдствіемъ! Слѣды ихъ пребыванія обдумывалъ я, и терялся въ догадкахъ и соображеніяхъ: какимъ образомъ слѣдствіе, которое я велъ такъ добросовѣстно, привело къ такимъ противоположнымъ съ дѣйствительностію результатамъ! Деревня Дейновка отстояла отъ Лѣнокъ въ 35 верстахъ. Соображая время, въ которое, по показанію Кролевой, три поджигателя были въ Лѣнкахъ со временемъ, въ которое они были близъ Дейновки и принимая во вниманіе, что они путь свой совершали, конечно, крадучись, слѣдовало со всею вѣроятиостію допустить, что три лица, одѣтыя въ черномъ, изъ коихъ два пониже и одинъ повыше, видѣнныя близъ Дейновки, могли быть тѣ же самыя лица, о которыхъ показывала Кролева. Но какимъ же образомъ допустить, что Кролева видѣла въ Лѣнкахъ поджигателей, когда она со всею искренностью призналась, въ томъ, что первоначальное свое показаніе о поджигателяхъ дала ложно, подъ вліяніемъ чувства ме

сти, и что никакихъ поджигателей не видала. Гдѣ ложь и гдѣ правда, какая правда, и какъ ее отыскать и узнать? Вотъ вопросы, которые въ тотъ моментъ поглотили всю дѣятельность и соображенія моего ума. Еслибы я сознаніе Кролевой получилъ путемъ какихъ-нибудь хитростей, угрозъ или иныхъ недозволенныхъ закономъ средствъ, то могъ бы допустить, что Кролева дала, вслѣдствіе вынужденія, ложное сознаніе, извративъ или утаивъ дѣйствительность, о которой она показывала прежде, но которой не давали вѣры. Однако я довелъ Кролеву до сознанія въ лживости первоначальнаго показанія путемъ неопровержимыхъ и доказанныхъ по дѣлу фактовъ, а потому допускать въ чистосердечномъ сознаніи и признаніи какую-либо неправильность или скрытность не было никакого основанія. Тѣмъ не менѣе я рѣшился вызвать Кролеву и передопросить еще разъ.

Разсчетъ мой въ этомъ случаѣ былъ таковъ.

Еслибы признаніе Кролевой было вынужденное и несогласное съ дѣйствительностію, то она, увидавъ затруднительность положенія слѣдователя по поводу того, что присутствіе поджигателей начинаетъ обнаруживаться неподалеку отъ Лѣнокъ, конечно не преминула бы съ новою настойчивостію доказывать, что въ Лѣнкахъ она точно видала у Вѣнскихъ поджигателей, и на оборотъ—противнаго тому результата отъ передопроса Кролевой слѣдовало ожидать въ томъ случаѣ, если первое показаніе было дѣйствительно ложное, а сознаніе искренное и правдивое. Я вызвалъ Кролеву и, еще не передавая того, что личности, подобныя указаннымъ ею были видимы около деревни Дейновки, спросилъ ее: можно ли вполнѣ вѣрить въ искренность и правдивость ея признанія? Она отвѣчала утвердительно, и отвѣтъ свой сопровождала разнаго рода божбой и клятвами. Я пришелъ снова къ убѣжденію, что поджигателей въ Лѣнкахъ никакихъ не было, а появленіе какихъ-то загадочныхъ мужчинъ около деревни Дейновки отнесъ къ какой-нибудь случайности. Для обнаруженія же ея и для окончательнаго

уясненія дѣла, я рѣшился ѣхать, по слѣдамъ жандарма, въ Дейновку, и личными распросами и розысками обнаружить, во что бы то ни стало—какіе именно люди были въ дейновскомъ лѣсу, кто они и куда направились. Я предполагалъ даже прослѣдить путь этихъ личностей, и, если можно, настичь, чтобы наличностію ихъ разсѣять окончательно всякія сомнѣнія. Это особенно необходимо было въ виду предубѣжденія губернскихъ властей и запутанности и сложности обстоятельствъ произведеннаго мною дѣла. Нужно было не одними увѣреніями, а непреложными фактами убѣдить, кого слѣдовало, что въ Лѣнкахъ дѣйствительно не было поджигателей, иначе я рисковалъ навлечь на себя подозрѣніе въ сочувствіи и послабленіи польской семьѣ, что для меня, въ то время какъ, для русскаго чиновника, было не безопасно.

Я отправился въ Дейновку.

Начались усиленнѣйшіе съ моей стороны розыски. Вся деревня была передопрошена, отъ мала до велика, но, кромѣ спрошеннаго уже крестьянина, никто никакихъ свѣдѣній сообщить не могъ. Я осмотрѣлъ то мѣсто, около лѣса, гдѣ кончается поле и гдѣ находились загадочные мужчины, когда ихъ увидалъ дейновскій крестьянинъ. Оказалось, что между опушкой лѣса и границей поля была проселочная дорога изъ деревни Начи въ деревню Рѣшетиловку. Я отправился за разспросами въ первую изъ этихъ деревень. На вопросъ мѣстному старостѣ, и другимъ собраннымъ людямъ относительно того, не видали ли они около того времени въ своей деревнѣ трехъ какихъ-либо мужчинъ —примѣрныя примѣты которыхъ я имъ также указалъ—они всѣ отозвались незнаніемъ, но вслѣдъ за тѣмъ я замѣтилъ между ними какія-то вопросительныя перешептыванія.

— Что такое? объ чемъ вы шепчетесь? можетъ быть, у васъ были въ деревнѣ подобные люди? обратился я къ старостѣ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, мужчинъ никакихъ, что вы изволите говорить, у насъ не было и не проходило, а такъ, дней 6 тому назадъ, заходили въ нашу деревню три

еврейки, значитъ, погорѣлыя какъ есть, и одежа, и все у нихъ погорѣло. Такъ ходили они по міру да просили на погорѣлое, и всѣ мы и сами дивились тому, что еврейки-бабы были одѣты по мужскому, значитъ въ жидовскихъ жупанахъ, въ черныхъ—извѣстно какъ евреи ходятъ, такъ мы и спрашивали ихъ, чего онѣ по мужски одѣты, и—видите, ваше благородіе: у нихъ гдѣ-то пожаръ былъ, такъ ночью какъ схватились въ попыхахъ, такъ только сами онѣ съ душой едва ушли, а одеженка, какая была, вся сгорѣла, вотъ и роздали имъ какіе то уцѣлѣвшіе мужскіе жидовскіе жупаны, и стали они въ нихъ ходить, да сбирать подаяніе. Я и самъ, ваше благородіе, какъ пришли онѣ въ нашу деревню, хотѣлъ забрать ихъ, да къ становому... думаю себѣ, какія-такія жидовки помужски одѣты?.. Ну, да потомъ, какъ разсказали онѣ свою бѣду, такъ не тронулъ, да еще и гривну имъ далъ — добавилъ и закончилъ староста.

— А куда пошли эти еврейки?

— Чрезъ дейновское поле, на деревню Рѣшетиловку — отвѣтилъ староста.

Сомнѣнія мои начинали разъясняться. Я немедленно отправился въ Рѣшетиловку. Оказалось, что три еврейки тамъ точно были, и пошли дальше. Я преслѣдовалъ ихъ по пятамъ, и, наконецъ, на третій уже день, настигъ ихъ въ одной деревнѣ на самой границѣ О—скаго уѣзда. Настала блаженная минута въ моей жизни. Три жидовки въ мужскихъ еврейскихъ жупанахъ стояли предо мной, ни живы, ни мертвы. Одна изъ нихъ немного была повыше двухъ другихъ. На головахъ у всѣхъ трехъ были платки. Собственно двѣ изъ нихъ были въ мужскихъ жупанахъ, а третья имѣла на себѣ какой-то неопредѣленнаго цвѣта и фасона старый плащъ, не то мужскаго, не то женскаго покроя. У одной еврейки на ногахъ были туфли, у другой на одной ногѣ башмакъ, а на другой сапогъ, а третья только на правой ногѣ имѣла какую-то старую галошу, а лѣвая была въ одномъ чулкѣ. Одежда, на нихъ надѣтая, была совершенно ветхая, во мно-

гихъ мѣстахъ прожженная. Однимъ словомъ, достаточно было взглянуть на ихъ внѣшній видъ, чтобы убѣдиться, что онѣ дѣйствительно погорѣли, и теперь ходятъ по деревнямъ, испрашивая милостыню. Внезапный пріѣздъ мой въ эту последнюю деревню и немедленное вытребованіе къ себѣ трехъ евреекъ, смутили все населеніе, равно какъ и самихъ евреекъ. Сельское населеніе вообразило себѣ тотчасъ же: не скрываются ли подъ видомъ погорѣвшихъ евреекъ какія-либо злонамѣренныя женщины, и многія бабы съ упреками стали уже высчитывать пожертвованныя ими еврейкамъ, на погорѣлое, лохмотья и гроши, а еврейки пришли въ крайное смятеніе, и не могли долгое время придти въ себя, и понять причину, по которой ихъ вдругъ потребовали къ слѣдователю. Я поспѣшилъ поскорѣе разъяснить сомнѣнія первыхъ и успокоить опасенія послѣднихъ.

Разспросъ евреекъ окончательно выяснилъ дѣло. Онѣ оказались изъ мѣстечка Каневицъ, М-скаго уѣзда, которое, отъ поджога съ политическою цѣлію, сгорѣло до основанія, такъ, что жители не могли ничего спасти изъ своего имущества, ибо огонь возникъ сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, среди ночи, и мгновенно обхватилъ жилища почти всего населенія, которое успѣло спастись только въ томъ, въ чемъ спало. Конечно, на помощь погорѣвшимъ, приспѣли частныя пожертвованія, одеждою и другими необходимыми предметами, и вотъ, на долю трехъ стоявшихъ предо мною евреекъ, досталась та изъ пожертвованной одежды, въ которой онѣ отправились по-міру, искать себѣ подаяній и просить помощи. Паспорты этихъ евреекъ совершенно удостовѣряли ихъ личности, а чтобы странный костюмъ ихъ не возбуждалъ никакихъ ни въ комъ сомнѣній, полиція, въ вѣдѣніи которой онѣ жили, выдала имъ свидѣтельство обо всемъ мною выше изложенномъ, касающемся этихъ личностей. Еврейки на разспросы мои объяснили, что онѣ проходили рано утромъ чрезъ дейновское поле, и точно отдыхали у опушки лѣса, и потомъ, отдохнувъ, взяли вправо по дорогѣ въ лѣсъ,

на деревню Рѣшетиловку. Оказалось, что и онѣ видали того дейновскаго крестьянина, который того же самаго утра, осматривая свое поле, видѣлъ ихъ и счелъ за утекачей. Подробный актъ обо всѣхъ моихъ послѣднихъ розыскахъ заключило наконецъ слѣдствіе о поджигателяхъ. Не подлежало уже сомнѣнію, что въ Лѣнкахъ поджигателей не было, что раскаяніе и сознаніе Кролевой были искренно, и что одна только случайность, могла сгруппировать и сблизить такія два, совершенно разнородныя и не касающіяся другъ друга, обстоятельства, которыя въ данномъ случаѣ породили цѣлую вереницу разной путаницы, сомнѣній и сцѣпленій, повидимому неслучайныхъ фактовъ.

Не странное ли, дѣйствительно, совпаденіе случайностей въ томъ, что Кролева выдумала посѣщеніе Лѣнокъ именно тремя поджигателями, въ черныхъ костюмахъ, изъ коихъ двое поджигателей, были пониже, а одинъ повыше, съ тѣмъ, что къ тому же времени въ окрестностяхъ Лѣнокъ, появились тоже три загадочныя фигуры, въ подобныхъ же костюмахъ, со сходными примѣтами! Случайность костюма евреекъ и самое появленіе ихъ совершенно подходили подъ вымышленныя Кролевою обстоятельства, и случись, что личности этихъ евреекъ не были бы открыты и обнаружены, большая вѣроятность обвиненія, по сношеніи съ поджигателями, могла бы тяготѣть надъ Вѣнскими, даже крайне неблагопріятно отозваться на нихъ. Въ пользу этого послѣдняго предположенія говорила исключительность военнаго положенія края. Не менѣе странное совпаденіе случайностей въ данномъ случаѣ, представляютъ и слѣдующіе факты. Еврейки идя на Рѣшетиловку, оставили въ сторонѣ Дейновку. Зайди онѣ въ эту послѣднюю деревню, не было бы всей той чепухи, которую породило показаніе дейновскаго крестьянин, считавшаго евреекъ за утекачей. Жандарму изъ предпослѣдней деревни передъ Дейновкой, большимъ трактомъ, слѣдовало ѣхать на Рѣшетиловку, но онъ свернулъ проселкомъ на Дейновку. Будь онъ прежде въ Рѣшетиловкѣ, не-

жели въ Дейновкѣ, обстоятельства дѣла не были бы на столько усложнены и запутаны, какъ оно случилось на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе показанія дейновскаго крестьянина.

Да, наконецъ, развѣ не слѣдуетъ отнести къ числу самыхъ исключительныхъ и непредвидимыхъ случайностей и самую личность Агаты Кролевой, которая, подъ вліяніемъ мгновеннаго раздраженія, рѣшилась взвести на людей, ее облагодѣтельствовавшихъ, безвинное, ложное и кляузное обвиненіе въ такомъ преступленіи, которое, по правиламъ и законамъ военнаго положенія, указывало имъ путь къ эшафоту?..

Разсказъ мой оконченъ. Читатель, вѣроятно, поинтересуется узнать послѣдующую судьбу Вѣнскихъ и Кролевой. Я могу удовлетворить этому естественному желанію. Вѣнскіе были вполнѣ оправданы отъ извѣта Кролевой, а послѣдняя за воровство и ложный доносъ, присуждена къ годичному тюремному заключенію, — наказанію для нея относительно не строгому, если принять во вниманіе безнравственность побужденій и тягостныя послѣдствія лживаго доноса для Вѣнскихъ, а въ особенности для самой Вѣнской, которая мѣсяца три уже послѣ окончанія слѣдствія, все еще хворала и долго не могла поправиться.

IV.

Тюремный міръ.

Каждая тюрьма есть особый, совершенно своеобразный мірокъ, имѣющій свои правила, свои нравственныя понятія, и даже свои преданія... Какъ исторія человѣчества отмѣчаетъ въ средѣ своей наиболѣе выдающіяся и отличавшіяся на жизненномъ поприщѣ личности, такъ и въ изустныхъ преданіяхъ и разсказахъ тюремнаго населенія сохраняются изъ рода въ родъ, преемственно, воспоминанія о наиболѣе памятныхъ и отличнѣйшихъ по заслугамъ, на поприщахъ преступной славы, корифеяхъ, какихъ нибудь тяжкихъ кровавыхъ преступленій. Преданія не ограничиваются одними лишь воспоминаніями о личностяхъ подобныхъ субъектовъ, нѣтъ: заключенные сохраняютъ въ памяти привычки, замашки, обычаи своихъ преступныхъ дѣдовъ и прадѣдовъ, указываютъ новичкамъ на способы и пути, которыми пріобрѣтается тюремная слава, иногда указываютъ даже на мѣсто, которое принадлежало тому, или другому тюремному корифею, на окно, на которомъ онъ любилъ посиживать и проповѣдывать съ него, какъ съ каѳедры, свои теоріи и ученія меньшей братіи.

Въ каждомъ острогѣ обыкновенно бываетъ двѣ половины, мужская и женская, тщательно разъединенныя, въ предупрежденіе соблазна, или корридоромъ или глухою дверью, охраняемою стражею, или даже просто на просто стѣною.

Въ послѣднемъ случаѣ, женская половина имѣетъ даже всегда свой особый выходъ, но какъ старательно ни разъединяются въ острогѣ эти, вѣчно стремящіяся къ сближенію другъ съ другомъ, двѣ половины рода человѣческаго, разъединеніе безусловное не можетъ быть доступно никогда, и свиданія между арестантами и арестантками, при помощи хитрой изобрѣтательности, не смотря на самыя строгія предупредительныя мѣры, удаются обыкновенно очень часто и ловко.

Нагляднымъ тому доказательствомъ, служитъ постоянно встрѣчающееся приращеніе тюремнаго населенія. Обыкновенно при каждомъ острогѣ есть или дворъ, или садъ, окруженные заборомъ, или валомъ, въ которыхъ арестанты и арестантки, въ извѣстные часы по очереди, допускаются къ прогулкѣ. Эти-то прогулки и неизбѣжныя при нихъ встрѣчи въ корридорахъ и даютъ возможность арестантамъ видѣться и условливаться о чемъ имъ угодно. Кромѣ того, во время гулянья мужской половины, подъ окнами женской половины всегда можно видѣть толпу любезниковъ, переговаривающихъ съ выглядывающими изъ-за рѣшотокъ женскими головами. Смѣхъ, площадныя шутки, а подъ часъ и ругательства переговаривающихся слышны бываютъ еще издалека. Сердечныя привязанности острожнаго населенія, съ той и другой стороны, выражаются между прочимъ тѣмъ, что женщина стираетъ своему поклоннику бѣлье, обшиваетъ его, а мущина, когда наступаетъ очередь его фавориткѣ таскать на арестантскую кухню дрова и воду, исполняетъ за нее эту работу. Нельзя впрочемъ, съ одной лишь ироніей, относиться къ подобнымъ отношеніямъ. Я знаю случаи, въ которыхъ привязанность, возникшая въ тюрьмѣ, перешла даже за границы острога и заключилась законнымъ бракомъ. Въ одномъ случаѣ привязанность эта была на столько сильна, что ревностная еврейка-фанатичка рѣшилась принять христіанство и креститься, для того, чтобы имѣть возможность выйдти за мужъ за одного своего товарища по острогу, а

въ другомъ случаѣ, молодой парень, содержавшійся въ тюрьмѣ, принялъ на себя важное преступленіе одного сидѣвшаго съ нимъ же арестанта, не изъ какихъ либо корыстныхъ видовъ или побужденій, а единственно лишь съ цѣлію быть сосланнымъ въ Сибирь, дабы имѣть возможность послѣдовать за арестанткою того острога, къ которой онъ былъ привязанъ самымъ искреннимъ чувствомъ. Нужно было видѣть отчаяніе бѣднаго арестанта, когда подложное принятіе имъ чужаго преступленія обнаружилось, и онъ, противъ своего желанія, миновалъ ссылки!

Такъ какъ относительно числа арестантовъ, число женщинъ-арестантокъ бываетъ обыкновенно очень мало, то, не касаясь серьезныхъ привязанностей, которыя, впрочемъ и случаются довольно рѣдко, въ острогѣ возникаетъ вдругъ такой случай, что одна и таже особа возбуждаетъ къ себѣ ухаживанія, со стороны двухъ,—трехъ и даже болѣе поклонниковъ, число которыхъ иногда бываетъ даже неограниченное. Въ подобныхъ случаяхъ, противники обыкновенно рѣшаютъ между собою споръ на право обожанія по жребію, путемъ живой души. Это разрѣшеніе жребія живою душою, состоитъ въ слѣдующемъ: каждый изъ претендентовъ на обожаніе пріобрѣтаетъ себѣ извѣстное головное животное, и ставитъ его въ опредѣленномъ мѣстѣ очерченнаго на какой-нибудь поверхности круга. Тоже самое дѣлаютъ и другіе, и затѣмъ начинаютъ наблюдать, чье животное перейдетъ скорѣе кругъ, на сторонѣ того и выигрышъ! Въ Т-скомъ острогѣ, который я имѣлъ случай наблюдать, я въ первый разъ замѣтилъ столь оригинальный способъ метанія жеребья, и впослѣдствіи узналъ, что онъ употребляется арестантами во всякомъ случаѣ, когда нужно что-нибудь рѣшить жеребьемъ.

Раздаютъ арестантамъ по воскреснымъ днямъ говядину. Кому получать самый большой кусокъ—жребій. Вода для питья въ кадкѣ арестантской камеры выпита вся: кому идти за водой—жребій. Перепало отъ благотворителя на долю

арестантовъ извѣстное чисто булокъ или калачей: кому отдать одинъ сверхъ комплектно оставшійся калачъ—жребій.

Однажды мнѣ случилось замѣтить арестантамъ, какъ непротивно имъ для метанія жеребья употреблять столь гадкое животное, и отчего бы, напримѣръ, для всякаго спора, не полагаться имъ на совѣстливое рѣшеніе кого либо изъ ихъ же товарищей.

— Какъ же, ваше благородіе, можно, чтобы такой же, примѣрно арестантъ, какъ я, могъ судить мое дѣло! Какая же нашему брату другъ передъ дружкой вѣра? Я, значитъ, сижу за воровство, а другой, можетъ, и еще за худшую работу—получилъ я въ отвѣтъ отъ однаго арестанта.

— А вошь Божеско творенье. Ей все одно: что я, что другой. Примѣрно, посадить ее въ кругъ, она не можетъ знать для какого дѣла. Вотъ правду то жеребьевую этакимъ путемъ, безъ всякой фальши, и можно получить, потому невинная, значитъ, вошиная душа,— отозвался другой арестантъ.

Арестанты вообще смотрятъ недовѣрчиво и подозрительно на тѣхъ изъ начальствующихъ лицъ, которыя сами имъ не довѣряютъ, и смотрятъ на арестантовъ какъ на какихъ нибудь отщепенцевъ; напротивъ, съ большимъ довѣріемъ относятся ко всякому лицу, которое, въ предѣлахъ строгой справедливости, не допуская повода къ фамильярностямъ, обращаетъ свои къ нимъ отношенія, не чуждается ихъ, и, главное, не показываетъ вида, что боится ихъ, или что, по крайней мѣрѣ, имѣетъ поводъ почему либо ихъ опасаться.

По существующимъ формальнымъ порядкамъ, всякое должностное лице, вступающее для какихъ нибудь надобностей въ стѣны острога для сношній съ арестантами, сопровождается обыкновенно военнымъ карауломъ, въ предупрежденіе со стороны арестантовъ какихъ-либо насилій. Я всегда считалъ эту мѣру нравственно унизительною не только для самихъ арестантовъ, но и для достоинства того должностнаго лица, которое, при посѣщеніи острога, конвоируется такимъ

образомъ, и потому всегда входилъ къ арестантамъ камеры безъ всякихъ военныхъ сопровожденій. Это не могло не нравиться арестантамъ, потому что подобное дѣйствіе указывало мнѣ на полное мое къ нимъ довѣріе. При этомъ однако не слѣдовало забывать, что, по должности своей судебнаго слѣдователя, я постоянно былъ встрѣчаемъ недружелюбными взглядами всѣхъ вообще арестованныхъ, а тѣмъ более тѣхъ, которые попали въ острогъ по моимъ распоряженіямъ. Несмотря, однако, на это, за все время моего служенія въ этой должности, мнѣ никогда не доводилось находиться среди арестантовъ въ такомъ положеніи, въ которомъ для огражденія моей личности потребовалось бы физическая сила.—Иногда случалось, что въ нѣкоторыхъ камерахъ, гдѣ арестанты бывали побойчѣе, они вдругъ какъ бы случайно окружали меня, и съ болѣе или менѣе назойливыми и даже дерзкими видами, высказывали то или другое неудовольствіе по поводу того или другаго производимаго мною слѣдствія или неудовлетвореніе какого-нибудь ихъ требованія. Въ подобныхъ случаяхъ я никогда не пускалъ себя до возможности смущаться, и какимъ-нибудь рѣшительнымъ оборотомъ рѣчи, или убѣдительнымъ доводомъ обезоруживалъ нахаловъ.

Въ каждомъ острогѣ всегда найдется изъ числа арестантовъ, преимущественно по болѣе серьезнымъ обвиненіямъ, человѣка два-три такихъ, которые считаются коноводами острога и руководятъ дѣйствіями и желаніями другихъ. Подобные арестанты обыкновенно имѣютъ громадное нравственное вліяніе на острогъ. Вліяніе это бываетъ иногда такъ велико, что, ради поддержанія въ острогѣ порядка и спокойствія, даже сами смотрители тюремъ стараются подлаживаться къ такимъ героямъ, дозволяютъ имъ разныя вольности и послабляютъ прихотямъ, лишь бы не вооружить ихъ противу себя, и разсчетъ подобнаго рода бываетъ почти всегда вѣренъ. Ради сохраненія только своихъ привилегій и преимуществъ передъ смотрителемъ, коноводъ аре-

стантъ употребляетъ все свое нравственное вліяніе на острогъ, для того, чтобы между арестантами сохранить спокойствіе и повиновеніе смотрителю.

Иногда изъ подобныхъ отношеній между коноводомъ-арестантомъ и смотрителемъ острога являются, однако, чрезвычайно неожиданныя послѣдствія. Подладившійся къ смотрителю арестантъ старается окончательно влѣзть къ нему въ душу и безусловно расположить и разувѣрить его въ свою пользу. Является онъ наединѣ гдѣ-нибудь въ темномъ углу, къ смотрителю, и, въ видѣ величайшей тайны, какъ преданный другъ, сообщаетъ, что въ такой-то камерѣ такой-то арестантъ замышляетъ изъ острога побѣгъ. Не давъ смотрителю опомниться, онъ тутъ же предлагаетъ ему рѣшительное средство изловить покушающагося на побѣгъ на самомъ мѣстѣ преступленія, и обѣщаетъ къ тому полное содѣйствіе. Смотрителю такія рѣчи, конечно, по нутру. Поймать арестанта, какъ говорится, «въ сѣтку» въ то время, какъ онъ, сердечный, предприметъ уже для побѣга операціонныя работы надъ печкой, въ потолкѣ или подъ поломъ— дѣло хорошее. Поймалъ мошенника, отлупилъ его чрезъ часовыхъ втихомолку, кандалики надѣлъ, да въ темную, а начальству донесеніе, въ родѣ, положимъ, такого: «Неоднократно было замѣчаемо мною, что арестантъ Н. стремится къ побѣгу, а потому съ усугубленнымъ стараніемъ слѣдилъ за нимъ, и тогда-то тамъ-то, поймалъ его за ноги въ то время, какъ онъ просунулъ уже голову на чердакъ, въ дыру, продѣланную въ потолкѣ, о чемъ почтительное донесеніе честь имѣю представить на дальнѣйшее распоряженіе.»

Арестантъ доносчикъ видитъ, что смотрителя, какъ говорится, разбираетъ: хочется ему поймать голубчика, да не знаетъ какъ. Содѣйствіе въ подобномъ случаѣ какого-нибудь доносчика Трошки необходимо. Безъ него ничего не сдѣлаешь, а Трошка—къ слову замѣтить—ни больше ни меньше, какъ бѣглый каторжный, совершившій вторичное убійство и попавшій за то въ острогъ, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи

дѣла, послѣдовать въ вѣчную каторгу. На Трошку и взглянуть то страшно: звѣрь да и только, подобія-то человѣческаго въ немъ только и есть что рожа, ну—да это, конечно, такъ только кажется съ непривычки, тому что близко не знаешь Тришки, а поживешь съ нимъ, такъ, кажется, во вѣкъ не разстался-бы. Недаромъ смотритель его такъ любитъ; Трошка у него подъ часъ и дѣтей няньчитъ, ребятишки его за бороду таскаютъ, а онъ изъ себя козла представляетъ: станетъ на четвереньки, да лбомъ и поддаетъ ребятишкамъ въ животики, а самъ по козлиному бляетъ. Мастеръ былъ великій на этакія штуки Трошка. Бывало, никто у смотрителя такъ съ дѣтьми не ладилъ, какъ Трошка: первый онъ другъ ихъ былъ и наставникъ, Подерутся между собою два старшихъ мальчика смотрителя, лѣтъ 7 и 8, а Трошка имъ сейчасъ резоны читать.

— Стыдно, панычи, драться-то: благородные люди не дерутся. Нужно жить въ мирѣ, да въ дружбѣ, такъ и папенькѣ на васъ любовно будетъ смотрѣть, урезониваетъ дѣтей Трошка.

— А ты самъ зачѣмъ человѣка убилъ? отрѣжетъ вдругъ Трошкѣ который-нибудь изъ мальчугановъ. Трошку передернетъ, но онъ, не показывая вида, что разслышалъ вопросъ, сейчасъ сворачиваетъ разговоръ въ сторону.

— А что, панычи, сдѣлать кому фистульку, играть на губахъ?

— Мнѣ сдѣлай, мнѣ сдѣлай, кричатъ ребятишки.

— А что за то Трошкѣ будетъ? обращается онъ къ дѣтямъ.

Видно вопросъ подобнаго рода, «что за то Трошкѣ будетъ», дѣтямъ уже не новъ. Ребятишки, пользуясь отсутствіемъ изъ комнаты матери и отца, бросаются къ стоящему въ комнатѣ шкапу, отворяютъ его, и достаютъ графинъ съ водкой. Трошка махомъ осушаетъ половину графинчика, и бѣжитъ снова къ оставленной имъ на серединѣ комнаты маленькой дочери

смотрителя, а ребятишки шкафъ уже заперли и юлятъ около Трошки, чтобы онъ имъ фистульку сдѣлалъ, да побольше.

— Коли получше, да побольше, такъ надо съ васъ, панычи, магарыча,—отзывается Трошка.

Магарычъ также извѣстенъ ребятишкамъ, — они снова направляются къ шкафу.

— Зелененькой, что папенька то передъ обѣдомъ пьетъ, кричитъ имъ въ попыхахъ Трошка и получаетъ прежнимъ порядкомъ графинъ съ зелененькою.

— Ну, теперь ладно, говоритъ онъ, отдавая почти пустой графинчикъ дѣтямъ: таку фистульку вамъ сдѣлаю, что будетъ всему свѣту на удивленье. Только надо безпремѣнно 10 коп. на воскъ—безъ воску ничего не будетъ.

Въ сущности, фистулька въ воскѣ нисколько не нуждается, а Трошка нуждается въ гривенникѣ, который дѣти ему представляютъ, стибривъ его гдѣ-то у матери.

Трошка нагруженный, какъ слѣдуетъ, уходитъ изъ квартиры смотрителя къ себѣ въ камору, и ложится спать. Въ карманѣ штановъ у него оттопыривается кусокъ вареной говядины, которую онъ стянулъ въ отсутствіе кухарки, проходя чрезъ смотрительскую кухню. При входѣ въ камору Трошки, шумъ и гамъ унимаются, и Троша засыпаетъ.

Одно время смотритель сталъ замѣчать, что водочка у него усыхаетъ не по днямъ, а по часамъ. Трошка примѣтилъ сомнѣнія смотрителя на свой счетъ, и, чтобы разсѣять ихъ, является къ нему въ квартиру. Смотритель съ супругою пьютъ чай.

— Что ты? спрашиваетъ его смотритель.

— Да что, ваше благородіе, отвѣчаетъ дерзко, но тихо Трошка: за вашей кухаркой скоро бунтъ въ острогѣ будетъ. Не изволите вы замѣчать у себя никакой пропажи?—спрашиваетъ онъ его таинственно.

— А что такое? недоумѣваетъ смотритель.

— Да какъ что? примѣрно, своими я глазами видѣлъ, что Дунька-то ваша, что вечеръ ходитъ къ Ванькѣ Карявому да водку ему носитъ, да еще не простую, а такую зеленую.

Откуда ей взять, думаю: не иначе какъ у васъ воруетъ, а это такое дѣло, намедни Ванька упился, да давай буянить. Долго ли дураку бѣды надѣлать! Напоитъ другихъ, такъ тогда что будетъ? Извѣстно мое дѣло сторона; только, ваше благородіе, жалѣючи, предостеречь надо, потому я, какъ есть, человѣкъ вами обласканъ, и энто по своему чувствію понимаю. А вамъ безпремѣнно Дуньку-то надо прогнать, потому она васъ и совсѣмъ обокрасть можетъ, не даромъ и съ Ванькой снюхалась. Только, ваше благородіе, про энто никому не говорите, чтобъ, значитъ, не знали, что я съ вами суюзъ держу, а то будутъ меня опасываться. А я по смерть свою вашему благородію служить должонъ, потому—понимаю, какъ вы есть мой благодѣтель.

Трошка готовъ хоть заплакать. Но онъ не находитъ нужнымъ прибѣгать къ такимъ болѣе уже крайнимъ мѣрамъ для возбужденія къ себѣ полнаго довѣрія, потому что и безъ слезъ его смотрительша налила уже ему стаканъ чайку, прибавила туда ромку и, подавая стаканъ Трошкѣ, говоритъ:

— На, голубчикъ Троша, выпей: спасибо, что насъ бережешь. А Троша только поглядываетъ на ребятишекъ, которые, утонувъ носы въ кружки, готовы фыркнуть отъ удовольствія, какъ Троша относительно зелененькой одурачилъ папашу и мамашу. Боится Трошка, чтобъ не выдали его своимъ смѣхомъ ребятишки, щемитъ у него сердце, чтобъ зелененькая не вышла наружу. Вдругъ дѣти взглянули на Трошку, и разомъ фыркнули, такъ что у одного кружка съ чаемъ полетѣла на полъ. Ну, пропало дѣло!—подумалъ Трошка.

— Чего вы, сорванцы? крикнулъ на нихъ отецъ: чего вамъ смѣшнаго, когда отцу да матери досадно. Чего, канальи, смѣетесь?

— Папенька! Ванька подъ столомъ щипается за ноги, зашепелявилъ Петрушка.

— Папенька, Петрушка меня за ноги тиснетъ,—и подъ колѣнки щекотитъ — проговорилъ Васька, а сами оба чуть удерживаются отъ смѣха.

Теперь, читатель, когда вы уже нѣсколько ознакомились съ моимъ героемъ Трошкой, скажу я вамъ, что онъ-то и былъ тотъ самый арестантъ, который, явившись къ смотрителю острога, объявилъ, что одинъ изъ друзей-товарищей намѣренъ улепетнуть. Смотритель сразу повѣрилъ Трошкѣ, и, позвавъ его къ себѣ, попросилъ разсказать въ чемъ дѣло. Трошка самодовольно потеръ руки и началъ вести такую, повидимому немудрую, рѣчь.

— Третьяго дня, началъ онъ, зашелъ я въ камору, гдѣ сидитъ Петръ,—какъ его по фамиліи-то, забылъ, вотъ что въ Ластовцѣ клѣть обобралъ, какъ его... припоминаетъ Трошка, какъ бы забывъ его фамилію, тогда какъ очень хорошо его помнилъ и зналъ.

— Супоненко, отозвался смотритель.

— Такъ, такъ точно, Петръ Супоненко! спохватился, обрадовавшись, Трошка; онъ самый. Вошелъ я, значитъ, въ ихъ камору и сѣлъ. Завели разговоръ о томъ, о семъ. Вотъ, смотритъ Петръ въ окно, да и говоритъ:

— Эхъ, житье, какъ кому вольная воля: иди куда хочешь куда твои глаза глядятъ. Далъ бы я теперь полжизни своей, кабы кто меня съ тюрьмы вызволилъ, а Сенька Рыбалянокъ и говоритъ къ нему: дуракъ, говоритъ, ты чистый, коли ты полжизни за такое плевое дѣло сулишь, нешто у тебя руки-ноги скованы, или головы ты не носишь — дивье съ острога уйдти? Захотѣлъ—да и ушелъ. И сталъ Петръ-то Сеньку распрашивать, какъ бы говоритъ, примѣрно, мнѣ уйдти, потому жалко, говоритъ, добро пропадаетъ. Какъ обокралъ онъ въ Ластовцѣ клѣть-то, такъ денегъ и вещей почесть на 500 цѣлковыхъ раздобылъ, да въ скоростяхъ на болотѣ и зарылъ. А болото-то мокрое: такъ опасывается, что какъ долгое время придется сидѣть въ острогѣ, такъ и вещи-а пуще деньги сгніютъ. Вотъ и задумалъ онъ, Петръ, бѣжать, чтобъ вещи-то, да деньги добыть, а тамъ, говоритъ, пускай ловятъ, да снова сажаютъ въ острогъ,—по крайности душа не будетъ болѣть. Это видите, ваше благородіе, какъ клѣть—

то онъ обокралъ, такъ наскоро вещи и деньги спряталъ въ землю, а на то время, по подозрѣнію, его забрали, да въ острогъ, а вещи-то и остались.

— Ну, хорошо, ты насчетъ побѣга-то разскажи, въ чемъ дѣло, отозвался къ Трошкѣ съ нетерпѣніемъ смотритель.

— Вотъ сейчасъ сталъ Петро просить Сеньку-то: научи, говоритъ, какъ бы удти, а Сенька и даетъ ему такой совѣтъ. Одно говоритъ средство уйти—вотъ какимъ манеромъ. Нагруби ты смотрителю, чтобъ онъ тебя посадилъ въ темную, а въ темной я вѣрно знаю, потолокъ прогнилъ, потому съ чердака дождь заливаетъ, а никто того еще не произошелъ—потому не вдомекъ посмотрѣть, да и темно. Ты, говоритъ Сенька то Петру, у печки, что въ темной, выломай дверку, влѣзь на печь, а съ печи дверкою расколупай потолокъ. Извѣстно, сначала только трудно будетъ, а тамъ труха разсыплется, можно въ ходъ и руки. Какъ сдѣлаешь, говоритъ, дыру—ну, лѣзь на чердакъ, а съ чердака на крышу, а тамъ ужъ самъ себѣ приберешь способъ—какъ до земли доберешься, только къ задней стѣнѣ надо спускаться, такъ часовые не увидятъ. Такимъ манеромъ, ваше благородіе, Сенька и посовѣтовалъ Петру, да и такъ и порѣшили, что на будущей недѣлѣ, во вторникъ, какъ ночи будутъ ужъ темныя безъ луны, согрубитъ онъ вамъ, и коли вы его въ темную посадите, такъ на среду онъ, значитъ, и тягу дастъ. Я, подслушамши все это, и думаю: надо вашему благородію объявить, какъ вы есть мой благодѣтель и меня въ напасти жалѣете. А это безпремѣнно такъ будетъ. Только чтобъ примѣтки не было никакой, такъ, вы ваше благородіе, и виду имъ не показывайте, а коли на среду посадите его въ темную, тогда, значитъ, накроете какъ лучшимъ манеромъ не нужно, и будетъ онъ, Петро, у вашего благородія въ сѣткѣ. Смотритель задумался, а Трошка и продолжаетъ рисовать ему заманчивую картину, какъ вдругъ Петра-то за ноги съ печи потянутъ, и какъ онъ одурачится, и какъ начальству смотрителя этакой случай будетъ пріятенъ.—А ужъ я день

и ночь молю Господа Бога!—говоритъ смиреннымъ голосомъ Трошка: такъ вашему благородію какую ни есть награду, али милость заслужить, потому супротивъ васъ по добротѣ человѣка—поискать.

— Ну, смотри, Трошка, коли ты правду говоришь и обдѣлаешь эту штуку, чтобъ Петрушку-то въ сѣтку, такъ я тебѣ спосибо скажу, отзывается къ нему смотритель, веселый и довольный.

— Теперь, ваше благородіе, вотъ что скажу еще вамъ, начинаетъ вновь Трошка. Коли вы изволите мнѣ эвто дѣло препоручить, такъ какъ бы похлопотать, чтобъ меня отъ кандаловъ хоть на время ослобонить. Потому я ужъ буду за Петрухой-то на ногахъ остро смотрѣть, такъ въ кандалахъ не приходится, слышно какъ ходишь то, и теперь, примѣрно, вотъ еще какое дѣло. Ихная камера, гдѣ Петрушка-то сидитъ, на ночь запирается, а Петрушка-то, какъ сговаривался съ Сенькой, такъ бесѣдовалъ, что за одну ночь въ темной потолка продрать не поспѣетъ. Такъ коли можно бы, ваше благородіе, чтобъ ихную камеру передъ вторникомъ не запирать ночи двѣ, али запирать, да только на одинъ взводъ, такъ я бы подстроилъ Петрушку. Онъ бы заранѣе началъ потолокъ ломать, а двери ему съ камеры я отворилъ бы ночью гвоздемъ. Извѣстно я сказалъ бы ему, что въ суюзствѣ съ нимъ желаю быть, и, разомъ уйдти, а ваше благородіе для безопасности можете взять часовыхъ, да хоть сами на чердакѣ противу темной всю ночьку на среду и посидите. Петрушка-то къ вамъ прямо въ руки какъ карась на плиту попадетъ. Только чтобъ ваше благородіе про то никто другой и духомъ не догадывался, а то все дѣло спортимъ, а коли я что еще узнаю, такъ все вашему благородію будетъ извѣстно.

Трошка сидѣлъ въ Т—скомъ острогѣ уже около трехъ лѣтъ, умышленно запутывая дѣла разными справками, чтобы, по возможности, отдалить минуту рѣшенія своего дѣла, которое во всякомъ случаѣ и для его каторжной натуры

была минутою не совсѣмъ заманчивою и спокойною. Во все время содержанія Трошки въ тюрьмѣ, онъ велъ себя чрезвычайно тихо и скромно, успѣлъ вкрасться въ полное довѣріе смотрителя, и дѣйствительно иногда во время предупреждалъ его о разныхъ въ тюрьмѣ заговорахъ и мошенничествахъ. Такъ, однажды смотритель, по извѣщенію Трошки, накрылъ двухъ арестантовъ, которые занимались поддѣлкою печатей, и нашелъ при нихъ же нѣсколько изготовленныхъ фальшивыхъ штемпелей. За таковое открытіе и усердіе по дѣлу, губернское начальство объявило смотрителю свою признательность. Какъ же было смотрителю не довѣрить Трошкѣ, и не вѣрить ему? И дѣйствительно, смотритель безусловно повѣрилъ Трошкѣ, во всемъ, что тотъ сообщилъ ему относительно намѣренія арестанта, Петра Супруненки, бѣжать, и поручилъ ему же, Трошкѣ, наблюденіе за приготовленіями къ побѣгу. Трошка, какъ бѣглый каторжный, по распоряженію тюремнаго отдѣленія, содержался въ особой камерѣ, въ кандалахъ. Онъ сидѣлъ одинъ, потому что на то время другихъ каторжныхъ въ острогѣ не было, а распоряженіе о помѣщеніи его отдѣльно отъ другихъ арестантовъ основано было на томъ, чтобы Трошка не могъ имѣть дурнаго вліянія на другихъ арестантовъ. Конечно, цѣль эта совершенно не достигалась, во первыхъ, потому, что Трошка, пользуясь расположеніемъ смотрителя, никогда въ своей камерѣ не запирался, а свободно разгуливалъ по всему острогу, имѣя возможность полнѣйшаго сообщенія со всѣми арестантами. Во вторыхъ, Трошка изъ своихъ малыхъ видовъ держалъ себя чрезвычайно скромно, и, представляя образецъ невозмутимаго спокойствія и совершенной покорности, могъ, пожалуй, служить для другихъ арестантовъ образчикомъ нравственности.

Ввѣрившись совершенно Трошкѣ, смотритель, для предстоящихъ цѣлей по поимкѣ Петра Супруненка, снялъ съ Трошки кандалы, какъ съ рукъ, такъ и съ ногъ. Расправилъ наединѣ, въ своей камерѣ, Трошка затекшіе свои члены, и какъ-то злобно улыбнулся.

За два дня до вторника, смотритель, обходя при вечерней повѣркѣ камеры, какъ бы случайно, не заперъ на замокъ ту камеру, въ которой былъ Петръ Супруненко. По увѣренію Трошки, Супруненко, въ ту ночь думалъ уже начать свои операціонныя работы въ темной. Такъ какъ, предварительно того, смотритель осмотрѣлъ потолокъ темной, и нашелъ его совершенно крѣпкимъ и прочнымъ, то, увѣренный въ томъ, что, въ теченіи одной ночи, Супруненко не въ состояніи будетъ проломать въ немъ отверстіе, онъ, въ первую ночь предполагавшейся работы, не привелъ съ своей стороны никакихъ предостереженій, желая дать ему возможность, окончательно приготовиться къ побѣгу, и потомъ уже поймать его. Къ то муже смотритель былъ вполнѣ увѣренъ, что преданный ему Прошка, зорко будетъ за всѣмъ слѣдить, и совершенно предупредитъ его, когда наступитъ пора ловить звѣря. Еще вечеромъ того дня, когда Трошкѣ сняли кандалы, онъ явился къ смотрителю въ квартиру, и со слезами на глазахъ благодарилъ его.

— Ужъ я, ваше благородіе, во вѣкъ вашей милости не забуду, ложась и вставая, буду за васъ Богу молить, кабъ вы енараломъ были.

Разчувствовавшійся смотритель и еще болѣе того супруга его, у которой при словахъ Трошки мелькнула какая-то смутная мысль о генеральствѣ, накормили Трошку остатками своего ужина, и онъ отправился въ свою камеру. Увы и ахъ! Не суждено было смотрителю и смотрительницѣ дослужиться и дожить до генеральства, не суждено было имъ больше и видѣть своего благожелателя.

На другой день, чуть свѣтъ, смотритель разбуженъ былъ дежурнымъ унтеръ-офицеромъ, извѣстившимъ его, что Трошки въ острогѣ не оказывается, что въ камерѣ его надъ печкой проломанъ потолокъ, и что онъ, вѣроятно, ушелъ чрезъ чердакъ, по крышѣ, и по водосточной трубѣ внѣшной стѣны. Нечего и говорить, что смотритель былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ. Немедленно отправился онъ въ камеру

Трошки, и дѣйствительно усмотрѣлъ проломъ. На нарахъ лежала вся казенная арестантская одежда Трошки, не исключая и бѣлья. Видимо было, что Трошка обошелъ смотрителя, обставивъ всѣ случайности своего побѣга какъ можно лучше, и отблагодаривъ смотрителя тѣмъ, что ушелъ въ его же бѣльѣ и одеждѣ, которые за послѣдніе дни незамѣтно кралъ и пряталъ къ себѣ въ камеру, въ печь. Петръ Супруненко оказался на мѣстѣ въ своей камерѣ, и только фыркнулъ смотрителю въ лице, когда тотъ, увидавъ его, разинулъ отъ удивленія ротъ. Задумался бѣдный смотритель ужъ не о генеральствѣ, а о близкой возможности потерять послѣдній кусокъ насущнаго хлѣба, а Трошка въ ту минуту былъ уже далеко, и не суждено было больше т—скому острогу увидать его. Трошка человѣкъ бывалый, и вѣрно лицемъ въ грязь не ударитъ и за себя, гдѣ надо, постоитъ.

Какимъ же образомъ Трошка устроилъ свой побѣгъ?— Очень просто. Попавшись въ острогъ за вторичное убійство и за побѣгъ изъ каторжной работы, онъ, заранѣе предугадывая свою будущность, рѣшилъ, что ему необходимо бѣжать и избѣгнуть строгой кары. Для этого, въ теченіи трехъ лѣтъ, выжидалъ удобнаго случая, велъ себя тихо, какъ мы видѣли выше, окончательно расположилъ въ свою пользу смотрителя тюрьмы, пріобрѣлъ полное его довѣріе и пользовался во всемъ острогѣ безусловною свободою, ходилъ куда ему было угодно, камера его никогда не запиралась. Даже въ квартиру смотрителя Трошка хаживалъ какъ свой человѣкъ. Между тѣмъ, дѣло его приходило уже къ концу, предвидѣлось скорое не веселое рѣшеніе. Нужно было уходить. Трошка, обдумавъ планъ и мѣстность, а равно расположеніе острога рѣшилъ побѣгъ такимъ образомъ. Въ камерѣ своей надъ печкой разломать потолокъ, пробраться на чердакъ, оттуда на крышу, и, по водосточной трубѣ, спуститься внизъ по внѣшной стѣнкѣ. Разсчитывая, что въ одну ночь онъ не въ состояніи будетъ безъ чьей либо помощи продѣлать дыру надъ печкой, Трошка открылъ

свой планъ Петру Супруненкѣ, прося его содѣйствія, для своего побѣга. Супруненко согласился, за данныя ему Трошкою 80 коп. сер., наворованныхъ имъ разновременно у смотрителя въ квартирѣ, чрезъ посредство дѣтей его, пособить Трошкѣ разломать надъ печкой въ его камерѣ потолокъ. Сочинивъ смотрителю цѣлую исторію о томъ, какимъ родомъ Петръ Супруненко сбирается бѣжать и какимъ образомъ лучше поймать его, плутъ достигъ до того, что ему сняли кандалы, и допустили возможность придти къ нему ночью Петру Супруненкѣ, который и пособилъ проломать надъ печкой въ камерѣ дыру. Умышленно объявивъ, что Супруненко сбирается бѣжать въ ночи на среду, Трошка привелъ въ исполненіе свой планъ за два дня передъ тѣмъ, въ теченіи тѣхъ самыхъ сутокъ, когда ему сняли кандалы. Вечеромъ передъ побѣгомъ, поужинавъ у смотрителя, и проходя чрезъ сѣни его квартиры, онъ укралъ съ вѣшалки старое пальто смотрителя и шапку, и пролѣзши на чердакъ нарядился тамъ въ висѣвшее тамъ же бѣлье его. Такимъ образомъ онъ преобразился для внѣострожнаго путешествія чуть-чуть не въ джентльмена, а острожную одежду и бѣлье сбросилъ въ свою камеру.—Супруненко, по уходѣ Трошки, воротился въ свою камеру, такъ какъ вовсе не думалъ совершить побѣга и не имѣлъ къ тому даже основанія. Такимъ образомъ любезный Трошка одурачилъ своего благодѣтеля и отблагодарилъ его тѣмъ, что на дорогу укралъ еще его вещей и бѣлья рублей на 20.

Разсказъ о побѣгѣ Трошки составилъ мѣстную легенду Т-скаго острога, и передается острожнымъ населеніемъ вновь вступающей братіи, въ назиданіе, какъ образецъ тонкости, хитрости и ловкости.

На женской половинѣ Т-скаго острога содержалась дѣвка Анна Паланчикова. Она судилась за удушеніе своего незаконнорожденнаго ребенка, котораго прижила въ томъ же острогѣ, когда содержалась за воровство, а родила ребенка и удушила его въ то время, когда была уже на свободѣ.

Въ преступленіи своемъ она не созналась, но была въ томъ положительно изобличена, а потому и отправлена въ тюрьму. Появленіемъ своимъ въ стѣнахъ острога, она произвела громадный фуроръ въ средѣ мужскаго населенія, чему, впрочемъ, было не мало причинъ. Анна была молода, красива, держала себя гордо, съ достоинствомъ, какъ и подобаетъ бывалой уже въ тюрьмѣ, а главное судилась по важному дѣлу. Кромѣ того, на допросѣ у слѣдователя была дерзка и отвѣчала бойко. Всѣ эти качества значительно увеличивали во всемъ шансы ея предъ всѣмъ другимъ женскимъ тюремнымъ персоналомъ. Паланчикова, какъ бывавшая уже въ тюрьмѣ, знала всѣ порядки и обычаи, и потому, по приходѣ ея въ женскую камеру, по праву старожилки, завладѣла лучшимъ въ камерѣ угловымъ мѣстомъ, около печки, прогнавъ оттуда, не смотря на протесты какую-то арестантку-еврейку, пріютившуюся было въ уголку, чуть-чуть не съ дюжиною дѣтей. При первомъ же выпускѣ арестантокъ на прогулку, Анна отправилась къ мужской половинѣ, на которой, по случаю лѣтняго времени, были отворены всѣ окна. Остановившись въ кокетливой позѣ, предъ окнами, и вскидывая отъ времени до времени глазками на верхъ, Анна умышленно кокетничала, желая обратить на себя скорѣе вниманіе и заручиться расположеніемъ по возможности большаго числа поклонниковъ. Она практически испытала выгодность подобнаго положенія, и, оказывая всѣмъ прежнимъ своимъ поклонникамъ, одинакое расположеніе, находила, что гораздо выгоднѣе пользоваться орѣхами, пряниками и услугами нѣсколькихъ лицъ, нежели одного.

— Анютка, чортова дочь, здравствуй!

— Здравствуйте, Анна Петровна! Все ли въ добромъ здоровьи къ намъ пожаловали?

— Никакъ Анна, ей-ей она самая? послышались возгласы нѣсколькихъ лицъ, увидавшихъ ее чрезъ окно. Вмѣстѣ съ возгласами, на Анну сыпнулъ кто-то, чрезъ оконную рѣшетку, горстью орѣховой скорлупы.

— Ишь черти, чтобы орѣховъ дать! крикнула разсердившаяся Анюта, и, вглядываясь въ лица торчавшихъ у оконъ арестантовъ, стала узнавать въ средѣ ихъ, прежнихъ своихъ знакомыхъ.

— А ты Степка, еще здѣсь обрѣтаешься: я думала, что тебя можетъ на Сибирь ужъ услали, обратилась она къ молодому, бѣлокурому парню, выглядывавшему въ окно изъ-за другихъ.

— Здѣсь, отвѣчалъ Степка, раскусывая орѣхи: тебя ждалъ, чтобъ разомъ на Сибирь по одной дорожкѣ идти, потому безпремѣнно зналъ, что скоро будешь сюда въ гости. На послѣднихъ словахъ Степка расхохотался.

— Чему смѣешься, дьяволъ?.. Не по чьей, какъ по твоей милости, сюда попала... отвѣтила въ сердцахъ Анютка. Дай орѣховъ-то, крикнула она ему уже помягче и даже съ улыбочкой.

Степка сыпнулъ ей горсть въ разставленный передникъ. Часть орѣховъ разсыпалась по землѣ.

Зачѣмъ передникъ-то съ дыркой носишь?—Вишь и орѣхи просыпала! отозвался къ ней съ насмѣшкой чей-то голосъ, за которымъ раздался дружный смѣхъ нѣсколькихъ арестантовъ.

— Коли ты у меня гдѣ на передникѣ дырку увидалъ: такъ приди, да заметай, а нѣтъ новый подари, оборвала нахала непотерявшаяся Анютка и, въ свою очередь, захохотала.

— Брось ихъ къ чорту, отозвался къ ней чрезъ окно Степка, лучше скажи: была ли на допросѣ-то у слѣдователя?

— Знамо, была—бойко отвѣчала Анютка: съ допроса-то и сюда прислали. Нонѣ законъ вышелъ, чтобъ безъ допроса въ острогъ не садить.

— Какъ же слѣдователю-то отвѣчала? обратился къ ней вновь Степка, знавши уже, за какое дѣло попала въ острогъ его бывшая возлюбленная.

— Извѣстно какъ: мертвое родилось, да и все—и какъ рожала, не помню, потому—безъ памяти была отъ болѣсти.

Грѣхъ я большой изъ-за тебя, подлеца, на душу взяла, добавила негромкимъ голосомъ Анна, обращаясь къ тому же Степкѣ.

Степка промолчалъ.

— А слѣдователь-то все лебезилъ около меня, продолжала разсказывать Анна. Признайтесь, говоритъ, въ своей винѣ, покрайности сумнѣніе очистите, и наказаніе легче будетъ. Вишь на дуру напалъ. Чего, говорю я, ваше благородіе, вы меня до признанія неволите, когда я никакой вины за собой не знаю. Такъ производить, говорю, слѣдствіе нельзя, потому—ваше дѣло писать, какъ значитъ, кто говоритъ, и не неволить ни кого, ни до чего нельзя. Буду, говорю, на васъ жаловаться.

— Ну, а онъ что? перебилъ ее Степка.

— Можете, говоритъ, куда вамъ угодно, на меня бумагу писать, отвѣтила Анна, и продолжала: и такъ это мнѣ вишь чудно, все *вы* говоритъ, словно къ господамъ: видно нонѣ такой законъ вышелъ, чтобъ ко всякому *вы* говорить.

— Меня какъ спрашивалъ, такъ сидѣть позволилъ, перебилъ ее Степка.

— Да и я тоже, отвѣчала Анна. Позвольте, ваше благородіе, сѣсть, стоять-то устала, а онъ и говоритъ: на то вдоль стѣнки и стулья, чтобъ сидѣть. Славные нонѣ порядки: сиди себѣ словно барыня, и не боишься, что со стула-то прогонятъ. Степка, а Степка! заговорила Анна, какъ-то таинственно: къ вамъ въ корридоръ можно попасть, али нѣтъ? ты мнѣ скажи, только толкомъ, кабы не попасться, да на шею не заработать.

— Ужо подумаемъ, отвѣтилъ ей Степка. Сряду нельзя зачинать, а ты, какъ вечеръ придетъ...

Разговоръ былъ прерванъ на самомъ интересномъ мѣстѣ дежурнымъ унтеръ-офицеромъ, который, по окончаніи срока, назначеннаго для гулянья, погналъ бабъ въ камеру подъ замокъ.

Прибытіе въ уѣздный городъ кого-либо изъ губернскихъ властей и посѣщеніе острога составляютъ обыкновенно эпоху въ острожной жизни. Арестанты и арестанки ко дню посѣщенія заготавливаютъ разнаго рода просьбы, словесныя и письменныя, и каждый непремѣнно сочинитъ какую-нибудь жалобу, хотя бы въ сущности онъ былъ вполнѣ доволенъ тюремною обстановкою и ему рѣшительно не на что было бы жаловаться.

Для осмотра Т—скаго острога, пріѣхалъ губернскій прокуроръ. Всѣ уѣздныя, подначальныя ему, власти спѣшатъ встрѣтить у подъѣзда его высокородіе, наконецъ высокородный обозрѣватель является, и начинаетъ осмотръ съ женской камеры. Арестантки, со смиреннымъ видомъ, стоятъ, каждая около своего мѣста, съ билетомъ въ рукахъ, означающимъ родъ преступленія и положеніе дѣла. Осматривая билеты, прокуроръ дошелъ до знакомой уже намъ Анны Паланчиковой.

— Ваше присходительство, позвольте мнѣ жалобу занести, заговорила Анна, гордо озираясь кругомъ, чтобы обратить вниманіе на свою особу другихъ арестантокъ.

— На кого и за что хочешь ты жаловаться? спросилъ ее прокуроръ.

— На слѣдователя. Желаю безпремѣнно другаго слѣдователя, потому—какъ же это можно человѣка обижать? Я хоть въ несчастіи нахожусь, а все больно, какъ за безвинное хотятъ обвиноватить. Очень ужъ душѣ-то скорбно за этакую напасть, заговорила Анна, рисуясь предъ прокуроромъ высокимъ слогомъ.

— Какая же на тебя напасть, когда ты своего ребенка задушила, вѣдь ужъ не даромъ же тебя слѣдователь въ тюрьму посадилъ? отвѣтилъ ей прокуроръ и добавилъ: Впрочемъ если ты видишь къ себѣ въ чемъ-нибудь несправедливость, или пристрастіе со стороны слѣдователя, то можешь на него жаловаться. Судъ твою жалобу разберетъ, и доставитъ, если ты окажешься права, полное удовлетвореніе.

На этихъ словахъ прокуроръ повернулся отъ нее и хотѣлъ было идти дальше, но Анна задержала его новымъ потокомъ своихъ рѣчей:

— Извѣстно, я, какъ есть, права во всемъ, ваше присходительство. Только и грѣха-то, что соблудила, такъ это и промежъ благородныхъ людей, грѣхъ-то бываетъ, а слѣдователь все норовитъ, какъ бы меня обвиноватить, потому злобость ко мнѣ большую они имѣютъ. Развѣ такъ въ законѣ писано? я говорю одно, слѣдователь долженъ мои слова писать, а онъ говоритъ врешь, не такъ, а вотъ какъ! и пишетъ, какъ ему угодно. Я и говорю: ваше высокоблагородіе, не извольте меня перебивать, потому мы, слава Богу, порядки этіе знаемъ, потому бывали подъ судомъ. А онъ какъ крикнетъ, мнѣ чуть не до дурноты: молчи, говоритъ ты, такая сякая. И худымъ словомъ обругали, а я только и отвѣтила имъ, хоть такая, говорю, да не ваша, и вамъ меня не видать. Вотъ за эти слова пуще всего они разсердились, да сряду меня въ острогъ.

— Ты, кажется, все выдумываешь. Съ чего-бы слѣдователю тебя ругать? перебилъ ее прокуроръ. Какая тому можетъ быть причина?

Анна вдругъ потупляетъ глаза внизъ, принимаетъ скромный, сконфуженный видъ, и, перебирая руками фартукъ, начинаетъ говорить прокурору, не глядя на него, какъ бы изъ чувства стыдливости:

— Извѣстно, ваше присходительство, я дѣвушка молодая, и по своему несчастію въ грѣхѣ была, одначе теперича, зачѣмъ меня слѣдователь на худую мысль наводить изволили? А они для своей пріятности меня хотѣли смутить, чтобъ я къ нимъ пришла, я и говорю: нѣтъ, ваше высокоблагородіе, такъ нельзя, промежъ насъ большой грѣхъ будетъ и мнѣ того не желательно. Они за то и осерчали. Коли такъ, говорятъ, такъ вспомнишь ты меня! И снова худымъ словомъ обругали. Вотъ я теперь и опасаюсь, что они по злобости на меня и могли написать то, чего вовсе не было. Послѣдния

слова она проговорила быстро, и потомъ, низко кланяясь прокурору, добавила: ужъ вы, ваше присходительство, будьте мнѣ отцомъ роднымъ: сдѣлайте божескую милость, вступитесь за меня, потому—я сирота, а обидѣть меня недолго, горькое мое житье; безъ батюшки и безъ матушки, всѣхъ можетъ обиждать. Анна даже заплакала. Замѣтивъ, что прокуроръ направляется уже дальше, Анна еще разъ задумала его остановить.

— Ужъ какъ намъ, ваше присходительство, со слѣдователемъ спорить, когда они и начальства въ почтеніе не ставятъ? Я имъ говорю, что буду жаловаться начальству, а они смѣются. Мнѣ говорятъ, что ты поганая дѣвка, что начальство все единственно: столько же, говорятъ, я и начальство боюсь, сколько и тебя. Меня ажно страхъ взялъ, такія рѣчи слушаючи. Какъ же, примѣрно, можно меня съ начальствомъ равнять? я хоша грамотѣ и не обучена, а все знаю, что начальство супротивъ насъ высоко стоитъ, - потому оно отъ Царя наставлено, а слѣдователь и ваше присходительство очень порицали, продолжала неудержимымъ потокомъ Анна. Я говорю, буду на васъ, г. слѣдователь, прокурору жалиться, а онъ и говоритъ, что мнѣ твой прокуроръ, положилъ его на ноготь, да другимъ сверху придавилъ: вотъ-тѣ и прокуроръ.

При послѣднихъ словахъ Анны, прокуроръ велѣлъ ей молчать.

— Ты, матушка, молчи, да на удочку меня не лови, а чтобъ она впредь глупостей не говорила, такъ вы,—обратился прокуроръ къ смотрителю:—подвергните ее за неприличныя выраженія взысканію. И, обратясь къ ней, докончилъ такъ: если имѣете на что жаловаться, то жалуйтесь, а пустяковъ болтать нельзя. За всякую ложь и кляузу съ васъ же взыщутъ и взыщутъ строго за то, что вы оговариваете слѣдователя и клевещете на него.

— Очень ужъ я обижена, а потому всѣ моей погибели хотятъ, чуть не застонала съ притворными рыданіями Анна.

— Самая буйная арестантка,—указывая на нее, отнесся къ прокурору смотритель: всю женскую половину бунтуетъ.

— Кухаркой безъ жалованья у васъ не захотѣла служить, такъ и бунтую, ядовито замѣтила въ пол-голоса Анна, и замолчала.

Кромѣ Анны Паланчиковой, и всѣ почти другія арестантки жаловались прокурору кто на что. Еврейка, съ многочисленною своею семьею, жаловалась прокурору, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, на Анну Паланчикову за то, что та выгнала ее изъ пріютнаго уголка, возлѣ печки. Анна, услыхавъ жалобу, моментально явилась предъ прокуроромъ для объясненій.

— Извѣстно выгнала, ваше присходительство, потому въ томъ углѣ всегда образъ виситъ, и мы на тотъ уголъ Богу молимся, а ейные непотребные жиденятки, въ томъ углу, пакости дѣлаютъ, такъ какъ же ее не прогнать? Еще я буду на нее жаловаться, что она нашую христіанскую вѣру поносила.

Анна врала немилосердно. Никогда въ томъ углу образа не было, и никто на тотъ уголъ никогда не молился, но, узнавъ про намѣреніе еврейки, жаловаться на нее. Анна на всякій случай, оградила себя тѣмъ, что, въ спорномъ углу, на значительной высотѣ, налѣпила, за неимѣніемъ у себя образа, какую-то картину, очень двусмысленнаго свойства.

— Сто ты ругаешься, взъѣлась на нее еврейка: сама ты непотребная, муза не маесь, а у меня, слава Богу, музъ есть. Ты луце скази, сто у тебя языкъ цесется, только лаеться знаешь.

Прокуроръ пошелъ дальше. Одна арестантка жаловалась на другую, что та у ней изъ-подъ подушки ночью украла семь копѣекъ, а обвиняемая доказывала неосновательность жалобы тѣмъ, что въ камерѣ денегъ держать нельзя, а нужно отдавать ихъ у кого онѣ есть, смотрителю. Другая заявляла претензію на свою сосѣдку за то, что у ней отъ ногъ воняетъ такъ «что ужасть» и просила, чтобы вонючую пере-

вели куда нибудь въ другую камеру. Наконецъ, обходъ женской камеры окончился. Прокуроръ вышелъ, за нимъ последовали и другія сопровождавшія его власти въ томъ числѣ и смотритель, а минуты черезъ три явился въ камеру дежурный унтеръ-офицеръ и кликнулъ Анну Паланчикову.

— Ну-ка пойдемъ: велѣно тебя въ темную, чтобъ ты резоновъ меньше выводила. Анна заревѣла,—а еврейка съ торжествующимъ видомъ стала уже сбирать свои лохмотья, въ видахъ переселенія на старое пепелище. Анна не выдержала. Стрѣлой очутилась она у еврейки на шеѣ, стянула съ нее парикъ, и между бабами началась потасовка. Нейтральныя арестантки съ удовольствіемъ и смѣхомъ посматривали на эту сцену, хоть на минуту нарушившую монотонность ихъ обстановки. Потасовка принимала, однако, на столько сильные размѣры, что унтеръ кликнулъ себѣ въ помощь конвойнаго, и едва развелъ сражавшихся бабъ. Анна была уведена почти насильно, а еврейка съ дѣтьми послѣ ея ухода, перешла снова къ печкѣ, и долго еще послѣ того метала кукишами, по направленію къ двери, въ которую была уведена ея противница.

На мужской половинѣ обиліе жалобъ самого разнообразнаго свойства не уступало женской половинѣ, только жалобы были нѣсколько осмысленнѣе, а самыя рѣчи сдержаннѣе.

— Позвольте мнѣ имѣть честь представить вашему превосходительству жалобу на дѣйствія судебнаго слѣдователя, по производству моего дѣла, заговорилъ оффиціальнымъ слогомъ коллежскій секретарь, посаженный въ тюрьму за подлоги и растрату казенныхъ денегъ, и подавая при этомъ прокурору письменную просьбу.

— Въ чемъ же заключается ваша жалоба? обратился прокуроръ къ жалобщику.

— Господинъ слѣдователь подвергнулъ меня аресту внѣ всякаго законнаго порядка, началъ обиженный коллежскій секретарь. Не говоря уже о томъ, что къ обвиненію меня нѣтъ никакихъ уликъ, такъ какъ деньги у меня были укра-

дены, и что потому сажать меня въ столь гнусную среду не было ни малѣйшаго основанія. Слѣдователь распоряженіе свое объ арестѣ не объявилъ даже мнѣ, и тѣмъ поставилъ меня въ недоумѣніе относительно того, за что именно я арестованъ.

— Однако, вы очень хорошо знаете, за что сидите въ тюрьмѣ, перебилъ его прокуроръ, слѣдовательно упущеніе слѣдователя, если только оно и было, ни сколько не стѣснило вашихъ правъ.

— Конечно это такъ, но... и коллежскій секретарь замялся, а прокуроръ пошелъ дальше.

— За напасть сижу, ваше высокоприсходительство, завопилъ низкій, коренастый мужичекъ, силясь придать себѣ слезливый видъ, и падая передъ прокуроромъ на колѣни. Будьте милостивы, прикажите ослобонить, совсѣмъ пропадаю за-даромъ.

Въ билетѣ у арестанта значится, что онъ обвиняется въ грабежѣ съ насиліемъ.

— Какъ же даромъ, когда-ты кого то ограбилъ? обращается къ нему прокуроръ съ вопросомъ.

— Може кто и ограбилъ, да не я. Меня ночнымъ временемъ какъ есть съ печи взяли, дѣтей и бабу перепужали. Вижу, становой наѣхалъ, съ народомъ: иди-ка, голубчикъ, говоритъ, (на меня то) сюда. Отчего это, спрашиваетъ, (меня-то) скула у тебя сбита, да портки мокрые? Оттого, говорю, что пьянъ былъ, такъ скулу себѣ самъ и разбилъ, а портки мокры отъ того, что съ вечера, по мокрой погодѣ ѣздилъ, за дровами въ лѣсъ. Нѣтъ, говоритъ становой-то, скулу тебѣ баба Пыжина кочергой свернула, какъ ты съ товарищами ейнаго мужа, за деньги душилъ; а портки мокры отъ того, что, утекаючи, въ канаву попалъ, да и шапку тамъ потерялъ. Вынулъ это становой-отъ шапку какую то, и показываетъ. Твоя? говоритъ. Не моя, говорю: и точно не моя, во вѣкъ эфтакихъ шапокъ не носилъ, вотъ какъ передъ Богомъ, ничего не знаю, напала напасть вотъ хоть пропади. Седьмой

мѣсяцъ, ваше присходительство, въ острогѣ держатъ; жена, да дѣти съ голоду умираютъ, хозяйство пропадаетъ. Умилосердитесь, хоть бы на поруки ослобонили. Во вѣкъ вашей милости не забуду,—вопитъ и плачетъ арестантъ.

— Твое дѣло скоро рѣшено будетъ, отвѣтилъ арестанту прокуроръ: и не можетъ быть, чтобы ты безвинно былъ арестованъ. Вѣрно были у слѣдователя какія нибудь основанія.

— Онъ кругомъ изобличенъ, осмѣлюсь доложить, обратился стряпчій къ прокурору: я это дѣло хорошо знаю. Его въ числѣ другихъ лицъ, непричастныхъ къ дѣлу, семейство ограбленнаго признало по первомъ же взглядѣ. Кромѣ того онъ не указалъ, гдѣ провелъ ночь, когда случился грабежъ. На мѣстѣ грабежа нашли его шапку, которую онъ въ попыхахъ потерялъ, и эту шапку признали дѣти его, да кромѣ того у него же въ погребѣ нашли часть заграбленныхъ денегъ и вещей.

— Ну, такъ нечего и говорить—проговорилъ прокуроръ, проходя дальше. Арестантъ, сильно сконфуженный, углубляется въ заднiй уголъ камеры.

Прокуроръ подходитъ къ прилично-одѣтому господину, молодыхъ лѣтъ, гладко причесанному, и имѣющему вообще очень презентабельный видъ.

— Вы за что арестованы? спрашиваетъ онъ его.

— За сохраненiе дѣвичьей чистоты и нравственности своей сестры, смѣло и бойко отвѣчаетъ онъ.

— Какъ такъ? Объясните, пожалуйста, ваши слова! За что онъ арестованъ? обращается прокуроръ, указывая на приличнаго господина, къ стряпчему.

Стряпчiй роется въ вѣдомости, которую держалъ въ рукахъ, и отвѣчаетъ: за конокрадство.

— Помилуйте, ваше высокородiе: это мнѣ чрезвычайно конфузно, что при моемъ званiи, на меня взвели такое непрiятное дѣло, а все изъ за-того только, что я достоинство своей сестры охранялъ, исполняя заповѣдь умиравшей моей

матери: быть моей меньшей сестрѣ и отцомъ, и другомъ, и братомъ, и покровителемъ, Не пожелала она словъ моихъ слушать, да вотъ и подвела мнѣ благодарность: въ острогѣ долженъ сидѣть, да конокрадчикомъ прозываться... Больно ужъ, какъ больно!.. И приличный господинъ заплакалъ довольно естественно. Прокуроръ принялъ въ немъ участіе и, узнавъ, что онъ дворянинъ и помѣщичій сынъ, отставной коллежскій регистраторъ, поинтересовался узнать въ чемъ заключается его дѣло и кѣмъ онъ арестованъ.

— Арестованъ онъ судебнымъ слѣдователемъ, который дѣло о немъ еще не окончилъ, объяснилъ прокурору стряпчій.

Прокуроръ пожелалъ видѣть слѣдователя, и послалъ за нимъ; а между тѣмъ, присѣвъ на нару, просилъ приличнаго господина разсказать ему свое дѣло. Приличный господинъ, замѣтивъ въ прокурорѣ участіе къ своей особѣ, еще больше разчувствовался и, принявъ смиренный и скорбный видъ, повелъ такую рѣчь:

— Послѣ смерти отца и матери, умершихъ уже четыре года тому назадъ, наслѣдниками по маленькому имѣнію нашихъ родителей остались я и сестра моя, которой теперь 18 лѣтъ. Чтобы поддержать хозяйство, я послѣ смерти родителей вышелъ въ отставку, и поселился въ деревнѣ, вмѣстѣ съ сестрой, думая сдѣлаться ея другомъ и охранителемъ ея на скользкомъ пути жизни. Мать покойница, — при этомъ разскащикъ заплакалъ—умирая, поручила мнѣ сестру, чтобы я ее берегъ и любилъ, и я свято исполнялъ обѣтъ, данный покойницѣ. Только и жилъ я для сестры своей, несмотря на то, что она съ малыхъ лѣтъ не любила меня и дичилась, а приходя въ болѣе зрѣлой возрастъ стала мною просто пренебрегать и ненавидѣть. Два года тому назадъ, къ намъ въ уѣздъ пріѣхалъ на должность теперешній судебный слѣдователь—вотъ тотъ самый, за которымъ вы изволили послать. Нѣсколько разъ былъ онъ у меня, и возъимѣлъ преступное намѣреніе относительно моей сестры, которая не противилась его желаніямъ, и такимъ путемъ отношенія ихъ сдѣлались

очень близки. Понятно, что я не могъ оставаться равнодушнымъ при видѣ всего этого, и просилъ г. слѣдователя прекратить свои посѣщенія; такъ куда, г. слѣдователь сейчасъ пригрозили мнѣ тюрьмой, а сестра и того пуще. Я въ своей половинѣ, какъ, говоритъ, хочу, распоряжаюсь и кого хочу принимаю, и ты не смѣешь мнѣ того запрещать, слѣдователь не къ тебѣ, говоритъ, ѣздитъ, а ко мнѣ. Такъ прямо и сказываетъ, просто всякій стыдъ потеряла, а г. слѣдователь чуть не каждый день наѣзжаетъ да наѣзжаетъ, дѣлами заниматься бросилъ, а почесть все время сидитъ у сестры, а меня ужъ и въ комнаты пускать не стали. Не вытерпѣлъ я и пригрозилъ, что донесу на нихъ и буду жаловаться: они возьми, да и подстрой мнѣ шутку-то. Извѣстно, это все г. слѣдователь выдумалъ, и обдѣлалъ такъ ловко, что самъ же меня и въ острогъ посадилъ. Пропали у насъ изъ конюшни ночью двѣ лошади, что по раздѣлу пришлись на долю сестры: извѣстно воры украли, и два замка у воротъ сломали. Меня ту ночь не было дома. Поѣхалъ я съ вечера въ гости, да заблудилъ, и всю ночь пропутался, едва къ утру домой пріѣхалъ. Такъ въ гостяхъ и не былъ. Сестра, не знаючи какъ бы отъ меня избавиться, чтобъ ей ловчѣе со слѣдователемъ-то амуры разводить, и подала на меня жалобу, что будто я лошадей ея укралъ, а слѣдователь тому случаю радъ, да сейчасъ меня и въ острогъ. Ну, а самъ чуть не совсѣмъ къ сестрѣ-то переѣхалъ. Вотъ за такую правду и пропадать долженъ, докончилъ приличный господинъ.

— Вы. что-то ужъ много невѣроятнаго говорите, возражаетъ ему прокуроръ, едва ли слѣдователь рѣшился бы на такіе поступки, въ которыхъ вы его обвиняете.

— Его послушать, такъ съ ума можно сойдти, заявилъ прокурору смотритель тюрьмы. Онъ — сказалъ смотритель, указывая на оратора: извѣстный конокрадъ на цѣлую губернію. Въ тюрьмѣ вотъ, за моею бытностію, уже четвертый разъ сидитъ, можно по книгамъ справиться.

— Что-жъ что четвертый разъ сижу: люди безвинно и по двадцать разъ сидятъ, возразилъ съ азартомъ смотрителю приличный господинъ. Вы за слѣдователя-то вступаетесь, вы думаете, не знаю я по чему? Осмѣлюсь доложить, сказалъ онъ, обращаясь къ прокурору: у г. смотрителя жена на сносяхъ ходитъ, а слѣдователь приговоренъ ужъ къ нимъ кумомъ: ну, такъ своему человѣку извѣстно нужно подслужить.

При этихъ словахъ приличнаго господина, камера вся дружно фыркнула, и даже само его высокородіе улыбнулось, при столь неожиданно обнаруженномъ домашномъ секретѣ смотрителя, который покраснѣлъ какъ ракъ и не зналъ, куда ему дѣваться. Въ эту минуту вошелъ судебный слѣдователь.

— У васъ дѣло объ этомъ арестантѣ? спросилъ его прокуроръ. Слѣдователь отвѣчалъ утвердительно.

— Въ чемъ онъ обвиняется? продолжалъ прокуроръ.

— Въ трехъ воровствахъ со взломомъ и въ подстрекательствѣ крестьянъ къ неповиновенію, и по всѣмъ обвиненіямъ изобличенъ положительно.

— Онъ тутъ на васъ какую-то исторію, что-то такое про сестру свою говорилъ мнѣ, продолжалъ прокуроръ.

— Эта исторія мнѣ извѣстна ужъ давно, отвѣчалъ слѣдователь: онъ ужъ на меня два раза жаловался, что будто бы я его сестру обольстилъ, но просьбы его, какъ ябедническія, кляузныя и бездоказательныя,—оставлены безъ послѣдствій.

— Я этого дѣла такъ не оставлю. Я найду и дальше куда жаловаться, и ребенка укажу, что у сестры вытравили, и еще докажу!—злобно отзывался къ слѣдователю приличный господинъ въ то время, когда прокуроръ, наскучивъ уже слушать его болтовню, вышелъ въ коридоръ, чтобы слѣдовать въ другую камеру.

По выходѣ прокурора и другихъ, сопровождавшихъ его лицъ, изъ камеры приличнаго господина, онъ гордо захо-

дилъ взадъ и впередъ, а со стороны содержавшихся съ нимъ арестантовъ, послышались дружныя одобренія:—«Молодецъ, ловко отбрилъ слѣдователя, словно правду говорилъ, ни разу не совралъ, а смотритель такъ и глаза выпучилъ, какъ про ...мовство заговорили.»

Въ другихъ камерахъ тѣ же исторіи. Одинъ жалуется на слѣдователя, тоже придумывая къ своему оправданію какую нибудь вымышленную исторію. Другой просится на свободу, на томъ основаніи, что его въ тюрьму посадили по злобности за то, что однажды собаку становаго переѣхалъ санями и сломалъ ей ногу. Третій заявляетъ, что его посадили по ошибкѣ, вмѣсто настоящаго мошенника, очень на него похожаго съ лица, который однако ушелъ. Пятый заноситъ жалобу, что у него въ тюрьмѣ кто-то отрѣзалъ отъ сапогъ голенища; наконецъ, иные, по преимуществу отсиживающіе уже сроки, которымъ, по видимому, не на что и жаловаться, заявляютъ претензіи, то на недостатокъ пищи, то на худую одежду, то на чрезмѣрную строгость смотрителя и тюремныхъ надзирателей.

Въ одной изъ камеръ, предъ посѣщеніемъ ея прокуроромъ, одинъ изъ арестантовъ, рѣшительно, не знавшій на что бы ему пожаловаться или чего бы попросить, спрашиваетъ о томъ совѣта у своихъ товарищей.

— Жалься, что тебя слѣдователь на допросѣ билъ и страшилъ каторгой,—совѣтуетъ одинъ голосъ.

— Нѣтъ, чего я на его буду жаловаться, когда онъ мнѣ худобы не сдѣлалъ, и одно слово: какъ я говорилъ, такъ и писалъ, отвѣчаетъ арестантъ, спрашивавшій совѣта: а я лучше пожалюсь, что въ каморѣ холодно, а вы всѣ поддержите. Вотъ и переведутъ въ большую, тамъ будетъ по вальготнѣе и спѣвать пѣсни не въ примѣръ лучше.

Сказано—сдѣлано. Только что начальство въ дверь, арестанты хоромъ завопили, что у нихъ въ камерѣ холодно, жить нельзя и просились перевести ихъ въ другую камеру.

— Это все одна ихъ блажъ, ваше высокородіе, отрапортовалъ смотритель: ихъ камера самая теплая, а ихъ тутъ мало помѣщается, ну имъ и скучно, такъ желаютъ все попасть въ общую большую камеру.

— Однако въ этой камерѣ дѣйствительно свѣжѣе, чѣмъ въ другихъ, замѣтилъ прокуроръ. Арестанты просіяли.

— Потому они на подлости пускаются, отвѣтилъ смотритель:—либо фортку нарочно отворятъ, либо трубу въ печи не запрутъ, и, какъ бы въ доказательство справедливости своихъ словъ, полѣзъ къ вьюшкѣ. Труба точно оказалась отворенною на обѣ вьюшки, не смотря на то, что печь была уже давно вытоплена. Мошенническая штука не удалась, и прокуроръ велѣлъ оставить арестантовъ на мѣстѣ.

— Кабы смотритель съ подрядчикомъ дровъ не воровали, такъ было бы тепло, послышались вслѣдъ за затворенною дверью глухіе голоса. Отъ кого обрѣзать то нашли: отъ арестанта-Божьяго человѣка—съострилъ кто-то изъ нихъ и вся камера дружно фыркнула.

Послѣдняя камера была еврейская. Тамъ помѣщались исключительно арестанты-евреи. Ихъ было немного, человѣка четыре. Одинъ сидѣлъ за поджогъ, другой за воровство, третій за подлогъ, а четвертый отсиживалъ уже свой срокъ по судебному приговору. При появленіи прокурора, евреи съ большимъ почтеніемъ поклонились. Рѣзко обозначалось ихъ привѣтствіе отъ обыкновеннаго привѣтствія другихъ арестантовъ, на солдатскій манеръ: «здравія желаемъ».

— Гаспадинъ прокуроръ, началъ содержащійся за поджогъ еврей: ци то въ законѣ сказано, что евреи въ турмѣ не могутъ Богу молиться? Какъ зе такъ мозно еврею зить. Когда по насему закону нузно молиться, то нузно громко говорить, а гаспадинъ смотритель не позволяютъ, говорятъ: не крици, а развѣ я крицу—я Богу молюсь: безъ того не мозно.

Жалобу поджигателя подтверждаютъ и другіе евреи. Смотритель объясняетъ, что молиться онъ евреямъ не запре-

щаетъ, но запрещаетъ дѣйствительно имъ кричать, потому что крикъ ихъ нарушаетъ въ тюрьмѣ спокойствіе и возбуждаетъ шумъ въ другихъ арестантахъ. Жалоба оставляется безъ послѣдствій.

Другой еврей, судящійся за подлогъ и третій за воровство, жалуются на слѣдователя: первый—за изувѣченіе будто бы во время допроса его беременной жены, а послѣдній за то, что слѣдователь приказалъ ему въ своей камерѣ снять съ головы ермолку. Еврей объясняетъ, что ему снимать ермолку никакъ не мозно, потому онъ изъ духовныхъ и долженъ свою вѣру и обычаи пильновать.

Отсидчикъ не занесъ никакой жалобы. Тѣмъ обзоръ острога окончился. Прокуроръ уѣхалъ, а половина арестантовъ и забыла уже, какія жалобы она заносила. Случись прокурору быть на другой же день въ томъ же острогѣ и спросить какого нибудь жалобщика, на что онъ вчера жаловался, тотъ навѣрное затруднился бы отвѣтить, потому что обыкновенно большинство жалобъ бываетъ всегда вымышленное, и только немногія изъ нихъ имѣютъ болѣе или менѣе справедливыя требованія или логическія основанія.

Нельзя, впрочемъ, строго осуждать тюремный людъ за подобный родъ кляузъ. Онъ возникаетъ вслѣдствіе совершенной бездѣятельности арестантовъ въ большей части нашихъ остроговъ. Отъ скуки арестанты не знаютъ рѣшительно, что имъ дѣлать, чѣмъ заняться, и поневолѣ выдумываютъ кляузы, лишь бы какъ нибудь наполнить имъ однообразіе своей жизни. А всякая жалоба доставляетъ арестанту дѣйствительное развлеченіе. Во первыхъ сочиняетъ онъ ее не одинъ, а составомъ цѣлой камеры своихъ товарищей: выдумка изощряется и обставляется по возможности правдоподобнѣе. Каждый хочетъ въ готовящуюся на свѣтъ кляузу, вклеить частицу своей кляузной изобрѣтательности. Естественно при этомъ возникаютъ споры, пренія, шутки; воображеніе арестантовъ рисуетъ уже себѣ раздраженіе слѣдователя, когда онъ прочтетъ подобную жалобу.

Происходятъ смѣшныя сцены, раздаются остроты и колкости на счетъ слѣдователя, а между тѣмъ время проходитъ, да проходитъ. Наконецъ общій смыслъ и программа жалобы утверждается общимъ собраніемъ камеры, является писака изъ грамотныхъ арестантовъ и начинается торгъ за написаніе жалобы. Иногда въ цѣнѣ сходятся и тогда писака располагается строчить тутъ же въ камерѣ, а арестанты окружаютъ его группой. Когда же писака заломитъ слишкомъ большую плату за написаніе жалобы, настроеніе камеры измѣняется: жалоба отодвигается на задній планъ и иногда совсѣмъ оставляется. На сцену выдвигается самъ писатель, котораго арестанты за то, что онъ со своего брата «не могитъ такъ много драть» — за требованіе непомѣрно высокой платы, предлагаютъ смазать. Писака намѣревается улепетнуть, но ему преграждаютъ выходъ и — идетъ потѣха. Собственными чернилами писаки, которые у него обыкновенно находятся въ пызуречкѣ въ карманѣ, обмазываютъ ему всю физіономію, и обливаютъ голову, а для большей прелести, посыпаютъ лице и волоса пепломъ изъ печки. Безобразіе происходитъ удивительное. Несчастная жертва кряхтитъ, стонетъ, за то смѣху въ публикѣ конца нѣсть. Но такимъ маскарадомъ процедура съ писакой еще не оканчивается. Его начинаютъ легонько поколачивать, потомъ раздѣваютъ, и, при избыткѣ чернилъ, татуируютъ все его грѣшное тѣло и въ такомъ уже видѣ, вдоволь понатѣвшись, выталкиваютъ въ карридоръ, гдѣ его встрѣчаетъ дружный пріемъ арестантовъ другихъ каморъ, которые, по инстинктивному чутью, спѣшатъ уже къ мѣсту происшествія, гдѣ писаку мажутъ. Хохоту, крику и шуму, нѣтъ предѣла. Веселье общее, вся тюрьма сбѣгается на лицо въ одинъ пунктъ, и только одни евреи, въ тихомолку, выглядываютъ изъ своей камеры на потѣшное происшествіе, опасаясь выйдти и показаться на глаза арестантамъ: въ подобную развеселую минуту, всегда найдется какой нибудь шутникъ, который съумѣетъ направить всѣ порывы

смѣха и шутокъ на еврейчиковъ,—и тогда имъ бѣда. Пейсы отрѣзываются долой, а сальнымъ огаркомъ, или кусочкомъ сала, а чаще и какою нибудь поганью, отрефляются коширныя уста какого нибудь постиваго зидка Хаима. Не безъ того, чтобы и Хаимъ, ради общаго веселья и большей картинности, не былъ раздѣтъ. Тощая фигурка еврея, возбуждаетъ еще болѣе смѣха, нежели фигурка писаки, и производитъ такой шумъ и гамъ, что вызываетъ даже вмѣшательство дежурнаго унтера, который выручаетъ еврея и разгоняетъ толпу по камерамъ.

Такою-то рода развлеченія и разнообразятъ только монотонность тюремной жизни, и нельзя въ томъ чрезмѣрно винить арестантовъ. Полная бездѣятельность и отсутствіе всякаго занятія, поневолѣ вынуждаютъ ихъ на разныя выдумки, для разсѣянія одурѣвающей тоски. Въ Т—скомъ острогѣ арестанты выдумали для развлеченія играть комедіи, приноровляя выдумываемые ими сюжеты къ своему положенію. Одинъ изъ нихъ беретъ на себя роль слѣдователя, другой—роль какого нибудь подсудимаго, третій—обиженнаго имъ истца, четвертый—свидѣтеля и т. д. И вотъ, на глазахъ публики, начинается разыгрываніе болѣе или менѣе комическихъ сценъ. Слѣдователь допрашиваетъ подсудимаго и старается его изловить или сбить съ толку; подсудимый выкручивается, объясняется какъ можетъ, выдумываетъ для своихъ оправданій какую нибудь химеру, но сбивается съ толку истцомъ или обиженнымъ. Между ними, на очной ставкѣ, возникаетъ перебранка, которую прекращаетъ слѣдователь, и вызываетъ къ допросу свидѣтелей. Свидѣтели приводятся къ присягѣ, и арестантъ, представляющій священника, говоритъ свидѣтелямъ увѣщаніе, убѣждаетъ ихъ показывать только правду и воздерживаться отъ всякой лжи или прибавки, напоминаетъ о строгомъ возмездіи за несправедливость показанія, въ сей и будущей жизни, и картинно рисуетъ гнусность лжесвидѣтельства. Иной ораторъ касается даже и такого рода нравоученій, которыя прямо

указываютъ на безнравственность побужденій каждаго преступника, и совѣтуетъ не щадить виноватаго, а напротивъ: стараться уличить его и подвергнуть строгому возмездію. Наконецъ свидѣтели, выслушавшіе увѣщаніе и исполнившіе присягу, допрашиваются слѣдователемъ. Тотъ объявляетъ слѣдствіе оконченнымъ, а обвиняемаго отправляетъ въ острогъ. Арестованный начинаетъ отпрашиваться, подымаетъ ревъ, является, переодѣтый въ видѣ бабы и представляющій жену обвиняемаго, арестантъ и начинаетъ просить за своего мнимаго мужа, но слѣдователь остается непреклоненъ, требуетъ сотскаго и тотъ уводитъ арестанта. Подобныя комедіи, смысломъ своимъ близко соприкасающіяся съ дѣйствительностью, столь хорошо извѣстной каждому острожнику, исполняются арестантами чрезвычайно комично и иногда очень типично. Конечно, подобныя сцены происходятъ въ тихомолку, чтобы начальство не видало, а до того, что оно знаетъ про то, арестантамъ мало бѣды.

Скажу нѣсколько словъ о нравственномъ вліяніи острога и его обитателей на каждаго вновь вступающаго въ стѣны тюрьмы обвиняемаго. Если онъ изъ бывалыхъ, т. е. изъ сидѣвшихъ уже въ тюрьмѣ, то является въ острогъ своимъ человѣкомъ, никого и ничего не боится, съ арестантами тотчасъ же сходится и никакимъ испытаніямъ не подвергается. Если же онъ человѣкъ еще новенькій, не сидѣвшій въ острогѣ, незнающій тюремныхъ порядковъ, то его тотчасъ берутъ въ выучку и дрессируютъ на столько, чтобы онъ, своимъ нравственнымъ складомъ и правилами, не отличался бы отъ правилъ, образа мыслей и поступковъ своихъ товарищей. Для подобной выучки, въ каждой тюрьмѣ, существуютъ особые спеціалисты, не безъ основанія гордящіеся своею профессіей. Къ нимъ-то первымъ и поступаютъ на выучку новички. Въ Т—скомъ острогѣ, просвѣтителемъ вступающихъ новичковъ, былъ нѣкто «дядя Миколай», ходокъ на всѣ руки, обладавшій удивительною способностію запутывать дѣла.

Онъ судился по разнымъ преступленіямъ, сидѣлъ въ острогѣ уже 5 лѣтъ, и за всѣмъ тѣмъ, дѣло его не подвигалось къ концу. «Дядя Миколай» сроднился за пять лѣтъ съ тюрьмой и не хотѣлось ему ее покидать. тѣмъ болѣе, что исходъ своему дѣлу онъ предвидѣлъ неблагопріятный. На волю ему выдти нечего было и думать, а одинокой головѣ много ли надо? Въ тюрьмѣ тепло, кормятъ, работать не заставляютъ окромѣ что дровъ натаскать, да воды принести на камеру, когда очередь придетъ: чего же лучше? А уголъ у дяди Миколая самый лучшій въ цѣломъ острогѣ и пристроился онъ въ немъ очень удобно и лучшаго ничего не желаетъ, а потому, какъ почуетъ дядя Миколай, что дѣло его приходитъ у слѣдователя къ концу, онъ какую нибудь исторію и заведетъ: что вотъ де тамъ-то, въ такомъ-то мѣстѣ, находясь еще на свободѣ, обокралъ я такого-то, да на удачу никогда не брякнетъ, а непремѣнно укажетъ на такой случай, который дѣйствительно гдѣ нибудь былъ и о которомъ онъ, какъ нибудь случайно, узналъ. Забираютъ справки, заявленіе подтверждается. Обворованный, до котораго доходятъ о томъ слухи, начинаетъ уже радоваться, что вотъ нашелся добрый человѣчекъ—сознался, да правду сказалъ: авось, думаетъ, укажетъ гдѣ мои вещи и покраденныя денежки, и ждетъ не дождется, пока милостивца въ его края не пришлютъ. И точно, дядю Миколая отправляютъ туда, иногда верстъ за триста; острогъ провожаетъ его какъ патріарха своего, сыплются благопожеланія на дорогу, и идетъ Миколай, на проминку, въ путь. Приводятъ его въ указанный имъ городъ, а въ острогѣ уже ждутъ его калачи и другія задабриванія обворованнаго, чающаго, отъ сознанія дяди Миколая, раскрыть слѣды своего повbooрованнаго имущества. Дядя Миколай даяніями не брезгаетъ, принимаетъ и калачи и все, что ему даютъ и водитъ за носъ простяка. Наконецъ видитъ, что съ него получить больше ужъ нечего, а у смотрителя поступила уже бумага отъ слѣдователя: выслать его къ допросу, и кончаетъ дядя Миколай всю исторію разомъ.

— Навралъ я, ваше благородіе, говоритъ онъ слѣдователю:—ничего я здѣсь не воровалъ, а это по напрасну да по глупости ложно на себя показалъ: да грѣхъ, думаю, себя подневольно виноватить въ такомъ, примѣрно, дѣлѣ, котораго не знаю. Такъ, ваше благородіе, и извольте записать. Такъ и записывается его показаніе. Оно и слѣдователю съ руки: меньше работы, а чтобъ лишній арестантъ не числился на шеѣ, его съ первымъ этапомъ отсылаютъ, при перепискѣ, на старое пепелище.

Дядя Миколай въ чистыхъ барышахъ. Во первыхъ, прогулялся и свѣтъ Божій увидалъ, а главное, побывалъ въ чужомъ острогѣ, и, по своей профессіи, заимствовалъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній; во вторыхъ. покушалъ много калачиковъ и другаго чего съѣдобнаго и въ третьихъ, дѣльцо свое протянулъ по крайней мѣрѣ на полгода. А на старомъ-то пепелищѣ встрѣчаютъ его съ какою радостью, разсказовъ сколько съ той и другой стороны! Время летитъ весело, дядя Миколай снова въ своемъ углу, и, на досугахъ отъ разсказовъ, обдумываетъ уже новый планъ какъ бы еще затормазить дѣло, одурачить слѣдователя и протянуть хоть не на долго свое милое пребываніе въ родной семейкѣ Т—скаго острога.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу моему относительно способа и рода обученія дядею Миколаемъ новичковъ.

Прибѣгаетъ къ нему какой нибудь арестантъ.

— Дядя Миколай, привели новаго. Слать штоль къ тебѣ? обращается онъ къ дядѣ Миколаю, скаля зубы и заранѣе испытывая удовольствіе отъ пріятнаго ощущенія предстоящей сцены обученія.

— Приводи да живо, отвѣчаетъ дядя Миколай и принимаетъ на своей нарѣ серьезную позу. Около него группируется толпа зрителей и въ числѣ ихъ два-три поддавальщика — значеніе которыхъ объяснится позже. Наконецъ въ камеру втаскиваютъ съ крикомъ и гамомъ несчастнаго новичка, который, отъ перепуга среди незнакомой ему обстановки, незнаетъ что дѣлать и не смѣетъ защищаться. Пред-

ставляютъ его передъ свѣтлыя очи дяди Миколая. Встаетъ дядя Миколай съ своего мѣста и, молча, обшариваетъ всѣ его карманы. Если въ нихъ находитъ деньги или что нибудь изъ съѣстнаго, сунутаго, въ попыхахъ, въ карманъ заботливою рукою матери, жены или сестры, то какъ деньги, такъ и съѣдобное конфискуется въ пользу всего острога и вручается арестантскому старостѣ для раздѣла.

— Ты за что къ намъ попалъ, гусиный лобъ?—спрашиваетъ его дядя Миколай.

Новичекъ дрожитъ, наконецъ отвѣчаетъ слезливымъ голосомъ, думая слезами возбудить къ себѣ сочувствіе; но вмѣсто того возбуждаетъ смѣхъ.

— Да я намедни... и новичекъ конфузится, не знаетъ какъ говорить: откровенно или нѣтъ, и съ какою цѣлію его вздумали пытать.

— Ну, говори, али у тебя глотка пересохла? такъ мы промочимъ! грубо отзывается къ нему дядя Миколай. Поддавальщики готовые! восклицаетъ онъ и по обѣ стороны новичка являются двое молодцовъ. Для удобства дѣйствій, они сбрасываютъ армяки и засучиваютъ рукава рубашки. Несчастная жертва видитъ эти приготовленія.

— Коня я намедни укралъ,—спѣшитъ признаться новичекъ, думая, что признаніемъ избавитъ себя отъ истязаній.

— Ну что-жъ, укралъ такъ и ладно, красть можно. А скажи ты мнѣ: поймали тебя съ конемъ то, али ты его спустилъ, или не успѣлъ?—спрашиваетъ новичка дядя Миколай, уже немного помягче и потише.

— Та и бѣда моя—отвѣчаетъ новичекъ, уже по смѣлѣе: что съ конемъ то на полѣ поймали, да всѣ бока сбили и въ острогъ отправили.—И онъ добродушно смотритъ въ глаза дядѣ Миколаю.

— Поддавальщаки, поддай ему пятокъ! произноситъ совершенно равнодушно дядя Миколай, и, мигомъ, пятокъ добрыхъ затрещинъ по спинѣ, то съ права, то съ лѣва, отпускается неопытному новичку, такъ что онъ успѣваетъ только крикнуть: «ай, за что, братцы? Ослобоните!»

— Это тебѣ за то, что тебя мало били, чтобъ ты, дуракъ, нашу артель не страмилъ. Укралъ—такъ уходи, да не попадайся,—отвѣтилъ ему внушительно дядя Миколай. Новичекъ только глазами замигалъ, услыхавъ такія, по истинѣ, мудрыя рѣчи.

— А скажи-ка ты мнѣ: на допросѣ ужъ былъ у слѣдователя? вопрошаетъ вновь новичка дядя Миколай.

— Былъ,—отвѣчаетъ тотъ, искоса поглядывая на поддавальщиковъ, чтобъ не получить отъ нихъ еще какого нибудь внезапнаго одолженія.

— Что-жъ ты признался, что коняку-то укралъ? продолжаетъ дядя Миколай.

— Признался,—со страхомъ и трепетомъ отвѣчаетъ воришка, предвидя новую потасовку, такъ какъ первый пятокъ и внушенія, его сопровождавшія, указали ему уже систему, которой слѣдовало бы держаться.

— Ребята, поддай ему еще на два пятка!—такъ же равнодушно командуетъ дядя Миколай. Поддавальщики отпускаютъ по спинѣ обучаемаго, на этотъ разъ уже въ усиленномъ комплектѣ, два пятка.

— Это, чтобъ ты, куриные твои мозги, впередъ не признавался бы,—очень внушительно говоритъ своему ученику дядя Миколай: потому коли ты на то захотѣлъ иттить, такъ должонъ ты и законъ нашъ соблюдать. Безпремѣнно ты, дуракъ, для своего же добра должонъ отъ своего показанія отказаться, теперича и думай какъ. Коли придумаешь, такъ и ладно, такъ мы тебѣ и прошенье напишемъ. Ну думай, а не то... Эй, поддавальщики, приготовься! восклицаетъ дядя Миколай. Несчастный ученикъ проситъ пощады, божится, что отъ своего показанія отопрется и обѣщаетъ придумать какъ бы это сдѣлать. Его оставляютъ, на нѣсколько минутъ, въ покоѣ.

— Ну, придумалъ? требуетъ его наконецъ къ себѣ дядя Миколай.

— Придумалъ,—отвѣчаетъ ученикъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ, сознавая, что за свою придумку, пятка уже не получитъ.

— Ну, говори же, говори, поощряетъ его ласковымъ голосомъ дядя Миколай и толпа обращается въ слухъ

— Буду я говорить, что признаніе слѣдователю сдѣлалъ потому, что пьянъ былъ и ничего не помнилъ, али скажу, что признался съ перепугу.

— Да, ну говори, что слѣдователь стращалъ ристанскими ротами, коли не признаешься—перебилъ его дядя Миколай.

— Извѣстно стращалъ, да еще какъ пугалъ-то... ну я со страху и наворотилъ, что, молъ, укралъ. Я и не кралъ и знать ничего не знаю — говорилъ ученикъ уже совершенно смѣло.

— Ты и подписки на безпристрастье не давай, а жалься на слѣдователя—училъ его голосъ изъ толпы.

— Извѣстно буду жалиться—говорилъ ученикъ дяди Миколая, уже совершенно смѣло и свободно.

— А какъ же ты, примѣрно, будешь говорить, что коня не кралъ, коли люди его у тебя на полѣ отобрали, значитъ свидѣтели есть, не ладно,—обратился, со сбивающимъ тономъ, къ своему ученику дядя Миколай, но ученикъ не потерялся. Теорія науки дяди Миколая, при той системѣ обученія, которой онъ держался, въ лицѣ его новаго ученика, получившаго одинъ лишь урокъ, указала немедленную возможность практическаго примѣненія ея къ жизни.

— Скажу я такъ, началъ обучаемый и уже выучившійся мошенникъ: шелъ я по полю, догоняетъ меня на лошади какой-то человѣкъ. Здравствуй, говоритъ. Здравствуй. Слѣзаетъ тотъ человѣкъ съ коня-то, да и проситъ меня: подержи, говоритъ, лошадь, я только до вѣтру въ лѣсъ схожу. И пошелъ. а я на дорогѣ остался, коня то держу въ рукахъ, а конь такой хорошій. Думаю: попробую какъ ходитъ, спокойно ли? Да и вскочилъ на него. Только я на него вскочилъ, слышу: скачутъ люди на дорогѣ, да и кричатъ: держи, лови!

а никого невидать. Кого, думаю, они ловятъ?—и не въ домекъ мнѣ, что это они за конемъ гонятся. Какъ стали они ближе подъѣзжать ко мнѣ, конь-то испугался, да и далъ духу, да на дорогѣ спасибо, доброму человѣку, что спереди ѣхалъ, перехватилъ коня. А тутъ и задніе наѣхали, схватили у меня его, а самаго то давай лупить: воръ-говорятъ, а я какой воръ? Воръ то въ лѣсъ ушелъ, да послышамши крикъ и утекъ, а я при конѣ остался. Какая-жъ тутъ моя вина?

Публика, слушавшая ученика, не исключая и самого дяди Миколая, выразила полное одобрѣніе изобрѣтательности новичка, и тутъ же острожный писака настрочилъ ему просьбу, въ которой отвергалось признаніе его и излагалась т лько что выдуманная исторія. Просьба эта на другой же день была отправлена къ слѣдователю, а новообученный, въ благодарность за науку, долженъ былъ три раза провести на своихъ плечахъ по тюремному корридору дядю Миколая и двухъ поддавальщиковъ, и, затѣмъ, былъ принятъ, какъ посвященный уже во всѣ таинства, въ острожную семью. Такимъ-то образомъ тюрьма формируетъ преступниковъ и потомъ, если имъ путемъ нахальства и выдумокъ, удастся избѣгнуть наказанія, выпускаетъ ихъ въ свѣтъ, вполнѣ выработанными и выдержанными негодяями. Случаи обученія, подобные описанному мною выше, бываютъ, конечно, не со всякимъ вновь вступающимъ арестантомъ. Не всякій добровольно отдастъ себя на подобныя истязанія, и только не многіе, слишкомъ ужъ трусливаго и робкаго характера, при первомъ появленіи въ острогъ, даютъ поводъ своею жалкою фигурою потѣшиться острожной братіи на ихъ счетъ. Но это нисколько не мѣшаетъ сущности обще принятой въ острогахъ системы обученія другъ друга. Если не всякаго учатъ пятками, при просвѣщенномъ содѣйствіи дяди Миколая, то почти всѣ арестанты,—за исключеніемъ весьма немногихъ, сохраняющихъ и въ тюрьмѣ, не смотря на то, что они впали въ преступленіе, свою нравственную силу,—изощряются въ мошенничествахъ и хитростяхъ чрезъ раз-

сказы и выслушиванія взаимныхъ похожденій, и даваемые другъ другу совѣты, какъ бы спутать такое-то обстоятельство и какъ бы объясниться и выпутаться изъ такой-то бѣды.

Огромный контингентъ нравственнаго растлѣнія и крайне вреднаго вліянія на заключенныхъ, имѣетъ каждый острогъ въ личностяхъ, въ родѣ знакомаго намъ уже Трошки, дяди Миколая и тому подобныхъ. Подобные коноводы тѣмъ опаснѣе, что на подобіе матокъ въ пчелиномъ рою, умѣютъ группировать около себя другихъ арестантовъ, вліяютъ на нихъ, даютъ имъ извѣстное направленіе, орудуютъ ими какъ хотятъ и достигаютъ всего этого: чѣмъ же?—высшею степенью своей безнравственности, своей бездушности, испорченности и развращенности. Къ тому же, точно по какимъ-то заповѣднымъ началамъ, въ острогахъ никогда не переводятся такіе субъекты. Едва знакомый намъ Трошка успѣлъ очистить отъ своей персоны Т—скій острогъ, какъ дня черезъ два явился на смѣну ему другой бѣглый изъ Сибири, задержанный въ Т—скомъ уѣздѣ за изнасилованіе и убійство одной женщины. Имя его было Исаакъ, а фамилію свою онъ скрылъ. Сначала было его сочли за простого бродягу, но, при первой же банѣ, на немъ оказались клейма и слѣды плетей. Онъ былъ еще не старъ, напротивъ, скорѣе могъ быть названъ молодымъ, но не смотря на то, только что въ острогѣ сдѣлались извѣстными его преступленіе и личность, какъ онъ получилъ уже титулъ дяди, даваемый съ большимъ разборомъ и только за какія нибудь важныя заслуги. Дядя Исаченокъ заступилъ права и вліяніе Трошки и дяди Миколая и съ первыхъ же дней повелъ себя съ достоинствомъ. Со всѣми былъ дерзокъ и угрюмъ, съ арестантами почти не говорилъ, какъ бы желая, на первыхъ же порахъ, объяснить имъ всю разницу между ими и собой. Со смотрителемъ тюрьмы былъ тоже дерзокъ, на квартиру къ нему, какъ Трошка, не ходилъ, съ дѣтьми его не игралъ и козла изъ себя не представлялъ. Исаченка и старые арестанты, годившіеся ему по

лѣтамъ въ отцы, называли дядею Исаченкомъ, и онъ, не безъ основанія, гордился тѣмъ.

Утвердивъ въ острогѣ свое первенствующее значеніе и вліяніе, Исаченокъ, въ короткое время, перемѣнилъ свое обхожденіе съ арестантами, сдѣлался сообщительнѣе и разговорчивѣе, а когда замѣтилъ, что разсказы его слушаются острожниками съ какимъ-то чуть чуть не благоговѣніемъ къ нему, то заставлять другихъ слушать и говорить самому сдѣлалось для Исаченка просто потребностію. Онъ не могъ уже оставаться молчаливымъ. Въ длинные осенніе вечера, онъ съ большимъ наслажденіемъ любилъ разсказывать, какъ на своемъ вѣку онъ все произошелъ, какъ ушелъ изъ Сибири, и какъ послѣ того подвизался на поприщѣ разныхъ скрытыхъ имъ убійствъ и другихъ преступленій. Въ сущности Исаченокъ, послѣ побѣга съ каторги, совершилъ только одно убійство, за которое и попалъ въ тюрьму, но выдумывалъ и разукрашивалъ свои похожденія небывалыми преступленіями въ тѣхъ только видахъ, чтобы придать себѣ, въ средѣ скорбной братіи, еще большую важность и удовлетворить собственному преступному и безчестному честолюбію. Ничѣмъ нельзя было такъ оскорбить самолюбіе дяди Исаченка, какъ отнестись съ пренебреженіемъ къ какому нибудь разсказываемому имъ подвигу, и замѣтить, что и не такія еще дѣла бываютъ. При такихъ рѣчахъ, дядя Исаченокъ горячился и вскипалъ гнѣвомъ.

— Да ты-то что!—говорилъ онъ возражавшему: — нюхъ собачій и тотъ старше тебя. На два гроша укралъ, да влопался, только тюрьму споганилъ. А туда же суется, сказалъ бы я гдѣ тебѣ мѣсто-то, да честныхъ людей стыдно, — и долго, въ такомъ все родѣ, ругается Исаченокъ, а въ заключеніе, чтобы окончательно сразить своего противника и пустить всѣмъ пыль въ глаза, онъ обращается вдругъ громко, но таинственно ко всѣмъ окружающимъ его, съ такими словами:

— Ну, а кто изъ васъ видалъ красную смерть промежъ живыхъ людей, али слыхалъ про то?

Всѣ молчатъ, дивуясь непонятнымъ рѣчамъ дяди Исаченка.

— Никто не видалъ, лопоусы чортовы, такъ съ вами и говорить нечего!

Всѣ молчатъ по прежнему: красная смерть промежъ живыхъ людей, ужъ очень ихъ озадачила. А дядя Исаченокъ, довольный тѣмъ, что одурачилъ всѣхъ, съ важностью отходитъ отъ мизерной для него среды, и съ достоинствомъ позвякивая ножными кандалами, которыми онъ очень гордился, отходитъ въ сторону и ложится на свою нару.

Вотъ каковъ, въ общихъ видахъ, у насъ есть и обрѣтается по острогамъ тюремный міръ, въ лицѣ описанныхъ мною личностей. Изучить, во всей полнотѣ и во всѣхъ подробностяхъ, острожную жизнь, слишкомъ трудно, потому что каждый, болѣе или менѣе выдающійся изъ общаго арестантскаго уровня, субъектъ, непремѣнно вноситъ въ тюремную сферу свою особенную обстановку и свои новые элементы. Вообще же говоря, острожная жизнь вездѣ слагается на одинъ складъ и дышетъ однимъ ладаномъ: вездѣ, т. е. въ каждомъ острогѣ, можно встрѣтиться съ такими личностями какъ Трошка, Исаченокъ и др., и съ тою же обстановкою нравственнаго растлѣнія, которая описана въ настоящемъ разсказѣ.

V.

Грабительская шайка.

Въ участкѣ моемъ, въ деревнѣ Вѣнцахъ, жилъ крестьянинъ Петръ Желуденко. Человѣкъ онъ былъ богатый и имѣлъ изрядной запасецъ наличнаго капитала въ серебряной и золотой монетѣ и кредитныхъ билетахъ. Денежки свои хранилъ онъ всегда при себѣ, не довѣряя ихъ, по своей неразвитости, банкамъ и другимъ кредитнымъ учрежденіямъ.

— Какъ денежки при себѣ въ сундучкѣ лежатъ, такъ и спится покойнѣе, говаривалъ Желуденко.

Какимъ путемъ сбилъ себѣ Желуденко капиталецъ, доходившій по молвѣ до кругленькой цифры 4000, никто, навѣрно, не зналъ; но общее мнѣніе относило составленіе этого капитальца къ тому времени, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Желуденко, бывши сельскимъ старшиною въ богатой волости вѣдомства государственныхъ имуществъ, бралъ съ праваго и съ виноватаго, съ живаго и мертваго и безъ денегъ не дѣлалъ, въ чью либо пользу, ни шагу. Къ тому же завѣдывалъ онъ отдачею въ аренду кое-какихъ оброчныхъ статей, отъ которыхъ, на его долю, также перепадала, иногда, немалая толика. Желуденко, отдыхая на лаврахъ, безъ службы, жилъ себѣ припѣваючи. Хата у него лучше всѣхъ другихъ хатъ въ деревнѣ, скотины вдоволь, да не какой нибудь ледащей, а такой, что любо посмотрѣть. Самъ онъ не работалъ, а только

приказывалъ своимъ батракамъ, которые у него были годовые. Ѣлъ, пилъ хорошо, съ самоварчикомъ не разставался, и даже научился курить сигарки. Жена Желуденки не отставала отъ мужа. Одѣвалась чисто, не по бабьи, а по шляхетному: носила на ногахъ ботинки, а на головѣ чепцы съ цвѣтами. По праздникамъ, отправляясь въ храмъ Божій, надѣвала на руки фильдекосовыя перчатки, и меньше гривенника никогда не клала дьячьку, обходившему съ тарелкой по церкви. Однимъ словомъ, жили они себѣ припѣваючи и горя не знали.

Но вотъ однажды, въ глухую зимнюю полночь, стряхнулась надъ ними бѣда и бѣда немаловажная. Какъ на грѣхъ, работниковъ въ ту ночь дома не было: всѣ они съ вечера уѣхали верстъ за тридцать въ пустошь за сѣномъ, а дома оставались только Желуденко, жена его, двое малолѣтокъ, да одна работница. Слышатъ они ночью стукъ въ окно. Дрогнуло, у проснувшагося Желуденки, дурнымъ предчуствіемъ сердце: не за добрымъ дѣломъ появился въ глухую темную полночь незваный и нежданный гость! Застоналъ бѣдный Желуденко, вспомнивши о своей казнѣ, слышитъ и дверь въ сѣни уже трещитъ. Вотъ что-то съ шумомъ упало, въ сѣняхъ слышны уже шаги и шопотъ. Бросился Желуденко къ двери, что выходитъ въ сѣни, хотѣлъ было приперетъ ее какъ нибудь, да ужъ поздно: чья-то могучая рука такъ сильно толкнула ее внутрь хаты, что Желуденку чуть не сшибло съ ногъ.

— Караулъ! разбойники!.. успѣлъ только крикнуть онъ, увидавъ передъ собой троихъ мущинъ въ маскахъ съ ножами и пистолетами.

Желуденко, моментально былъ связанъ по рукамъ и ногамъ, и съ заткнутымъ, какою-то тряпкою, ртомъ, положенъ на землю съ угрозою, при первой попыткѣ крикнуть или освободиться, быть зарѣзаннымъ. Таже участь постигла и жену его и работницу, только малолѣтнія дѣти были пощажены. Впрочемъ они и не просыпались. Между тѣмъ, въ хату во-

шло еще двое разбойниковъ, голоса же остальныхъ двухъ, бывшихъ на караулѣ, раздавались съ наружи хаты, у дверей и у оконъ.

— Деньги давай! Всѣ, что есть, отдавай, не то смерть тебѣ неминучая!—послышались голоса разбойниковъ, когда они перевязали уже Желуденку, его жену и работницу, и стали приступать съ пытками къ своимъ жертвамъ. Ко лбу Желуденки приставили они заряженный пистолетъ со взведеннымъ куркомъ, и остріемъ ножа стали водить по шеѣ женѣ его; зажженой лучиной начали жечь ноги, а работницу, продернувши колъ, промежъ связанныхъ рукъ и ногъ, подняли на воздухъ. Все это было, конечно, дѣломъ нѣсколькихъ мгновеній, въ промежутокъ которыхъ несчастныя жертвы, отъ страха, испуга и боли, не могли еще придти въ себя, а тѣмъ болѣе указать грабителямъ, гдѣ находились деньги. Впрочемъ, въ этомъ указаніи, не предстояло и надобности, потому что одинъ изъ участниковъ грабежа, при самомъ же началѣ пытокъ, обрѣлъ подъ кроватью Желуденки завѣтный сундукъ.

— Есть, ребята!.. Топоръ сюда!.. Кидайте ихъ къ чорту, да мѣшки подавать! крикнулъ онъ своимъ товарищамъ.

Мигомъ явился топоръ и закипѣла работа. Сундукъ былъ взломанъ: богатая казна Желуденки сдѣлалась достояніемъ грабителей. Охапками и пригоршнями, посыпались въ мѣшки золотыя и серебрянныя монеты и разнаго достоинства депозитки. Въ нѣсколько мгновеній вся казна Желуденки перешла къ грабителямъ; еще мгновеніе — они вышли изъ хаты и скрылись, только лишь вѣтеръ уныло завывалъ въ трубѣ, провожая непрошеныхъ гостей. Минутъ десять прошло, пока Желуденко пришелъ совсѣмъ въ себя. Еле-еле распутался онъ и сталъ кричать. Распутавъ же и работницу, онъ бросился къ сѣнной двери, чтобы выбѣжать на улицу, но дверь съ наружи оказалась припертою. Онъ вернулся въ хату, да какъ увидалъ взломанный сундукъ свой, такъ тутъ и грохнулся около него. А гра-

бители были уже далеко. Лихая тройка уносила ихъ въ невѣдомую, покамѣстъ, для насъ мѣстность и даль.

Послѣ первыхъ тягостныхъ впечатлѣній и ощущеній, Желуденко началъ, наконецъ, дѣйствовать: выбилъ окно, вылѣзъ на улицу и, крикомъ своимъ, поднялъ всю деревню. Сбѣжался народъ, сдѣлалалась суматоха, бросились въ погоню, но никого не поймали. Ястввенные слѣды тройки, довели преслѣдователей проселкомъ до большой дороги, а тамъ слѣды были уже спутаны вправо и влѣво:—поѣзжай куда хочешь, только время уже прошло, надежды на поимку мало, и вернулись преслѣдователи назадъ, въ тихомолку подумывая, что не расчетъ за чужимъ добромъ, черезъ мѣру свою скотину гонять. Желуденко, какъ бывшій старшина, не пользовался расположеніемъ своихъ односельцевъ, изъ которыхъ многіе считали свои рубли въ его кассѣ, и въ душѣ радовались, что, неправильно нажитыя имъ деньги чужимъ добромъ, въ прокъ ему не пошли. «Легко ему денежки пришли, легко и отъ него ушли,»—слышалось на другое утро между его односельцами крестьянами.

Я пріѣхалъ на слѣдствіе по этому грабежу на другой день. Желуденко и жена его встрѣтили меня какъ помѣшанные. Я едва могъ добиться отъ нихъ отвѣтовъ, на предложенные мною вопросы. Они были совершенно растерялись, не знали, что предпринять, кого подозрѣвать, и голосили на всѣ лады, причитая о своихъ денежкахъ, какъ о покойникѣ. Только работница ихъ сообщила мнѣ нѣсколько положительныхъ свѣдѣній, а именно: что грабителей было семеро, что всѣ они были въ маскахъ, по голосу ей незнакомые, и что мѣшки на деньги и топоръ, которымъ ломали сундукъ, они привезли съ собою. Топоръ былъ позабытъ ими на мѣстѣ грабежа, и я пріобщилъ его къ дѣлу. На деревянномъ топорищѣ оказался штемпель, ближайшей къ мѣсту происшествія, станціи Н—ской желѣзной дороги. Этотъ штемпель въ начальномъ положеніи дѣла, и составилъ исходную точку, предварительныхъ моихъ, по дѣлу, розысковъ и разслѣдованій.

Другихъ путей, которыми было бы можно обнаружить грабителей, у меня въ то время въ виду не имѣлось.

Взявъ съ собою заштемпелеванный топоръ, я немедленно отправился на станцію, которой онъ принадлежалъ и приступилъ тамъ къ дознаніямъ. Оказалось, что топоръ, дѣйствительно, четыре года тому назадъ принадлежалъ станціи и былъ выданъ для работъ рабочему, по прозванію Микеркѣ; но онъ какъ то съ работы скрылся, оставивъ на станціи свой видъ, и забравъ съ собою топоръ. Изъ предъявленнаго мнѣ вида, я узналъ, что Микеринъ по имени Антонъ, старообрядецъ П—ской губерніи, уѣзднаго города С—къ. Паспортъ, на гербовой бумагѣ, былъ выданъ отъ имени С—кой городской думы. Въ этомъ паспортѣ обратила на себя мое вниманіе маленькая несообразность: подписи двухъ разныхъ лицъ были чрезвычайно между собою сходны по почерку, и, кромѣ того, оттиснутая на паспортѣ печать была не городской думы, а какого то волостнаго правленія. Обстоятельства эти, въ связи со внезапнымъ изчезновеніемъ Микерки и оставленіемъ своего вида, естественно возбуждали сомнѣніе въ дѣйствительности паспорта, а потому я отправилъ его, для повѣрки, по мѣсту его выдачи, а самъ продолжалъ слѣдствіе дальше.

Нѣтъ ничего хуже, въ дѣятельности слѣдователя, того положенія, когда по дѣлу серьезному и его интересующему, онъ, по неимѣнію какихъ-либо данныхъ, становится въ тупикъ относительно того, что и какъ предпринять для раскрытія обстоятельствъ дѣла и обнаруженія истины. По дѣлу Желуденки, я былъ именно въ подобномъ положеніи: ограбленные ни на кого подозрѣнія не заявили, фактовъ, путемъ которыхъ можно было бы, по крайней мѣрѣ, дать дѣлу какой нибудь ходъ, не было, а между тѣмъ, преступленіе, по свойству своему и обстановкѣ, было чрезвычайно важно, и смѣло по исполненію. Это послѣднее обстоятельство, болѣе чѣмъ что либо, возбуждало во мнѣ непреодолимое желаніе, непремѣнно, во чтобы то ни стало, обнаружить грабителей.

За неимѣніемъ никакихъ къ тому вспомогательныхъ фактовъ, пришлось обратиться къ догадкамъ и предположеніямъ. Я такъ и сдѣлалъ.

Прежде всего, я обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что если не всѣ грабители, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ были изъ числа окрестныхъ жителей, знавшихъ про достаточное состояніе Желуденки, и которымъ была болѣе или менѣе извѣстна и мѣстность, гдѣ онъ жилъ и обстановка его житья-бытья. Въ послѣднемъ случаѣ обратила на себя мое вниманіе та случайность, конечно, со стороны грабителей, заранѣе предусмотрѣнная, что они пріѣхали къ Желуденкѣ въ ту именно ночь, когда батраковъ его не было дома.

Въ участкѣ моемъ было нѣсколько селеній, населенныхъ исключительно раскольниками. Не смотря на свое достаточное состояніе, они не брезгали, при удобномъ случаѣ, кого нибудь хорошенько обобрать или ограбить, и потому вообще молва про нихъ была очень не хороша, въ особенности славилась въ этомъ отношеніи деревня Зуевка, расположенная въ чрезвычайно глухой мѣстности. Окруженная лѣсами, болотами и оврагами, она представляла всѣ средства для укрывательства разнымъ подозрительнымъ личностямъ. Зуевка въ общественномъ мнѣніи извѣстна была, какъ притонъ всѣхъ мошенниковъ, бродягъ и бѣглыхъ. Люди послѣднихъ двухъ разрядовъ, находили себѣ въ Зуевкѣ пріютъ и полное убѣжище у проживавшихъ тамъ старообрядцевъ, которые въ подобныхъ поступкахъ, по свойству своего вѣроученія, видѣли спасеніе для своихъ душъ. Полагаясь единственно на авось и на возможность задержать въ Зуевкѣ какую нибудь подозрительную личность, я рѣшился сдѣлать въ ней самый тщательный обыскъ, для чего и пригласилъ къ себѣ въ помощь полицію, и, по ходатайству своему, для обложенія всей деревни, получилъ въ свое распоряженіе часть роты квартировавшаго въ той мѣстности полка. Предстояло обдумать, какъ бы удачнѣе сдѣлать предполагаемый обыскъ,

дабы онъ не окончился однимъ пуфомъ. Я заранѣе составилъ общій планъ дѣйствій, и рѣшился отправиться на обыскъ ночью, что, въ данномъ случаѣ, представляло гораздо болѣе шансовъ на успѣхъ, потому что ночью вся моя компанія могла бы придти въ деревню незамѣченною, да къ тому же ночью недобрые люди любятъ отдохнуть и дать себѣ покой,—если только они не участвуютъ въ какой нибудь артистической вылазкѣ.

Ночь была темная, когда я, чуть не съ цѣлымъ отрядомъ, отправился въ Зуевку. Солдаты ушли раньше и ожидали моего прибытія въ ближайшемъ лѣсу. Зуевка, отъ уѣзднаго города гдѣ я жилъ, отстояла не болѣе какъ въ 8 верстахъ, а потому не болѣе, какъ въ часъ времени я доѣхалъ туда. Остановившись въ лѣсу, гдѣ были солдаты, я оставилъ тамъ своихъ лошадей и затѣмъ всѣ вмѣстѣ отправились въ деревню пѣшкомъ. Зуевка, состоявшая всего только изъ 8 дворовъ, была легко окружена тѣмъ количествомъ солдатъ, которое было при мнѣ, для того, чтобы никого не пропустить черезъ цѣпь; да къ тому же въ помощь имъ были призваны понятые изъ ближайшихъ окрестныхъ деревень. Самъ я, съ чиновникомъ полиціи и достаточнымъ числомъ понятыхъ, вошелъ въ середину деревни. Суматоха, неизбѣжная отъ ходьбы и разговоровъ людей, окружавшихъ деревню, подняла на ноги всю собачью деревенскую семью, и въ мигъ, изъ-за угловъ хатъ, кое-гдѣ стали показываться фигуры людей, тотчасъ же изчезавшія внутръ домовъ. Зажженные фонари, бывшіе у понятыхъ, и большая масса людей въ деревнѣ и кругомъ ея, разомъ уяснили зуевскимъ жителямъ, что недобрые гости пришли къ нимъ искать гостепріимства. Минуты въ три не болѣе во всѣхъ окнахъ свѣтились уже огоньки, и все населеніе было на ногахъ. Нѣсколько домохозяевъ направились ко мнѣ, и, съ непріятнымъ видомъ, увидавъ слѣдователя и становаго, слегка поклонились.

— Что это, ваше благородье, началъ одинъ изъ нихъ, с неудовольствіемъ обращаясь ко мнѣ: ночью такой перепугъ

намъ сдѣлали? Слава тѣ, Господи, мы не разбойники какіе: коли како дѣло есть, такъ можно Божьимъ свѣтомъ, днемъ пріѣхать, а не ночью! Такое нападенье и не слыхано нигдѣ. Вотъ, моя баба съ перепугу, до сихъ поръ, съ печи слѣзть не можетъ. Мы жалиться будемъ.

— Жалуйтесь, жалуйтесь сколько вамъ угодно, отвѣчалъ я: а пока соберите-ка ко мнѣ всѣхъ своихъ хозяевъ, тогда мы съ вами и поговоримъ и я объявлю вамъ за какимъ дѣломъ я къ вамъ...

Не успѣлъ я договорить послѣднихъ словъ, какъ вдругъ вдали, мелькнулъ, гдѣ то между сараями, огонекъ, и вслѣдъ за тѣмъ послышались крики нѣсколькихъ голосовъ: «держи!.. лови; — гляди, — берегись: онъ съ пистоновкой! *) хватай: уйдетъ!..» и слышно было какъ по задворкамъ, по хрупкому снѣгу, бѣжалъ человѣкъ, а за нимъ гнались другіе.

Я мигомъ бросился по направленію на крикъ голосовъ, но не успѣлъ пробѣжать еще и 10 саженей, какъ увидалъ четверыхъ солдатъ, крѣпко державшихъ какого-то рослаго молодца. Они вели его ко мнѣ, но онъ упирался и старался высвободиться. Я приказалъ связать его и сдать приставу. Изъ словъ солдатъ, я узналъ, что пойманный, выбѣжавъ изъ крайняго на концѣ деревни, сарая, пытался было прорвать цѣпь ихъ и уйдти въ лѣсъ, но былъ ими схваченъ, при чемъ, бывшій у него въ рукахъ пистолетъ куда то бросилъ, вѣроятно въ снѣгъ. По словамъ солдатъ, въ сарай тотъ, за минуту передъ выбѣгомъ оттуда пойманнаго ими человѣка, прошла съ фонаремъ какая-то женщина, но какая именно и куда она дѣвалась—того они не видали. Пойманный и связанный неизвѣстный человѣкъ молчалъ, и ни на одинъ изъ предложенныхъ ему мною вопросовъ не отвѣтилъ. Это было, впрочемъ, понятно. Чтобы выпутаться изъ столь неожиданно приспѣвшей бѣды и не впутать какъ нибудь своихъ благодѣтелей, у которыхъ онъ имѣлъ пріютъ, ему слѣдовало, въ виду

*) Пистоновка по мѣстному нарѣчію пистолетъ.

предстоящаго допроса, крайне осторожно обдумать свое положеніе. Поимка одного молодчика, какъ бы послужила окончаніемъ недоговоренныхъ мною словъ, къ подошедшимъ было ко мнѣ крестьянамъ, которые, при первомъ крикѣ: держи! лови! неизвѣстно куда разбѣжались. Скоро собрались ко мнѣ всѣ домохозяева. Я объявилъ имъ, что цѣль моего пріѣзда есть производство у нихъ въ деревнѣ обысковъ, для обнаруженія злонамѣренныхъ и подозрительныхъ личностей, при чемъ и указалъ имъ на задержаннаго уже человѣка, спросивъ ихъ кто онъ такой и у кого передерживался?

— А чортъ его, прости Богъ, знаетъ, откуда такой взялся, отвѣтилъ одинъ изъ стоявшихъ впереди! У насъ такого на деревнѣ не было видать. Не было видать, не было... повторилъ онъ нѣсколько разъ, осматривая, какъ бы съ изумленіемъ, пойманнаго, а тотъ какъ истуканъ стоялъ, не издавая ни единаго звука и опустивъ глаза въ землю.

— Да и то сказать, отозвался ко мнѣ другой хозяинъ: сараи то да гумна стоятъ у насъ на задворкахъ, замковъ, по бѣдности, почесть ни у кого нѣтъ, а ночи-то нонѣ велики: такъ развѣ усмотришь, чтобъ тамъ какой дьяволъ на ночь не залѣзъ? Нешто мало ихъ по свѣту, а не у однихъ насъ таскается?

Забравъ съ собою всѣхъ хозяевъ и понятыхъ, я приступилъ къ обыску отъ конца деревни, не пропуская ни одного строенія, ни одного мѣста, гдѣ бы могъ спрятаться человѣкъ; но нигдѣ никого не оказывалось. Прежде же всего, я приступилъ, конечно, къ осмотру того сарая, изъ котораго выбѣжалъ, задержанный солдатами, человѣкъ.

Сарай былъ наполненъ сѣномъ. На правой сторонѣ сарая, въ углу, на сѣнѣ, обнаружилось человѣческое логовище. Отпечатки туловища и ногъ были видны совершенно ясно. Логовище было покрыто какимъ то старымъ армякомъ; тутъ же, на сѣнѣ, лежалъ кожухъ, въ головахъ была подушка, а подъ подушкой кисетъ изъ разныхъ ситцевыхъ тряпочекъ съ простымъ табакомъ и нѣсколькими мѣдными монетами. Кромѣ того, въ тряпочкѣ оказалось пороху заряда на три

и нѣсколько пистоновъ. Въ головахъ логовища, въ углу, стоялъ прислоненный къ стѣнкѣ, сдѣланный съ рукояткою, дубовый, увѣсистый колъ, а въ одно изъ бревенъ стѣны былъ воткнутъ большой обоюдоострый ножъ.

Обстановка логовища, наглядно указывала, что здѣсь скрывался не какой нибудь мелкій воришка, а отчаянный и на все готовый злодѣй. Я велѣлъ раскидать изъ-подъ логовища все сѣно и не напрасно. На глубинѣ аршина, въ сѣнѣ найденъ платокъ съ завернутыми въ немъ слѣдующими бумагами: паспортъ на имя купеческаго сына города С—ни, Федора Блинова, записная книжка и листъ чистой бумаги, на которомъ были написаны чьи то примѣты. Кромѣ того въ платкѣ были спрятаны, завернутыя въ газетную бумагу, три серебрянныхъ рубля, нѣсколько мелкихъ серебрянныхъ монетъ, одинъ полуимперіалъ и одна иностранная золотая монета. Присутствіе въ логовищѣ звонкой монеты внушило мнѣ мысль, что задержанный человѣкъ, выбѣжавшій именно изъ того сарая, по всей вѣроятности, есть одинъ изъ участниковъ въ ограбленіи Желуденки.

На спросъ мой, кто хозяинъ сарая,—я получилъ отвѣтъ, что хозяина нѣтъ, что онъ уже умеръ, а есть его жена, хозяйка. И вслѣдъ затѣмъ ко мнѣ вышла изъ толпы молодая, щеголевато-одѣтая, женщина, лѣтъ 25 не больше.

— Это вашъ сарай? спросилъ я её.

— Мой, отвѣчала она совершенно спокойно.

— Какой же это человѣкъ былъ у васъ въ сараѣ?

— Никакого я человѣка не знаю и у меня не было. А что тутъ ложавину нашли, такъ я тому не виновата—отвѣчала смѣло староверка: сарай у меня не запирается, безъ замка, такъ всякій можетъ залѣзть. Можетъ какой бродяга и спалъ тутъ, а я про то неизвѣстна.

— А подушка эта, кожухъ и армякъ не ваши? обратился я къ ней съ вопросомъ, указывая на вещи, найденныя въ логовищѣ.

— Тулупъ и армякъ мои, не мои точно, а моего мужа,

что лѣтось умеръ, такъ я ихъ, чтобъ въ хатѣ не лежали, вынесла въ сарай да и повѣсила тамъ на гвоздю: анъ вотъ доброму человѣку—провалъ его возьми—и пригодились, и староверка усмѣхнулась, довольная своею остротою.

— Ну, а подушка-то чья? вновь спросилъ я ее.

Староверка сильно смутилась и это смущеніе не ускользнуло отъ моихъ глазъ. Однако же, оправившись, она смѣло отвѣчала, что подушка не ея и чья—ей неизвѣстно.

— Армякъ и тулупъ, равно какъ подушка и все найденное въ логовищѣ взято было къ дѣлу, и затѣмъ я отправился въ домъ староверки, чтобы произвести у ней обыскъ.

Елизавета Гусева такъ звали староверку—молодая вдова, на видъ, лѣтъ 25, не болѣе, была красивая, статная женщина. Одѣвалась она чисто, даже щеголевато, имѣла одного только сына, мальчика лѣтъ 7, который, судя по его шустрымъ пріемамъ, казался большимъ разумникомъ, посвященнымъ уже во многія сокровенныя тайны зуевскаго міра. Звали его Левой. При входѣ моемъ въ хату вмѣстѣ съ понятыми, Лева всталъ съ лавки, очень развязно поклонился, и сбилъ пальцами нагаръ съ лучины. Гусева показывала видъ, что она совершенно спокойна и не опасается предстоящаго обыска, но не трудно было замѣтить, что это спокойствіе было напускное. При самомъ началѣ обыска, я, прежде всего, обратилъ вниманіе на то, что Гусева всячески старалась отвлечь мое вниманіе отъ своей постели, и потому, безъ требованія еще моего, только что я вошелъ, она сейчасъ же подала мнѣ ключи отъ сундуковъ и предложила ихъ обыскивать. Много въ сундукахъ ея оказалось разнаго добра, но денегъ, которыя я думалъ найдти, не было. При видѣ вынимавшихся изъ сундуковъ сарафановъ, платковъ, шугаевъ, рубахъ, изъ коихъ многія были очень дорогія и изъ богатаго матеріала, а главное еще почти не ношенныя,—понятые изумлялись достатку Гусевой, тѣмъ болѣе, что всѣ знали каковъ былъ мужъ ея, умершій годъ тому назадъ. Пьянство разорило его въ прахъ, довело до гроба, и оставило жену съ ребенкомъ чуть чуть не на краю

голодной смерти. Но спустя немного времени послѣ смерти мужа, Гусева стала поправляться, и не прошло еще и года, какъ она, по отзыву зуевскихъ старовѣрокъ, стала одѣваться краше всѣхъ. Невѣдомый покровитель и благотворитель явился на выручку къ молодой вдовѣ, и зажила Елизавета безъ горя, припѣваючи. Но, если этотъ невѣдомецъ былъ неизвѣстенъ внѣ предѣловъ деревни Зуевки, за то мѣстные обитатели его очень хорошо знали. Онъ былъ никто другой, какъ тотъ самый молодецъ, который теперь, со скрученными ногами, и руками, находился подъ надзоромъ сотскихъ; а женщина въ моментъ его выбѣга изъ сарая, проскользнувшая было туда съ фонаремъ, чтобы разбудить милаго дружка и предостеречь отъ опасности, была Елизавета. По окончаніи обыска въ сундукахъ, я направился къ завѣтной постели. Елизавета поблѣднѣла, да и было отъ чего. Во первыхъ, одна изъ подушекъ по величинѣ, работѣ, цвѣту верхней и нижней наволочекъ, оказалась совершенно сходною съ подушкою, отысканною въ сараѣ; во вторыхъ, подъ пуховикомъ изъ перьевъ, въ саломѣ, отысканы были обрѣзки разныхъ цвѣтныхъ тряпочекъ тѣхъ самыхъ колеровъ, изъ которыхъ сшитъ былъ кисетъ, найденный въ томъ же сараѣ; въ третьихъ, подъ постелью, въ заднемъ углу, найдены были небрежно заброшенными, въ пыли: отличные триковые брюки, жилетъ и сюртукъ, рубашка голландскаго полотна, съ кровянымъ и желтовато-грязнымъ пятномъ на лѣвомъ плечѣ, и сапоги, которыми не побрезговалъ бы любой щоголь.

Первыми вытащены были брюки, но когда понятой, достававшій ихъ, не пожелалъ больше лѣзть туда, по случаю пыли и грязи, бывшей подъ постелью, а предложилъ слазить за остальнымъ добромъ самой Елизаветѣ, то она молча отъ того отказалась и еще болѣе поблѣднѣла. Читатель можетъ быть предполагаетъ уже по поводу кроваваго пятна на отысканной рубашкѣ, и найденнаго мужскаго костюма, что подъ кроватью лежала какая-нибудь убитая жертва,—ничуть не бывало. Ничего кроваваго подъ кроватью не было, а про-

сто Елизавета избѣгала случая нагнуться, чтобъ, грѣшнымъ дѣломъ, голова не пришлась бы ниже туловища—что неминуемо должно бы было случиться при путешествіи подъ постель. Я тѣмъ рѣшительнѣе приставалъ къ Елизаветѣ, чтобы она сама лѣзла за вещами подъ кровать, что видѣлъ къ тому со стороны ея сильное упорство и нежеланіе. Она положительно отказывалась, такъ что я потребовалъ отъ нея объясненія причины подобнаго отказа. Елизавета приняла скромно сконфуженный видъ и, потупивъ глаза, какъ бы отъ стыдливости, проговорила:

— Не приходится говорить мнѣ, вашему благородію, потому стыдно, что безъ мужа... беременна я... и нельзя мнѣ нагибаться.

Отводъ былъ придуманъ ловко. Но тѣмъ не менѣе я ей не повѣрилъ, потому что она не представляла, по виду, признаковъ такой степени беременности, въ которой подобное наклоненіе могло бы принести вредъ женщинѣ, привыкшей въ своемъ быту къ болѣе или менѣе труднымъ работамъ. Причину отказа ея надо искать въ чемъ либо другомъ, и, по внушенію слѣдовательскаго инстинкта, подошедши къ ней, я предложилъ, чтобы она сняла съ головы платокъ, разстегнула на груди свою рубашку, и отпустила перехватъ на сарафанѣ, которымъ была сильно стянута. Елизавета окончательно струсила, но и тутъ думала еще отдѣлаться.

— И, что вы, молодой баринъ, какъ вамъ не стыдно съ бабами то такъ обращаться, кабы я какая барышня, ну такъ не дивья молодому господину, а то, вижъ, баба.—проговорила она, придавая моимъ словамъ шуточный оборотъ, и сопровождая свои слова ужимочками и ухватками самаго кокетливаго свойства, на сколько способность кокетства далась Елизаветѣ, какъ всякой женщинѣ.

— Шутки свои брось въ сторону, а дѣлай, что тебѣ говорятъ, строго возразилъ я ей. Не успѣла она еще опомниться, какъ поясъ на ея сарафанѣ, завязанный сзади, былъ моментально распущенъ однимъ изъ понятыхъ, и вслѣдъ за

тѣмъ, изъ подъ рубашки Елизаветы, на полъ покатились золотыя и серебрянныя монеты. Она стояла пораженная какъ громомъ и ничего не говорила. Понятые, не менѣе ея самой удивленные неожиданностью сюрприза, бросились однако подбирать деньги, а Лева поднялъ ревъ.

— Что ты теперь скажешь? обратился я къ Гусевой.

— Теперича, значитъ, родила золотомъ да серебромъ, съострилъ одинъ изъ понятыхъ.

— Научи Елизавета и мою бабу этакимъ манеромъ деньги рожать—трунилъ другой.

— Откуда у тебя эти деньги? вновь обратился я къ Гусевой, не получивши отвѣта на первый вопросъ.

— Откуда?! Моѣ да и все тутъ, отвѣчала она уже дерзко и безъ всякаго стыда.

— Зачѣмъ же ты ихъ за рубашку попрятала, спросилъ я ее, думая озадачить подобнымъ вопросомъ.

— Затѣмъ, что боялась, чтобъ вы не забрали, потому слыхала, что вы всю нашу деревню трусите *) да денегъ такихъ ищете, а у меня были свои, думаю надо спрятать, а то заберутъ. Вотъ и спрятала. А деньги моѣ, хоть сейчасъ Богу душу отдавать, моѣ, и никому ихъ не отдамъ, на деньгахъ клейма нѣтъ, на то царская монета, чтобъ всякъ ею пользовался.

— Откуда же ты взяла столько денегъ, и сколько именно было ихъ у тебя? спросилъ я Елизавету.

Было всего восемьдесятъ три рубля и тридцать пять коп. золотомъ и серебромъ, а откуда взяла—заработала, и моѣ, одно слово—моѣ и моѣ, хоть мою душу сейчасъ вымайте, моѣ деньги, съ настойчивостью твердила Елизавета.

— Какими же ты путями тако богатство могла заработать, когда отъ мужа тебѣ ничего, окромя трухлявой хаты не осталось? обратился къ ней одинъ изъ понятыхъ съ вопросомъ.

*) Трусите—по мѣстному нарѣчію значитъ обыскиваете.

— Не тронь ее, она съ панами знакомство водитъ: вишъ подъ постелью то одежу нашли, ну такъ отъ пановъ и богатство наживаетъ, перебилъ другой понятой.

— Молода да хороша, такъ вотъ и деньги есть,—съ цинизмомъ проговорила Елизавета, и захохотала. Кого не любить, лишь бы деньги,—добавила она.

Столь грубая и вульгарная выходка совершенно не гармонировали съ личностью Елизаветы, довольно привлекательною. Она говорила правду: молодости и красоты отъ нея нельзя было отнять.

Собранныя съ полу деньги, въ золотой и серебрянной монетѣ, были сосчитаны, и ихъ оказалось именно столько, сколько говорила Елизавета, но не смотря на то, а также на требованія ея о возвратѣ денегъ онѣ были мною заарестованы.

Продолжая уяснять обстоятельства обыска я потребовалъ отъ Елизаветы указанія, кому принадлежитъ найденная у ней подъ постелью одежда.

— Одежа моя,—отвѣчала она, нисколько не смущаясь. Намедни была въ городѣ и купила все на базарѣ у какого-то еврея, благо, думаю, дешево, перешью да передѣлаю своему Левкѣ, такъ и будетъ носить. А сапоги себѣ купила: по осени за водой по грязи ходить. Покупать велѣно всякому, что угодно:—на то базаръ, запрету нѣтъ. А я могу хоть каждый день куплять, что мнѣ нужно, добавила Елизавета, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— А скажи пожалуйста, отчего же твоя подушка совершенно схожа съ подушкою, которую я нашелъ въ сараѣ, и которую ты не признаешь за свою?—спросилъ я Елизавету.

— Не токма что вещь на вещь, а и человѣкъ до человѣка часомъ бываетъ подобенъ: а развѣ по лавкамъ да по купцамъ мало одинакого товара?—Одинъ купилъ и другой купилъ, вотъ и сходно. А какъ же, примѣрно, я могу до чужаго добра признаваться: что мое то мое, а что не мое, того мнѣ

не нужно отвѣчала она, довольная логичностью своихъ построеній.

Я думалъ было, разсчитывая на совершенное сходство двухъ подушекъ предъявить ихъ разомъ Елизаветѣ, чтобы она опознала именно свою, но оставилъ это предположеніе въ сторонѣ, потому что верхная наволочка на подушкѣ, взятой въ сараѣ, была совершенно грязная, а потому Елизаветѣ не трудно было бы указать безошибочно на свою чистую подушку.

— Если ты отысканную у тебя одежду купила для того, чтобы сшить изъ нея платье своему сыну, то зачѣмъ же ты бросила ее въ такое грязное мѣсто, тогда какъ ее можно бы было повѣсить гдѣ нибудь въ хорошемъ мѣстѣ, или спрятать въ сундукъ?—спросилъ я Елизавету.

На этотъ вопросъ она не знала что отвѣчать.

— Куда не спрятала все одно, до того никому дѣла нѣтъ: свое я вольна хоть сжечь, а не то что подъ кровать бросить,— со злостью ворчала она.

На вопросъ, отчего въ сараѣ найденъ кисетъ изъ такихъ точно тряпокъ, какія найдены были у нея въ постели, въ соломѣ, Елизавета мнѣ никакого отвѣта не дала и упорно молчала. Я обыскалъ всю ея хату въ подробности, не оставилъ и ея Леву, у котораго тоже развязывалъ поясъ и смотрѣлъ за рубашку, но нигдѣ ничего болѣе не оказалось. На томъ я и окончилъ въ Зуевкѣ обыскъ, и отправился домой, забравъ съ собою доспѣхи: связаннаго молодца, во все время пребыванія моего въ Зуевкѣ упорно молчавшаго, армякъ, тулубъ, кисетъ и другія вещи, найденныя въ сараѣ, одежду и сапоги, а также подушку и тряпки Гусевой; деньги въ золотой и серебрянной монетѣ, найденные какъ у Гусевой, такъ и въ сараѣ, взяты были мною также...

Данныя, обнаруженныя обыскомъ, несомнѣнно указывали на знакомство Гусевой съ заарестованнымъ человѣкомъ, а деньги въ золотой и серебрянной монетѣ, отысканныя при весьма сомнительной обстановкѣ, на третій

день послѣ ограбленія Желуденки, естественно могли родить мысль, что за пазуху Гусевой онѣ попали не иначе, какъ чрезъ посредство чьихъ нибудь рукъ изъ сундука Желуденки. Елизавета Гусева еще тѣмъ навлекала на себя сильное сомнѣніе по сношенію съ разными подозрительными личностями, что жила одна, имѣя при себѣ только своего малолѣтняго сына.

По прибытіи въ городъ, я немедленно приступилъ къ допросу заарестованнаго въ Зуевкѣ человѣка. Но прежде чѣмъ знакомить читателя съ сущностью его показаній, я опишу его личность. Онъ былъ высокаго роста, статнаго, здороваго сложенія, съ чрезвычайно красивымъ, умнымъ и выразительнымъ лицомъ. Небольшіе усы и борода нѣсколько старили его лице, и давали ему на видъ лѣтъ около 35. Онъ былъ въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ его задержали въ Зуевкѣ, т. е. въ высокихъ сапогахъ, простыхъ триковыхъ штанахъ, такой же жилеткѣ и сѣраго сукна поддевкѣ. Лѣвымъ глазомъ онъ какъ то особенно мигалъ, а на мизинцѣ правой руки у него не доставало крайняго сустава.

Допросъ начался обыкновенными вопросами: кто онъ такой, какъ его звать, откуда онъ родомъ и пр. Зачѣмъ попалъ въ Зуевку и для чего уходилъ?

— Зовутъ меня Петръ, а по прозванію Подплетневой. Сколько мнѣ годовъ не знаю, потому у себя на крестинахъ не былъ, а по чину я шляющій—по своему, а по вашему значитъ я—бродяга.

— Какъ тебя звать по отцу? спросилъ я его.

— Не знаю, да и знать то не велѣно, потому родился я безъ отца, безъ матери отъ прохожаго молодца. Матушка моя гулять пошла, да меня подъ заборикомъ нашла, ей за то отъ Бога вышло спасенье, а меня на Божій свѣтъ пустила въ обученье. Добрымъ то людямъ я скоро надоѣлъ, а за то теперича вотъ дулю съѣлъ,—отвѣчалъ мнѣ рифмами Подплетневой.

— Что бы это была за личность? думалъ я, глядя на

улыбающагося рифмоплета, и рѣшилъ, что онъ вѣроятно изъ бывалыхъ.

— Кто тебѣ далъ фамилію Подплетневой, спросилъ я его и гдѣ ты записанъ по ревизіи или по правамъ состоянія?

— Фамилію я себѣ самъ далъ, потому подъ плетнемъ народился, и, по благости Господней, живу себѣ вольною птицей. А ревизіи у насъ никакой нѣтъ, окромя, что у Бога на счету состоимъ—отвѣчалъ Подплетневой. Тонъ и смыслъ его отвѣтовъ, явно указывалъ, что онъ, отдѣлываясь шуточками, просто надо мною смѣялся и старался отвлечь мое вниманіе отъ сущности дѣла. Я сдѣлалъ ему маленькое внушеніе и предложилъ отвѣчать на вопросы безъ прибаутокъ.

— Какого ты званія? спросилъ я его.

— Изъ бродягъ, отрывисто отвѣтилъ онъ.

— А какой ты вѣры?

— Московской.

— Такой вѣры нѣтъ. Есть вѣра Православная, Лютеранская, Католическая, а московской вѣры нѣтъ — говорю я ему.

— Какъ нѣтъ? Я вѣры Московской и до другой никакой приставать не желаю,—настойчиво отвѣчаетъ бродяга.

— Для какой ты надобности былъ въ сараѣ, изъ котораго выбѣжалъ, передъ тѣмъ какъ тебя поймали, спрашиваю я его:—и тебѣ ли принадлежатъ, взятыя тамъ вещи и деньги?

— Для такой надобности въ сараѣ былъ, что тамъ ночевалъ; а зашелъ туда самъ собой, увидавши, что сарай отворенъ. День-то цѣлый таскался, а вечеромъ пришелъ къ этой деревнѣ, думаю: нужно согрѣться, да и залѣзъ на сѣно, потому боязно проситься въ хату къ кому ночевать. Нашъ братъ бродяга, что звѣрь лихой: должонъ отъ человѣка уходить, а не идти на него—отвѣчалъ бродяга.

Послѣ того Подплетневому послѣдовательно предлагаются вопросы о томъ, гдѣ онъ послѣднее время пребывалъ, у кого

проживалъ, чѣмъ занимался, и почему себя считаетъ бродягою? На всѣ эти вопросы онъ отвѣчалъ очень уклончиво: что шлялся гдѣ ни попало, «куда Богъ да вѣтеръ принесутъ, тамъ я и есть.» Проживаніе имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ и у разныхъ людей, а у какихъ не знаетъ, а бродягой себя считаетъ потому, что и самъ не знаетъ какой онъ есть «и изъ какого онъ, примѣрно, положенія произошелъ.»

— Вѣдь это невѣроятно, чтобы ты про себя ничего не помнилъ: откуда ты родомъ, съ какихъ поръ сталъ шляться, а главное—откуда ты въ первый разъ вышелъ, изъ какой деревни или города? Этого нельзя не помнить, потому что ты уже не малолѣтній—обратился я къ Подплетневому.

— Откуда же мнѣ знать, коли я ничего не помню, потому у меня отъ моей жизни голова очинно слаба стала, и коли бы меня спросить, что я вчера дѣлалъ, такъ я и не помню.

Подплетневой путался, не зналъ какъ вывернуться изъ крайне непріятныхъ для него вопросовъ, и очевидно вралъ. Ни видъ его, очень приличный, ни манера въ отвѣтѣ не изобличали въ немъ полудикаго бродягу, какимъ онъ себя желалъ выставить, конечно съ цѣлію скрыть свое званіе и свои похожденія.

— Скажи мнѣ: ты женатъ или нѣтъ, и не знаешь ли грамотѣ, да не бывалъ ли ты когда прежде въ нашихъ краяхъ? спросилъ я его.

— Откуда бродягѣ быть женатымъ. Этого въ нашемъ положеніи не позволяется. А вотъ коли гдѣ въ лѣсу повстрѣчался со своею сестрою бродягою, такъ и поженился, отвѣтилъ со смѣхомъ Подплетневой. А примѣрно на счетъ грамоты вы спрашиваете, а на кой мнѣ, прости Господь небесный—чортъ грамота эта далась. Не знаю я грамотѣ, и здѣсь никогда не бывалъ, вчера въ первый разъ пришелъ въ тую деревню, откуда меня забрали, а больше никогда въ этихъ мѣстахъ не былъ.

— А ты не знакомъ съ той женщиной, которой принадлежитъ сарай, гдѣ ты ночевалъ? спрашиваю я Петра

Подплетневаго, и замѣчаю какъ при моемъ вопросѣ лице его принимаетъ хитровато-лукавый видъ.

— А почему бы мнѣ съ ней знакомости заводить,—какое мнѣ до нее дѣло. Что въ сараѣ-то ейномъ отдохнуть пришлось, такъ мнѣ что? чей бы сарай ни былъ мнѣ все равно: которой отворенъ да по теплѣе—тотъ и мой, отвѣчаетъ Петръ, а самъ такъ и пронизываетъ меня своими ястребиными глазами, стараясь разгадать руководящія мною мысли.

— Скажи пожалуйста мнѣ, Петръ Подплетневой, обращаюсь я къ нему: для какой надобности ты имѣлъ при себѣ пистолетъ, который бросилъ въ то время, когда солдаты тебя ловили?

— Никакого я пистолета не бросалъ, и не было его у меня. На что мнѣ пистолетъ, когда я и палить то не умѣю, а на случай звѣря, завсегда при себѣ я палку держалъ, отвѣчаетъ онъ.

— Вотъ эту? говорю я ему, указывая на дубинку, взятую въ логовищѣ.

— Да вотъ эту самую, — утверждаетъ онъ.

— Значитъ и ножъ твой, что около палки былъ воткнутъ? продолжаю я, указывая на ножъ.

— Нѣтъ, ножъ не мой. На что мнѣ ножъ? Коли гдѣ удачно хлѣба удастся украсть, такъ и безъ ножа уберу, отвѣчаетъ онъ, усмѣхаясь.

— А армякъ, кожухъ и подушка твои? спрашиваю я его, показывая на вещи.

— Нѣтъ не мои, отрывисто отвѣчаетъ Петръ.

— Отчего это ты лѣвымъ глазомъ такъ мигаешь? неожиданно перемѣняю я разговоръ.

— Отъ того, что въ добрую ночку, глазъ ему, видно, гдѣ нибудь полѣномъ пришибли—вмѣшивается одинъ изъ постороннихъ свидѣтелей, бывшихъ при допросѣ Петра.

Свидѣтелю надоѣло уже слушать вранье бродяги, и онъ хоть словами вымѣщаетъ на немъ свою досаду.

— Худые нонѣ порядки, добавляетъ свидѣтель. Кабы по

прежнему то: далъ бы ему становой по спинѣ, такъ сказалъ бы сразу, откуль явился, а то, вишь господинъ въ бродяжье званіе записался! Что его дарма спрашивать-то, ваше благородіе. Извѣстно, все, что нашли—его да этой Гусихи. По всему видно, что у нихъ суюзство есть: одинъ воруетъ да грабитъ, а другая принимаетъ. Какъ теперь можетъ быть, чтобы въ мой сарай чужой человѣкъ, безъ моего вѣдома, влѣзъ. Одно слово: болтовство-то ихъ надоѣло ужъ слушать. Много ужъ этихъ мошенниковъ-то по свѣту развелось, скоро изъ-за нихъ честнымъ людямъ и жить нельзя будетъ.

При этихъ словахъ свидѣтеля, Петръ огрызается и между ними затѣвается перебранка.

— Ну да ладно, ладно, успокоиваетъ его другой свидѣтель. Лучше говори отъ чего у тебя и въ заправду глазъ то мигаетъ?

— А оттого мигаетъ, что мигаетъ, вотъ и все. Какимъ Господь создалъ, такой я и есть, съ дерзостью отвѣчаетъ Подплетневой, раздосадованный словами свидѣтеля.

— А почему у тебя на пальцѣ сустава нѣтъ? спрашиваю я Петра.

— Потому, какъ было мнѣ двадцать годовъ, такъ рубаючи дрова отрубилъ, отвѣчалъ онъ.

— Какъ же ты могъ отрубить мизинецъ на правой рукѣ? Если дрова кто рубитъ, такъ рубитъ или обѣими руками или правой—значитъ ты могъ бы ранить себѣ лѣвую руку, а не правую. А если допустить, что ты лѣвша и рубилъ дрова лѣвою рукою, то и тогда на правой рукѣ скорѣе могъ бы отрубить другіе пальцы, а не мизинецъ,—возразилъ я Петру.

Онъ колеблется, не зная, что отвѣчать. Но озадаченный тѣмъ, что отвѣтилъ точно неосмотрительно, онъ, однакоже, утверждаетъ свои слова.

— Вольно вамъ думать, что угодно, только невольно меня сбивать. Я какъ говорю—такъ и было: мизинецъ топоромъ отрубилъ дрова рубачи,—отвѣчаетъ онъ.

— Ну хорошо, я объ этомъ не спорю, можетъ быть

это и такъ,—говорю я. А вотъ скажи-ка ты мнѣ, гдѣ ты дрова то рубилъ и у кого, и ужъ вѣрно тебѣ палецъ-то кто нибудь да лечилъ. не самъ же зажилъ онъ? обращаюсь я къ Петру.

Вновь неудача изъ-за необдуманности отвѣта. Какъ отвѣтить, гдѣ рубилъ дрова, когда выдаешь себя за никого и ничего непомнящаго бродягу?

Подплетневой на минуту задумался, но потомъ очень бойко отвѣтилъ:

— Себѣ рубилъ дрова въ лѣсу, чтобъ согрѣться, и топоръ нашелъ тамъ же, въ лѣсу: видно какой мужикъ потерялъ. Палецъ самъ зажилъ: нашелъ я такую траву, жевалъ да прикладывалъ и затянуло.

— Что тебѣ былъ за поводъ, спрашиваю я его вновь: начать бродяжество съ малыхъ лѣтъ? Вѣдь это совершенно невѣроятно. Невѣроятно и то, чтобъ ты не помнилъ у кого провелъ свое дѣтство: вѣдь ты же помнишь, что себѣ палецъ отрубилъ и потомъ къ нему траву прикладывалъ?

— Про палецъ какъ не помнить: больно было, такъ и помню, а больше ни о чемъ не помню, и гдѣ я росъ не знаю. А бродяжить пошелъ съ сиротства: извѣстно всякъ гоняетъ, никому не жалко.

— Сирота ты чистая, язвительно замѣтилъ одинъ изъ свидѣтелей: да еще не простая, а московская. Сироты и все по лѣсамъ съ ножами, да съ дубьемъ ходятъ, чужія души спасаючи. Избави Богъ отъ такихъ сиротъ!

Подплетневой вралъ такъ нагло, и главное такъ глупо и даже безсмысленно, что мнѣ надоѣло даже и распрашивать его; но, ради формальности, слѣдовало его еще спросить объ одеждѣ, найденной въ хатѣ Елизаветы, сапогахъ, кисетѣ съ табакомъ и деньгами, порохѣ, пистонахъ, бумагахъ и деньгахъ въ золотой и серебрянной монетахъ, найденныхъ въ сараѣ и жильѣ Елизаветы. Отъ принадлежности всего этого, Подплетневой отказался рѣшительно. За-

тѣмъ на послѣдній вопросъ: не участвовалъ-ли онъ въ ограбленіи крестьянина Желуденки, Петръ, какъ бы съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и потомъ отвѣтилъ:

— Какого Желуденки? Никакого я, ваше благородіе, Желуденки не знаю и не грабилъ. И, Богъ знаетъ, откуль на меня такая напасть берется?! Ложась и вставаючи, молюсь Богу, кабъ избавилъ отъ лихой напасти, отвѣтилъ Подплетневой и глубоко вздохнулъ самымъ смиреннымъ вздохомъ.

— Одно слово: сирота! язвительно заключилъ свидѣтель.

Допросъ былъ оконченъ. Затѣмъ Подплетневому было предложено одѣться въ сапоги и костюмъ, отысканный подъ постелью Елизаветы, на что онъ сначала ни за что не соглашался, но наконецъ, съ величайшими кривляньями и какъ бы съ неумѣньемъ, одѣлся и преобразился въ настоящаго джентльмена. Костюмъ пришелся ему какъ разъ въ пору. Когда Подплетневой одѣвался, то я замѣтилъ на находившейся на немъ рубашкѣ, противу лѣваго плеча, кровяныя пятна, и, сличивъ его рубашку съ тою, которую я нашелъ подъ постелью Елизаветы, убѣдился, что какъ на той, такъ и на другой, пятна были на одномъ мѣстѣ и одинаковаго свойства. На соотвѣтствующемъ мѣстѣ плеча бродяги оказалась, сочившаяся кровяная ранка. Сдѣлалось несомнѣннымъ, что рубашка, найденная подъ кроватью, принадлежала Подплетневому, и ему же принадлежалъ и весь костюмъ, отысканный тамъ же, такъ какъ надѣтымъ на Петра онъ оказался совершенно по немъ и сидѣлъ гладко. Подплетневой во все время этой процедуры глупо улыбался и не проронилъ ни слова.

Я объявилъ ему постановленіе свое объ отправленіи его въ острогъ. Герой мой и глазкомъ не моргнулъ.

— Кому тюрьма, а мнѣ домъ: благодаримъ покорно! отозвался онъ ко мнѣ, и вслѣдъ за тѣмъ былъ уведенъ.

Я приступилъ къ осмотру, найденныхъ мною въ логовищѣ бумагъ. Паспортъ былъ на имя купеческаго сына Федора Блинова изъ с—ской городской думы. Печать на пас-

портѣ трудно было разобрать, потому что она была наложена копотью и смарана, очевидно не случайно, а нарочно, въ чемъ убѣждали явственные слѣды твердаго давленія и мазанья пальцемъ. Почеркъ, которымъ писанъ былъ паспортъ совершенно походилъ на почеркъ паспорта Микерки. Относительно этого послѣдняго паспорта, полученныя мною справки, удостовѣрили подложность его, такъ какъ личность Микерки была вымышленная. Тоже оказалось и относительно паспорта на имя Блинова.

Примѣты, описанныя въ этомъ паспортѣ, не исключая и особыхъ примѣтъ: миганія глазомъ и отрубленнаго мизинца, были совершенно сходны съ примѣтами Подплетневаго. Сходство почерковъ на обоихъ паспортахъ, внушило мнѣ мысль предъявить Подплетневаго на станцію желѣзной дороги, и это предъявленіе рѣшило его участь. Всѣ служащіе на станціи и знававшіе Микерку, по первомъ же взглядѣ на Подплетневого убѣдились, что онъ-то и есть самый Микерка и уличали его въ томъ въ глаза самымъ настойчивымъ образомъ, но Подплетневой упирался. Тогда одинъ изъ рабочихъ на станціи, вышедши впередъ, объявилъ желаніе уличить Микерку.

— Не ты Микерка? обратился онъ къ Подплетневому.

— Извѣстно не я, какой я Микерка? я Подплетневымъ прозываюсь.

— А хочешь, уличу, горячился рабочій. Спина моя не забыла братъ твоихъ лапъ, говорилъ онъ со злобою.

— Вотъ какое дѣло было, обратился ко мнѣ рабочій: этотъ, что себя Плетневымъ то называетъ, настоящій какъ есть Микерка, что у насъ служилъ да по ложному паспорту, и настоящее то его имя не такое, а я и то знаю, все скажу, и онъ злобно взглянулъ на бродягу, котораго начинало бить какъ въ лихорадкѣ. Жилъ этотъ Микерка, продолжалъ рабочій у насъ на станціи полъ-года, и былъ я съ нимъ въ одной артели. Ну, извѣстно, другъ передъ другомъ скрыту не имѣли: и разсказалъ онъ мнѣ, что онъ бѣглый съ

арестантской роты, что звать его Трофимъ, а по фамиліи Курень, что судился онъ за коней, да съ арестанскихъ ротъ ушолъ. Какъ ушолъ, такъ долго шлялся, а потомъ раздобылъ себѣ паспортъ на имя Микерки. Гдѣ раздобылъ не сказывалъ, а съ паспортомъ тѣмъ пришелъ къ намъ. «Довольно, говоритъ, гулять, нужно поработать.» Ну и точно, тихо жилъ, нечего сказать, работалъ смирно, да разъ со мною заспорилъ. Сидѣли это мы на линіи, машину ожидали, чтобъ прошла, а онъ и говоритъ: «Если, примѣрно, на рельсу мѣдный пятакъ положить — занятно, что съ имъ будетъ, какъ машина перейдетъ, раздавитъ его али нѣтъ?» и хотѣлъ класть, а я говорю: «Не клади, кабы бѣды не было.» Онъ все свое: «Положу да положу.» Я не давать. А машина ужъ идетъ, Осерчалъ онъ, что не далъ я ему пятака положить, да какъ машина то прошла, онъ и давай меня: и по головѣ, и по спинѣ, и почему попало. Злой такой сдѣлался, а мнѣ противъ него не справиться, билъ онъ меня, билъ мочи моей нѣтъ. Принаровился я да какъ тукну его каблукомъ своимъ по ногѣ, по пальцамъ то, онъ только застоналъ, бросилъ меня, да сряду сапогъ то и снялъ,—анъ съ двухъ пальцевъ ногти я ему сбилъ, потому каблуки то у меня на ту пору съ оковкой были. Какъ закричитъ: «Убью тебя!» такъ въ дрожь меня и взяло. Думаю, такой человѣкъ, что ему! Говоритъ, что въ арестантскихъ ротахъ за коней былъ, а можетъ и душу чью сгубилъ? Давай я отъ него уходить да и кричу, что начальству про все объявлю, и объявилъ тогда свому начальнику да не знаю сдѣлалъ ли онъ какую объявку али нѣтъ. А Микерка съ тоей самой поры, какъ шелъ съ работы съ топоромъ, такъ и пропалъ и не видали мы его, да вотъ теперь, Господь судилъ: свидѣлись. Что, можетъ неправда Микерка, а? обратился рабочій къ Подплетневому.

— Врешь ты все, сволочь! Тебя и убить то мало, за твой поганый языкъ! съ остервененіемъ произнесъ бродяга.

— Не боюсь, братъ, теперь я тебя-то. А вотъ, ваше

благородіе, лучше ноги то у него посмотрите: можетъ и теперь знаки на ногтяхъ есть, обратился ко мнѣ рабочій.

Я приказалъ Подплетневому разуться. Два пальца правой ноги точно были у него безъ ногтей. Не оставалось никакого сомнѣнія, что Подплетневой былъ именно Микерка.

Съ этихъ поръ и я буду уже называть его не тѣмъ прозвищемъ, которое онъ себѣ придумалъ, а Микеркою.

Микерка злобно улыбнулся, и, не знаю ужъ вслѣдствіе какихъ побужденій, вдругъ заплакалъ самымъ жалостнымъ образомъ. Какія были то слезы? Слезы ли досады, слезы ли отчаянія, или боязни обнаруженія какихъ нибудь скрываемыхъ имъ похожденій,—опредѣлить было трудно; но только онѣ составляли какую то несообразную дисгармонію съ злобнымъ выраженіемъ его суроваго вида.

Я попробовалъ было побудить его убѣжденіями сознаться, но онъ продолжалъ отрицать показанія всѣхъ уличавшихъ его станціонныхъ служителей и рабочихъ и остался при своемъ, что онъ не Микерка, а Петръ Подплетневой—бродяга.

Извѣстіе о заарестованіи въ Зуевкѣ Микерки дошло скоро до Желуденки, такъ какъ деревня, гдѣ онъ жилъ, отъ Зуевки была на разстояніи не болѣе 8 верстъ. Желуденко явился ко мнѣ съ женой.

— Слыхалъ я, что, ваше высокоблагородіе, одного грабителя моего поймали и деньги нашли, отозвался Желуденко. Такъ вотъ пришли провѣдать: можетъ по моему дѣлу и оказывается что?

— Деньги точно нашлись, но только не много: думаю я, что это изъ числа заграбленныхъ у васъ, но навѣрное не знаю,—отвѣчалъ я имъ. Желуденковы просили показать имъ деньги. Я позвалъ постороннихъ свидѣтелей для присутствованія при предъявленіи.

— Скажите мнѣ какія нибудь примѣты украденныхъ у васъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, обратился я къ Желуденковымъ, не показывая имъ денегъ.

Желуденковы начали исчислять возможныя примѣты.

— У меня было нѣсколько червонцевъ съ пробитыми дырками, на нѣкоторыхъ серебряныхъ рубляхъ была отъ сырости зеленая накись, да вотъ было три нѣмецкихъ золотыхъ, купилъ я ихъ у одного помѣщика: вотъ по тѣмъ, такъ и примѣты могу хорошо разсказать. И Желуденко принялся во всей подробности описывать примѣты бывшихъ у него трехъ иностранныхъ золотыхъ монетъ.

Я вынулъ деньги, взятыя въ логовищѣ и у Елизаветы. Въ числѣ первыхъ денегъ оказалась иностранная золотая монета, совершенно тождественная съ описанными Желуденкою примѣтами, а въ числѣ денегъ, найденныхъ и забранныхъ у Елизаветы, на одномъ серебряномъ рублѣ оказалась зелень, и два золотыхъ были съ пробитыми дырками.

— Мои деньги, мои!—чуть не заревѣлъ обрадовавшійся Желуденко и точно нельзя было сомнѣваться въ томъ, что деньги были изъ числа заграбленныхъ у него. Онъ получилъ ихъ на сохраненіе до окончанія дѣла. Радости его не было конца. Передъ нимъ мелькала возможность открытія всей шайки его ограбившей, и отысканія, если не всей похищенной у него суммы, то по крайней мѣрѣ части ея.

Такъ какъ лица, ограбившіе его, были всѣ въ маскахъ, то предъявлять Микерку Желуденковымъ, для опознанія, надобности не представлялось. Но Желуденковы объявили, что работница ихъ можетъ признать грабителей по голосу, и просили вызвать ее и предъявить ей Микерку. Одежду грабителей ни Желуденковы, ни работница ихъ не упомнили, по случаю страшнаго перепуга, истязаній и переполоха.

Для улики Микерки въ грабежѣ не слѣдовало пренебрегать никакими средствами, а потому, вызвавъ работницу Желуденковыхъ, я повелъ ее въ острогъ, въ ту камеру, гдѣ въ числѣ 20 другихъ арестантовъ содержался и грабитель. Для узнанія его, я предоставилъ ей поговорить съ каждымъ

изъ арестантовъ, а самъ наблюдалъ, чтобы они не измѣняли своихъ голосовъ.

Работница, молодая дѣвушка, крайне сконфузилась среди непривычной для нея среды, и отъ множества глазъ, обращенныхъ на нее съ нахальствомъ и дерзостью, не знала какимъ образомъ и объ чемъ говорить съ арестантами. Я ее выручилъ, начавъ послѣдовательный разговоръ съ каждымъ изъ арестованныхъ. Дѣвушка со вниманіемъ вслушивалась въ интонацію каждаго голоса, и когда Микерка на первый мой вопросъ далъ отвѣтъ, то она съ какимъ то судорожнымъ движеніемъ, указавъ на него, проговорила дрожащимъ голосомъ: «Вотъ этотъ былъ, ей Богу, баринъ, былъ: онъ самый, что, меня вязалъ и на полу подымалъ, онъ, онъ!» и отъ волненія она заплакала. Грабитель поднялъ было такую руготню и крики, что для усмиренія его нужно было призвать конвой. Но тѣмъ не менѣе личность его, какъ участника грабежа, была вполнѣ и безусловно доказана.

— Какое это слѣдствіе, когда дѣвчонку научили можеть, чтобъ она на меня показывала?—заговорилъ онъ по выходѣ нашемъ изъ камеры. Мы эти штуки знаемъ, такъ не будетъ, я и слѣдователю приберу мѣсто. Невидавши въ лицо, уличаетъ: на полу вишь ее поднималъ!.. Чтобъ тебѣ, сволочь, разомъ и съ слѣдователемъ то, и взаправду, на полу потягали бы! Ну, не я буду.... И съ пѣной у рта замолкъ разъярившійся Микерка, подъ впечатлѣніемъ внезапно мелькнувшей у него мысли.

«Дѣло плохо, уличатъ до конца пропадешь».—думалъ онъ— и рѣшился бѣжать. Удастся ли ему это намѣреніе, или нѣтъ—увидимъ дальше, а теперь займемся разсматриваніемъ записной книжечки и листа съ примѣтами, найденными вмѣстѣ съ паспортомъ въ логовищѣ Елизаветинскаго сарая, гдѣ обрѣтался нашъ знакомецъ Подплетневой, онъ-же Микерка.

Запасная книжечка состояла всего изъ нѣсколькихъ грязныхъ замасленныхъ листковъ. На первой страничкѣ этой книжечки стояло: «Сія книжка Трахимова.» На второй бы-

ли замѣтки: «Лизаветѣ пашпортъ у Гусла взять, деньги отдала.» «На Боковой улицѣ, домъ Суднова, спросить старовѣра Дормидонта.» На послѣдующихъ были замѣтки не касавшіяся дѣла ни какой стороной, а на послѣдней было написано: «Ни забыть на раздѣлу, что за Потапомъ моехъ 15 рублей», а въ самомъ низу страницы: «по примѣтамъ записать, что двухъ зубовъ спереди нѣтъ.» На листѣ чистой бумаги были примѣты женщины, совершенно подходившія къ примѣтамъ Елизаветы Гусевой.

Вникая въ смыслъ и загадочность означенныхъ выписокъ, я пришелъ вотъ къ какимъ заключеніямъ. Надпись на первомъ листкѣ книжки явно указывала, что она принадлежала какому-то Трофиму. Очевидно, что это былъ Трофимъ Курень, обнаруженный рабочимъ на желѣзной дорогѣ въ лицѣ Подплетневаго, короче Подплетневой или Микерка по подложнымъ именамъ былъ въ настоящемъ его имени Трофимъ Курень. Въ книжечкѣ упоминалось о Лизаветѣ, которой слѣдовало взять паспортъ у Гусла. По обстоятельствамъ дѣла, связь и сношеніе Микерки съ Елизаветою Гусевою были несомнѣнны. Запись въ книжечкѣ наводила на мысль, что Елизаветѣ изъ какихъ-нибудь видовъ требовалось отлучиться изъ Зуевки, да и отлучиться такъ, чтобъ ее потомъ нельзя было бы розыскать. Микерка, дважды достававшій уже себѣ подложные паспорты, вѣроятно предположилъ достать видъ и Елизаветѣ, къ которой его привязывали отношенія по профессіи мошенничества и сокрытія покраденнаго, а можетъ быть и отношенія болѣе невиннаго, сердечнаго свойства. По этому пункту нужно было обнаружить личность фабраканта подложныхъ паспортовъ, Гусла, а по слѣдующей замѣткѣ, не менѣе интересной, надо было узнать профессію Дормидона, и отношенія его къ Микеркѣ. Наконецъ въ замѣткѣ о какихъ то 15 рубляхъ говорилось о неизвѣстномъ Потапѣ и раздѣлѣ. Личность Потапа была также довольно загадочна по свойству сдѣланной на него замѣткѣ о раздѣлѣ. Послѣдняя замѣтка указывала на примѣты также

кого-нибудь изъ товарищей Микерки по ремеслу, которому заботливость послѣдняго, при хлопотахъо п аспортѣ, должна была включить въ примѣты отсутствіе двухъ нижнихъ зубовъ.

Какъ ни шатки были подобныя мои предположенія, но, по свойству замѣтокъ, въ связи съ обстоятельствами дѣла, слѣдовало допустить полную ихъ возможность. Главное, нужно было обнаружить личности Дормидона, Гусла и Потапа. Адресъ перваго былъ извѣстенъ, и относился къ ближайшему губернскому городу Т—кѣ, гдѣ и слѣдовало искать Дормидона. Но такъ какъ привлекать его къ дѣлу въ качествѣ виновнаго, по недостатку еще къ тому данныхъ, не представлялось основанія, то я и сообщилъ въ мѣстную полицію о томъ, чтобы секретно было дознано, чѣмъ занимается этотъ Дормидонъ. Не посѣщаютъ ли его какія-нибудь подозрительныя личности и какія именно? Такъ какъ дѣйствительное имя Микерки мнѣ также было уже извѣстно, равно извѣстно было изъ показанія рабочаго и то, что онъ бѣжалъ откуда то изъ арестантскихъ ротъ, то о немъ произведена была публикація. Розыскивать Гусла и Потапа до времени не представлялось никакой возможности, по неизвѣстности, что это за люди и гдѣ они живутъ.

На третій день послѣ того, когда дана была въ тюрьмѣ очная ставка Микеркѣ съ работницею Желуденки, смотритель острога чуть свѣтъ утромъ прибѣжалъ ко мнѣ.

— Бродяга Подплетневой ушелъ чрезъ печную трубу ночью, и слѣдъ его простылъ, съ тревогой объявилъ онъ мнѣ. Вотъ бѣды надѣлалъ! Что теперь мнѣ дѣлать?—убивался смотритель, блѣдный какъ полотно.

— Что жъ дѣлать, примите мѣры, чтобъ его непремѣнно поймать, говорю я, стараясь сдерживать свою досаду. Изъ цѣлой шайки, думаю себѣ, одного едва поймалъ, уличилъ, и того упустили. Досада да и только!

Микерка совершилъ побѣгъ такимъ образомъ: ночью влѣзъ въ печку, поднялся по трубѣ на верхъ, спустился на

крышу, а съ крыши по водосточной трубѣ вдоль стѣны внизъ. На снѣгу видны были и слѣды его прямо за городъ, къ лѣсу. Благо онъ попалъ въ родную и привычную обстановку, а тамъ ужъ онъ обдумается, куда ему дернуть. На это онъ мастеръ.

Сутокъ трое его искали вездѣ по окрестностямъ, но конечно не нашли. Недѣлю цѣлую дѣлались секретныя наблюденія, не появится ли онъ у Елизаветы Гусевой, но онъ видно чуялъ наблюденія, и не являлся. Такъ, до времени, и изчезъ онъ со сцены.

Теперь перенесемъ картину нашихъ наблюденій въ губернскій городъ Т—ну. На одной изъ уединенныхъ улицъ города, ближе къ предмѣстьямъ, во дворѣ большаго дома, въ заднемъ углу, въ полуразрушенномъ почти деревянномъ флигелѣ, свѣтится тусклый огонекъ въ двухъ окнахъ небольшой комнаты. Комната эта принадлежитъ къ квартирѣ, нанимаемой мѣщаниномъ изъ старообрядцевъ, Дормидономъ Пушкаревымъ. Въ данную минуту Пушкаревъ сидитъ не одинъ, а съ цѣлой компаніей, съ которою необходимо познакомить читателя, потому что лица эти все будущіе герои нашего разсказа. Начнемъ съ хозяина.

Дормидонъ Пушкаревъ человѣкъ уже немолодыхъ лѣтъ, на пятый десятокъ лѣтъ ему перевалило. Онъ живетъ вдвоемъ съ женой, которую называетъ бабой. Казалось бы имъ довольно было и одной комнатки, но у Дормидова ихъ цѣлыхъ три. Двѣ комнаты предназначены имъ для посѣтителей, въ которыхъ у него недостатка никогда не бываетъ. Что это за посѣтители никто кромѣ Дормидона не знаетъ, но не понутру они бываютъ хозяину дома, который не могъ не замѣтить, что Дормидонъ ведетъ не совсѣмъ честныя дѣла. По домовой книгѣ значится, что Дормидонъ занимается извозомъ, и у него точно есть тройка добрыхъ коней, но въ извозъ онъ ѣздитъ очень рѣдко, да и то больше по ночамъ. Куда онъ ѣздитъ—неизвѣстно, только къ утру какъ вернется, такъ лошади всегда бываютъ въ мылѣ; да и народъ то къ Дорми-

дону все ходитъ какой-то подозрительный, больше все по вечерамъ, иногда сидятъ у него далеко за полночь, а иногда вмѣстѣ съ Дормидономъ и уѣзжаютъ куда-то.

Утромъ описываемаго мною дня, хозяинъ дома, гдѣ жилъ Дормидонъ, вытребованъ былъ въ полицію, и отъ него потребованы свѣдѣнія о его жильцѣ староверѣ: чѣмъ онъ занимается, да какую жизнь ведетъ? Хозяинъ былъ радъ случаю избавиться отъ сомнительнаго постояльца и разсказалъ про Дормидона все, что зналъ и что замѣчалъ.

Въ этотъ же вечеръ у Дормидона было четверо гостей. Всѣ четверо староверы и не старыхъ еще лѣтъ. Одному было около 30, другому не болѣе 35, а двумъ послѣднимъ по 25 лѣтъ. До наружности ихъ намъ мало дѣла, а звали ихъ такъ: Потапъ Рубецъ, Ларіонъ Гусловъ, Назаръ Гужовъ и Харитонъ Пучекъ. Всѣ они сидѣли въ угловой комнатѣ за столомъ и вели оживленный разговоръ. Дормидонова баба угощала ихъ чаемъ.

— А что про Трохима не слыхать, куда онъ чортовъ сынъ дѣлся, до сихъ поръ нейдетъ? — спросилъ Дормидонъ, потягивая изъ стакана чаекъ.

— Безпремѣнно говорилъ, что черезъ недѣлю будетъ, а вотъ и нѣтъ. Связался онъ тамъ съ зуевской молодухой, ну и вертится около нее, проговорилъ Пучекъ.

— Есть около чего и походить-то: молодуха-то важная, вмѣшался Гужовъ. Трошка, кажись, долю-то свою всю ей заобѣщалъ.

— Да онъ ужъ и такъ, еще дорогой-то когда уходили, взялъ съ собой на сотню рублей въ свою долю. «Нужно, говоритъ, полюбовницѣ кое что справить.» Послѣ, коло ейной деревни, и спрыгнулъ въ лѣсу съ саней — отозвался Дормидонъ, ставя допитый стаканъ на столъ и опрокидывая его къ верху дномъ.

— Я думалъ, что онъ на ту пору ноги себѣ сломаетъ, потому кони то какъ шарахнули, такъ онъ только на бокъ свалился. Ну, грѣшный человѣкъ, и подумалъ я: встанешь

ты не встанешь, а намъ за тобой не пропадать.» Анъ гляжу всталъ да сряду въ лѣсъ, проговорилъ Рубецъ.

— А знаетъ ли Трошка-то твою новую фатеру? спросилъ Гусловъ, обращаясь къ Дормидону. Вѣдь онъ здѣсь еще не былъ, али былъ?

— Нѣтъ, не былъ. Ну да я ему адресъ свой записалъ, отвѣтилъ Дормидонъ и потомъ, въ видѣ какъ бы предположенія добавилъ: боязно мнѣ, чтобъ не попалъ онъ кому въ лапы, да не выдалъ бы, — тогда пропадай голова!..

— Небось, не таковской. Онъ можетъ почище насъ всѣхъ. Слава тѣ Господи, коли съ арестантскихъ ушолъ, такъ на свободѣ справится, возразилъ Гусловъ. Вѣрно сидитъ тамъ около своей полюбовницы. Ужъ оченно онъ за ней убивается, все хочетъ ее куда-то оттоль увезти, сказывалъ, что переѣдетъ сюда, и будетъ съ ней жить здѣсь въ городѣ. Меня просилъ и билетъ ей раздобыть — два рубля далъ.

— На что жъ ей нашенской билетъ, прервалъ Гуслова Рубецъ, коли ей должны и такъ съ думы выдать настоящій пашпортъ?

— Та и бѣда, что настоящаго не даютъ. У ней на мужѣ то недоимка, да и парнишка ужъ въ ревизію попалъ, обчество-то отъ податей да недоимки виляетъ, да требуетъ съ нея, а она платить не хочетъ, отвѣтилъ Гусловъ. Недоимка-то большая, а денегъ на такую глупость жалѣетъ. У старшихъ-то просили пашпорта, такъ тѣ и нѣтъ. Заплати, говорятъ, недоимку да подати, такъ и ступай. Вотъ Трошка-то и упросилъ. Ну, и раздобылъ же я ей на всю Россейскую Имперію и примѣты выписаны всѣ подъ стать.

— Берегись ты, Ларіонъ, чтобъ тебѣ съ пашпортами-то не влопаться! За этакія-то дѣла нашего брата на Сибирь гоняютъ, — отозвался Дормидонъ.

— Кому незнакомому не далъ бы, а Трошкѣ не боюсь: вѣдь мы съ имъ ужъ скоро 5 годовъ знаемся, онъ все съ моими бумагами и гуляетъ. Я ему ужъ два билета сочинилъ, отвѣчаетъ Ларіонъ.

— А что Васьки Савраса еще нѣтъ? Должонъ и онъ вѣдь быть сегодня, обратился къ другимъ Харитонъ, все время сидѣвшій у окна и пристально смотрѣвшій на дворъ.

— Будетъ и онъ, отвѣчалъ успокоивающимъ голосомъ Дормидонъ. А знаете что, братцы, сказалъ онъ, обращаясь къ компаніи, коли сегодня Трошки да Васьки не будетъ, такъ мы подѣлъ и безъ нихъ кончимъ, а на ихную долю оставимъ.

— Извѣстно такъ, отозвались голоса. А то шутка ли, колько разъ должны за своимъ добромъ ходить! Не даромъ досталось — работали.

При этихъ словахъ, Дормидонова баба, бывшая на дворѣ, проворно вбѣжала въ комнату и объявила, что кто-то идетъ.

Харитонъ прильнулъ къ окну.

— Васька идетъ, объявилъ онъ: — легокъ на поминѣ.

— Одинъ, али вдвоемъ? обратился къ нему Дормидонъ.

Харитонъ не успѣлъ еще отвѣтить, какъ въ комнату вошелъ Васька Саврасъ, здоровый парень, лѣтъ 22 не больше.

— Вся кампанія въ сборѣ, только одного еще нѣтъ, да и не будетъ, объявилъ онъ громко. Слыхали, братцы, несчастье-то какое? Трошку поймали, сидитъ ужъ въ острогѣ, да и подѣломъ ему дураку.

— Гдѣ поймали, какъ? говори скорѣй, послышались нетерпѣливые голоса.

— Извѣстно, гдѣ! Около евойной королевы. Да и хитро придумали ловить-то, видно доносъ какой былъ. Наѣхалъ слѣдователь съ полиціей, да съ солдатами ночью, да Зуевку-то, гдѣ королева тая живетъ, и окружили. Одно слово, облаву какъ на звѣря сдѣлали, объяснялъ Васька Саврасъ. Ну, а онъ на ту пору и былъ притаившись въ сараѣ, да дернуло его оттуда уходить, извѣстно, думалъ уйдетъ, да не ушелъ: солдаты поймали. Взяли его совсѣмъ какъ есть: съ деньгами и съ бумагами. Да и королеву-то пощупали: у ей то почесть всѣ деньги забрали. Такъ то плохо дѣло! закончилъ Саврасъ и подошелъ къ печкѣ закурить трубку.

Дормидонъ и Гусловъ задумались.

— Да, можетъ ты брешешь! Откуль ты это знаешь? спросилъ Савраса Харитонъ.

— Тебѣ все откуль! отозвался Саврасъ. Былъ я сегодня здѣсь въ тюрьмѣ у брата, навѣщать ходилъ; такъ съ тоей тюрьмы етапъ пришелъ, арестанты и сказывали.

— Чтожъ сказывали то? обратились къ нему Дормидонъ и Рубецъ.

— Сказывали, что заперся онъ какого есть званія, а прозвался бродягой, да, слышь, на чугункѣ опознали его какіе то рабочіе, говорятъ, что онъ Микеркой прозывается, и паспортъ его съ чугунки то представили, объяснялъ Васька,—а другой билетъ при немъ нашли, оба и забрали. Теперь ужъ ему капутъ, не вылѣзетъ, два билета, да оба разные. Очень онъ убивается, да все жалѣетъ королеву свою. Бѣдовый этотъ Трошка, да баба то бѣдовѣе его. Сказываютъ, что онъ и прежной то заработокъ, что имѣлъ, весь на ее усадилъ. Окрутила она его полымемъ, али обошла какимъ путомъ, чортъ ее знаетъ!

Гусловъ, при послѣднихъ словахъ Савраса о томъ, что у Микерки взяты два билета, всталъ изъ-за стола и началъ опоясываться.

— Куда жъ ты? спросилъ его Дормидонъ. Вѣдь сейчасъ подѣлимся. Куда торопишься?

— Раздѣлъ мой оставьте у кого нибудь, да припрячьте, а мнѣ нужно скорѣе домой: Трошка влопался, билеты у него забрали, а билеты далъ я. Какъ дуракъ будетъ, да признается, такъ и меня сыщутъ, а лучше, по заранку, унеси ты Боже мою голову!

И съ этими словами, не попрощавшись даже съ товарищами, Гусловъ проворно скользнулъ на дворъ и былъ таковъ. Мѣсяцъ спустя послѣ того, предчувствія Гуслова точно сбылись. Случилась такая оказія, что онъ потребовался къ дѣлу, стали его искать, да искать, да и по днесь ищутъ: больно ужъ далеко куда то ушелъ онъ, и быть можетъ по

сю пору денежки себѣ фальшивыми паспортами зарабатываетъ, а на это онъ былъ мастеръ, зналъ грамоту и могъ на всѣ руки подписываться.

Съ Гусловымъ мы уже больше не встрѣтимся въ нашемъ разсказѣ. Онъ съ того вечера, какъ былъ у Дормидона, изчезъ безслѣдно для дѣла, для слѣдователя и для полиціи. Матушка Россія широка; вѣрно пріютила она его гдѣ нибудь въ одномъ изъ своихъ отдаленныхъ уголковъ, а Гусловъ нигдѣ ни пропадетъ. Онъ можетъ и паспорты выдавать, и купцомъ представиться, надуть кого тайкомъ, въ тихомолку, или просто, при случаѣ, на большой дорогѣ ограбить. Съ личностью его я ознакомился заочно, при дальнѣйшемъ слѣдствіи по дѣлу Желуденки и опишу ее читателю.

Настоящее его имя было точно Ларіонъ Гусловъ. Онъ изъ мѣщанскихъ дѣтей одной изъ внутреннихъ губерній Россіи. На 19 году отъ роду совершилъ онъ первый свой подвигъ. Изъ страсти къ кутежу, обокралъ онъ лавку своего роднаго отца, у котораго служилъ вмѣсто прикащика, и съ похищенными деньгами скрылся, но отецъ розыскалъ, наказалъ по своему, да еще и суду предалъ. Посидѣлъ онъ за воровство въ тюрьмѣ, и кое чему понаучился. А именно выучился у одного артиста какъ оттачивать камни да на нихъ ножикомъ да булавкой разныя печати вырѣзывать. По выходѣ изъ тюрьмы, сошелся онъ съ однимъ изъ товарищей по острогу, который предложилъ одно очень выгодное дѣло: подкараулить на большой дорогѣ какого то прикащика, который долженъ былъ ѣхать съ деньгами и отобрать ихъ у него. На всякій случай, припасли они съ собой тяжеловѣсный шкворень отъ повозки. Попытка имъ удалась. Прикащика, который ѣхалъ одинъ и вздумалъ было сопротивляться, они уложили шкворнемъ, да и спровадили трупъ подъ ледъ. Получивши въ свое распоряженіе денежки, имъ бы нужно скорѣе на утекъ, да жадность одолѣла, не захотѣлось бросать даромъ пары лошадей, и махнули они на нихъ куда то въ сторону, верстъ за 40 въ го-

родокъ, продавать ихъ. Какъ на грѣхъ попали они въ тотъ самый городъ, гдѣ жила какая то родственница убитаго. Увидала она лошадей и признала ихъ: сейчасъ въ полицію, а полиція за Ларіона и его товарища. Смотрятъ, а на саняхъ то кровь. Задержали, обыскали ихъ, деньги нашли и завязалось дѣло. Дошло до допросовъ, товарищи перетрусили и давай другъ на друга вину валить, да неудачно: обоихъ ихъ судъ обвинилъ и сослалъ въ Сибирь, на работы. Пробыли они тамъ два года, товарища Ларіона услали куда то въ другое мѣсто, а Ларіонъ въ одну темную ночку ушелъ, а уйдти ему было не трудно. Онъ зналъ грамоту и писалъ хорошо: научился какъ у отца своего прикащикомъ былъ—отцовское то ученье и послужило ему въ пользу. Начальникъ Ларіона, вмѣсто того, чтобъ его какъ слѣдовало на работы гонять, взялъ его къ себѣ въ писаря; ну, а писарю, извѣстно, и волю маленькую дали. Волей этой онъ и воспользовался. Избралъ онъ ночку потемнѣе и канулъ какъ въ воду. Ушедши, сталъ онъ бродить то тамъ, то сямъ: гдѣ бѣднякомъ прикинется, гдѣ странникомъ обернется, начнетъ чудеса Христовы разсказывать и плакать умиленно. А народъ то нашъ Россійскій странниковъ, что души спасаючи ходятъ, любитъ. Ларіона напоятъ, накормятъ, а гдѣ и въ ручку поцалуютъ, а онъ ничего: еще и благословеніе преподастъ. Такимъ то манеромъ и ходилъ Ларіонъ по Россіи года три, если не больше, и ходилъ съ билетомъ—самъ себѣ сдѣлалъ. Гдѣ побойчѣе народъ, спросятъ билетъ, онъ и покажетъ, билетъ какъ слѣдуетъ быть. Ну, всякъ и вѣритъ, да какъ и не вѣрить спасенному человѣку!

Разъ только стряхнулась надъ Ларіономъ такая бѣда. Попалъ онъ куда то въ Родительскую субботу на поминки, а въ такой день страннику людъ православный радъ болѣе, чѣмъ когда либо. Помолится странничекъ за умершихъ, научитъ и другихъ какъ молиться за покойниковъ, и при этомъ разскажетъ какъ души на престолѣ Божіемъ раздѣляются, и какъ, чрезъ Николая Угодника, можно тамъ сыскать себѣ

протекцію и т. д. Вотъ такимъ то манеромъ Ларіонъ и попалъ, говорю я, на поминанье и угостился какъ слѣдуетъ. Выпилъ онъ видно черезъ мѣру, да и давай непристойности, своему сану непригожія, дѣлать: въ плясъ пустился, дѣвокъ сталъ трогать и скоромныя рѣчи говорить, да и договорился до того, что заболтался. Не помнючи себя, про сибирское житье сталъ разсказывать, что жить тамъ не въ примѣръ хуже, чѣмъ странникомъ по бѣлу свѣту гулять. И наровитъ все въ хозяйской дочкѣ, тянетъ ее въ плясъ. Озлились поминальщики на него за такіе непотребныя дѣла, а пуще всего взяли въ думу себѣ его рѣчи про Сибирь. Да какъ поугомонился онъ тѣ и сдали его полиціи, а та, покуда судъ да дѣло, въ кутузку его запрятала. Проснулся ночью Ларіонъ, почуялъ, куда вѣтромъ его вернуло, и давай онъ работать, рукъ не жалѣючи. Подкопалъ подъ кутузкой, въ земляномъ полу, дыру, вылѣзъ на свѣтъ Божій, да и былъ таковъ.

Побродивши по свѣту, пришелъ наконецъ Ларіонъ въ Т—скую губернію. Тутъ ужъ странникомъ прикидываться было не къ чему: своего брата старовѣровъ сколько угодно, всякъ его у себя принимаетъ, пріютъ даетъ, накормитъ и напоитъ и спать тепло уложитъ. Знавалъ Ларіонъ и Зуевку. У тамошнихъ хозяевъ не разъ хлѣбъ соль водилъ, даже и Елизавету Гусеву зналъ; у ней и съ Трошкой познакомился. По знакомству то и паспортъ обѣщалъ Гусихѣ выправить на всю Россію, чтобъ не нужно было ей по поскуднымъ старшинамъ голову сгибать да кланяться. Черезъ Трошку познакомился онъ и съ Дормидономъ, а кто къ Дормидону въ знакомство попадетъ, такъ ужъ непремѣнно и всѣхъ его товарищей узнаетъ. Съ этими то товарищами да Дормидономъ въ головѣ, Ларіонъ ѣздилъ и въ Вѣнцы къ Желуденкѣ. Ларіонъ первый и сундукъ то нашелъ, онъ же и крышку ему ссадилъ, да не судьба была долю то свою получить у Дормидона. Куда вся страсть и къ денежкамъ пропала, какъ послышалъ Ларіонъ, что Трошку взяли да еще

не одного, а съ двумя паспортами его работы. И рѣшилъ онъ уходить, оставляя на авось полученіе въ будущемъ отъ Дормидона своей доли, изъ заграбленныхъ у Желуденки денегъ. Конечно, не подумалъ бы Ларіонъ такъ быстро утекать, если бы зналъ, что пріятель Трошки въ тотъ моментъ былъ уже вольною птицею, но къ несчастію эта радостная вѣсть была еще ему неизвѣстна, и изчезъ Ларіонъ со сцены на долго и неизвѣстно куда.

По уходѣ Ларіона, Дормидонъ предложилъ тотчасъ же приступить къ раздѣлу денегъ, заграбленныхъ ими сообща у Желуденки. День тотъ былъ назначенъ для раздѣла по общему уговору всѣхъ участниковъ грабежа, потому что каждый хотѣлъ присутствовать при дѣлежѣ, а раньше того времени не приходилось имъ собраться. Ларіонъ Гусловъ объявилъ, что онъ уходитъ и ушелъ; Трошку Куреня не ожидали, потому что Васька Саврасъ принесъ извѣстіе объ его арестѣ. А потому казну рѣшились съ согласія Дормидона дѣлить тотчасъ, выдѣливъ Гуслу и Куреню слѣдующія имъ части.

Для раздѣла суммы болѣе или менѣе значительной, слѣдовало обставиться какъ можно осторожнѣе, а потому Дормидонъ «ради всякаго случая» выслалъ за ворота свою бабу на караулъ. Самъ приподнялъ въ заднемъ углу комнаты двѣ половицы, сталъ на колѣни, засунулъ правую руку далеко подъ полъ, и потомъ съ большими усиліями вытянулъ оттуда мѣшокъ съ деньгами. Зазвенѣли серебрянныя и золотыя монеты, потираясь другъ объ дружку въ мѣшкѣ, когда Дормидонъ взвалилъ его на плечи, и крехтя подъ нимъ поднесъ къ столу. Среди общаго молчанія стукнулъ мѣшокъ съ деньгами объ столъ и дѣлежъ начался.

— Ради всякаго случая завѣсь-ка ты Васька окна какимъ нибудь тряпьемъ: вонъ тамъ возьми съ постели, сказалъ Дормидонъ, обращаясь къ Васькѣ Саврасу и высыпая на столъ золото и серебро, между которыми тамъ и сямъ прорывались плотныя пачки депозитокъ.

Васька исполнилъ порученіе и примкнулъ къ столу, на которомъ, при свѣтѣ одного лишь тускло нагорѣвшаго сальнаго огарка, золотыя и серебрянныя монеты сверкали какимъ-то зловѣщимъ блескомъ.

— Ну, братцы, началъ Дормидонъ: помните былъ договоръ, что мнѣ за починъ и указку особо 100 рублей: кабы не я, такъ эфтаго богатства не было бы у насъ теперь.

— Ну, помнимъ. Такъ и отсчитывай себѣ сотню-то, да и дѣлить скорѣе, а то, неровенъ часъ, за такимъ дѣломъ какъ застанутъ,—послышались голоса.

Дормидонъ отсчиталъ себѣ 100 рублей по ровной части золотомъ, серебромъ и бумажками, и положилъ ихъ въ карманъ; но видно или руки тряслись у стараго злодѣя, чужое добро считая, или просто можетъ быть въ карманѣ дыра у него была, но только спущенныя въ карманъ золотыя и серебрянныя монеты, со звономъ и шумомъ покатились по полу въ разныхъ направленіяхъ.

— Худая примѣта,—какимъ то хриплымъ отъ волненія голосомъ заговорилъ Дормидонъ, бросаясь собирать разсыпавшіяся деньги:—боюсь, что не пойдутъ онѣ мнѣ въ прокъ.

— Чего лясы точишь, собирай скорѣе, а то и безъ тебя подѣлимъ, — послышались ему въ отвѣтъ голоса, стоявшихъ у стола его участниковъ: съ тобой дѣла дѣлать, тутъ минута дорога, а онъ прохлаждается. Изъ за тебя всѣмъ не пропадать надъ несчастной минутой. Живѣй сбирай! слышались голоса уже нѣсколько угрожающаго тона, а лица стоявшихъ у стола злодѣевъ съ каждой минутой, съ каждой секундой принимали все болѣе и болѣе безпокойное и тревожное выраженіе. Каждое мгновеніе могло рѣшить ихъ участь, каждый мигъ могъ ихъ выдать, и на оборотъ: съ каждымъ проходящимъ мгновеніемъ они все ближе и ближе приближались къ цѣли, къ возможности получить довольно значительную сумму денегъ, заработанную такъ легко и скоро.

Наконецъ Дормидонъ, собравъ всѣ свои деньги, снова приступилъ къ столу, и по числу наличныхъ душъ и двухъ

отсутствующихъ, сталъ дѣлить золото, серебро и бумажки на равныя суммы и части. Во время раздѣла, вдругъ въ сосѣдней комнатѣ, ставня отъ вѣтра съ шумомъ ударила въ окно, и вѣтеръ пронзительно завылъ въ трубѣ. Всѣ вздрогнули, а Дормидонъ, отнявъ руку отъ денегъ, имѣлъ даже смѣлость перекреститься и произнести: «съ нами крестная сила!» Но и крестная сила не могла успокоить перепугавшагося злодѣя: онъ дрожалъ какъ листъ. Глядя на него, и товарищей по ремеслу начала бить лихорадка. Второй ударъ ставни въ то-же окно еще болѣе смутилъ мошенниковъ. Всѣ поблѣднѣли, какъ бы инстинктивно предчувствуя бѣду, а у Дормидона руки затряслись и самъ онъ, подъ вліяніемъ весьма понятнаго, но трудно объяснимаго суевѣрнаго страха и предчувствія, такъ перепугался, что перебилъ счеты и спутался, не зная кому и сколько уже отсчиталъ. Онъ остановился въ нерѣшимости.

— Да ну, дѣли: или мы сами, послышались голоса, и стали злобно переглядываться между собою. Но вотъ чья то рука протянулась на середину стола и схватила въ горсть кучу золота. Послышался не то ропотъ, не то угроза; затѣмъ сдѣлалось какое то смятеніе, и разомъ всѣ стали хватать деньги, набивая ими свои карманы.

— Стой, не грабь одинъ! караулъ! не давай ему! мое не тронь! обобрали, грабятъ! послышались неистовые крики и разомъ вся компанія заходила по комнатѣ среди самой страшной обстановки. Столъ былъ поваленъ, одинъ злодѣй бросался на другаго и удачно схвативъ за шею душилъ, стараясь завладѣть деньгами. Въ этой страшной суматохѣ, среди полнаго мрака — такъ какъ свѣча упала вмѣстѣ со столомъ и загасла—не было ни правыхъ, ни виноватыхъ. Тотъ былъ правъ, кто посильнѣе и кому удачнѣе довелось хватить противника,—о товариществѣ, которымъ, повидимому, злодѣи были связаны нѣсколько минутъ назадъ, не было и помину. Видъ золота заставилъ каждаго думать толькѣ о себѣ. Минуты три продолжалось въ темнотѣ это кровавое побоище, среди ко-

тораго слышались только стоны, невнятные возгласы, да изрѣдка стукъ отъ падавшихъ на землю во время драки монетъ. Но вотъ въ углу комнаты кто то рухнулся всею тяжестью тѣла на полъ, послышался глухой стонъ и замолкъ. Чья то рука выпустила изъ рукъ мѣдный подсвѣчникъ и одна несчастная жертва алчности и зависти лежала уже бездыханною. Вдругъ двери изъ сѣней отворились и послышался крикъ бабы:

— Что это потемки? Караулъ! Дормидонъ!.. Но Дормидонъ былъ уже мертвъ и не слышалъ крика своей бабы, которая, вбѣжавъ въ сѣни, а потомъ въ хату, была поражена темнотой и какою то вознею по комнатѣ.

— Частный идетъ, черти вы! Пропали мы... и не успѣла она договорить послѣднихъ словъ, какъ въ комнату, съ фонаремъ въ рукахъ вошелъ частный приставъ съ полиційскими солдатами.

Картина ему представившаяся по истинѣ была ужасна. Дормидонъ лежалъ на полу мертвый, съ разбитою головою, изъ которой струилась цѣлымъ потокомъ кровь; недалеко отъ него лежалъ массивный, литой, мѣдный подсвѣчникъ весь въ крови, забрызганный мозгами убитаго. Одежда на немъ была вся порвана. Баба, увидавъ своего Дормидона мертвымъ, такъ и покатилась къ нему въ ноги. Хоть и злодѣй былъ мужъ, а все же мужъ. Васька Саврасъ своею мощною рукою душилъ за горло Рубца, который, высунувъ языкъ и прижатый къ стѣнѣ, былъ безмолвенъ, и только болталъ руками. Харитонъ Пучекъ лежалъ ничкомъ на полу, туго перетянутый по шеѣ ременной уздою, а Назара Гужова на лицо уже не было. Выбитое въ комнатѣ окно, въ которое съ воемъ врывался вѣтеръ, свидѣтельствовало, что онъ, вѣроятно, въ самую критическую минуту при крикѣ «частный», успѣлъ уйдти. На полу комнаты, въ разныхъ мѣстахъ, словно посѣянныя, валялись золотыя и серебрянныя монеты и бумажныя депозитки. Нечего и говорить на сколько поразила частнаго при-

става подобная сцена, которую онъ конечно не ожидалъ встрѣтить.

При входѣ его Саврасъ бросился къ выбитому окну, чтобы бѣжать, но былъ схваченъ и связанъ. Освобожденный совершенною случайностію отъ смерти Рубецъ, не могъ и помышлять уже о побѣгѣ, и былъ также арестованъ. Харитонъ Пучекъ былъ мертвъ. Онъ былъ задавленъ уздою одной изъ лошадей Дормидона. Жену Дормидона, по приведеніи ея въ чувство, арестовали. Въ комнатѣ на полу собрано было денегъ 792 рубля. Въ карманахъ Дормидона отыскано 15 руб. 75 к., у Рубца всего только два серебрянныхъ рубля, у Савраса оказалось денегъ 176 руб., а у Пучка въ карманахъ 12 руб. и неизвѣстно по какому случаю во рту у него была вкомкана сотенная пачка рублевыхъ депозитокъ. Такъ какъ лицо у него было все избито, а губы разорваны по лѣвой щекѣ на цѣлый вершокъ то можно было предположить, что сотня рублевыхъ бумажекъ попала ему ротъ не случайно, а съ умышленною цѣлію задушить его.

Кто же кого убилъ?—спроситъ читатель. Мудрено на это отвѣтить, не переговоривъ прежде съ оставшимися на лицо участниками разыгравшейся въ темнотѣ, подъ вліяніемъ корысти, жадности и другихъ безнравственныхъ побужденій, драмы.

Нечего пояснять, что прибытіе въ квартиру Дормидона частнаго пристава было послѣдствіемъ требованія моего, о производствѣ негласныхъ дознаній на счетъ образа его жизни, поведенія, связей и занятій. Наличные и живые мошенники Саврасъ и Рубецъ, равно какъ и жена Дормидона, тотчасъ же были препровождены ко мнѣ, а почившіе на побоищѣ нечестивою смертію Дормидонъ и Пучекъ похоронены. Первый умеръ отъ раздробленія ему головы подсвѣчникомъ, а послѣдній отъ задушенія уздою. Узда эта принадлежала къ сбруѣ Дормидона, и висѣла вмѣстѣ съ другой сбруей въ комнатѣ смежной съ тою, гдѣ происходила развязка крова-

вой сцены. Отысканныя деньги всего на сумму 1097 руб. 75 коп., были также присланы ко мнѣ. Многіе изъ депозитокъ, переходя въ ожесточенной злодѣйской дракѣ изъ рукъ въ руки, изъ одного кармана въ другой, были порваны и искомканы. На нѣкоторыхъ депозиткахъ была кровь Дормидона, другія же носили на себѣ отпечатокъ кровяныхъ пальцевъ.

Такимъ образомъ со сцены у насъ сходятъ еще два героя: Дормидонъ и Пучекъ. Они изчезаютъ изъ дѣйствующей среды прежде даже, нежели мы успѣли ознакомиться съ ними по короче. Такъ какъ значеніе ихъ во всемъ послѣдующемъ разсказѣ будетъ не послѣднее, а сами они уже не явятся ратоборствовать за себя, за свои дѣйствія и поступки, то я выясню передъ читателями личности ихъ обоихъ на столько, на сколько послѣдующее слѣдствіе меня съ ними ознакомило.

Дормидонъ Пушкаревъ былъ коренной мѣщанинъ того города, гдѣ онъ жилъ, и гдѣ среди такой неблаговидной обстановки окончилъ свое существованіе. Родителей своихъ онъ не зналъ, потому что былъ изъ незаконныхъ дѣтей, и этимъ не особенно сокрушался, а напротивъ гордился даже тѣмъ, что онъ «самъ по себѣ, безъ никого въ свѣтъ пущенъ!» Часто, среди своей злодѣйской компаніи, замышляя какое нибудь дѣльце, для поддержки духа въ своихъ товарищахъ, говаривалъ онъ подъпьяную руку: «Незаконному Дормидошкѣ на свѣтѣ и жить слѣдуетъ не по закону». И нужно отдать справедливость: онъ свято слѣдовалъ въ теченіи всей своей жизни этому своеобразному девизу.

Судьба разныхъ незаконныхъ дѣтей, за исключеніемъ тѣхъ, которыя ставятся по разнымъ обстоятельствамъ въ исключительное, и иногда даже преимущественное передъ законными дѣтьми положеніе, слишкомъ извѣстна каждому для того, чтобы ее повторять въ лицѣ Дормидона. Дормидонъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ себя помнить, бродилъ уже по городу, сначала испрашивая подаяніе, потомъ украдкой по-

таскивая у торговцевъ то калачи, то булки, а потомъ изловчился уже запускать руки и въ карманы, иначе говоря, принялъ уже опредѣленное званіе и профессію, такъ называемаго цѣха карманниковъ.

Не безъ того, что Дормидонъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могъ бы быть честнымъ человѣкомъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ то, что когда бывало его въ малолѣтствѣ изловятъ на какомъ нибудь воровствѣ, то онъ всегда признавался. Поймала его разъ баба, когда онъ у ней съ лотка стянулъ связку бубликовъ; задержала его. «Зачѣмъ ты, говоритъ, мошенникъ у меня бублики укралъ?» Я не укралъ, а просто взялъ, отвѣчаетъ Дормидонъ. Зачѣмъ же ты взялъ? спрашивала, горячась баба. Да я думалъ, что бублики-то не твои: кабы зналъ, что твои, такъ не бралъ бы, отвѣчаетъ воришка, и баба, давъ ему добрую подзатылину, отпускаетъ его.

Юность свою Дормидонъ провелъ во всевозможныхъ званіяхъ и должностяхъ. Былъ онъ и лакеемъ и кучеромъ, и простымъ работникомъ, хаживалъ по заработкамъ, служилъ батракомъ на баркахъ,—по судоходнымъ дѣламъ былъ прикащикомъ, бывалъ и цѣловальникомъ, подмастерьемъ у сапожника, обучался и портняжеству, но нигдѣ долго не уживался и за свои безчестные поступки и дурное поведеніе вездѣ былъ прогоняемъ, пока наконецъ, на 22 году отъ роду, не сдѣлался уже самостоятельнымъ лицомъ.

Онъ отправился, ради своей мошеннической профессіи, на одну ярмарку верстъ за 200 отъ своего города, думая тамъ чѣмъ нибудь попользоваться, отъ чьей либо простоты, — и точно попользовался. Удалось ему тѣмъ временемъ украсть съ ярмарки чью-то хорошую лошадь съ упряжью и санями совсѣмъ, да такъ украсть, что и концы въ воду схоронилъ. Пріѣхалъ онъ на этой лошадкѣ въ свой родной городъ и сталъ заниматься извозомъ. Сначала побаивался онъ, чтобы какъ нибудь хозяинъ не отыскался, но потомъ и думать про это забылъ. Дѣла его пошли хорошо,

и если въ послѣднюю минуту своей жизни Дормидонъ испыталь на себѣ глубокую правдивость мудраго житейскаго изрѣченія, что чужое добро въ прокъ нейдетъ, то въ описываемую мною эпоху, онъ имѣлъ полное основаніе не вѣрить тому, потому что украденная лошадь пошла ему въ прокъ, какъ нельзя лучше.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріобрѣтенія первой лошади, Дормидонъ уже не укралъ, а купилъ себѣ вторую лошадь, и зажилъ еще лучше. Подошелъ, наконецъ, ему такой случай. Нанялся онъ перевезти грузъ товаровъ изъ своего города куда-то верстъ за 100. Наниматель былъ купецъ, — не мѣстный, а изъ пріѣзжихъ, — очень куда-то торопившійся на ярмарку, и потому въ-торопяхъ не принявшій даже мѣръ къ тому, чтобы узнать кто такой его извощикъ, и что онъ за человѣкъ. Путь былъ не близокъ, у купца были съ собою денежки и Дормидонъ это видѣлъ. Задумалъ онъ недобрую мысль воспользоваться купцовыми денежками и, не долго думая, привелъ ее въ исполненіе. Среди дороги ночью въ лѣсу, когда купецъ вздремнулъ, Дормидонъ прошибъ ему камнемъ голову, воспользовался 1000 руб. денегъ бывшихъ у купца въ боковомъ карманѣ, и выкинулъ его подальше въ лѣсную чащу, а бумаги, что при немъ были, сжогъ. Товаръ какой былъ распродалъ по разнымъ мѣстамъ и воротился домой богачемъ. Этотъ случай внушилъ Дормидону страсть къ деньгамъ, и послужилъ основаніемъ всей его будущей мошеннической карьеры. Разъ проливъ человѣческую кровь, Дормидонъ не останавливался уже ни передъ чѣмъ для достиженія своихъ цѣлей. Онъ сдѣлался настоящимъ злодѣемъ. Воровалъ и грабилъ уже не одинъ, и сформировалъ себѣ цѣлую шайку, но велъ свои дѣла такъ осторожно, что сколько ни бывалъ подъ судомъ, никогда изобличаемъ ни въ чемъ не былъ, а отдѣлывался только подозрѣніями.

Извѣстность его, какъ опытнаго и хитраго мошенника, росла не по днямъ, а по часамъ. Его всѣ боялись и потому

многія дѣла его оставались тайною. На него не рѣшались уже жаловаться, изъ того прискорбнаго убѣжденія, что Дормидонъ все равно изъ дѣла выпутается, а потомъ и будетъ мстить жалобщику. Умѣнье свое выкручиваться изъ всякаго дѣла, какъ бы оно грустно ни было, Дормидонъ высказывалъ обыкновенно такъ: «ты меня хоть живаго съѣшь, да проглоти, а я тебѣ носомъ, али глазами назадъ выѣду», и боялся честной народъ такихъ мудреныхъ проѣздовъ Дормидона и оставлялъ его въ покоѣ. Къ чести Дормидона, надо впрочемъ сказать, что только одну душу загубилъ онъ на своемъ вѣку, а больше на немъ ничья чужая кровь не тяготѣла. Денежки онъ научился сбирать другимъ менѣе жестокимъ образомъ. Знаетъ, напримѣръ, что у такого-то въ сундукѣ завелась какая сотняга, сейчасъ съ двумя товарищами своими и является на мѣсто. Времечко выберетъ поудобнѣе, хозяевъ перевяжетъ; коли нужно, приструнитъ пистолетикомъ, или чѣмъ другимъ, чтобы не кричали, рты позавяжетъ, оберетъ что надо, да и на уходъ. Кони у него всегда были хорошіе, и хозяина не выдавали.

Разъ Дормидонъ обошелъ одного полицімейстера, да такъ хитро обошелъ, какъ не надо лучше. Дошли до него слухи, что въ городѣ К. полицімейстеръ имѣетъ деньгу и деньгу хорошую, и захотѣлось ему испытать свои способности и обобрать полицімейстера. Отправился Дормидонъ въ городъ К. и тамъ подъ рукою началъ свои розыски—какъ живетъ полицімейстеръ, гдѣ денежки свои держитъ, какъ съ купечествомъ обращается, и любитъ ли съ нимъ хлѣбъ-соль водить. Узналъ онъ доподлинно, что полицімейстеръ денежки свои держитъ у себя въ кабинетѣ на столѣ, въ деревянномъ ларчикѣ, что ларчикъ тотъ стоитъ при стѣнкѣ и заставленъ книгами, что до купечества и особливо до богатаго, онъ очень охочъ, и любитъ когда купцы, за доброе съ ними обхожденіе ублаготворяютъ его. Разодѣлся Дормидонъ по купечески, какъ ни есть лучше, нанялъ въ городѣ лучшаго рысака и подъѣхалъ къ квартирѣ полицімейстера.

Доложите, говоритъ, лакею, что вновь пріѣзжій 1 гильдіи купецъ такой-то, желаетъ его высокоблагородіе видѣть и съ нимъ говорить. Доложили и попросили въ кабинетъ. Дормидонъ не робѣя объясняетъ, что онъ желаетъ въ городѣ завести по 1 гильдіи свою торговлю, и что потому первымъ дѣломъ прибылъ къ его высокоблагородію узнать: можно ли это, и не будетъ ли намѣреніе его непріятно или противно начальству. Ну, а начальству, хоть бы полицiймейстеру, такое дѣло никогда непріятнымъ не будетъ, — одно слово новая торговля, новый и доходъ.

— Очень, говоритъ полицiймейстеръ, радъ, если вы торговлю заведете, и прошу быть со мною знакомымъ. Дормидонъ только улыбается. Пошли у нихъ разговоры о томъ и другомъ, а дѣло то было къ вечеру, встаетъ Дормидонъ и прощается: надо, говоритъ, домой идти, по нашему купецкому обычаю время ужъ чайку-съ погваздать. Не пустилъ его полицiймейстеръ.

— Вы, говоритъ, останьтесь, да для перваго знакомства у меня чайку напейтесь. Дормидонъ соглашается. А хозяинъ вышелъ въ другія комнаты—видно отдать приказаніе на счетъ чаю-то. Дормидонъ тѣмъ временемъ не зѣвая, выбралъ изъ подъ книгъ ларчикъ, спряталъ его къ себѣ въ шапку, а шапку подъ мышку, и сидитъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало. Входитъ полицiймейстеръ. Дормидонъ встаетъ и весело улыбаясь говоритъ:—по нашему обычаю, коли, ваше высокоблагородіе, меня къ чаю пригласить изволили, такъ ужъ позвольте мнѣ домой сходить да къ чаю ребятеночкамъ вашимъ прикладу принести.»

Ну, какъ отъ такого предложенія отказаться: и полицiймейстеръ соглашается, самъ выходитъ въ сѣни проводить гостя и умильно упрашиваетъ скорѣе воротиться къ самовару.

Вышелъ Дормидонъ ужъ изъ сѣней, а шапку все не одѣваетъ, какъ будто изъ великаго почтенія къ начальству;

только какъ заперлись ужъ за нимъ двери, вздохнулъ онъ посвободнѣе, да и махнулъ стрѣлой куда глаза глядятъ.

Ждетъ полиціймейстеръ купца къ чаю да не дождался ни его, ни прикладу и только на третій день осмотрѣлся, что купецъ отъ него самъ съ прикладомъ ушелъ. Пошли сыски да розыски и все напрасно: Дормидона нигдѣ не нашли да и мудрено было найдти такого мастера изъ мастеровъ.

Такимъ то образомъ Дормидонъ послѣдовательно обдѣлывалъ свои дѣла, бывалъ нѣсколько разъ подъ судомъ, сиживалъ и въ острогахъ, но всегда, по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, выходилъ чистъ, или только оставлялся въ подозрѣніи.

Пристрастившись къ мошеннической жизни, Дормидонъ наконецъ сформировалъ себѣ цѣлую шайку воровъ, съ которою продолжалъ свои похожденія уже въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Черезъ товарищей своихъ онъ узнавалъ гдѣ и чѣмъ можно поживиться, и производилъ свои ночные набѣги со всею предусмотрительностію и ловкостью. Такимъ то образомъ, когда дошла до него молва о достаткѣ Желуденки, то онъ вывѣдалъ чрезъ своихъ агентовъ о его состояніи, жизни и обстановкѣ, и, нагрянувъ къ нему въ глухую полночь, обобралъ его денежки. Въ ограбленіи Желуденки участвовали и всѣ уже знакомые намъ его товарищи. Практическая опытность Дормидона выказывалась рельефнѣе всего въ умѣньѣ вести дѣла, и скрывать свой образъ жизни въ многолюдномъ городѣ, гдѣ онъ жилъ. Конечно, извѣстность его какъ подозрительнаго человѣка, судившагося уже за разныя преступленія, и не разъ сидѣвшаго въ тюрьмѣ, была распространена между всѣми кому о томъ надлежало вѣдать, тѣмъ не менѣе обличить его въ мошенническихъ продѣлкахъ было очень трудно. Въ послѣднее время Дормидонъ завелъ тройку лошадей, на которой и совершалъ свои артистическіе выѣзды. Лихая была эта тройка и никогда не выдавала Дормидона. Дормидонъ, какъ уже сказано было выше, имѣлъ жену, которая была взята имъ также изъ одного не совсѣмъ таки

нравственнаго семейства. Впрочемъ это обстоятельство въ глазахъ Дормидона не могло умалять достоинства его жены, а напротивъ придавало ей еще большую цѣну, потому что она съ большимъ умѣніемъ и опытностію, прикрывала всѣ шашни мужа, и скрывала передъ кѣмъ было нужно его профессію. Жену Дормидонъ ставилъ иногда новопосвящаемымъ товарищамъ въ примѣръ стойкости и умѣнья обдѣлывать дѣла. На этомъ мы и закончимъ грустную исторію Дормидона, убитаго въ схваткѣ изъ-за денегъ рукою одного имъ же самимъ выработаннаго негодяя.

Теперь перейдемъ къ описанію другой личности—личности задавленнаго уздою Харитона Пучка. Исторія его не велика и слишкомъ обыкновенна для того, чтобы на ней долго останавливаться.

Пучекъ былъ сынъ зажиточныхъ родителей, съ дѣтства отличавшійся безпутнымъ и безнравственнымъ направленіемъ. Нельзя сказать, чтобы это направленіе привилось къ нему вслѣдствіе его характера вообще добраго, но живя въ своей семьѣ безъ занятій, и водя компаніи съ однородными себѣ достаточными купчиками, онъ рано втянулся въ разгулъ, бросилъ родителей, и сначала, пустился, пока были деньги, въ кутежи, а тамъ принялся и за мошенничество: сперва изъ за товарищества съ другими и ради удальства, а потомъ уже и изъ необходимости добывать средства къ существованію. Случай за случаемъ, бродячая, безпріютная жизнь, отреченіе родныхъ, неимѣніе пристанища, скоро сдѣлали изъ него полнаго негодяя. И вотъ однажды, когда Пучекъ какъ то зимой въ оборванной одеждѣ, чтобы отогрѣть свои закоченѣвшіе члены вошелъ въ кабакъ, и закладывалъ тамъ цѣловальнику для пропивки украденный гдѣ то тулупъ, его увидалъ Дормидонъ. На ловца и звѣрь бѣжитъ, а Дормидонъ собиралъ уже въ то время себѣ шайку. Онъ сразу понялъ, что за личность Харитонъ, и въ два три слова сошелся вполнѣ. Въ тотъ же вечеръ Харитонъ былъ въ жильѣ Дормидона, и за обѣщаніе служить ему, имѣя ко-

нечно вездѣ свою долю въ раздѣлахъ, былъ принятъ въ артель. Драныя лохмотья, Харитонъ тогда - же сбросилъ съ себя, и облекся въ теплую хорошую одежду, въ чистое бѣлье, и другія принадлежности туалета, которыя принесла ему Дормидонова баба, доставъ ихъ откуда то изъ подполья. Недолго послужилъ Харитонъ своему патрону, и, какъ мы уже видѣли, кончилъ несчастное существованіе вмѣстѣ съ Дормидономъ. Харитонъ Пучекъ былъ безчестнымъ человѣкомъ, безчестно окончилъ и жизнь свою: ни покаянія, ни отпущенія грѣховъ своихъ не удалось ему получить. Ременная узда, обвитая кругомъ шеи мощною рукою, моментально и неожиданно пресѣкла жалкіе дни...

Обращаюсь къ прерванному разсказу.

Жена Дормидона, Васька Саврасъ и Рубецъ были немедленно, по заарестованіи ихъ, доставлены ко мнѣ. Допросъ этихъ трехъ личностей представлялъ для дѣла особенное преимущественное значеніе потому, что только путемъ ихъ указаній, можно было уяснить тѣ обстоятельства, при которыхъ былъ ограбленъ Желуденко. Присланныя при нихъ деньги въ количествѣ 1097 р. 75 коп., очевидно, принадлежали Желуденковымъ. Въ числѣ этихъ денегъ было много такихъ, которыя по примѣтамъ согласовались во всемъ съ примѣтами описанными Желуденковыми. Когда Желуденковы были вызваны, и узнали, что столь значительная сумма изъ числа заграбленныхъ у нихъ денегъ отыскана, то первый порывъ ихъ радости былъ чрезвычайно великъ, но онъ тотчасъ же смѣнился тѣмъ страннымъ и не всегда объяснимымъ въ простолюдинѣ чувствомъ страха и боязни, которое неожиданно является въ немъ, вслѣдствіе какой либо смутившей его фаталистической обстановки. Едва только они увидали свои деньги, изъ которыхъ многія монеты и бумажки носили на себѣ явственные слѣды крови, какъ веселость и радость смѣнились какимъ то тяжелымъ суевѣрнымъ страхомъ. Какъ самъ онъ, такъ

и жена его не рѣшались дотронуться до денегъ, и, къ удивленію моему, отказались даже взять ихъ на сохраненіе впредь до окончанія дѣла.

— Такія деньги, ваше благородіе, на домъ несчастье наведутъ: коли они въ человѣческой крови побывали такъ не слѣдъ мнѣ ихъ самому брать. Нехай судъ мнѣ ихъ присудитъ,—тогда я значитъ ихъ не по своей волѣ принимаю; а пока судъ не присудитъ, самъ ихъ къ себѣ не возьму—отвѣтилъ мнѣ Желуденко. И точно: денегъ онъ не взялъ, оставивъ ихъ при дѣлѣ.

Приступая къ допросамъ Дормидоновой бабы, Савраса и Рубца я вовсе и не надѣялся получить отъ нихъ какое-либо сознаніе по преступленію въ грабежѣ, тѣмъ болѣе, что, признавшись, Саврасъ и Рубецъ естественно должны были ожидать отъ меня вопроса и обо всей обстановкѣ раздѣла денегъ, при которой были умерщвлены Дормидонъ и Пучекъ. Оба они могли быть сочтены кандидатами на виновниковъ въ убійствѣ, а потому казалось, что какъ тотъ, такъ и другой непремѣнно отопрутся не только отъ участія въ грабежѣ, но и отъ всякаго знакомства и сношеній съ Дормидономъ. Каково же было мое удивленіе, когда на первыхъ же допросахъ они во всемъ чистосердечно сознались и открыли все то, чего мнѣ казалось невозможнымъ добиться отъ нихъ.

Прежде всѣхъ призвалъ я къ допросу бабу Дормидона. Она явилась ко мнѣ безъ всякаго смущенія, съ совершенно спокойнымъ лицомъ, и прежде чѣмъ я успѣлъ предложить ей первый вопросъ, она сама объявила мнѣ вдругъ, что желаетъ во всемъ признаться и открыть «все дѣло.»

— Какъ я есть ужъ немолодая женщина, — начала она: и при моихъ годахъ попала за чужіе грѣхи въ острогъ, такъ я жалѣючи себя и свою душу, желаю всю правду вашему благородію сказать и открыть, какъ оно это было на счетъ денегъ то мужицкихъ... вотъ что нашли то у насъ—добавила она.

— Ну, хорошо. Если вы чистосердечно разскажите все, что знаете по дѣлу Желуденки, то покажетесь честною женщиною, непричастною преступленіямъ вашего мужа...

Словоохотливая баба не дала мнѣ даже договорить и начала разсказывать всю суть дѣла во всей подробности.

— Такъ было, ваше благородіе—начала она: «деньги у мужика въ Вѣнцахъ заграбилъ точно мой мужъ, со своей компаніей. Весь этотъ сговоръ у насъ еще на старой квартирѣ былъ. Дознал мужъ, что у Вѣнцовскаго старшины деньги есть, да и задумалъ обобрать. Извѣстно, дѣло прошлое: занимался онъ этакими дѣлами, за то Господь ему такую и смерть послалъ. Много и я отъ него горя видала. Ну, да не тѣмъ будь помянутъ, и безъ того душу его многіе клянутъ. Прознавши про старшиновскія деньги, собралъ онъ у себя совѣтъ, сговорились и поѣхали къ Желуденкову на нашихъ лошадяхъ, да и обобрали его. Воротились домой всѣ, о кромѣ одного — Трошкой прозывался: тотъ, сказывали, гдѣ-то къ своей полюбовницѣ слѣзъ. Въ тое время и деньги думали было дѣлить, да побоялись. Ну, и разошлись и уговоръ былъ сойдтись черезъ нѣсколько дней на новой фатерѣ, потому на то время мы ужъ и квартиру смѣнили: хозяину тоже никакому не любо, какъ заведется, прости Богъ, такой жилецъ, что по ночамъ неизвѣстно гдѣ пропадаетъ. И сталъ онъ насъ выживать, а въ такомъ случаѣ спорить ужъ не приходится. Ну, и сошли на другую квартиру, тамъ уговоръ былъ и деньги дѣлить. Вотъ и подѣлили... Ахъ, убили моего мужа! Ахъ я бѣдная, сирота несчастная! — заголосила вдругъ подъ конецъ совершенно для меня неожиданно Дормидонова баба и причитаньямъ ея можетъ быть и конца не было, если бы я не остановилъ ее и не предложилъ разсказывать дальше.

Дормидониха также скоро успокоилась, какъ и растрогалась, и утерѣвъ глаза концомъ своего головнаго платка, продолжала:

— Деньги, вишь, у моего мужа были спрятаны: какъ привезли, такъ сряду въ сундукъ въ мѣшкахъ и положили, а на новой фатерѣ до дѣлежки подъ полъ свалили.

— А сколько привезли они денегъ?—спросилъ я бабу.

— Не могу знать, родимый, отвѣчала она мнѣ фамильярно: потому мужъ мой мнѣ не сказывалъ. А такъ думаю себѣ, что не одну тысячу добыли они, потому много было и золота, и серебра, и бумажекъ. Дѣлежку зачавши, послалъ меня мужъ на караулъ. Стояла я долго, продрогла такъ, что бѣда: извѣстно ночь не день, ну и вѣтеръ къ тому былъ. Вижу вдругъ частный съ солдатами: екнуло мое сердце: не что не къ намъ ли, молъ, на лиху бѣду незваный гость. Гляжу и вправду къ намъ заворачиваетъ. Какъ кинусь я къ дому то, въ сѣни, кричу: частный идетъ и сама сдурѣла. Въ комнатахъ то темно: что такое думаю? Слышу по хатѣ ходятъ; бѣда думаю. Понять то ничего своей глупой головой да сообразить не могу. Вдругъ дзынь; окно полетѣло, и ту минуту частный съ полицiйскими. Какъ зашли они въ комнаты съ огнемъ, да какъ увидала я, что мой то ужъ мертвый лежитъ съ пробитою головой, а на полу насорены деньги, такъ и догадалась я, что изъ-за денегъ-то и вся крошка вышла. А тамъ ужъ не помню какъ къ мужу-то я упала. Убили злодѣи, его хлѣбъ ѣдучи! Охъ убили, не дали и покаяться передъ смертью!.. завопила снова Дормидонова баба, заканчивая свое показанiе.

Я далъ бабѣ немного успокоиться и потомъ продолжалъ допросъ.

— Скажите мнѣ,—началъ я:—кто были соучастники вашего мужа по грабежу у Желуденки?

— Кто?! Извѣстно вся евонная канпанiя: Трошка Курень, котораго, слыхать, гдѣ-то съ полюбовницей поймали, Васька Саврасъ, Потапъ Рубецъ, Ларiошка — что пашпорты имъ всѣмъ выправлялъ, Назарка Гужанокъ да Харитошка, что уздой задавили, и всѣ. Больше никого не было, ей Богу не было! добавила баба.

— Скажите мнѣ, какъ вы думаете: кто именно вашего мужа убилъ? — спросилъ я ее.

— Почемъ я могу знать,—отвѣчала баба:—меня притомъ не было. Вижу, что убили—видно изъ-за денегъ заспорили. А кто убилъ, откуда мнѣ знать. Никто другой какъ изъ нихъ же кто нибудь: ихъ спросите, лиходѣевъ моихъ!

— Не знаете ли вы какимъ путемъ мужъ вашъ узналъ, что у Желуденки есть деньги? обратился я къ Дормидонихѣ.

— Какъ не знать, отвѣчала со стономъ баба: коли кто какимъ дѣломъ занимается, такъ ужъ, извѣстно, про подходячіе случаи гдѣ можетъ и спрашиваетъ. Дѣло то вотъ какъ было. Мужикъ мой грамоту зналъ и былъ онъ разъ зашедши въ шинокъ выпить водки. Ну, зашелъ и выпилъ. Видитъ онъ въ шиночкѣ мужичка бѣднаго, ободраннаго: плачетъ тотъ. Мужъ то мой и спроси: чего, землякъ, плачешь? Да плачу, говоритъ мужичекъ то, что надо жалобу мнѣ на свово старшину писать, да никто не хочетъ безъ денегъ, а денегъ то нѣтъ. Слово за слово и разсказалъ мужичекъ, что онъ съ Вѣнцовской волости на бывшаго старшину Желуденку жалиться хочетъ: тотъ съ его не знаю за что тамъ 10 рублей взялъ. Пришелъ въ городъ да кого ни просилъ, никто безъ денегъ писать не хочетъ. Дарма, что худыми дѣлами мужъ мой занимался, а добраго сердца былъ, проговорила сквозь слезы Дормидониха, и, помолчавъ съ минутку и утерѣвъ глаза, продолжала. Привелъ онъ того мужика къ себѣ, и распросивъ его про евонную обиду написалъ ему жалобу. Мужичекъ то такъ радъ, говоритъ когда нибудь, какъ выправлюсь съ лохмотьевъ, заплачу. А мужъ мой въ одно слово и отвѣчаетъ:«—Не нужно говоритъ мнѣ твоей заплаты: заплатитъ за тебя мнѣ твой старшина Желуденко.» Да и давай спрашивать многоль у него денегъ.«—Ужъ такой богатырь (богачъ), что другаго у насъ на волости нѣтъ, отвѣчаетъ мужичекъ. Не дивья говоритъ ему и богатымъ то быть, коли безъ рубля изъ хаты николи ни для кого не выходилъ. «На томъ и ушелъ мужичекъ,

моего мужа до сердца благославляючи. А мужъ мой тѣмъ часомъ сейчасъ же ушелъ съ дому, а вечеромъ привелъ съ собою Ваську Савраса: вотъ что разомъ со мною къ вашему благородію отправили — поясняла баба. Привелъ это онъ Ваську — а Васька то ужъ годъ въ его кампаніи служилъ и шустрый такой онъ, на всѣ штуки,—далъ ему коня и посылаетъ его въ Вѣнцы за провѣдками къ тому самому старшинѣ: будто, значитъ, Васька скотиной торгуетъ, а больше провѣдать какъ этотъ Желуденко живетъ: есть ли у него собаки, да гдѣ деньги держитъ, велика ли у него артель, въ какомъ мѣстѣ хата стоитъ, да двери какъ запираются? Ну, одно слово осмотрѣть все, чтобъ потомъ помѣхи не было. Васька той-же ночью выѣхалъ, а на другой день къ вечеру вернулся и сказываетъ, что пріѣхалъ онъ къ Желуденкѣ будто продажныхъ коровъ спрашивать и торговать, въ разговоры съ имъ пустился, про то да про другое, а самъ все высматриваетъ: какъ и что. Много они, Васька то съ моимъ мужикомъ — за полночь болтали, всего я и не переслухала: извѣстно мое дѣло бабье. А черезъ два дня вечеромъ гляжу вся кампанія къ намъ сбирается: на потѣху видно поѣдутъ, думаю. И точно: въ 9 часу мужикъ мой запрегъ въ сани свою тройку, да съ Васькой Саврасомъ и выѣхали за заставу, а другіе туда раньше пѣхотой пошли, чтобъ по городу замѣтки не было: извѣстно полиція сейчасъ въ домекъ возьметъ, куда на тройкѣ семь душъ ночною порою поѣхали. Какъ поѣхали, такъ на утро только пріѣхали, и привезли съ собою деньги. Сряду мужъ мой и спряталъ ихъ, а товарищи разошлись: боялись сряду дѣлить, чтобы на случай днемъ какъ не накрыли. Да не пошли эти денежки имъ въ прокъ! Охъ, убили моего мужа! . Охъ, я горькая сирота!..

Дормидониха снова заголосила и завопила о судьбѣ своего несчастнаго мужа.

— Че можете ли вы предположить,—спросилъ я вновь Дормидониху: кто бы изъ присутствовавшихъ при раздѣлѣ въ

квартирѣ вашей денегъ могъ убить вашего мужа. Можетъ вы на кого нибудь имѣете въ томъ подозрѣніе?

— Что-жъ, что молчать, что правду говорить,—видно надо сказывать. Имѣю я сумнѣніе, что мужа моего убилъ Назарка рябой, тотъ что чрезъ окно ушелъ отвѣчала баба, и, многозначительно посмотрѣвъ на меня, продолжала: очень онъ, Назарка то, не любилъ моего мужа за то, что тотъ ему нигдѣ ходу не давалъ.

— Какого ходу? спросилъ я бабу, не понимая ея выраженія.

— А такого ходу,—отвѣчала она: примѣрно пріѣдутъ они куда всей канпаніей, по своему ремеслу значитъ, на грабежъ, аль на воровство,—Назарка и давай себѣ карманы набивать чѣмъ попало, благо запрету нѣтъ, ну а мужъ то мой промежъ ихъ считался старшій и справедливость любилъ. Коли говоритъ пріѣхали за деньгами, такъ деньги заберемъ и подѣлимъ, а другаго ничего не тронь. Вотъ и не залюбилъ его Назарка то. А про то я вѣрно не знаю, кто мово мужа убилъ, можетъ онъ, а можетъ и другой кто.

Изъ дальнѣйшихъ показаній словоохотливой и разговорившейся бабы, я узналъ и всю уже расказанную мною исторію ея мужа Дормидона, не исключая и исторіи съ несчастнымъ купцомъ, котораго онъ убилъ. Обслѣдованіе этого побочно—открывшагося обстоятельства подтвердило вполнѣ показаніе Дормидоновой бабы. Купецъ былъ точно убитъ, и не было никакого сомнѣнія въ томъ, что убійство это было дѣломъ рукъ Дормидона. Жена его во всей подробности и обстоятельности разсказала какимъ образомъ мужъ ея совершилъ это гнусное дѣло, и, воротившись домой, считалъ и пересчитывалъ доставшіяся ему цѣною крови купца деньги. Такъ какъ она разсказала мнѣ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ мужъ ея путемъ грабежей успѣвалъ добывать себѣ значительныя суммы денегъ, и все это подтверждалось при моихъ разслѣдованіяхъ, то я не безъ удив-

ленія спросилъ ее: куда же мужъ ея дѣвалъ всѣ деньги и сокровища, которыя успѣлъ награбить и наворовать.

— Извѣстно вамъ, ваше благородіе: чужое добро въ прокъ нейдетъ—отвѣчала мнѣ баба, такъ и моему мужу. Богъ его знаетъ, куда всѣ эти деньги переводились и сама не знаю. Знаю только, что деньги онъ сбиралъ и копилъ: все хотѣлъ собрать никакъ 25 тысячъ. Тогда. говоритъ, полно: сдѣлаюсь честнымъ человѣкомъ и сулился 5 тысячъ на отпущенье грѣховъ положить. Да вотъ не принялъ Господь его покуты то, денегъ не добралъ, да и самъ наглою смертію кончилъ! А деньги были у него да пропали, и поднесь незнаю гдѣ онѣ спрятаны у него. Онъ видите, ваше благородіе, деньги дома не держалъ, а все закапывалъ ихъ гдѣ то за городомъ въ лѣсу, и мѣсто у него было примѣчено, да прошлымъ лѣтомъ случись въ томъ лѣсу пожаръ и погорѣлъ лѣсъ то совсѣмъ, и примѣты евоныя на деревахъ тоже погорѣли. Ну а лѣсъ не хата—безъ примѣты не скоро сыщешь. Какъ пришелъ онъ послѣ пожара то на мѣсто, такъ и не можетъ познать, гдѣ у него деньги были закопаны. Искалъ, искалъ цѣлый мѣсяцъ, ѣсть-пить пересталъ — все искалъ. Съ отчаянья чуть себя жизни не лишилъ, что не могъ сыскать гдѣ деньги спряталъ, и по смерть не нашелъ ихъ. Можетъ и теперь въ томъ мѣстѣ цѣлехоньки они лежатъ, потому были глубоко и бережно зарыты, а въ какомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ взять, никто не знаетъ и не потрафитъ.

Такъ какъ Дормидониха заявила подозрѣніе въ убійствѣ своего мужа на Назара Гужова, скрывшагося при появленіи частнаго пристава изъ квартиры чрезъ разбитое окно, то я спросилъ Дормидониху: не знаетъ ли она кто такой этотъ Назаръ, откуда онъ, и гдѣ живетъ. Но на всѣ эти вопросы она могла отвѣтить только, что Назаръ знакомъ съ ея мужемъ былъ около года, что мужъ завербовалъ его въ свою компанію, встрѣтившись съ нимъ гдѣ то въ лѣсу, и что онъ, Назаръ, изъ шляющихъ полевиковъ,

т. е. неизвѣстныхъ бродягъ. «Одно слово: онъ безъ имени баранъ.» добавила она.

Справки и розыски о Назарѣ Гужовѣ не привели ни къ какимъ результатамъ, и личность его совсѣмъ изчѣзла. Мнѣ извѣстны были только примѣты его.

Мѣсяца два спустя уже послѣ исчезновенія его, на совершенно другомъ и противоположномъ концѣ моего участка, выкинутъ былъ на берегъ рѣки Витры свѣжій трупъ неизвѣстнаго молодаго мущины. Обстановка, среди которой выкинуло трупъ ясно указывала, что покойникъ былъ не случайный утопленникъ, а скорѣе какая нибудь несчастная жертва насилія. Одѣтъ былъ онъ въ обыкновенное крестьянское платье, ноги связаны ременною уздою, къ концу которой примотана толстая веревка, оканчивавшаяся четырехсторонной крестообразной узловатой петлей, въ которую вѣроятно вложенъ былъ камень или другая какая нибудь тяжесть, выпавшая изъ петли уже въ водѣ. На головѣ его была надѣта лошадиная же узда, желѣзныя удила которой вложены были въ зубы, и сильно стянуты поводьями позади шеи, обмотанной концомъ узды на столько крѣпко и плотно, что не подлежало сомнѣнію, что покойникъ этою уздою былъ задушенъ. Голова и лице были сильно избиты.

Получивши извѣстіе объ этомъ трупѣ, и прибывъ на мѣсто, я былъ пораженъ сходствомъ примѣтъ трупа, съ имѣвшимися у меня въ дѣлѣ примѣтами Назара Гужова. Не знаю почему, мнѣ пришло въ голову убѣжденіе, что это именно Гужовъ. Вытребованные къ трупу Дормидониха, Васька Саврасъ и Потапъ Рубецъ подтвердили съ перваго же взгляда на покойника мои предположенія. Утопленникъ былъ точно Назаръ Гужовъ. Товарищей его, Савраса и Рубца, передернуло съ лица, когда они увидѣли при какой возмутительной обстановкѣ окончилъ воровскую жизнь одинъ изъ ихъ сподвижниковъ.

— Какъ ваше мнѣніе: какимъ образомъ и гдѣ Назаръ

умеръ, или можетъ быть его утопили? спросилъ я, обращаясь къ обоимъ.

— Нешто такъ сами люди умираютъ,—отозвался Саврасъ: кабы самъ умеръ, али бъ утонулъ, такъ не было бы у него во рту да на шеѣ узды напутано.

— Видно гдѣ коней укралъ, такъ вотъ его за то съ уздами и утопили,—перебилъ Савраса Рубецъ. Это вѣрно такъ, добавилъ онъ: потому тутъ народъ такой, что любитъ за коней такіе концы показывать, чтобъ меньше повадки на нихъ было.

Рубецъ былъ правъ. Слѣдствіе раскрыло, что Гужовъ точно утопленъ былъ насильственно. Вверхъ по теченію рѣки верстахъ въ 60 отъ того мѣста, гдѣ его выкинуло, онъ укралъ въ деревнѣ тройку лошадей, но былъ настигнутъ хозяевами. Дѣло было ночное. Озлобились хозяева за своихъ лошадокъ, потому что конокрадство ихъ очень ужъ одолѣвало: что ни ночь, то пары либо тройки лошадей нѣтъ. И вотъ, чтобы нагнать на конокрадовъ страху, рѣшили они покончить съ Гужовымъ, который имъ удачно попался въ руки. Связали они его тѣми же уздами, на которыхъ онъ уводилъ лошадей, навязали на ноги камень, да и бултыхнули въ рѣку. Только круги пошли по водѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ пошелъ ко дну, пуская пузыри, несчастный Назаръ. Зачѣмъ же спрашивается взнуздали они Назара еще уздой—вѣдь утопить можно было и безъ того. И въ этомъ взнузданіи была своя спеціальная цѣль. Во первыхъ, взнузданіе уздой должно было аллегорически указать на утопленника, какъ на конокрада, а во вторыхъ, подъ вліяніемъ жестокой мести, крестьяне, топившіе Назара, стиснули ему языкъ и ротъ удилами съ тою цѣлію, чтобы въ минуту разставанья съ жизнію, каясь въ своихъ прегрѣшеніяхъ, онъ не могъ бы призвать имя Бога и вообще проговорить какое либо слово, въ облегченіе своей грѣховности. Мысль ужасная и жестокая! Она однако достигла своей цѣли. Назаръ, брошенный въ рѣку съ высокаго моста и съ тяжестью на ногахъ, моментально пошелъ ко дну, не испустивъ ни единаго звука.

Всѣ мои старанія обнаружить личность Назара Гужова остались тщетны. Я могъ добиться только того, что его звали Назаромъ. Фамилію Гужовъ неизвѣстно почему далъ ему Дормидонъ, потому что поступилъ къ нему Назаръ безъ фамиліи и безъ всякаго вида. Его никто не зналъ, кромѣ обычной компаніи Дормидона. Откуда онъ взялся, какого онъ званія и съ какой стороны пришелъ, никому не было извѣстно, кромѣ развѣ Дормидона, пріютившаго его у себя изъ дремучаго лѣса. И такъ остается заключить, что Назаръ можетъ быть и самъ не зналъ, кто онъ былъ такой. Всего вѣрнѣе, что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ, которые съ достоинствомъ величаютъ себя не помнящими бродягами. Можетъ быть онъ былъ и поважнѣе рангомъ, но для насъ и для разсказа, онъ былъ и умеръ несчастнымъ Назаромъ, безроднымъ, безпріютнымъ, бездольнымъ. Бездольно и безпріютно закопали его въ яму на берегу рѣки, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его выкинуло. Тяжело умирать при такой обстановкѣ, подумалъ я, глядя какъ понятые, бывшіе при вскрытіи трупа Назара Гужова, копали ему съ ругательствами яму, и потомъ, съ небрежностію пнувъ его трупъ ногою, засыпали кое какъ землею. Кто виноватъ въ подобной смерти Назара: самъ ли онъ, или общество, среди котораго онъ жилъ, злая ли воля его, или выпавшая на его долю горькая случайность?

Провѣряя показаніе жены Дормидона, я предъявилъ Ваську Савраса въ числѣ нѣсколькихъ другихъ лицъ Желуденкѣ, женѣ его и работницѣ, на тотъ предметъ, не признаютъ ли они его по голосу за одного изъ грабителей. При первыхъ же звукахъ голоса, работница Желуденки признала, что Саврасъ былъ въ числѣ грабителей, и что именно онъ и вязалъ ее вмѣстѣ съ другимъ. Саврасъ только усмѣхнулся словамъ дѣвушки и, нимало не таясь, объявилъ, что какъ ни жалко ему было такую пышную красавицу на колочкѣ встряхивать, но что онъ былъ подначаленъ Дормидону и долженъ былъ слушать. «Кабы моя воля, отозвался къ ней Сав-

расъ, такъ я вашу милость лучше бы въ губки поцаловалъ. При этихъ словахъ съ какою-то затаенною горечью онъ улыбнулся. Дѣвушка молча посмотрѣла на него съ участіемъ и когда это участіе не прошло для Савраса незамѣченнымъ, то я примѣтилъ выкатившіяся на его глазахъ двѣ слезы. Онъ поднялъ руки, чтобы вытереть ихъ, но въ это время кандальныя цѣпи на рукахъ зазвенѣли на немъ, и отшатнули отъ него зародившееся въ дѣвушкѣ чувство участія.

Допросы Васьки Савраса и Потапа Рубца, окончательно разъяснили сущность дѣла и обстоятельства, при которыхъ былъ ограбленъ Желуденко. Но прежде чѣмъ передать сущность ихъ показаній, я ознакомлю читателя съ личностями того и другаго. Оба они были чрезвычайно дюжинными ребятами, ничѣмъ не отличавшимися отъ безконечнаго множества подобныхъ имъ на землѣ Саврасовъ и Рубцовъ. Ни тотъ, ни другой не имѣли никакой выдающейся изъ общаго уровня обыденныхъ характеровъ черты. Ни смѣлости, ни ума, ни хитрости, ни находчивости, никакихъ подобныхъ качествъ, которыми обыкновенно обладаютъ опытные мошенники, они не имѣли. Нельзя сказать, чтобы они были нравственно развиты, тѣмъ менѣе нельзя было ихъ назвать и безнравственными, потому что, если участіе ихъ по грабежу было несомнѣнно, то все-таки въ данномъ случаѣ они были не руководители и не предприниматели сами по себѣ злаго умысла, а единственно лишь безхарактерныя существа, личностями которыхъ воспользовался другой, имѣвшій надъ ними нравственное вліяніе. Васька Саврасъ пренаивно признался, что кабы не страхъ Дормидона, такъ вмѣсто того, чтобы вязать, да встряхивать Желуденкову работницу дѣвушку, онъ не прочь бы былъ обойдтись съ ней другимъ маneромъ, гораздо болѣе миролюбиваго и дозволительнаго свойства. Таковъ же былъ и Рубецъ. Оба они были то, что называютъ въ общежитіи безхарактерными личностями. Попадись они подъ вліяніе какого нибудь другаго человѣка, который могъ бы нравственно побудить ихъ на какое нибудь доброе

дѣло, а не Дормидонъ, натолкнувшій ихъ на грабежъ, они также охотно, съ тѣмъ же безстрастіемъ и съ тѣмъ же послушаніемъ сдѣлали бы другому добро, не сознавая быть можетъ вполнѣ, что дѣлаютъ, и не разсуждая: слѣдуетъ или не слѣдуетъ дѣлать такъ, какъ имъ указываютъ. Въ жизни нерѣдко можно встрѣтить людей на столько безтактныхъ и безхарактерныхъ, которые, предоставленные сами себѣ, не въ состояніи идти самостоятельнымъ честнымъ путемъ. Подобные люди, если и сдѣлаютъ какое либо добро или зло, то почти безсознательно, подъ вліяніемъ той или другой случайности ихъ окружающей. Внѣшнее живое вліяніе другаго человѣка имъ необходимо, какъ судну хорошій кормчій. Дадите вы такимъ людямъ хорошее направленіе, они пакости не сдѣлаютъ; укажете имъ дорогу на что нибудь дурное, и они, не давая себѣ труда задуматься, исполнятъ все, что вамъ угодно: таковы были Саврасъ и Рубецъ. Дормидонъ убѣдилъ ихъ грабить—они грабили. Слѣдователь на первомъ же допросѣ убѣдилъ ихъ сознаться во всемъ, и они сознались. Такіе люди достойны сожалѣнія и участія, и дѣйствительно они возбудили во мнѣ къ себѣ эти чувства вполнѣ.

Увидавъ, при раздѣлѣ денегъ въ общей свалкѣ, что всѣ отнимаютъ другъ у друга деньги, и Васька Саврасъ набросился на слабѣйшаго Рубца и давай его душить: благо сила позволяла. Не удалось ему задушить Рубца, и онъ за то къ нему никакаго злобнаго чувства не питаетъ, напротивъ, онъ обращается съ нимъ дружески, и въ тюрьмѣ ссужаетъ его даже табакомъ для куренія. Рубецъ, въ свою очередь, точно также не имѣетъ къ Саврасу никакой претензіи за то, что тотъ чуть-чуть не отправилъ его по слѣдамъ Дормидона и Пучка. Онъ готовъ думать, что если Саврасъ его душилъ, такъ вѣрно такъ было нужно; не задушилъ онъ его, значитъ такъ и слѣдовало: за что же на Савраса быть сердитымъ? И онъ не сердитъ на него нисколько, тѣмъ болѣе, что махорка въ нѣсколько дней совершенно искренно миритъ его съ Саврасомъ. Таковы, впрочемъ, отношенія по большей части

всѣхъ людей, стоящихъ на относительно низкой степени нравственнаго и умственнаго развитія.

Васька Саврасъ былъ К — кій мѣщанинъ и прибылъ въ городъ Т-лу честнымъ поденщикомъ для честныхъ заработковъ. Онъ и въ мысляхъ не имѣлъ добывать деньги тѣмъ путемъ, который составлялъ исключительное занятіе Дормидона. Но такъ какъ въ чужомъ городѣ не всегда сразу удается найдти работу, а каждодневныя нужды настойчиво домогаются и требуютъ своего, то неудивительно, что Саврасъ, получивъ приглашеніе Дормидона быть у него только работникомъ, согласился на это и поступилъ къ нему. Дормидонъ видѣлъ безвыходное положеніе парня и потому воспользовался случаемъ закабалить его въ свою артель. Нѣсколько дней, проведенныхъ Саврасомъ у Дормидона, совершенно освоили его съ образомъ жизни и занятіями послѣдняго. Саврасъ можетъ быть и не прочъ бы былъ отстать отъ такого хозяина да ужъ поздно: Дормидонъ закабалилъ его въ нѣсколько дней совершенно. Саврасъ получилъ отъ него новые сапоги, одежду, армякъ и денегъ малую толику на первой обиходъ: коли отходить, стало надо хозяйское все отдать, а отдать то нельзя: денегъ ужъ нѣтъ, а безъ одежды не сидѣть,—вотъ она кабала то и закрѣпостила. Волей-неволей, ступай на всякую работу, куда хозяйская милость прикажетъ. Такъ по неволѣ, день за днемъ, и свыкался онъ съ новою жизнію. Чтобы разомъ молодца не испугать, Дормидонъ пріучалъ сначала, конечно при своемъ участіи, къ мелкимъ дѣлишкамъ, а тамъ онъ попривыкъ и къ грабежамъ и сдѣлался покорнѣйшимъ, по нуждѣ, слугою Дормидона. Онъ грабилъ и воровалъ не по призванію или ремеслу, а по обязанности, считая себя нравственно обязаннымъ исполнять приказаніе того, кто его призрѣлъ въ тяжелую минуту. Впрочемъ, привыкнувъ къ сферѣ грабежей и другихъ подобныхъ преступленій, и въ Саврасѣ иногда прорывались минуты хищническихъ наклонностей. Тогда и въ немъ лично высказывался злодѣй съ замашками и пріе-

мами практическаго мошенника. Сцена съ Рубцомъ, при концѣ раздѣла денегъ, можетъ тому служить наглядным доказательствомъ.

Потапъ Рубецъ былъ мѣщанинъ того же самаго общества, какъ и Дормидонъ, а потому оба они были знакомы издавна. Рубецъ былъ калѣка, а потому не былъ способенъ ни къ какимъ серьезнымъ трудамъ и промышлялъ тѣмъ, что, научившись играть на скрипкѣ, увеселялъ игрою по шинкамъ и кабакамъ полупьяную компанію. Съ Дормидономъ онъ сблизился случайно въ одномъ кабакѣ во время своей игры. Дормидону очень понравилась музыка Рубца, и онъ взялъ его къ себѣ, въ тяжкія минуты лихую скуку разгонять. Поступивши же къ Дормидону, Рубецъ скоро забылъ и музыку и скрипку, потому что занятый болѣе практическими и существенными дѣлами, онъ долженъ былъ отказаться отъ искусства. Рубецъ также скоро освоился съ своею новою должностію соучастника Дормидона по грабежамъ, какъ и Васька Саврасъ. Сначала Дормидонъ держалъ друзей у себя на квартирѣ, а впослѣдствіи, чтобы не привлекать вниманіе полиціи, онъ ихъ спустилъ на вольныя квартиры, и приходили они къ нему только тогда, когда къ тому представлялась надобность. Услѣдить за дѣйствіями Савраса и Рубца полиціи было мудрено, потому что время они постоянно проводили бивуаками по разнымъ корчмамъ, трактирамъ и кабакамъ, не имѣя нигдѣ никакого опредѣленнаго пристанища и занятія, и проживали тѣмъ, что на долю ихъ приходилось изъ имущества и денегъ, добывавшихся въ разныхъ мѣстахъ ихъ шайкою.

Показанія Рубца и Савраса изложу въ короткихъ словахъ. Оба они признались какъ участники по грабежу у Желуденки, и со всею откровенностію выяснили всѣ обстоятельства того грабежа. Саврасъ подтвердилъ заявленіе Дормидоновой бабы, что онъ, по приказанію Дормидона, точно ѣздилъ къ Желуденкѣ, и подъ предлогомъ того, что будто бы занимается скупкою скота, долго у него пробылъ,

осмотрѣлъ все его домашнее устройство, и даже примѣтилъ у него подъ кроватью завѣтный сундукъ съ желѣзной оковкой. Будучи у Желуденки, Саврасъ не пропустилъ мимо ушей и тотъ разговоръ его съ батраками, изъ котораго узналъ чрезвычайно важное свѣдѣніе, что черезъ двое сутокъ батраки не будутъ ночью дома, а уѣдутъ за сѣномъ. Я не забылъ спросить какъ Савраса, такъ и Рубца о томъ, кто именно такіе ихъ сподвижники Ларіонъ Гусловъ и Трофимъ Курень, и не знаютъ ли они еще какую либо личность, у которой не было бы двухъ переднихъ зубовъ? Они спрошены были и о томъ, неизвѣстно ли имъ пребываніе Гусла и Куреня, но на всѣ эти вопросы они отозвались полнымъ незнаніемъ, сказали только, что Гусла знали какъ товарища Дормидона, для котораго, а равно и для другихъ его сообщниковъ, онъ выдѣлывалъ фальшивыя паспорты. Личность Гусла была имъ, судя по ихъ разсказамъ, мало знакома потому, что онъ больше водилъ знакомство съ Дормидономъ и Куренемъ. На спросъ мой относительно того, кто убилъ Дормидона и Пучка, какъ Саврасъ такъ и Рубецъ дали уклончивые отвѣты: знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ. Видали, что убиты они были, а Господь ихъ знаетъ кто ихъ убилъ, мы въ ихной крови вины не имѣемъ,—отвѣчали они. Даже относительно попытки Савраса задушить Рубца, послѣдній далъ совершенно оправдательный для перваго отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что въ общей суматохѣ при раздѣлѣ денегъ, они между собою только подрались.

Показаніями Савраса и Рубца закончилось дѣло объ ограбленіи Желуденки, которому при окончаніи слѣдствія я вручилъ оставшіяся у меня деньги изъ числа у него заграбленныхъ. Изо всей шайки грабителей, при концѣ слѣдствія, на лицо находились только два человѣка, а именно Саврасъ и Рубецъ, да въ видѣ попустительницы преступленій была привлечена къ дѣлу жена Дормидона. Двое изъ участниковъ грабежа, Дормидонъ и Пучекъ, а также и третій ихъ товарищъ Гужовъ, во время производства слѣдствія, какъ

мы видѣли выше изъ разсказа, лишились жизни насильственно. Позорная жизнь окончилась непривлекательно— не менѣе позорною для каждаго смертію. Наконецъ, двое изъ участниковъ грабежа: Ларіонъ Гусловъ и Трофимъ Курень пропали во время слѣдствія безслѣдно и долгое время не были розысканы.

Передъ самымъ окончаніемъ дѣла до меня дошло свѣдeніе, что Елизавета Гусева стала по ночамъ часто отлучаться изъ дому неизвѣстно куда, и иногда пропадала даже по нѣсколько сутокъ, оставляя домъ безъ присмотра, уводя съ собою даже сынишку Леву. Не подлежало никакому сомнѣнію, что она уходила изъ дому для свиданій гдѣ-нибудь съ Куренемъ, съ которымъ была уже связана извѣстнаго рода интимными отношеніями. Подобныя изчезновенія Елизаветы явственно указывали на сношенія ея съ Куренемъ, а эти сношенія не могли не быть поставленными ей въ вину потому, что включали ее въ группу лицъ участвовавшихъ въ ограбленіи Желуденки: такъ какъ и у ней, при обыскѣ, отыскана была часть заграбленныхъ у Желуденки денегъ.

Мѣсяца два спустя уже послѣ совершеннаго окончанія дѣла Желуденки, является ко мнѣ въ камеру какой-то нищій, и таинственно, испросивъ подаянія, спрашиваетъ меня:я ли мѣстный судебный слѣдователь, и получивъутвердительный отвѣтъ заявляетъ желаніе сдѣлать указаніе на какихъ-то воровъ, которыхъ, по его словамъ, онъ видалъ въ лѣсу, проходя по дорогѣ. Я не отказался выслушать его показаніе, и нищій, принявъ комически-таинственную позу, началъ свою рѣчь такими словами:

— Шелъ, ваше благородіе, этой ночи черезъ Вѣнцовскій лѣсъ сюда въ городъ на попросъ милостыни, и, знаете, дорогой въ лѣсу немного остановился отдохнуть. Ночь нынче тихая была: ни колохнетъ, ни шелохнетъ, и вотъ слышу я вдругъ въ сторонѣ, въ концѣ лѣса, разговоры. Остановился я, чтобъ духъ перевесть, потому ужъ очень испугался, и

вижу изъ-за дерева въ чащѣ повозку съ парой лошадей, не какихъ-нибудь, а хорошихъ коней. Притаился я, думаю себѣ кто бы это могъ быть такою порою, да еще и не на дорогѣ, а въ лѣсу въ самой чащѣ. Присматриваюсь и вижу какой-то человѣкъ, еще молодой, хорошо одѣтый: не то купецъ—не то баринъ, съ такою молодою женщиною и мальчикъ при нихъ, и говорятъ они между собою какъ бы имъ половчѣе уѣхать въ Т—ну, чтобы на дорогѣ никто не застигъ. Мужчина то совѣтуетъ переночевать въ лѣсу, уже не помню съ какихъ разсчетовъ, а женщина то говоритъ, что лучше ѣхать, чтобъ къ утру до мѣста въ городъ добраться. Изъ ихнихъ разговоровъ дознал я, что они какіе то нечестные люди и что ѣдутъ въ Т—ну, гдѣ у нихъ припасена ужъ квартира. Какъ пришелъ я сюда въ вашъ городъ-то, добавилъ нищій, да поразсказалъ въ корчмѣ о томъ, что я ночью въ лѣсу видалъ да слыхалъ, такъ мнѣ народъ и присовѣтовалъ, чтобы я къ вамъ явился да обо всемъ объявилъ.

Въ практической службѣ моей, мнѣ часто приходилось имѣть дѣло съ разнаго рода доносчиками, и какъ это непокажется нѣкоторымъ страннымъ, но я никогда не могъ смотрѣть на доносчика, какъ на человѣка, дѣйствительно желающаго доносомъ своимъ обнаружить или открыть какое-нибудь преступленіе или гнусный проступокъ,—безъ какой нибудь задней цѣли или предвзятой личной выгоды. Заявленіе, сдѣланное мнѣ нищимъ, котораго я совершенно не зналъ, и которому, повидимому, не было никакого дѣла до того, что въ лѣсу были какіе-то нечестные люди, съ перваго же разу меня чрезвычайно удивило. И не знаю почему, но мнѣ показалась подозрительною прежде всего самая личность нищаго, который былъ еще не старый человѣкъ, довольно здороваго сложенія, по видимому не страдалъ никакимъ недугомъ, и потому появленіе такого субъекта въ роли нищаго, роли, до которой дѣйствительные нищіи доходятъ путемъ совершенно иной обстановки, нежели въ какой глазамъ моимъ представился доносчикъ, меня крайне удивило.

Кромѣ того, мнѣ рѣзко бросилось въ глаза то обстоятельство, что стоявшій передо мною нищій имѣлъ совершенно изодранную шапку и совершенно старый, заплатанный лохмотьями, армякъ, тогда какъ сапоги на ногахъ имѣлъ отличные, совершенно новые, и даже съ щеголеватымъ видомъ. Чтобы онѣ дисгармоніею своею съ остальнымъ костюмомъ не могли бы привлечь на себя невыгодное вниманіе, предусмотрительность владѣльца вымазала ихъ грязью, чтобы придать имъ незатѣйливый видъ и скрыть ихъ щеголеватость.

Бродяги и разнаго рода подобный людъ, скрывающійся по лѣсамъ и шляющійся изъ любви къ искусству, обыкновенно пуще всего берегутъ свои ноги, потому что при тревожномъ и подвижномъ образѣ жизни, отъ здоровья ногъ, нерѣдко зависитъ вся ихъ жизнь, будущность и свобода. При хорошихъ здоровыхъ ногахъ, бродяга не боится ничего. Онъ во время успѣетъ скрыться, во время поспѣетъ куда ему надо, во время не опоздаетъ дать стрекача. Однимъ словомъ, ноги для него важнѣе головы,—съ больными же ногами такому лѣсовику плохое житье. Поэтому сколько мнѣ не приходилось наблюдать бродягъ, я всегда замѣчалъ, что большинство ихъ, къ ногамъ своимъ относилось всегда съ полною заботливостію. На иномъ бродягѣ ни армяка ни шапки нѣтъ, а на ногахъ непремѣнно порты и сапоги. Пока доносчикъ—нищій передавалъ мнѣ свое заявленіе о видѣнныхъ имъ въ лѣсу нечестныхъ людяхъ, я съ пытливостію смотрѣлъ ему въ лице, и слѣдилъ за его выраженіями, думая подмѣтить какой-нибудь взглядъ, который могъ бы его выдать. И дѣйствительно отъ меня не ускользнуло, что, замѣтивъ мои пытливые взгляды, нищій сильно сморщился и видимо сокращалъ свою рѣчь, лишь бы поскорѣе отдѣлаться отъ неудачно принятой на себя роли.

— Скажи пожалуйста мнѣ, кто ты самъ то такой? обратился я къ нищему, вдругъ совершенно для него неожиданно, когда онъ окончилъ разсказъ.

Вопросъ мой окончательно его смутилъ. Онъ поблѣднѣлъ,

затряссся, и не зналъ, что отвѣчать, а ястребиные глаза такъ и забѣгали во всѣ стороны, высматривая съ пытливостію какъ бы удачнѣе махнуть въ дверь, да на свободу.

— Кто ты такой самъ? спросилъ я его вновь еще настоятельнѣе, приближаясь къ нему ближе и все пристальнѣе и пристальнѣе вглядываясь въ лице.

— Нищій я, Христомъ Богомъ живу, по міру хожу, да за честныхъ людей Богу молю — едва цѣдилъ сквозь зубы нищій, подлаживаясь подъ нищенскій напѣвъ, и стараясь уже не смотрѣть мнѣ въ глаза. Подайте Христа, ради добавилъ онъ низко кланяясь и не поднимая головы, чтобы тѣмъ скрыть смущеніе. Совершенно растерявшійся видъ несчастнаго нищаго, попавшаго сверхъ чаянія въ столь затруднительную обстановку, отъ меня не скрылся, и потому, принявъ мѣры къ пресѣченію ему способовъ отступленія на утекъ, я еще настойчивѣе приступилъ къ нему съ разспросами.

— Ты мнѣ потрудись объявить положительно, кто ты такой, приставалъ я къ нему, т. е. какого ты званія, откуда родомъ и какъ тебя звать?

— Какого я званія? Нищій, да и все тутъ, а зовутъ меня Иваномъ, отвѣтилъ онъ.

— Ты нищій не по званію, а по ремеслу и образу жизни, а званіе должно указывать твое состояніе и мѣсто приписки, перебилъ я его, и потребовалъ, чтобы онъ показалъ свой паспортъ.

— Паспорта у меня нѣтъ, потому я изъ духовнаго званія, отвѣчалъ онъ мнѣ уже болѣе спокойно, смотря мнѣ въ глаза съ нѣкоторою наглостію.

— Какъ такъ изъ духовнаго званія,—кто же былъ твой отецъ? спросилъ я.

— Мой папенька былъ Василій Кузнецъ, и по первой гильдіи Московской купецъ, уже дерзко и со смѣхомъ заговорилъ нищій. И продолжалъ: вы, слѣдователь, чего ко мнѣ пристали? Вмѣсто того, чтобъ воровъ по моему указанію

задержать, вы ихъ покрываете, а ко мнѣ Богъ знаетъ чего пристали. Чего вамъ отъ меня надо? Нищій я Иванъ, и больше ничего. Коли вамъ моихъ словъ слушать не угодно, такъ я съ вами и говорить не желаю, найду дорогу и до губернатора. Съ этими словами онъ повернулся уже было къ двери съ намѣреніемъ проскользнуть въ нее, но былъ удержанъ десятскими, которымъ, однакожъ, сразу не поддался, и думалъ было силой вырваться изъ рукъ и уйдти изъ камеры, но не смотря на то былъ удержанъ и связанъ по рукамъ и ногамъ. Послѣ этого роль нищаго онъ бросилъ и, разъярившись отъ своей неудачи до нельзя, сталъ сыпать на меня разнаго рода ругательствами.

— Погодите, дай Богъ свободы, покажу я вамъ, какой я есть нищій: на лихую птицу наѣхали, попрѣй да попотѣй, такъ узнаешь кто я такой, да не съ твоимъ рыломъ со мной знакомство водить, — кричалъ въ моей камерѣ во все горло смиренный нищій, обращая ко мнѣ свои ругательства.

Послѣ такаго казуса не оставалось уже никакого сомнѣнія въ томъ, что нищій Иванъ былъ какая нибудь залетная изъ дальнихъ странъ недюжинная личность, что нибудь въ родѣ бѣглаго, бродяги арестанта или каторжнаго. Мнѣ предстояло во первыхъ, обнаружить его званіе; во вторыхъ, дознать, что за причины могли побудить его явиться ко мнѣ со столь рискованнымъ доносомъ, и въ третьихъ, повѣрить самый доносъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ описанныя личности, по примѣтамъ своимъ, походили совершенно на Куреня, Гусеву и сына послѣдней Леву. Въ видахъ обнаруженія личности Ивана, нужно было опубликовать примѣты, а потому я принялся тщательно его осматривать, и этотъ осмотръ привелъ къ довольно положительнымъ результатамъ. Во первыхъ, на спинѣ Ивана оказались рубцы отъ когда то испытанныхъ ею ударовъ плетей, а во рту не оказалось двухъ переднихъ нижнихъ зубовъ. Первое обстоятельство указывало на возможность предположенія того, что Иванъ былъ бѣглый каторжный, а послѣднее давало основа-

ніе предполагать, что Иванъ былъ знакомъ съ Трофимомъ Куренемъ, такъ какъ въ записной книжкѣ послѣдняго были записаны, если припомнитъ читатель, чьи то примѣты объ отсутствіи двухъ переднихъ зубовъ.

Иванъ былъ отправленъ для содержанія въ мѣстный острогъ, а такъ какъ губернскій городъ Т. отстоялъ отъ моего мѣстопребыванія не болѣе 25 верстъ, то, чтобы не терять времени, я, для повѣрки заявленія Ивана, немедленно, по снятіи съ него допроса и по отправленіи его въ острогъ, отправился въ Т. для заарестованія указанныхъ имъ личностей, въ которыхъ я, навѣрное, предполагалъ найдти Куреня и Гусеву. Иванъ, не смотря на свое ко мнѣ озлобленіе. въ показаніи своемъ указалъ даже и на адресъ ихъ квартиры, о которомъ, по словамъ его, онъ освѣдомился изъ разговоровъ въ лѣсу. Квартиру эту, я, при участіи мѣстной полиціи, отыскалъ очень легко. Заявленіе свое нищій Иванъ сдѣлалъ мнѣ въ 2 часа дня. Допросъ его продолжался до 5 часовъ вечера, въ 6 часовъ я выѣхалъ въ Т—лу, и прибылъ туда въ 10. Въ 11 часу, я, съ чиновникомъ полиціи, понятыми и полицейскими солдатами, былъ уже у дверей указанной намъ квартиры. Хозяинъ дома заявилъ, что въ ней живетъ к—скій купецъ Парменовъ съ женою и сыномъ, и что квартиранты эти переѣхали недавно. Когда мы позвонили у дверей квартиры, то намъ долго не отворяли, наконецъ, къ двери извнутри квартиры кто то подошелъ легкими шагами, и послышался вопросъ: кто тамъ? Я узналъ по голосу Гусеву, но чтобы не дѣлать прежде временнаго переполоха и не пугать ее, приказалъ на голосъ отозваться хозяину. Вслѣдъ за тѣмъ дверь была отворена и въ минуту квартира наполнилась незваными гостями. Елизавета, увидавъ меня, оторопѣла и не знала куда броситься и что дѣлать. Трофимъ тотчасъ же былъ отысканъ. Онъ, со страху, забрался въ кухонную печь, но высунувшіяся изъ за дверки и неприпрятанныя во время ноги, выдали его убѣжище. Онъ былъ вытащенъ весь замаранный въ сажѣ. При

немъ же, въ боковомъ карманѣ, найденъ былъ и паспортъ на имя купеческаго сына Парменова съ женой Елизаветой и сыномъ Петромъ. Въ паспортѣ этомъ я узналъ издѣліе Гусла. Положеніе Трофима Куреня и Елизаветы было крайне комично: они сами не могли сознавать, что попались кругомъ, и потому рѣшились признаться во всемъ. Можетъ быть они и заперлись бы еще въ чемъ нибудь, но испуганный прибытіемъ начальства сынъ Елизаветы, Лева, на распросы мои, при множествѣ свидѣтелей, взятый въ расплохъ, безъ наущеній матери, высказалъ пренаивно всю правду. Такъ онъ объяснилъ, что матка его съ дядькой Трофимомъ знакомы давно, что дядька маткѣ завсегда денегъ привозилъ, и ему давалъ по гривнѣ на пряники, и наказывалъ, чтобъ про дядьку никогда никому нигдѣ ничего не говорилъ. На спросъ мой: что же дядька у нихъ дѣлалъ? мальчикъ Лева отвѣчалъ, что «завсегда по ночамъ балякалъ и въ глазы ей глядѣлъ.» Сознаніе и разсказъ мальчика Левы поставили Трофима и Елизавету въ невозможность скрыть что либо изъ того, что мнѣ отъ нихъ было нужно узнать. Изъ показаній ихъ, а также изъ послѣдующихъ моихъ по дѣлу разслѣдованій оказалось слѣдующее: Трофимъ Курень—это его дѣйствительное имя, первоначально былъ мѣщанинъ города С. но потомъ, за разные грабежи и другія преступленія, его сослали въ арестантскія роты, гдѣ онъ пробылъ два года, а на третьемъ году ушелъ и бродяжилъ по разнымъ мѣстамъ. Наскучившись подобною кочевою жизнію, а также по поводу приближенія зимняго времени, онъ, подъ именемъ Микерки, поступилъ на линію желѣзной дороги рабочимъ, раздобывъ себѣ подложный паспортъ отъ Ларіона Гусла, съ которымъ познакомился во время своего бродяжества. Съ Елизаветой Гусевой Трофимъ увидался въ первый разъ, во время своего бродяжества, на одномъ базарѣ, гдѣ онъ, подъ видомъ цыгана продавалъ украденную лошадь. Елизавета, не отличавшаяся никогда чистотою нрава, прельстилась молодымъ цыганомъ, и указала ему путь къ своему дому. При жизни мужа

она видалась со своимъ возлюбленнымъ тайкомъ, а послѣ смерти мужа, Трофимъ почти совсѣмъ переселился къ ней, и, занимаясь грабежами и воровствами, все, что только ни добывалъ, сплавлялъ къ Елизаветѣ, которая обладала способностію моментально сбывать все по разнымъ мѣстамъ и обращать награбленное и наворованное имущество въ деньги. Разсказъ рабочаго съ желѣзной дороги подтвердился также. Послѣ ухода съ желѣзной дороги, Трофимъ познакомился съ Дормидономъ и его товарищами и вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ ограбленіи Желуденки. Ларіона въ семью Дормидона ввелъ тотъ же Трошка, такъ какъ онъ съ нимъ былъ знакомъ. Послѣ грабежа у Желуденки, Трошка оставилъ своихъ товарищей, соскочилъ отъ нихъ дорогой, чтобы поспѣшить представить на алтарь своей любви часть изъ приходившихся на его долю денегъ. Деньги эти и были отысканы у Гусевой. По уходѣ изъ острога, послѣ поимки въ Зуевкѣ, Трофимъ долгое время скрывался по разнымъ мѣстамъ, и только тогда, когда убѣдился, что его по близости искать уже не будутъ, рѣшился явиться къ Елизаветѣ, чтобы забрать ее съ собой въ качествѣ сожительницы, и запасшись подложными паспортами на свое и на ея имя, отправиться куда нибудь подальше, и предаться вполнѣ своей любви какъ къ Елизаветѣ, такъ и къ страсти къ грабежамъ и разбоямъ—гдѣ нибудь въ болѣе уже безопасной мѣстности. Въ промежутокъ времени послѣ побѣга изъ тюрьмы до явки своей къ Елизаветѣ, Трошка очень часто устраивалъ съ нею свиданія въ разныхъ мѣстахъ, успѣлъ гдѣ то еще украсть денегъ и подрѣзалъ на большой дорогѣ почтовую денежную сумку На эти денежки нанявъ въ Т—лѣ квартиру, думая поселиться въ ней съ Елизаветой, онъ купилъ себѣ пару лошадей и бричку, съ цѣлію показать себя занимающимся извозомъ. На первый разъ испробовалъ своихъ лошадей въ поѣздкѣ къ Елизаветѣ, забралъ съ собою ее, ея сынишку и пожитки, и въ ночь выѣхалъ изъ Зуевки по направленію къ Т—лѣ. Дорогой долженъ былъ остано-

виться въ лѣсу и спрятаться въ кустахъ, чтобы не попасться на глаза какимъ то ѣхавшимъ ему на встрѣчу людямъ. По пословицѣ: «на ворѣ шапка горитъ,» Трошка былъ крайне остороженъ и не любилъ пускаться на неизвѣстную удачу тамъ, гдѣ не предвидѣлъ для себя впереди вполнѣ вѣрнаго и благополучнаго исхода. Наконецъ, онъ прибылъ въ Т—лу, гдѣ и былъ мною схваченъ вмѣстѣ съ своею Елизаветою и ея сыномъ. Молва была, что мужъ Елизаветы, съ ея согласія, не ушелъ отъ рукъ Трофима, но это была только молва. Всѣ видѣли какъ мужа ея хоронили. «Покойникъ былъ какъ слѣдуетъ при своемъ положеніи, говорили обыскные люди, а отъ чего онъ померъ, Богу одному извѣстно. Не любъ онъ былъ Елизаветѣ, потому она за него противъ воли молодой дѣвкой шла, да къ тому же онъ ужъ былъ староватъ для нея. Да и то сказать: этого молодца, что взяли, прежде у ней не видывали.

Для полноты разсказа остается еще личность нищаго Ивана и его отношенія къ Трошкѣ и Елизаветѣ.

Нищій Иванъ (а по настоящему Прокопъ Рыбникъ) былъ старовѣръ, крестьянинъ деревни Зуевки. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, за убійство двухъ женщинъ, онъ, по рѣшенію суда, былъ наказанъ плетьми и сосланъ въ каторжныя работы, гдѣ пробылъ одинадцать лѣтъ, а на двѣнадцатомъ году, обуреваемый страстью къ родинѣ, ушелъ съ каторги, и воротился въ Зуевку. Здѣсь онъ нашелъ себѣ радушный пріютъ и гостепріимство. Прокопъ приходился Елизаветѣ Гусевой по отцу двоюроднымъ дядей, и, бывая у нея, познакомился съ Трошкой. Трошка и Прокопъ сразу стали другъ къ другу во враждебныя отношенія: причиною тому была ревность къ Елизаветѣ. Прокопъ, на правахъ дяди, простиралъ свои претензіи къ Елизаветѣ, и добивался отъ нея не родственной любви, а другой. Такое посягательство на любимую женщину, какъ на нѣчто дорогое и близкое сердцу, крѣпко не нравилось Трошкѣ, и онъ рыцарски отстаивалъ права свои на нее. Прокопъ, выставляя на видъ свой каторжный авто-

ритетъ, не разъ грозилъ Трошкѣ порѣшить съ нимъ такъ, какъ порѣшилъ онъ, по его выраженію, «съ двумя сучками,» за которыхъ его въ Сибирь сослали. Но Трошка этихъ угрозъ не боялся, и въ свою очередь каторжному авторитету Прокопа противопоставлялъ авторитетъ своихъ кулаковъ и силы. Какъ ни пѣтушился дядя, но при взглядѣ на своего соперника, полнаго жизни и силы, не могъ не сознаться передъ самимъ собою, что онъ уступаетъ ему во всемъ и что его пѣсенка уже спѣта. Чтобы не потерпѣть въ глазахъ Елизаветы полнаго фіаско, и не дожить до позорной минуты быть выгнаннымъ ими изъ артели, онъ сталъ къ къ нимъ подлаживаться и даже сказалъ Трошкѣ, что уступаетъ ему Елизавету безспорно. Такимъ образомъ отношенія Прокопа къ Трошкѣ сдѣлались гораздо лучше и естественнѣе. Они даже сблизились между собою на столько, что Прокопъ объявилъ Трошкѣ о своемъ намѣреніи не жить безъ дѣла, а образовать шайку для занятій разными хорошими дѣлами и барыши дѣлить сообща. Трошка, бывшій въ то время еще на свободѣ, согласился на такое предложеніе. Онъ былъ у Ларіона и просилъ его изготовить для каторжнаго паспортъ, безъ котораго невозможно было бы безопасно разгуливать по бѣлу свѣту. Съ этою-то цѣлію и стояло въ его памятной книжкѣ отсутствіе двухъ переднихъ зубовъ. Трошка былъ грамотѣй, велъ памятную книжку и самъ вызвался добыть Прокопу паспортъ для того, чтобы онъ скорѣе отправлялся набирать себѣ шайку. Въ сущности, самъ Трошка вовсе и не думалъ вступать въ шайку дяди Елизаветы: положеніе его у Дормидона было вполнѣ упрочено; ему только хотѣлось хоть на время, избавиться отъ его присутствія. Въ этихъ видахъ онъ готовъ былъ хоть подъ какимъ нибудь предлогомъ выпроводить каторжнаго изъ Зуевки, лишь бы только онъ не служилъ ему помѣхой въ любовныхъ дѣлахъ его съ Елизаветой. Тѣмъ болѣе желалъ онъ отдѣлаться отъ него, что началъ съ грустью замѣчать, что Елизавета оказываетъ и дядѣ своему маленькое расположеніе, беря отъ

него за то нерѣдко деньги, которыхъ у Прокопа былъ изрядный мѣшочекъ. Деньги эти неизвѣстно какими путями достались ему; добылъ онъ ихъ по дорогѣ изъ каторги въ родную Зуевку.

Въ промежутокъ этого времени случилось и ограбленіе Желуденки и, какъ припомнитъ читатель, вскорѣ послѣ того Трошка, онъ-же Микерка, былъ арестованъ. Въ то время, когда въ квартирѣ Дормидона, по поводу раздѣла денегъ, совершилась извѣстная катастрофа, Микерка былъ уже на свободѣ. Обдумывая послѣдствія этой катастрофы, онъ рѣшился запастись паспортами, взять Елизавету и утекать изъ Зуевки, уйдти куда нибудь подальше, попытать счастья на чужой сторонкѣ. На товарищахъ своихъ по ремеслу онъ имѣлъ кое какіе должишки. Страсть къ деньгамъ заставила его позаботиться и о томъ, какъ бы получить эти должки. Онъ зналъ, что Дормидонъ и Сучекъ убиты, а Дормидониха, Саврасъ и Рубецъ арестованы; зналъ также и то, что у Дормидона гдѣ-то закопаны деньги, и въ немъ запала мысль розыскать это мѣсто, забрать деньги и затѣмъ уже, сказавъ послѣднее прости своимъ товарищамъ, живымъ и мертвымъ, — пуститься съ Елизаветой въ путь, куда глаза глядятъ. Для этой цѣли ему конечно нужно было остаться на нѣкоторое время въ Т-нѣ. И вотъ Трошка нанимаетъ себѣ на время квартиру, куда и думаетъ переселиться съ Елизаветой. Одно, что смущало его при этомъ,—это навязчивость и назойливость Прокопа, отъ котораго онъ не зналъ какъ отдѣлаться. Впрочемъ, отдѣлаться отъ него могъ бы легко, но корысть мучала его и зарила на Прокопины денежки. Онъ наконецъ достигъ этого. Прокопъ, рыскавшій нѣкоторое время по разнымъ мѣстамъ, пріискивая въ шайку товарищей, воротился однажды, послѣ побѣга уже Трошки изъ тюрьмы, въ Зуевку, и объявилъ послѣднему, что никого не нашелъ. Трошка нисколько этимъ не опечалился. Онъ сказалъ Прокопу, что имѣетъ уже виды составить подобную шайку въ Т-нѣ, для чего и нанялъ тамъ себѣ квартиру, и предложилъ Прокопу всту-

пить съ нимъ въ товарищество съ тѣмъ, чтобы Прокопъ далъ ему 700 руб. на первыя надобности по общему дѣлу. Каторжникъ, изъ за однаго того ужъ, чтобы не разставаться съ Елизаветой, къ которой онъ питалъ самую пламенную любовь, охотно согласился и, отдавъ деньги, почувствовалъ себя съ того момента какъ-бы уже не чужимъ въ семьѣ. Освоившись больше съ близостью отношеній своихъ къ Трошкѣ, Прокопъ въ отсутствіе его, право своего общаго по предпріятію участія, простиралъ и на Елизавету, которая тому не противилась единственно лишь потому, что онъ за каждую ласку, за каждый взглядъ, за каждый привѣтъ, дарилъ ее рублями, украденными у товарища изъ своихъ же собственныхъ денегъ. Такимъ образомъ Трошка, Прокопъ и Елизавета, дѣйствуя повидимому сообща и стремясь къ одной цѣли, тѣмъ не менѣе постоянно обманывали другъ друга, идя съ зажмуренными глазами на встрѣчу того, чего они не могли себѣ ни опредѣлить, ни уяснить. Одинъ лишь мальчикъ Лева жилъ среди нихъ своею натуральною, дѣтски наивною жизнію, смутно понимая иногда, что около него происходитъ все какъ-то не такъ, какъ бы слѣдовало, а какъ-то иначе; а какъ иначе—онъ того своей дѣтской головкой постигнуть не могъ.

Трошка, чтобы вкрасться въ полное довѣріе къ Прокопу, послалъ его однажды въ Т-ну съ частью вещей Елизаветы на свою квартиру, и затѣмъ, вскорѣ послѣ того, они на Трошкиныхъ лошадяхъ выѣхали ночью изъ Зуевки, чтобы болѣе въ нее никогда уже не возвращаться. Предвидя всякія случайности, Трошка приказалъ Прокопу одѣться въ старый, сѣрый армякъ, и, при случаѣ, назваться его работникомъ. Ночью, когда они ѣхали чрезъ Вѣнцовскій лѣсъ на встрѣчу имъ издалека послышался чей то колокольчикъ. Въ то время, въ описываемой мною мѣстности, право ѣздить съ колокольчиками принадлежало исключительно только начальствующимъ лицамъ, поэтому Трошка, избѣгая непріятной встрѣчи и пользуясь темнотою ночи, взялъ съ дороги въ право въ

кусты, чтобы обождать проѣзда власти. Но такъ какъ послѣ этого проѣзда послышался не вдалекѣ скрыпъ цѣлой вереницы возовъ, то онъ двинулъ лошадей еще дальше въ глубину лѣса, и, пользуясь случаемъ остановки, подкинулъ лошадямъ сѣнца, а самъ расположился немного вздремнуть, думая черезъ какіе нибудь полчаса двинуться дальше. Только что Трошка сталъ немного забываться, какъ слышитъ недалеко отъ себя, въ травѣ, гдѣ лежала Елизавета какой-то шопотъ, и затѣмъ слова: «оставь, не тронь! Что дѣлаешь, старый ты человѣкъ?» Точно звѣрь остервенился Трошка, въ одинъ мигъ вскочилъ онъ на ноги, и бросился душить Прокопа, который успѣлъ только нѣсколько разъ крякнуть и замолкъ. А Трошка, не остановившійся въ своемъ изступленіи на первомъ порывѣ ярости, досталъ изъ повозки веревку и, сдѣлавъ изъ нее петлю, надѣлъ ее на шею безчувственному дядѣ и, подтащивъ его къ дереву, туго обмоталъ конецъ веревки около пня. Все это онъ дѣлалъ совершенно безсознательно и нѣкоторое время не могъ придти въ себя,—такъ велика была его ярость! Потомъ вдругъ вскочилъ онъ въ повозку, усадивъ туда дрожавшую все время отъ страху Елизавету, и, ударивъ по лошадямъ, погналъ ихъ по дорогѣ куда было нужно. Прокопа онъ считалъ мертвымъ, и при мысли объ этомъ, имъ овладѣло злобно радостное чувство: наконецъ то онъ избавился отъ ненавистнаго ему человѣка, отъ котораго въ ближайшемъ будущемъ все равно, такъ или иначе, а нужно было во чтобы то ни стало отдѣлаться. Но Трошка ошибся въ разсчетѣ: Прокопъ былъ только ошеломленъ и находился въ безчувственномъ состояніи. Минутъ черезъ пять послѣ отъѣзда душегуба. онъ пришелъ въ сознаніе, кое-какъ высвободился изъ петли, и рѣшился отомстить своему врагу. Онъ явился ко мнѣ подъ видомъ нищаго, и заявилъ о случившемся съ нимъ. Послѣдствіемъ его доноса было задержаніе Трошки и Елизаветы, а также арестъ и его самого. Участіе свое въ сообщничествѣ съ ними онъ сперва отвергалъ, но уличенный на одной изъ очныхъ

ставокъ Трошкой и Елизаветою, онъ пошатнулся, признавшись въ дѣйствительномъ званіи бѣглаго ссыльно-каторжнаго, и въ участіи по сформированію грабительской шайки. На очной ставкѣ, данной ему съ Трошкой, они до того остервенились другъ на друга, что для удержанія ихъ въ границахъ, допускаемыхъ на очной ставкѣ взаимныхъ уликъ, слѣдовало прибѣгнуть къ содѣйствію конвоя.

Въ показаніяхъ своихъ, Трошка, между прочимъ, признался въ томъ, что, будучи у Желуденки въ числѣ грабителей, онъ участвовалъ и взломалъ сундукъ съ деньгами, а скрываясь въ сараѣ Елизаветы имѣлъ при себѣ пистолетъ. Въ намѣреніи задушить въ лѣсу Прокопа, Трошка также сознался и съ цинизмомъ, въ присутствіи каторжнаго, отозвался про него такъ:

— Очинно мнѣ, ваше благородіе, жаль, что я его старую собаку на смерть не задавилъ: по крайности зналъ бы, что не задаромъ пойду по Владимірской дороженькѣ!

— Пойдемъ вмѣстѣ — не бѣдуй,—отвѣчалъ на его слова Прокопъ. Кто изъ насъ сдохнетъ собакой, еще неизвѣстно: можетъ я, а можетъ и ты.

Злобно посмотрѣвъ другъ на друга, они вышли изъ моей камеры въ сопровожденіи конвоя, побрякивая надѣтыми на руки и на ноги кандалами. Елизавета Гусева была водворена мною на мѣсто жительства, и первое время послѣ арестованія Трошки частенько его навѣщала, но потомъ какъ будто отъ него отвыкла, и чуть ли не нашла себѣ другаго обожателя.

Читателю, быть можетъ, не безъинтересно будетъ узнать судьбу оставшихся въ живыхъ героевъ нашего разсказа:

Дѣло объ ограбленіи Желуденки было рѣшено очень скоро. Трошка, Саврасъ, Рубецъ и Прокопъ были осуждены на разные сроки въ каторжныя работы. Ларіонъ Гусловъ исчезъ безслѣдно, и нигдѣ отысканъ не былъ. Елизавета Гусева и Дормидонова баба отдѣлались продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Желуденко, получивъ только

часть заграбленныхъ у него денегъ, долго тосковалъ объ остальной неотысканной части и, какъ кажется, спился съ круга.

Чужое добро никому изъ героевъ нашего разсказа—какъ видно—въ прокъ не пошло.

VI.

Преступленіе суевѣрія.

Лѣтомъ 1865 года, въ бытность мою судебнымъ слѣдователемъ О—скаго уѣзда, получилъ я отъ мѣстнаго пристава увѣдомленіе, что въ деревнѣ Гердовой на томашнемъ сельскомъ кладбищѣ, расположенномъ за выгономъ, оказались разрытыми шесть могилъ покойниковъ-крестьянъ той деревни. Такъ какъ въ извѣщеніи пристава значилось, что трупы были выкинуты изъ гробовъ, и раскиданы по разнымъ мѣстамъ кладбища, то слѣдовало предположить, что подобное кощунственное дѣйствіе совершено надъ покойниками не иначе какъ, или съ цѣлію грабежа, или съ цѣлію поруганія, а потому немедленно, по полученіи извѣщенія отъ пристава, я отправился въ деревню Гердову для производства слѣдствія.

Приближаясь къ деревнѣ со стороны кладбища, я еще издали почувствовалъ нестерпимый запахъ отъ разлагавшихся труповъ; прибывъ въ деревню, я засталъ тамъ все населеніе въ страшно смятенномъ состояніи. Мужчины, женщины и дѣти стояли гурьбой въ концѣ деревни, изрѣдка, со страхомъ, посматривая въ ту сторону, гдѣ среди разрытыхъ могилъ, то тамъ то сямъ виднѣлись очертанія выкинутыхъ изъ могилъ гробовъ и покойниковъ, лежавшихъ въ разныхъ позахъ и обезображенныхъ сильною степенью гнилости. Семейство, жившее не подалеку отъ кладбища перебралось изъ

своей хаты къ какому-то другому хозяину. Собаки цѣлой деревни, чуя что то не совсѣмъ обыкновенное, выли, и воемъ своимъ наводили еще болѣе ужаса на перепугавшихся крестьянъ и крестьянокъ. Воздухъ въ деревнѣ отъ сильно разлагавшихся труповъ, цѣлый день припекаемыхъ палящими лучами солнца, былъ невыносимъ. А потому первымъ моимъ дѣломъ, для устраненія зловонія, было приказать нарубить ельнику, и, обложивъ имъ кладбище, зажечь его. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что я пріѣхалъ въ деревню уже поздними сумерками и осмотра кладбища и труповъ дѣлать уже не могъ. Между тѣмъ трупы и кладбище необходимо было оставить въ томъ же положеніи, въ какомъ они были, и приставить кругомъ караульныхъ, которые были очень рады возможности всю ночь жечь огонь и тѣмъ хоть немного уменьшить мучительную тоску, проводя цѣлую ночь въ сообществѣ своихъ умершихъ односельцовъ. Распорядившись карауломъ и приготовленіями для осмотра труповъ, на другой день я отправился на отведенную мнѣ квартиру въ домѣ одного изъ хозяевъ деревни Гердовой. Хозяева приняли меня очень радушно, и видимо были довольны присутствію среди ихъ въ теченіи ночи посторонняго человѣка. Нѣсколько времени спустя по приходѣ моемъ на квартиру, пришелъ ко мнѣ староста поговорить «о такомъ дѣлѣ.» Изъ словъ и разсказовъ его я старался объяснить себѣ хоть сколько-нибудь причину такого неслыханнаго и невиданнаго мною факта.

— Что это у васъ за оказія такая случилась? обратился я къ старостѣ: разскажи мнѣ пожалуста, какъ ты по своему понимаешь,—кто и для чего наругался надъ вашими покойниками, и съ какою цѣлію ихъ повыкопали изъ могилъ?

— Извѣстно, это людская работа, отвѣчалъ староста. Мало ли промежъ народа глупства ходитъ, иному какъ задастся, что въ голову, такъ поколь не сдѣлаетъ того—ни спать, ни ѣсть не можетъ. Можетъ кому и сдалось покойниковъ

потревожить,—вотъ и потревожилъ. А кто это сдѣлалъ—я не знаю.

Думая, что подобный фактъ не есть ли месть кого-либо къ погребеннымъ, я обратился къ старостѣ съ вопросомъ по этому поводу.

— Кажись этого неслыхать было, чтобы кто къ кому изъ нашихъ покойниковъ за жизнію злобость имѣлъ, да только вотъ чудно то, что еще, ваше благородіе, продолжалъ староста, обращаясь ко мнѣ: кабы одинъ, а то вишь нѣсколько покойниковъ не знамо зачѣмъ выкопаны.

— Что бы это значило? спросилъ я.

— А видно такъ, что они кому нибудь по ночамъ спать не давали: пужать ходили.

Я засмѣялся при этомъ отвѣтѣ старосты, а квартирная хозяйка, не молодая уже баба, внимательно слѣдившая за разговоромъ, набожно перекрестилась и проговорила: «съ нами крестная сила!»

— Развѣ вы вѣрите тому, что покойники могутъ ходить по землѣ и пугать людей? Вамъ бы ужъ давно слѣдовало отказаться отъ такихъ нелѣпыхъ бредней — обратился я къ старостѣ.

— Какъ, ваше благородіе, не ходятъ,—ходятъ. Это вѣрно, — чуть не перебилъ меня староста: это всякій знаетъ; спросите малаго ребенка и тотъ знаетъ, что покойники ходятъ.

— Да вѣдь знать это и утверждать можно только тогда, если бы, напримѣръ, ты самъ когда нибудь видѣлъ ходившаго покойника. А вѣдь вѣрно, если спросить кого нибудь изъ васъ: видалъ ли кто такое чудо, такъ никто не скажетъ, что видѣлъ.

— Какъ никто не видалъ?—да я первый видѣлъ покойника, какъ онъ по землѣ ходилъ, да и въ хату ко мнѣ даже стучалъ,—перебилъ меня староста.

— Разскажи мнѣ пожалуйста эту исторію: мнѣ любопытно будетъ послушать, какъ это покойники по землѣ ходятъ.

— А вотъ какъ было, началъ староста: позапрошлымъ лѣтомъ умеръ въ нашей же деревнѣ старикъ. Жена его была такая бѣдная-пребѣдная, не имѣла съ чего сдѣлать мужу гробъ. Ну, а у меня на ту пору были доски, баба то и приходила ко мнѣ просить пару досокъ, да я—грѣшный человѣкъ—не далъ, пожалѣлъ. Баба туда сюда, нигдѣ одначе досокъ не достала. Вотъ разбила она у себя въ хлѣву переборку, да кое-какъ изъ нее и сбила своему дѣду гробъ. Стали дѣда въ гробъ класть, ноги то у него и не влѣзаютъ: доски коротки были. Что тутъ дѣлать? Взяли да ноги то ему согнули, да такъ и похоронили. Мнѣ и въ первый то вечеръ послѣ того, все какъ то нудило: покойника дѣда жалко было, что я ему досокъ пожалѣлъ, и думаю это я самъ про себя: худо ему, бѣдному, съ прикорченными то ногами лежать. На второй вечеръ еще пуще меня тоска взяла, а на третій сижу я ужъ поздно: съ бабою своей ужинаю. Ѣсть то мнѣ ѣстся, да не въ охотку, а баба то все пристаетъ: чего не ѣмъ? Вдругъ слышу въ сѣняхъ кто то ходитъ; а доски у меня въ сѣняхъ на потолку были положены. И то хоть бы я, а то баба первая услыхала да и спрашиваетъ меня:—«никакъ у насъ кто то по сѣнямъ ходитъ?» Да только хотѣла встать изъ за стола да посмотрѣть, какъ ухнетъ что то въ сѣняхъ съ потолка тяжелое, я такъ и сомлѣлъ: потому дѣдъ этотъ у меня все на сумнѣніи былъ. Боюсь самъ идти въ сѣни да и посылаю бабу. Та взяла лучину, да только ступила за порогъ въ сѣни, какъ закричитъ благимъ матомъ, да назадъ въ хату и лучину уронила. «Чего ты?» крикнулъ я ей. А самъ слышу, что съ сѣней кто то побѣгъ на улицу. «Чего ты?» говорю бабѣ. А самъ со страху едва огню доискался, чтобъ лучину зажечь. «Охъ, страсти мои! завопила баба. Самого, говоритъ, дѣда Потапа видѣла, что третьяго дни хоронили: за доску, говоритъ, руками держался.» Какъ сказала она мнѣ это, страхъ меня такой взялъ, что не знаю, какъ мнѣ и быть. Глянулъ въ окно, да такъ и сомлѣлъ. Какъ живой стоитъ

противъ моей хаты дѣдъ, и руками, наклонившись къ землѣ, копаетъ ямку. Сталъ я Богу молиться: тѣмъ только и прогналъ его. Потомъ я вышелъ въ сѣни и точно одна доска съ потолка спущена.

— Да доска то можетъ быть сама какъ нибудь скатилась, перебилъ я старосту: а дѣдъ Потапъ, со страху, тебѣ почудился, потому что у тебя противъ него совѣсть была не совсѣмъ чиста.

— Никакъ нѣтъ, доска не сама скатилась, а стащилъ ее дѣдъ: вѣдь баба же моя видѣла, что онъ за доску рукою держался. Можно хоть ее спросить,—отозвался ко мнѣ староста.

— Ну, хорошо. Чѣмъ же все это кончилось?—спросилъ я старосту: — послѣ того дѣдъ Потапъ ужъ не пугалъ тебя?

— Нѣтъ еще двѣ ночи приходилъ: одну ночь въ окно стучалъ, а другую подъ поломъ грохоталъ, да только я ужъ его не видалъ, а это онъ приходилъ все въ отмѣстку, что я ему досокъ пожалѣлъ.

— Какъ же ты наконецъ избавился отъ Потапа?

— Ворожку призывалъ: та велѣла тую доску, что онъ трогалъ, сжечь на трехъ камняхъ, а золу собрать въ горшокъ да на могилу къ ему отнести. И говорила она, что нужно по его душѣ поминку справить. Съ той поры ужъ онъ ко мнѣ больше и не приходилъ. А что онъ ямку передъ моей хатой копалъ, такъ это хотѣлъ моей смерти: кабы я его душу не ублаготворилъ, такъ можетъ по днесь и живой бы не былъ!..

— А ворожка вѣрно тебѣ не даромъ ворожила?

— Какъ можно даромъ! Ейная ворожба, коли она ворожить станетъ даромъ, ей не въ прибыль. Я ей за то, что избавила отъ дѣда, далъ два рубля и свиной завитокъ.

Я поинтересовался узнать, что такое значитъ свиной завитокъ и на распросъ мой оказалось, что ворожка потребовала отъ старосты, чтобы онъ отъ живой свиньи отру-

билъ самую крайнюю часть хвоста, и отдалъ бы ей. Получивъ просимое, ворожка обмѣла этимъ завиткомъ хату старосты кругомъ, въ огражденіе будущаго нашествія дѣда, а староста свинью безъ завитка долженъ былъ зарѣзать, потому что она отъ раны на хвостѣ могла бы издохнуть, а зарѣзанная она пригодилась для поминки души дѣда Потапа. На поминкахъ главную роль играла конечно ворожка, по инціативѣ которой и возникли поминки Уходя съ поминокъ, она получила и часть зарѣзанной свиньи. Очевидно, что ворожка была не дура, и пользуясь своимъ вліяніемъ нашла необходимымъ для огражденія старосты отъ дѣда, получить свиной завитокъ единственно лишь въ тѣхъ видахъ, чтобы самымъ невиннымъ образомъ попользоваться на счетъ чужой свиньи угощеніемъ и натурою.

Дальнѣйшій мой разговоръ со старостою, клонившійся къ тому, чтобы узнать кто, съ какою цѣлію и какимъ образомъ совершилъ святотатство, не привелъ ни къ какимъ результатамъ. Онъ давалъ мнѣ на все крайне неудовлетворительные отвѣты и бойкій въ разсказѣ о томъ, какъ пугалъ его дѣдъ Потапъ, въ данномъ случаѣ уклончиво отвѣчалъ на самые обыкновенные и вовсе не трудные вопросы.

— Какъ ты думаешь, спросилъ я его: съ какою цѣлію выкопано именно такъ много покойниковъ, не одинъ и не два?

— Я никакъ и думать не могу объ эфтакомъ дѣлѣ, ваше благородіе, потому какъ тутъ съ нашимъ разумомъ такое дѣло разсудить. Какъ начальство обсудитъ, такъ значитъ и вѣрно, а только такое сужденіе беретъ, что этакая штука сдѣлана намъ не иначе, какъ на напасть.

Ложась спать до слѣдующаго утра, я объявилъ старостѣ что онъ можетъ идти домой, но староста на отрѣзъ отказался отъ этого моего предложенія, объявивъ, что онъ въ такую пору ни за тысячу рублей и на дворъ не выйдетъ, потому теперь «самый часъ такой,» да къ тому и «наружи ихнаго брата за деревней много лежитъ.»

На утро, взявъ съ собою старосту и нѣсколько человѣкъ понятыхъ, я отправился на осмотръ кладбища и покойниковъ. Запахъ отъ гніенія нѣсколькихъ труповъ былъ просто невыносимъ. Понятые, не смотря на то, что каждый изъ нихъ имѣлъ въ зубахъ трубку, едва выносили убійственную атмосферу и нѣсколько разъ пытались было уйдти. Ихъ удерживало на мѣстѣ только мое присутствіе, такъ какъ они не могли не понимать, что я не менѣе ихъ терплю отъ невыносимой вони. Зрѣлище, представившееся моимъ глазамъ на кладбищѣ, было по истинѣ ужасное, а впечатлѣнія непонятнаго страха, и какого-то отвращенія, чуть чуть не къ самому себѣ, при наглядномъ осязаніи ничтожества человѣческаго существованія на землѣ, которыя въ тотъ день я переиспыталъ на Гердовскомъ кладбищѣ, еще и понынѣ, по истеченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ, не изгладились вполнѣ изъ моей памяти. Опишу послѣдовательно и во всей подробности все, что я нашелъ на кладбищѣ, такъ какъ тщательная детальность и рельефность во всѣхъ подобныхъ слѣдственныхъ пріемахъ, составляетъ въ практикѣ слѣдователя тотъ режимъ, который необходимъ для раскрытія истины.

Гердовское кладбище, расположенное за деревнею близъ выгона, окружено валомъ со всѣхъ сторонъ. Раскопка могилъ и вырытіе изъ нихъ труповъ, были произведены въ той мѣстности, гдѣ могилы вообще были свѣжѣе, т. е. гдѣ были похоронены люди въ позднѣйшее время. Всего раскопано было 6 могилъ, изъ которыхъ похороненные въ нихъ были вытащены вмѣстѣ съ гробами. Прежде всѣхъ другихъ бросился мнѣ въ глаза совершенно сгнившій уже трупъ какого-то человѣка, повидимому старика, о чемъ я могъ судить только по сѣдымъ волосамъ на совершенно перегнившихъ покровахъ головы. Трупъ этого покойника былъ выкинутъ изъ гроба и лежалъ ничкомъ внизъ. Руки его какъ-то странно уперлись подъ животъ, а ноги имѣли раздвинутый видъ, такъ что, глядя на трупъ, казалось будто онъ собирается встать. Подобнаго рода картина производила крайне непріят-

ное впечатлѣніе тѣмъ болѣе, что правая нога была подкорчена подъ животъ и какъ-то выпятилась ступней въ сторону. Рядомъ съ нимъ стояли еще два свѣжихъ гроба, отъ которыхъ крышки были отодраны, но находившіеся въ нихъ трупы потревожены не были. Въ одномъ лежала молодая дѣвушка, а въ другомъ пожилой уже мужичекъ. Оба они были довольно свѣжи, особенно первый. У дѣвушки сохранились еще вполнѣ черты ея милаго, прекраснаго личика, окаймленнаго бѣлокурыми волосами. Смотря въ лице дѣвушки, я содрогался при мысли, что чрезъ небольшой промежутокъ времени, ея красивое личико обратится въ сѣрую кашицеобразную вонючую массу, которая будетъ внушать одно только отвращеніе. Далѣе лежала, выкинутая на землю около своего гроба, какая-то старуха уже значительно разложившаяся. Около старухи стоялъ пустой гробъ неизвѣстно отъ какого именно покойника, но, судя по расположенію другихъ труповъ и ихъ гробовъ, я пришелъ къ заключенію, что этотъ пустой гробъ былъ послѣднимъ убѣжищемъ на землѣ какого-то молодаго парня. Трупа его въ сущности не было, потому что онъ былъ съ изувѣрствомъ, не знаю по какимъ причинамъ, просто растерзанъ: голова оторвана отъ туловища и ее едва только, послѣ долгихъ поисковъ, я нашелъ на краю кладбища въ канавѣ, съ кускомъ грязной тряпки, которою заткнутъ былъ ротъ. Глаза проткнуты, а носъ и уши отрѣзаны. Безобразіе головы наводило просто ужасъ. Недалеко отъ головы лежала правая рука, оторванная у локтеваго сустава; третьяго пальца не было. Лѣвая рука оказалась при туловищѣ страшно обезображенномъ: грудь проткнута въ нѣсколькихъ мѣстахъ, по всей вѣроятности коломъ; изъ отверстій текла сукровица, животъ разрубленъ съ частію лѣваго бедра, ноги отъ туловища у колѣнъ были отдѣлены. Видно было, что это оперативное отдѣленіе происходило при помощи топора, который оставилъ по себѣ явственные слѣды зарубокъ на костяхъ. Самыя ноги лежали на грудѣ мусора и были раздроблены по всей

вѣроятности камнемъ, брошеннымъ на нихъ сверху. Это подтверждалось тѣмъ, что около груды найденъ былъ довольно большой камень съ налипшими на поверхности покровами ногъ. Трупъ по всей вѣроятности былъ истерзанъ голымъ, потому что одежда и бѣлье не носили на себѣ слѣдовъ отъ порубокъ: они были только сильно подраны — что произошло, вѣроятно, въ торопливости при раздѣваніи трупа,— и сложены не подалеку отъ могилы у куста акаціи. Гробъ этого несчастнаго юноши былъ вымазанъ дегтемъ и разломанъ совершенно, а могила засыпана камнями, соромъ и кромѣ того въ ней оказалась задушенная веревкой черная кошка. Въ трехъ мѣстахъ могилы на днѣ ея были вбиты между каменьями три большихъ осиновыхъ кола. Въ одномъ мѣстѣ была раскопана еще могила и изъ нея выкинуты два гроба со старикомъ и старухой. Трупы ихъ были не очень свѣжи и на нихъ не было замѣтно никакихъ слѣдовъ поруганій.

Такимъ образомъ произведенный мною осмотръ убѣдилъ меня очень ясно, что цѣлію роскопки могилъ было желаніе отыскать трупъ того молодаго юноши, останки котораго были такъ немилосердно истерзаны и изувѣчены. Въ этомъ наглядно убѣждало меня то обстоятельство, что остальные трупы не были тронуты.

Приказавъ собрать раскиданные останки несчастнаго юноши въ одно мѣсто, и похоронить немедленно трупы всѣхъ остальныхъ покойниковъ, я спросилъ у понятыхъ, находившихся при мнѣ: кто былъ умершій юноша, и получилъ въ отвѣтъ, что это былъ крестьянинъ деревни Гердовки Андрей Богитко, умершій три недѣли тому назадъ отъ оспы. Родители Богитки были живы, и я ихъ немедленно вытребовалъ къ допросу, а между тѣмъ приказалъ старостѣ похоронить и останки ихъ несчастнаго сына. Для допроса Богитокъ я отправился съ кладбища въ деревню, какъ вдругъ явился ко мнѣ староста и объявилъ, что крестьяне просятъ не хоронить, до времени, останки Андрея.

— Что же за причина? обратился я къ старостѣ. Вѣдь

нельзя же трупъ оставлять наружи: отъ этого можетъ произойти зараза, а онъ мнѣ уже не нуженъ, отвѣтилъ я. И, взглянувъ на него, думалъ по выраженію лица его подмѣтить какую нибудь, очевидно скрываемую имъ мысль, изъ за которой онъ отъ имени своихъ односельцевъ и обратился ко мнѣ съ просьбою. Староста нѣсколько минутъ молчалъ, какъ бы что то обдумывая, и потомъ въ нерѣшительности сказалъ мнѣ:

— Видите, ваше благородіе, какъ намъ всѣмъ отъ такого случая большое безпокойство приключилось, и не можемъ мы додуматься, чтобы это такое могло быть. Такъ по нашему разуму, кажись, безъ причины никто такого дѣла не дѣлалъ бы, а коли покойника за какимъ дѣломъ отрыли, такъ нужно узнать, а то всю деревню, а пуще бабъ, страхъ большой беретъ. Коли не узнавши причины, да закопать покойника, такъ опять какая нибудь нечисть выйдетъ. Помолчавъ немного и потомъ низко поклонившись мнѣ, староста просительски жалостливымъ голосомъ добавилъ: Ужъ будьте, ваше благородіе, добры потрудиться дознать: съ какой причины и кто нашихъ покойниковъ трогалъ, а пуще для чего Андрея-то такъ покалѣчили. А не знамши того, намъ въ такомъ сумнѣніи и жить страшно.

— Я самъ желаю узнать тоже самое, что желаете знать и вы—отвѣтилъ я старостѣ. Съ этою цѣлію я и пріѣхалъ въ вашу деревню, и постараюсь непремѣнно раскрыть причину этого страннаго происшествія. Но такъ какъ, по моему мнѣнію, (добавилъ я) виновники въ разрытіи могилъ никто другіе, какъ кто либо изъ крестьянъ вашей же деревни, то вы всѣ должны старательно развѣдывать о томъ, и помогать мнѣ въ моемъ слѣдствіи.

Затѣмъ я разрѣшилъ старостѣ остановиться погребеніемъ Андрея Богитки, и заранѣе былъ убѣжденъ въ томъ, что непремѣнно открою причину святотатственныхъ надъ покойниками поступковъ, такъ какъ видѣлъ стремленіе узнать это и со стороны мѣстнаго населенія, которое къ тому было по-

буждаемо непонятнымъ для нихъ и необъяснямымъ чувствомъ страха, суевѣрія и фатализма.

Отецъ и мать Андрея Богитки были уже люди не молодые: ему было лѣтъ за 60, а ей около 50. Они явились ко мнѣ крайне смущенными, тоскливо посматривая другъ на друга и съ нетерпѣніемъ ожидая моего перваго вопроса.

Приступая къ допросу Богитки и его жены, я прежде всего спросилъ ихъ: кто разрылъ могилу ихъ сына Андрея, и кто произвелъ надъ нимъ наругательства, а также съ какою цѣлію, и за что все это было сдѣлано?

— Одинъ Богъ про то знаетъ! отвѣчалъ Богитко, стараясь не смотрѣть мнѣ въ лице:—а я ничего не могу знать и сказать. Видалъ, что съ сыномъ моимъ покойникомъ плохую шутку сдѣлали. А кто это сдѣлалъ, и подумать не могу...

— И точно, ваше благородіе, заговорила перебивая своего мужа жена Богитки:—ничего мы объ томъ не знаемъ и думать не можемъ... Одинъ Господь знаетъ какъ этакой грѣхъ случился.

— Неужели же вы себѣ и представить ничего не можете относительно этого происшествія. Не имѣлъ ли кто-нибудь къ вашему сыну какую-либо вражду и не хотѣлъ ли такимъ образомъ отомстить ему послѣ его смерти? — обратился я къ нимъ.

— И, нѣтъ, ваше благородіе! разомъ отвѣтили они оба.— Нашъ Андрей такой смиренный былъ, что тише его въ деревнѣ не найти. Не токма что кого обидѣть, а дурнаго слова никогда никому на своемъ вѣку онъ не сказалъ. Окромя хорошаго никто отъ него ничего дурнаго не слыхалъ и не видалъ:—объ этомъ можно спросить хоть всю деревню.

При послѣдующемъ разслѣдованіи дѣла я обратилъ особенное вниманіе на раскрытіе того, какого былъ поведенія Андрей Богитко, и въ какихъ отношеніяхъ находился онъ ко всему остальному населенію деревни Гердовой. И дѣйствительно, изъ разспросовъ обыскныхъ людей, оказалось, что Андрей былъ самый смирный и скромный паробокъ въ цѣ-

лой деревнѣ, никогда ни съ кѣмъ не ссорившійся; его всѣ любили, враговъ онъ не имѣлъ, и вообще со всѣми односельцами своими находился въ самыхъ дружескихъ и хорошихъ отношеніяхъ.

На всѣ мои дальнѣйшіе распросы, клонившіеся къ тому, чтобы что нибудь разгадать относительно совершеннаго надъ трупомъ святотатства, отецъ и мать Андрея отвѣчали крайне уклончиво, отговариваясь незнаніемъ. Но видно было, по складу ихъ рѣчи и по манерѣ, съ которой они мнѣ отвѣчали, что они не безъизвѣстны о томъ, о чемъ я ихъ спрашивалъ, и что только боязнь чего то, вынуждала ихъ молчать и давать на всѣ вопросы отрицательные отвѣты. Такъ какъ путемъ распросовъ отца и матери Андрея Богитки и нѣкоторыхъ другихъ хозяевъ той деревни, я не могъ придти ни къ какимъ результатамъ, то я обратилъ свои розыски въ другую сторону, потребовавъ чтобы мнѣ принесли черную кошку, которую, если читатель помнитъ, я нашелъ задавленною въ могилѣ Андрея Богитки.

Кошка эта, послѣ осмотра могилы, была изъ нея выкинута и, до дальнѣйшаго распоряженія, положена на кладбищѣ подъ однимъ изъ кустовъ. Я велѣлъ принести ее къ себѣ на квартиру съ тѣмъ, чтобы дознать кому изъ крестьянъ она принадлежала, и затѣмъ распросить того, кто окажется ея хозяиномъ, о причинѣ, времени, и способѣ исчезновенія ея изъ дома. Я отправилъ за ней того же старосту, но онъ черезъ нѣсколько минутъ воротился и объявилъ, что крестьяне и бабы рѣшительно не позволяютъ ему не только нести кошку въ деревню, но даже дотрогиваться до нея. Хозяинъ хаты, въ которой я стоялъ, при этихъ словахъ старосты, бросился передо мною на колѣни, умоляя не вносить къ нему въ домъ такую «бѣду» увѣряя, что отъ этакой «напасти» навѣрное въ его домѣ будетъ какой нибудь «лихой часъ» и заведется «мурлая нечисть»—аллегорическое, по воображенію крестьянъ, существо чорта въ образѣ кошки. Я отправился на кладбище. Толпа крестьянъ, бабъ и дѣтей,

при приближеніи моемъ, заколыхалась, и опасаясь, чтобы запрещеніе, данное ими старостѣ относительно кошки, не было бы истолковано мною какъ сопротивленіе или ослушаніе моимъ распоряженіямъ, выслала ко мнѣ тотчасъ же впередъ двухъ стариковъ парламентеровъ, которые, подойдя ко мнѣ, съ самымъ смиреннымъ видомъ просили меня не гнѣваться и избавить деревню отъ кошки.

— Коли эту падлу (падла, по мѣстному нарѣчію, означаетъ вообще трупъ скота), ваше благородіе, къ намъ въ деревню занесете, такъ намъ не жить въ ней, потому этакую бѣду не на шутку лихой человѣкъ намъ наробилъ.

Хотя я и сознавалъ, что съ моей стороны было бы крайне непослѣдовательно подчиняться суевѣрнымъ требованіямъ крестьянъ, и тѣмъ какъ бы доказывать имъ большую или меньшую основательность въ подобномъ взглядѣ ихъ на вещи, но тѣмъ не менѣе я не рѣшался въ данномъ случаѣ идти прямо на перекоръ хотя бы и ложному убѣжденію ихъ. Мнѣ тѣмъ болѣе доказывать нельзя было неосновательность представленій ихъ суевѣрнаго и фаталистическаго свойства. Вопервыхъ, трудно было бы мнѣ, хотя и самыми крутыми мѣрами, сразу разубѣдить ихъ въ томъ, въ чемъ они были убѣждены по разсказамъ дѣдовъ отъ колыбели, и чему безусловно вѣрили, несмотря на полное непониманіе того, во что они вѣрили. Вовторыхъ, разубѣждать ихъ въ томъ вовсе не составляло цѣль и предметъ моихъ разслѣдованій. Въ третьихъ, до времени, мнѣ не было никакого основанія вооружать противу себя невѣжественную массу, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ я видѣлъ возможность, именно путемъ ихъ невѣжественныхъ и суевѣрныхъ взглядовъ и убѣжденій, дойдти до разъясненія загадочной и интересовавшей меня истины. Я уступилъ крестьянамъ, замѣтивъ однако, что исполняю ихъ просьбу вовсе не потому, что я увѣренъ въ томъ, что кошка можетъ имъ принести какое нибудь несчастіе, а изъ нежеланія пугать ихъ малыхъ неразумныхъ дѣтей, которые и безъ того подъ вліяніемъ пани-

ческаго страха, овладѣвшаго всю деревню, дѣйствительно были всѣ въ страшномъ перепугѣ. Они кучками жались вдоль хатъ, не рѣшаясь даже по одиночкѣ перебѣгать отъ одного угла до другаго. Лица ихъ выражали такое смятеніе, такой страхъ, что конечно было бы неразумно пугать ребятишекъ. Придя на мѣсто, я подозвалъ къ себѣ старосту и спросилъ его: кому кошка принадлежитъ, потребовавъ, чтобы хозяинъ вышелъ впередъ. Толпа перетакалась, слышались какія-то перешептыванія, но никто не выходилъ. Какая то баба начала потихоньку завывать, и на голосъ ея изъ деревни отозвались другіе, вѣроятно представившіе себѣ, что на мѣстѣ «страха» ужъ происходитъ что нибудь важное. Изъ за ближайшей къ кладбищу хаты виднѣлись головы поочередно выбѣгавшихъ поглядѣть ребятишекъ, которые тотчасъ же скрывались и уступали мѣсто другимъ. Мое требованіе не исполнялось, какъ будто хозяина кошки здѣсь не было.

— Вѣдь не изъ лѣса же кошка попалась сюда въ могилу, а изъ вашей же деревни, обратился я болѣе настойчиво къ толпѣ. И, подойдя къ ближайшему ко мнѣ крестьянину, я спросилъ его:—Чья эта кошка, не знаешь ли, можетъ быть баба твоя знаетъ или ребятишки? Мужикъ поблѣднѣлъ какъ полотно, затрясся и, упавъ въ ноги просилъ, его «ослобонить.»

— Что жъ молчите? Чья кошка, тотъ и выходи,—строго обратился къ толпѣ староста. Кто виноватъ, тотъ и отвѣчай, да другимъ бѣды не дѣлай. Выходите что-ль, чья кошка то. А то, ваше благородіе, обратился староста ко мнѣ: коли не скажутъ, извольте приказать этую самую кошку по хатамъ носить, такъ ребятишки скорѣе правду разведутъ. При этихъ словахъ толпа заколыхалась и послышались то тамъ то сямъ возгласы:

— Выходи чей котъ то!.. не знаю... да у меня такого не было, никакъ не Петра ли... гляди не твой ли — кричалъ Петръ... Что-жъ надо говорить: твой сынъ то—слышался голосъ къ Богиткѣ: такъ и говори... его сынъ, его и

котъ... крикнулъ кто то громко... и въ правду... Степановъ котъ... Степановъ выходи: чего молчишь? — народъ бударажишь... Точно его котъ: ухо съ прорѣзомъ да хвостъ рубленой... Его вѣрно, его... Выходи, выходи!...

Голоса въ толпѣ дѣлались все громче и громче и все настойчивѣе и настойчивѣе обращались къ какому то Степану.

— Какой это Степанъ? Выйди впередъ,—обратился я къ толпѣ, и вслѣдъ за требованіемъ, блѣдный какъ полотно, вышелъ ко мнѣ Степанъ Богитко—отецъ Андрея Богитки.

— Твой это котъ?—спросилъ я его. Если твой, то объясни, какъ онъ попалъ сюда.

Бѣдный Степанъ затрясся еще больше. Мнѣ сдѣлалось даже жаль его. Съ минуту онъ молчалъ въ нерѣшимости, и потомъ, какъ бы сбираясь съ духомъ на какое то тяжелое признаніе, отвѣтилъ мнѣ глухимъ, задыхающимся голосомъ, что котъ точно его.

Я хотѣлъ было предложить ему еще слѣдующій вопросъ по существу обстоятельствъ, но въ ту минуту чрезъ толпу прорвалась жена Богитки, и съ громкими воплями, обратившись къ мужу, стала его упрашивать, чтобы онъ сказалъ лучше всю правду и не таилъ бы бѣды.

— Кота задушили и замокъ, что на тринадцать узловъ завязанъ и замкнутъ былъ, раздобыть хотѣли,—вотъ и вся наша бѣда—завопила баба, опережая признаніемъ своего оторопѣвшаго мужа. Вотъ и вся бѣда наша, ваше благородіе, плакалась она, обращаясь ко мнѣ: хоть сами посмотрите,—можетъ замочина и по теперь въ гробу лежитъ... пьяные-то какъ были, такъ не нашли... ну, и потемки. А замочина всю и бѣду-то сдѣлала: кабы не то, такъ ничего бы и не было.

При словахъ Богитковой, вся толпа зашевелилась и стала озираться на могилу Андрея, около которой, припекаемые лучами солнца, лежали на землѣ останки его, и виднѣлся гробъ съ разломанною крышкою и боками.

— Видно надо Богу и людямъ отвѣтъ дать, отозвался ко

мнѣ вдругъ, уже съ спокойнымъ голосомъ Сгепанъ Богитко: извольте, ваше благородіе, за мной идти, все вамъ разскажу, и все открою какъ передъ Богомъ. За своего сына покуту (наказаніе) приму: да за водку... Идите, люди добрые, обратился онъ къ толпѣ: смотрите не на обманъ веду... И, не договоривъ своей рѣчи, Степанъ зашагалъ къ могилѣ сына.

Крестьяне пришли въ страшное смятеніе, бабы стали завывать, многія, помоложе, бросились со всѣмъ вонъ съ кладбища. Тамъ-сямъ люди крестились, заклиная себя отъ «нечисти,» многіе обратились въ тылъ, и, не рѣшаясь слѣдовать за нами, прошли къ деревнѣ противоположнымъ концомъ кладбища, такъ, что толпа, мало по малу, рѣдѣла, и до могилы дошло не больше человѣкъ 20 крестьянъ и нѣсколькихъ старухъ.

Степанъ Богитко, подходя къ могилѣ, поднялъ съ земли какую-то палочку, потомъ подошелъ къ гробу, снялъ шапку и перекрестился. Все это сдѣлалъ онъ спокойно и молча, придавъ тѣмъ еще болѣе таинственности своимъ дѣйствіямъ. Глядя на него, и остальные всѣ сняли шапки и стали набожно креститься. Степанъ, нагнувшись къ пустому гробу, вытащилъ оттуда палочкою нижнюю холщевую подстилку изъ подъ покойника, потомъ тѣмъ же путемъ выбросилъ изъ изголовья подушку, набитую сѣномъ, уже замаранную и пропитанную мозговою жидкостью. Тронутая съ мѣста она распространила убійственный запахъ. Зажавъ носъ и ротъ лѣвою рукою, Богитко, наклонившись къ изголовью, продолжалъ рыться палочкою въ сѣнѣ и наконецъ выкинулъ оттуда какой-то грязный вонючій узелокъ, и со словами: «вотъ она, бѣда моя,» отскочилъ отъ гроба и даже бросилъ палочку.

Одновременно съ тѣмъ, какъ узелокъ былъ вынутъ, толпа подалась назадъ, и не прежде рѣшилась, по приглашенію моему, приблизиться для осмотра его, какъ убѣдившись, что въ немъ нѣтъ ничего сверхъ-естественнаго и необыкновеннаго. Когда я подозвалъ къ себѣ Степана, и спросилъ его,

что въ томъ узелкѣ находится, то онъ отозвался, что въ немъ должна быть замочина, предназначавшаяся для того, чтобы извести со свѣта все семейство его, Степана.

Дѣло принимало вообще чрезвычайно интересное направленіе, и я, предвидя возможность раскрыть суевѣрную и кабалистическую его сторону во всей полнотѣ, рѣшился со всею подробностію изслѣдовать таинственный узелокъ, и для этого, подхвативъ его длинною палкою, понесъ на другое мѣсто кладбища, чтобы, избѣгая скверной атмосферы около могилы Андрея, разсмотрѣть узелокъ со всею тщательностію. Понятые и Степанъ Богитко, молча, послѣдовали за мною. Наконецъ, мы приступили къ осмотру узелка, который, равно какъ и подушка изъ гроба, былъ весь пропитанъ гноевидною жидкостью, и издавалъ смрадъ. Общими усиліями удалось наконецъ, не марая рукъ, при посредствѣ палочекъ, развязать тринадцать узловъ, которыми онъ былъ завязанъ. Развернувъ кусокъ синей пестряди, составлявшую внѣшнюю оболочку узла, я нашелъ тамъ старый небольшой заржавленый, замкнутый замокъ. По осмотрѣ, замокъ былъ уложенъ въ тряпку по прежнему и оставленъ при дѣлѣ, а трупъ Андрея Богитки я распорядился похоронить, что и было на этотъ разъ въ точности исполнено; предварительно могилу очистили отъ камней и кольевъ. Кошку выкинули внѣ кладбища и зарыли гдѣ-то въ ямку. По моему убѣжденію, Богитко, въ тотъ же день пригласивъ священника, отслужилъ на могилѣ сына панихиду, а къ вечеру крестьяне, общими трудами соорудивъ крестъ, поставили его на могилѣ несчастнаго юноши. Узелочные атрибуты, чрезвычайно смущавшіе крестьянъ, были мною уложены въ ящикъ, опечатаны и къ величайшему удовольствію и спокойствію всего Гердовскаго населенія, отправлены въ мою постоянную квартиру. Затѣмъ я приступилъ къ формальному допросу Степана Богитки, который, успокоенный собственнымъ сознаніемъ и указаніемъ того, что послужило ядромъ суевѣрнаго поступка, и нравственнымъ вліяніемъ свя-

щенника, исполнявшаго надъ могилой Андрея молитву всепрощенія, началъ свою откровенную рѣчь.

Допросъ съ него я снималъ въ отведенной мнѣ хатѣ. Извѣстіе о томъ, что Андрей уже похороненъ, «бѣда» увезена къ слѣдователю, а самъ Богитко будетъ «до всего признаваться,» собрало къ моей квартирѣ чуть не всю деревню. И старъ и малъ, мужчины и женщины, всѣ вышедшіе уже изъ подъ вліянія страха, въ которомъ находились нѣсколько дней, и успокоенные теперь удаленіемъ всего того, что ихъ пугало, собрались послушать, что-то будетъ говорить Богитко и одинъ за другимъ набирались ко мнѣ въ хату. Вотъ въ чемъ заключался разсказъ старика Степана Богитки:

— Въ прошломъ мѣсяцѣ, началъ онъ, заболѣлъ у меня оспой меньшой сынъ, мальчикъ пяти лѣтъ и умеръ. Я его похоронилъ на кладбищѣ. Послѣ него заболѣли у меня тою же болѣзнію дочь Варвара и сынъ Андрей. Они болѣли нѣсколько дней и наконецъ Андрей умеръ. Онъ былъ ужъ большой парень, а потому на похороны его сошлось много народа, были поминки, и похоронили мы его какъ слѣдуетъ въ той самой могилѣ, въ которую и сегодня зарыли. Послѣ его смерти, дочь Варвара поправилась, а на ту пору наступило жниво. Баба моя съ дочкой, тоже какъ и другія бабы, пошли жито жать. Вотъ разъ онѣ приходятъ домой, да такія смутныя, я и спрашиваю: чего вы? А онѣ и говорятъ: «намъ другія бабы сказывали, на что вы жито сбираете, вамъ всѣмъ жить не долго, потому какъ вашего Андря хоронили, такъ, люди говорятъ, была худая примѣта.» Баба-то моя и дочка перепугались, да и давай спрашивать: какая примѣта? Вотъ, тая баба и отзывается: «свѣтъ, говоритъ, Божій, вашимъ глазамъ только до осени открытъ, а потомъ всѣ за своимъ Андреемъ пойдете, потому онъ безъ васъ одинъ, на могилѣ лежучи, скучаетъ.» Разсказала мнѣ это баба моя, и залилася вмѣстѣ съ дочкой. Извѣстно: хоть и къ родному сыну сулятъ въ могилу идти, да все помирать не хочется,—кому охота. Затужила больно моя баба, ужъ не знаю какъ, да все

больше и больше, твердитъ все одно слово: «всѣ, говоритъ, помремъ. Сказываютъ, что Андрей насъ къ себѣ переманитъ.» Сталъ я распрашивать по деревнѣ: не слыхалъ ли кто того про насъ и про худую примѣту. Ну, и доподлинно узналъ, что про то сосѣдъ мой Панкратъ извѣстенъ. Присталъ я къ Панкрату: «скажи, говорю, что знаешь,» а онъ: «ничего говоритъ не знаю; а коли ты будешь Андрея своего такимъ лихимъ дѣломъ поминать, такъ и въ правду онъ тебѣ покою не дастъ.» Какъ сказалъ онъ мнѣ эти слова, такой меня страхъ взялъ, что и разсказать не могу. Съ того вечера и спать не могъ: какъ ночь на дворъ, такъ у насъ стукотитъ кто то, а по хлѣвамъ скотину гоняетъ. Со всѣмъ я со страху сбился; а баба моя и дочка—пуще меня. Народъ то по деревнѣ, какъ позналъ про наши безпокойства, такъ и обходить насъ сталъ, а въ хату къ намъ и ногой никто, словно мы зачумленные: такъ всѣ и стали говорить, что Андрей за переводку нашу къ себѣ взялся. Измучился я совсѣмъ, и думаю: схожу къ ворожкѣ поговорить, на счетъ того, чтобы сынъ меня не безпокоилъ, и пошелъ, а ворожка этая, Устиной прозывается, не далеко отъ насъ живетъ. Разсказала она мнѣ доподлинно, что Андрею безъ насъ скучно, и что онъ хочетъ насъ къ себѣ перевести, для того по ночамъ и ходитъ къ намъ. А чтобъ онъ не ходилъ, — приказала могилу его откопать, изъ гроба выкинуть, да на кавалки порвать и побить: потому, сказывала она, который покойникъ на землю выходитъ, такъ онъ, значитъ, супротивъ воли Божіей дѣйствуетъ, и съ нечистымъ знается. А коли съ нечистымъ знается, такъ и всѣхъ насъ ему отдастъ, потому, сказывала, чтобъ непремѣнно его, не жалѣючи, изъ гроба выкинуть и порубить всего на куски, гробъ обмазать дегтемъ,—для чего не знаю. Потомъ наказывала могилу засыпать камнями, а на камни покидать Андреевы кавалки (куски), и засыпать; а на мѣсто креста три кола воткнуть. Безпремѣнно, сказывала Устюха, чтобъ это сдѣлалъ, а то говоритъ до самой смерти Андрей никому изъ насъ покою не дастъ. Сталъ я

думать, да передумывать. Ну, какъ на такое дѣло рѣшиться: сыновнюю могилу откапывать. Пойду, думаю, на совѣтъ къ сосѣду Панкрату и пошелъ. Думалъ, что не пуститъ меня, нѣтъ, пустилъ, да только такъ все на меня страшно смотритъ, словно будто я самъ ужъ покойникъ. Сталъ я ему ворожкины рѣчи сказывать, такъ онъ и затрясся и не говоритъ ничего, а только вижу, что страхъ его еще пуще моего шибаетъ. Чего ты, Панкратъ, такъ боязно глядишь? спрашиваю я. А онъ какъ есть молчитъ, только дрожь его перебираетъ. Услыхала нашъ разговоръ жена его, подходитъ къ намъ, да сряду и говоритъ къ мужу то: «что я тебѣ сказывала?—говорила, что безъ бѣды, бѣда будетъ, не слушалъ, что люди говорятъ, сдѣлалъ,—вотъ теперь и покутуй: теперь и заправду отъ Андрея то спокою не будетъ.» Какъ услыхалъ я эти слова и не въ домекъ мнѣ стало, что она такое говоритъ. Спрашиваю я Панкрата и жену то его, что, молъ, вы сдѣлали? Молчатъ, ничего не говорятъ. Просилъ я ихъ, просилъ: нѣтъ, молчатъ, да и все. Пошелъ я домой и разсказываю женѣ своей, что такъ молъ, Панкратъ, что-то Андрею сдѣлалъ. И такъ намъ обоимъ боязно стало: хотѣлъ ужъ я было и къ старостѣ на совѣтъ идти, гляжу идетъ ко мнѣ въ хату Панкратъ, такой весь блѣдный, безъ шапки. Пришелъ, да сряду и говоритъ: «Ну, Степанъ, плохо мое дѣло: лихой часъ я тебѣ готовилъ, да теперь самому хуже пришлось, и самъ то я спать не могу: твой Андрей и мнѣ спокою не даетъ: положилъ, говоритъ, я ему въ гробъ замокъ какъ его хоронили, отъ замка вотъ теперь вся и бѣда пришла. Нужно, говоритъ, его раскопать, да оттуль замокъ вынуть,— тогда намъ и спокой будетъ.»

— Для чего же Панкратъ положилъ замокъ? спросилъ я Степана

— А извольте спросить его самаго,—отозвался ко мнѣ Богитко. Я той причины не знаю, а только всей моей вины, что мы съ Панкратомъ сговорились ночью сына откопать и сдѣлать, какъ Устиха наказывала, чтобъ онъ насъ

не трогалъ и не пужалъ. Панкратъ хотѣлъ и замокъ оттуль вынуть, что Андрею въ гробъ положилъ. Мы ночью всю эту работу исправили. Да только пьяны какъ были, такъ не сряду на Андрееву могилу попали, а нарыли другихъ покойниковъ На томъ вся и вина моя, ваше высокоблагородіе, сказалъ Степанъ, и въ тоскливомъ ожиданіи тяжелыхъ для себя послѣдствій отъ своего поступка, сталъ просить снисхожденія и милости.

Дальнѣйшее обслѣдованіе дѣла и показаніе сосѣда Степана Богитки, Панкрата, выяснили слѣдующія обстоятельства, указавшія на точный смыслъ загадочнаго и, повидимому, таинственнаго разрытія могилъ. Читатель конечно припомнитъ изъ предъидущихъ строкъ, что Андрей былъ боленъ оспой, что хата Богитки стояла отъ края деревни первая, и что именно въ его же хатѣ первоначально и показалась эта заразительная болѣзнь, отъ которой умерли сперва меньшой сынъ Степана, а потомъ черезъ нѣсколько дней и старшій сынъ его Андрей. Естественно, что появленіе въ деревнѣ оспенной эпидеміи, сразившей въ одной семьѣ въ нѣсколько дней двухъ членовъ, сильно обезпокоило всѣхъ крестьянъ, и не было ничего страннаго въ томъ, что въ головѣ каждаго изъ нихъ запала мысль, какъ бы остановить эпидемію, или спасти отъ нея свою семью. Болѣе всѣхъ озабочивало это ближайшаго сосѣда Степана—Панкрата, жившаго съ нимъ рядомъ. У Панкрата тоже были дѣти, а потому смерть въ сосѣдней избѣ двухъ дѣтей, сильно и непріятно на него подѣйствовала. Въ день смерти Андрея въ Гердово пришла какая то старуха нищая. Почуявъ въ деревнѣ мертвеца, нищая конечно заблагоразсудила остаться до похоронъ, и не пропустить поминокъ, на которыхъ ей предстояло по ея сану, сперва поплакать, поголосить, и пожалѣть о совершенно незнакомомъ ей человѣкѣ, а потомъ помянуть его хорошимъ обѣдомъ и водочкой. Въ первую же ночь, она, чтобы не удаляться далеко отъ цѣли пребыванія своего въ Гердовой, выпросилась ночевать въ хату Панкрата. Панкратъ съ радостью впустилъ къ себѣ гостью,

потому что кто бываетъ не радъ присутствію посторонняго человѣка, когда по сосѣдству безпокоитъ какая нибудь «страсть?» Старуху нищую, какъ водится, угостили и усадили на печку, и вотъ она, подъ вліяніемъ пріятныхъ ощущеній сытаго желудка и теплаго угла, стала разсказывать про свои похожденія, про разныя видѣнія и чудеса. Дошло до покойниковъ: какъ они по землѣ ходятъ, да въ живыхъ людей обращаются, и какъ подъ часъ людямъ отъ нихъ житья не бываетъ. Панкратъ и жена его только слушаютъ старуху, а о снѣ ужъ и не думаютъ: гдѣ ужъ тутъ спать, когда, въ кои вѣки, пришлось случайно послушать такую умницу. Вотъ, обезпокоенный мыслью о летучей оспѣ и своихъ дѣтяхъ, Панкратъ сталъ спрашивать старуху: не знаетъ ли она такого дѣла, чтобъ «этую самую оспу извести,» чтобъ она свои концы схоронила и больше ребятъ не трогала.

— Вижу, милый ты человѣкъ, наскрозъ душу твою, отвѣчаетъ ему соболѣзнующимъ тономъ старушонка, инстинктивно угадавшая уже тревогу Панкрата. По милости Господней и святыхъ угодниковъ, чуется мнѣ, и въ правду чуется,—продолжаетъ она—что придется и твоей хатѣ скоро поминки править. Береги своихъ ты дѣтушекъ отъ лихой напасти и отъ злой болѣсти: не вѣдаемъ бо ни дня ни часа: когда эта оспа самая и къ тебѣ, добрый человѣкъ, пожалуетъ. Ну, да отъ благости Господней жди себѣ спасенія, а изъ старыхъ моихъ рѣчей выбери себѣ утѣшеніе.

Старуха замолилась, и, глубоко вздохнувъ, обдумывала уже въ головѣ своей дальнѣйшіе планы, какъ вести себя съ простодушнымъ Панкратомъ и его женою, которые, услыхавъ изъ устъ прорицательницы-нищей утвердительныя предсказанія о томъ, о чемъ только что думали, боялись даже высказать другъ другу свои опасенія, чуть не замерли и не знали, что имъ дѣлать.

— Ужъ мы бы тебя ублаготворили, обращаются они оба съ слезливою просьбою къ нищей: только бы ты намъ по-

могла, чтобъ нашу хату да и всю деревню отъ оспы ослобонить. Повѣкъ тебя не забудемъ и будемъ за тебя Бога молить, слезливо упрашиваютъ они ее.

— Молите за себя Господа, грѣшные вы люди, а ужъ обо мнѣ вамъ не молиться. Не вымолить вамъ передъ Создателемъ супротивъ моей нищей души, а коли по грѣхамъ своимъ опасаетесь Божьей кары, такъ ужъ лучше я за васъ помолюсь. За то, что вы меня къ себѣ приняли, да мною не погнушались, пособлю вамъ этую болѣзнь вывести... И старуха снова замолола, глубокомысленно пріостановивъ свою рѣчь, чтобы еще болѣе заинтересовать собою и своими пріемами Панкрата и его жену.

Убѣдившись, что Панкратъ совершенно вѣритъ въ возможность и способность ея остановить болѣзнь и спасти дѣтей отъ неминуемой гибели, которую она уже какъ будто и чуяла, старуха нищая безъ дальнихъ околичностей приступила къ торгу. Она потребовала за свои предстоящія дѣйствія пять рублей, распинаясь, что деньги эти пойдутъ на угожденіе Богу, которому она будетъ молиться, чтобъ онъ исполнилъ ея просьбу. Нечего и говорить, что пять рублей ей тотчасъ же были вручены. Старуха тщательно спрятала свой капиталъ въ нѣсколько тряпочекъ, зашила его въ рубашку и потомъ, наказавъ Панкрату и женѣ его, чтобы они все, что отъ нея узнаютъ и по ея приказанію сдѣлаютъ, держали бы въ тайнѣ, начала разыгрывать послѣдній актъ своей мошеннической плутовской комедіи. Прежде всего она велѣла себѣ подать простой висячій замокъ съ ключомъ, и, положивъ его на столъ подъ образами, стала молиться. Молилась она долго и усердно, подъ конецъ принялась плакать, и, преклонившись ницъ, лежала неподвижно на полу нѣсколько минутъ, затѣмъ встала и, взявъ въ руки замокъ съ ключомъ, подозвала къ себѣ Панкрата съ женою.

— Скажу я вамъ, милые мои, начала она, что болѣзнь эта не уймется на этомъ покойникѣ, а желательно ей еще нѣсколько душъ къ Господу отправить, такъ чтобъ ужъ

никто больше у васъ на деревнѣ не помиралъ отъ нее, а пуще, чтобъ она въ вашу хату не забралась, нужно замкнуть на смерть ту хату, гдѣ болѣсть началась, и тогда замокъ положить подъ голову покойнику какъ хоронить станутъ, а ключъ бросить. Въ той хатѣ никто ужъ живъ не останется: всѣ помрутъ отъ той самой болѣзни, и перейдутъ къ своему покойнику, потому замокъ будетъ у него, а больше никто ужъ не заболѣетъ, и съ послѣднимъ покойникомъ изъ той хаты уйдетъ въ могилу и самая болѣзнь. Коли вы на то согласны, такъ, вѣрно говорю, никто въ вашей деревнѣ больше отъ оспы не заболѣетъ и не помретъ, и въ вашей хатѣ всѣ будутъ живы. Ну, а та хата, коли ее отворенными замкомъ обнести, потомъ замокъ запереть, да къ покойнику въ гробъ положить, безпремѣнно вся вымретъ.

Панкратъ, выслушалъ старуху молча, и какъ ни тяжело было соглашаться на такой замыселъ противъ жизни цѣлой сосѣдней семьи, но, боясь потерять своихъ дѣтей, онъ рѣшился на предложеніе нищей. Не смотря на то, что жена его, при послѣднихъ рѣчахъ старухи усомнившись нѣсколько въ правдивости словъ, колебалась давать согласіе на предложеніе ея, отговаривая отъ того и мужа, но онъ ее не послушалъ, и обманщица старуха приступила къ дѣлу. Осѣнивъ себя и въ этомъ мерзкомъ дѣлѣ знаменіемъ креста, она взяла въ руки замокъ, отомкнула его и отодвинула душку. Затѣмъ потребовала, чтобы Панкратъ и жена его шли за нею. Была ровно полночь. Ночь была тихая, и эта тишина придавала еще болѣе цѣны въ глазахъ Панкрата всей таинственности кудесничества нищей. Нищая подошла къ дверямъ хаты Богитки, и, дотронувшись до нея замкомъ, подняла его надъ головой и такимъ образомъ обошла хату кругомъ три раза. Окончивъ обходъ, она снова дотронулась до двери, и взявъ щепотку земли, бросила ее крестообразно на крышу хаты, объясняя смущенному Панкрату, что этимъ дѣйствіемъ она заживо предаетъ всѣхъ находившихся

въ избѣ людей землѣ. А между тѣмъ въ хатѣ, въ это время, не подозрѣвая такихъ пожеланій, семейство Богитко спало спокойно, за исключеніемъ жены его, плакавшей надъ гробомъ сына. Умершій Андрей лежалъ тутъ же въ переднемъ углу на столѣ подъ образами бездыханный, не чуя, что какая то старуха нищая замышляетъ сдѣлать его послѣ смерти врагомъ и страшилищемъ для своей родной семьи. Воротившись въ хату, нищая потребовала ключъ отъ замка и заперла его.

— Теперь, милые мои, вся болѣзнь и вся смерть въ этомъ самомъ замкѣ заперты, и куда онъ пойдетъ, туда за нимъ перейдутъ и всѣ тѣ, кого онъ заперь. А чтобъ нечистая сила вамъ лиха не сдѣлала, и той смерти изъ подъ замка въ вашу хату не освободила, такъ нужно его завязать въ тряпку на тринадцать узловъ, и тогда вамъ бояться нечего.

При этихъ словахъ, по требованію старухи, жена Панкрата пошла въ уголъ хаты, достала цѣлый кусокъ синей пестряди и передала его нищей, чтобы та скорѣе исполняла и кончала свое заклинаніе.

Нищая обернула замокъ въ тряпку, завязала ее на тринадцать узловъ, и потомъ спокойно положила замокъ на лавку, объявивъ, что теперь бояться уже нечего. Ключъ отъ замка она отдала Панкрату, и приказала тотчасъ же идти съ нимъ за деревню въ поле до перекрестной дороги.

— Какъ дойдешь ты до перекрестка, объясняла старуха:—стань ты на него, сними шапку и перекрестись на всѣ на четыре стороны, а потомъ кружись на одномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока у тебя голова не задурѣетъ. Тогда брось подальше въ сторону ключъ, такъ, чтобы не зналъ ты и самъ куда бросишь, и не могъ бы понять въ какую сторону полетитъ онъ, потому коли увидишь въ какую сторону ключъ упадетъ или потомъ найдешь его, такъ значитъ самъ ты къ себѣ смерть призовешь.

Одурачивая несчастнаго Панкрата до нельзя, старуха нищая имѣла въ виду только одно, придать своимъ дѣй-

ствіямъ и совѣтамъ какъ можно болѣе мистицизма и таинственности, чтобы этимъ самымъ заставить Панкрата и жену его молчать и не разсказывать никому объ ея продѣлкахъ.

Панкратъ съ замираніемъ сердца исполнилъ приказаніе старухи и воротился домой передъ свѣтомъ, такъ какъ до перваго перекрестка дорогъ ему пришлось идти версты три. Вдругъ послѣ его прихода пропѣли пѣтухи; а тамъ сталъ уже подниматься народъ и по одиночкѣ то тотъ, то другой приходили къ Богиткѣ почтить послѣднимъ прощаніемъ его сына. Наконецъ принесли сосновый гробъ, внесли въ хату и вся толпа повалила туда же. Въ числѣ другихъ вошли Панкратъ съ женою и старуха нищая. Послѣдняя имѣла подъ своимъ балахономъ завязанный въ тряпку замокъ, который она должна была положить покойнику въ гробъ. Передъ выносомъ Андрея всѣ стали съ нимъ прощаться. Одною изъ послѣднихъ подошла нищая, и какъ бы изъ соболѣзнованія стала обнимать въ гробу руками голову покойника, при чемъ совершенно незамѣтно подсунула ему подъ подушку завѣтный узелокъ. Исполнивъ свое дѣло она отошла. Панкратъ зорко слѣдалъ за нищею, чтобы она непремѣнно положила замокъ въ гробъ и, убѣдившись въ этомъ, вздохнулъ свободнѣе. Но если въ эту минуту мысль о томъ, что семейство свое онъ застраховалъ отъ смерти, радовала его, то съ другой стороны—тяжелое чувство угрызенія совѣсти терзало и мучило, такъ какъ онъ, хотя и невольно, но все же сознательно, заручился спокойствіемъ на счетъ смерти цѣлой сосѣдней семьи, не сдѣлавшей ему никакого зла.

Андрея похоронили какъ слѣдуетъ. Справили поминки, на которыхъ нищая играла не малую роль: много плакала, много горевала, но еще больше пила и ѣла; наконецъ, выклянчивъ у Богитки рубль на поминаніе «блаженной душеньки раба Божія Андрея», заковыляла скорѣе изъ Гердовой, путая слѣды свои изъ деревни въ деревню, чтобы въ случаѣ, не дай

чего Богъ, не такъ скоро могли бы отыскать ее. Родители, конечно, погоревали о сынѣ, но потомъ мало по малу успокоились. Колдовство нищей не принесло толку: никто изъ ихъ семьи больше не заболѣвалъ. Напротивъ, и какъ будто бы живымъ, очевиднымъ укоромъ и мщеніемъ Панкрату, за его гнусное ожиданіе, у него у самого заболѣли вдругъ оспою двое дѣтей, и чрезъ два-три дня умерли. На этотъ разъ Панкратъ и его жена не усомнились, что перстъ Божій указываетъ имъ на ихъ грѣхъ, и чувствуя тяжесть его, они рѣшились объявить обо всемъ, что сотворила нищая при погребеніи Андрея. Конечно, нравственное чувство въ этомъ отношеніи ставило ихъ въ ужасное противорѣчіе съ самими собою. Сознавая безсовѣстность своего поступка въ отношеніи къ семейству Богитки, и чувствуя непреодолимое желаніе загладить передъ ними свою вину, они, въ то же время, глубоко убѣжденные уже въ обманѣ нищей, не рѣшались показать себя участниками такого гнуснаго дѣла. Тѣмъ болѣе боялись они признаться во всемъ, что предвидѣли возможность отвѣтственности и большой катастрофы, которая дѣйствительно и случилась. Къ тому же, хотя Панкратъ и былъ убѣжденъ, что старуха нищая его одурачила, но все таки ему не хотѣлось, чтобы замокъ положенный ею подъ голову покойника, былъ бы отысканъ. Онъ все таки, не отдавая себѣ отчета, боялся этого замка, и думалъ: «а что будетъ со мной, какъ вдругъ Богитко этотъ замокъ, черезъ какую нибудь колдунью, обратитъ на мою шею.» А этого ему можно было ожидать, и потому Панкратъ былъ въ нерѣшительности и не зналъ, что ему дѣлать. Отъ постояннаго безпокойства и тревоги, онъ сталъ проводить безсонныя ночи, а одновременно съ ними, на подмогу пугливому воображенію Панкрата, ему стали чудиться разныя привидѣнія, страхи. Разъ ночью онъ и жена его не на шутку перепугались, увѣряя другъ друга, что видѣли въ хатѣ кого-то бѣлаго, и что этотъ бѣлый былъ видно Андрей.

На деревнѣ стали всѣ замѣчать, что съ Панкратомъ и женой его дѣлается что-то недоброе. Разъ нѣсколько бабъ пристали къ нимъ на полѣ:—«что съ вами, да что?» Ну, Панкратова баба и не вытерпѣла: прямо-то разсказать все побоялась, а такъ, издалека, околесными путями, стала говорить, что будто бы при похоронахъ Андрея она замѣтила худую примѣту, отъ которой всѣ Богитковы скоро перемрутъ. Какъ ни старались они узнать, какая это примѣта, Панкратова баба не говорила, а только что «Андрей къ своимъ батькамъ ходить станетъ, да всѣхъ ихъ къ себѣ переведетъ.»

Слухи эти скоро разошлись по всей деревнѣ, дошли до Богитковой жены и дочери. Забѣдовали онѣ, ночи спать перестали:—стало чудится имъ, что Андрей ужъ за ними ходитъ и по ночамъ къ нимъ стучитъ. Разсказали они про все Степану. Этотъ, узнавши, что слухъ про то пошелъ отъ Панкратовой жены, пошелъ къ нему. Между тѣмъ по всей деревнѣ пошла огласка, что Богитковы всѣ перемрутъ, стали ихъ чуждаться,—однимъ словомъ, жизнь ихъ сдѣлалась самая тошная. При такихъ разсказахъ, по неволѣ, еще пуще стало по ночамъ имъ чудиться то то, то другое, словно Андрей и вправду задумалъ переманить въ могилу къ себѣ свою семью. Какъ ни пытался Богитко добиться отъ Панкрата правды про худую примѣту на похоронахъ сына, ничего узнать не могъ. Вотъ и пошелъ онъ къ колдуньѣ Устихѣ за совѣтомъ. Колдунья не дура была: живя по сосѣдству въ другой деревнѣ, слыхала она, какую посулку готовятъ Богиткамъ отъ ихъ Андрея, да и давай на эту тему разсказывать въ утвердительномъ тонѣ, и совѣтовать какъ избавиться отъ докучливыхъ приглашенiй въ могилу. Степанъ опасался, да и не могъ одинъ исполнить предписанiй Устихи, а потому пошелъ къ Панкрату просить помочи въ этомъ дѣлѣ. Жутко стало Панкрату, когда услыхалъ онъ на какое дѣло подговариваетъ его Степанъ, тѣмъ болѣе боязно сдѣлалось, что онъ не могъ не сознавать, что вся эта исторія возникла не безъ его, хотя и неумышленнаго, содѣйствія. Какъ ни

отговаривался онъ отъ приглашенія, но наконецъ, ради собственнаго спокойствія, рѣшился разсказать про худую примѣту на похоронахъ Андрея, не скрывъ и про замокъ, съ какою цѣлію, какъ и въ какое время былъ онъ положенъ сыну его въ гробъ.

Такъ и ахнулъ отъ ужаса бѣдный Степанъ.

— Роднымъ сыномъ извести со свѣта хотѣли, — голосилъ онъ и рѣшилъ, во что бы-то ни стало, откопать могилу сына, отыскать и уничтожить злополучный замокъ, и, страшно сказать—исполнить надъ трупомъ сына предписанную колдуньею операцію. Чувство отца къ умершему сыну, въ этомъ случаѣ, уступало другому, волновавшему его изъ суевѣрныхъ и мистическихъ понятій: чувству боязни и страха, тяготившихъ его невѣжественное существо. Волей—неволей, а долженъ былъ Панкратъ согласиться на предложеніе Степана, такъ какъ и самъ, впрочемъ, былъ не прочь отдѣлаться отъ Андрея, тревожившаго и его по ночамъ. Въ первую же, по уговору, ночь, они не говоря ничего о своихъ планахъ семейнымъ, вооружившись лопатами и выпивши для храбрости заранѣе припасенной водки, отправились на кладбище. Степанъ не пожалѣлъ даже любимаго чернаго кота, и безжалостно стащивъ его съ печи, гдѣ онъ, пріятно пріютившись, наслаждался покоемъ, сунулъ его въ мѣшокъ и потащилъ на могилу храня его, по совѣту Устихи, ради всякаго случая. Хотя ночь и была темная, но если бы Степанъ былъ трезвъ, то конечно сразу бы нашелъ могилу сына, но онъ былъ сильно пьянъ и потому, на удачу принялся копать первую попавшуюся могилу.

Шесть могилъ раскопали они съ Панкратомъ, а все не могли напасть на могилу Андрея, и выкапывали не того, кого было нужно. Страхъ, который они чувствовали сначала, пропалъ совершенно при послѣдующихъ работахъ и наконецъ трупъ сына былъ отысканъ. Послѣдкомъ выпитая водка довершила злодѣйское дѣло.

Операцію надъ Андреемъ начали они съ того, что выта-

щили покойника изъ гроба, раздѣли и потомъ начали производить надъ нимъ инквизицію. Для того, чтобы онъ не кричалъ, такъ какъ по словамъ Устихи, и покойники могутъ иногда чувствовать, заткнули ему ротъ тряпкой, потомъ оторвали голову, проткнули глаза, отрѣзали носъ и уши, затѣмъ принялись и за туловище. Не буду повторять того изъ этой возмутительной картины, что было уже говорено выше, скажу только, что трупъ обезображенъ былъ до нельзя.

Кончивъ надъ трупомъ, Степанъ и Панкратъ разбросали его части по кладбищу на добычу собакамъ и звѣрямъ, а могилу закидали каменьями, соромъ и вбили въ нее, по совѣту Устихи, три осиновыхъ кола. Пробовали они было отыскать замокъ, который былъ положенъ Андрею подъ голову, но съ пьяна не нашли. Гробъ какъ приказала колдунья, обмазали дегтемъ,—а на послѣдокъ, уходя съ кладбища, задушили и бросили въ могилу принесеннаго съ собою чернаго кота.

Заканчивая дѣло, я полюбопытствовалъ узнать: почему останки сына раскидали, а не закопали обратно въ могилу какъ велѣла нищая, и получилъ въ отвѣтъ, что никакъ не могли закопать ихъ.

— Что ни брошу, ваше благородіе, говорилъ Степанъ: въ могилу, голову али ногу, смотрю назадъ скачетъ, такъ и страхъ меня взялъ. Видно, думаю, земля его не принимаетъ, такъ пускай на кладбищѣ лежитъ.

Слова Степана со всѣмъ простодушіемъ подтвердилъ и Панкратъ, пренаивно увѣряя, что сколько разъ они голову Андрея не кидали въ яму, она все назадъ выскакивала. Очень можетъ быть что нибудь подобное могло имъ въ то время и показаться, такъ какъ оба они были сильно пьяны, и находились подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ чувствъ страха, фатализма, и суевѣрія. Вѣрнѣе всего, что зарыть обратно останки Андрея, точно также какъ и трупы другихъ покойниковъ, они не успѣли, по случаю наступленія дня, такъ

какъ всю ночь провели за роскопкою могилъ. Къ тому же они не нашли въ гробу замка, который отыскивали, и очень можетъ быть, что намѣревались возобновить свои поиски въ слѣдующую ночь, а потому до времени и оставили незарытыми трупъ и гробъ Андрея. Гробъ былъ вымазанъ дегтемъ, носъ и уши Андрея отрѣзаны, и котъ задушенъ по слѣдующимъ причинамъ. Если у покойника, котораго вырыли изъ могилы, не обмазать гроба дегтемъ, такъ того, кто покойника выкапывалъ, на томъ свѣтѣ черти будутъ вѣчно смолой поливать, слѣдовательно, обмазавъ гробъ этимъ снадобьемъ, они застраховывали себя въ будущей жизни отъ рогатыхъ супостатовъ.

Уши и носъ Андрея были необходимы въ качествѣ какого-то лекарственнаго снадобья самой Устихѣ, которая, по своей профессіи колдуньи и лекарки, давно уже жаждала получить откуда нибудь уши и носъ отъ покойника. Въ настоящемъ случаѣ, давъ Степану наставленіе какъ обойдтись съ трупомъ Андрея, она вмѣсто платы за совѣтъ потребовала ушей и носа покойника сына, что и было въ точности исполнено Котъ, и непремѣнно черный, долженъ быть задушенъ на мѣстѣ, гдѣ совершаются подобные описанному подвиги надъ покойниками въ томъ убѣжденіи, что при такихъ дѣлахъ, человѣку всегда помогаетъ нечистая сила. Безъ помощи нечистаго въ подобномъ случаѣ нельзя обойдтись, но нечистый, какъ и всѣ грѣшные, то же своего рода интересантъ, и всегда хотя бы и за невидимое содѣйствіе свое, требуетъ вознагражденія. Въ такомъ случаѣ, по увѣренію Устихи, лучшею для себя наградою нечистый считаетъ черную кошку, въ которую онъ очень охотно вселяется для проказъ по бѣлому свѣту въ видѣ «мурлой нечисти.» Но для того, чтобы этотъ котъ, принимающій въ себя нечистаго, не могъ бы вредить впослѣдствіи своему хозяину, то послѣдній, уходя съ мѣста, долженъ кота задушить, послѣ чего, сдѣлавшись «мурлой нечистый,» онъ не можетъ уже вредить хозяину.

Полнота дѣла требовала привлеченія къ слѣдствію, кромѣ описанныхъ выше лицъ, старухи нищей, по инціативѣ которой возникла вся исторія съ замкомъ и колдуньи Устихи. Первую, за всѣми мѣрами, невозможно было отыскать: она заблагоразсудила скрыться, воспользовавшись шестью рублями. Съ ея стороны конечно было-бы неблагоразумно оставаться вблизи и она поспѣшила, во избѣжаніе отвѣтственности за свои продѣлки, уйдти подальше отъ грѣха. Кольдунью Устиху, старуху чрезвычайно безобразнаго и даже страшнаго вида, я нашелъ въ сосѣдней деревнѣ, но ничего не могъ уже отъ нея добиться, такъ какъ она была больна горячкою и находилась въ состояніи близкомъ къ смерти. Впрочемъ, по требованію моему, работница ея, съ которою она жила вдвоемъ, не посвящая никого въ тайны своихъ ученій, отдала мнѣ носъ и уши Андрея, которые были принесены Устихѣ Степаномъ Богиткою.

Носъ и уши оказались замаринованными въ бутылкѣ какой-то свѣтлой жидкости.

— На что это Устиха замариновала носъ и уши, спросилъ я работницу: и чѣмъ это они налиты въ бутылкѣ?

— Бабушка налила ихъ водкой только на шесть дней, бойко отвѣчала работница: чтобъ настоемъ дѣтей отъ родимца лечить, а кто сильно пьетъ, такъ отъ запоя.

Славное лекарство—подумалъ я, и конечно отобралъ бутылку въ видахъ изъятія столь цѣлительнаго бальзама изъ употребленія.

При концѣ словъ работницы, старуха Устиха заметалась на своей вонючей кровати. Я поспѣшилъ выдти на дворъ чтобы скорѣе подышать свѣжимъ воздухомъ. Обслѣдовать личность Устихи и методъ ея леченія и колдовства я предполагалъ на другой день, и хотѣлъ заняться этою стороною дѣла съ особенною энергіею, чтобы вывести наружу всѣ мошенническія продѣлки ея, которыми она весь свой вѣкъ морочила, пугала и обманывала всѣхъ окрестныхъ крестьянъ, но, къ несчастію, Устиха въ тотъ же вечеръ умерла

и тѣмъ пресѣкла мои предположенія относительно разоблаченія ея тайнъ.

На другой день утромъ, когда я выѣзжалъ уже изъ Гердовой, нѣкоторые изъ крестьянъ, бывшихъ очевидцами смерти Устихи, разсказывали, что кончина ея была ужасна и страшно мучительна. При этомъ они пренаивно утверждали, что въ послѣднія минуты, когда она испускала свой духъ, за печкой, въ заднемъ углу, кто-то тихонько захохоталъ и захлопалъ въ ладоши, а когда ее совсѣмъ уже одѣли и положили на столъ, то къ ней всякъ боялся подойдти, потому въ животѣ у ней, словно въ амбарѣ у мышей, возня была.

— Кто же это у ней въ животѣ возился? спросилъ я, смѣючись, крестьянъ.

— А съ кѣмъ знакомость за жизнію водила, тотъ и возился, отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Съ чортомъ побраталась, съ чортомъ и въ могилу уйдетъ, отозвался другой, и, снявъ шапку, перекрестился, набожно проговоривъ: съ нами крестная сила!

— Не вѣрьте вы въ эти глупости проговорилъ я, обращаясь къ крестьянамъ: тогда у васъ и дѣлъ такихъ скверныхъ никогда не будетъ. Не то колдуньи и водка многимъ изъ васъ еще навредятъ, если вы будете первымъ вѣрить, а съ послѣдней брататься.

— Трогай!—крикнулъ я своему подводчику, усѣвшись уже въ повозку, и, напутствуемый пожеланіями счастливаго пути, выѣхалъ изъ деревни.

Степана и Панкрата судъ призналъ виновными, вслѣдствіе суевѣрія, въ разрытіи могилъ, что преступленіе это они совершили по глупости и неразумію, въ пьяномъ видѣ, и приговорилъ ихъ къ довольно продолжительному тюремному заключенію.

VII.

Проститутка.

Городъ Пряжскъ, протекающею черезъ него рѣкою, раздѣляется на двѣ половины, на такъ называемые Старый и Новый городъ. Обѣ половины города соединены между собою мостомъ. Мѣсто подъ мостомъ, мѣстныя власти отвели для стирки и полосканья бѣлья, и въ видахъ огражденія общественной нравственности отъ безцеремонныхъ прачекъ, заголяющихъ ноги выше колѣнъ, обнесло заборомъ, закрывающимъ его отъ взоровъ публики.

21-го декабря 1866 года, рано утромъ, подъ этимъ мостомъ на плоту, около проруби, замѣчена была на снѣгу въ значительномъ количествѣ кровь, капли которой виднѣлись также по лѣстницѣ, устроенной для входа на берегъ, на небольшомъ разстояніи по набережной рѣки; дальше слѣдъ крови терялся.

Кровь эту увидала одна изъ прачекъ, раньше другихъ пришедшая на плотъ, и на случай, «чтобъ потомъ какой бѣды не было» объявила о томъ полиціи. Квартальный надзиратель, дѣлавшій осмотръ съ понятыми, пришелъ къ тому убѣжденію, что, такъ какъ дѣло близилось къ Рождеству, видно де кто либо изъ постниковъ къ праздничку поросенка или гуся кололъ. Согласились съ этимъ и понятые, а чтобъ другимъ на счетъ крови никакого «сумнѣнія» не было, такъ его благородіе приказалъ слѣды крови затереть. Но дѣло

этимъ не кончилось, и предположеніе философа надзирателя оказалось, какъ увидимъ ниже, вполнѣ неосновательнымъ.

Дня черезъ два послѣ того, въ полицейское управленіе доставлена была собака, пойманная въ ближайшемъ отъ города поселкѣ съ обглоданною человѣческою рукою во рту. Полицейское управленіе, составивъ протоколъ, постановило подвергнуть собаку аресту и передать ее вмѣстѣ съ рукою на распоряженіе судебнаго слѣдователя. Новость эта, облетѣвъ городъ, повлекла за собою, какъ водится, различныя толки и предположенія. Пошли догадки: чья рука, какимъ, образомъ досталась она на утоленіе голода какого то бродячаго лыска. Мало по малу, возникъ изъ разговоровъ слухъ о томъ, не имѣетъ ли эта рука какого нибудь соотношенія къ крови, усмотрѣнной на прачешномъ плоту подъ мостомъ. Слухъ этотъ съ каждымъ днемъ разростался все больше и больше, и передавался уже съ маленькими коментаріями: что полиціи не слѣдовало бы ограничиваться предположеніями въ родѣ того, что видно кто нибудь къ празднику гуся или поросенка кололъ, а нужно было обратить на кровь особенное вниманіе, такъ какъ де въ городѣ нѣтъ обычая гусей и поросятъ колоть на прачешномъ плоту, а тѣмъ болѣе ночью, потому что прачка, пришедшая на плотъ чуть свѣтъ, нашла кровь уже совершенно застывшею.

Первымъ моимъ дѣйствіемъ, по полученіи дознанія объ этомъ обстоятельствѣ, было разслѣдовать: кому принадлежитъ собака, задержанная съ рукою, но такъ какъ хозяина не оказалось и она была признана за бродячую, не имѣвшую права гражданства въ Пряжскѣ, то, конечно въ принципахъ совершенно строгой справедливости, освободивъ ее изъ подъ ареста, я распорядился, чтобы за нею былъ учрежденъ надзоръ: куда и въ какую сторону она направится.

Черезъ полъ-часа по освобожденіи собаки, полицейскій солдатъ, которому поручено было наблюдать за нею, прибѣжалъ ко мнѣ и объявилъ, что собака, бѣгая по разнымъ улицамъ, остановилась на прачешномъ плоту и стала его об-

нюхивать. Это обстоятельство чрезвычайно мѣтко указывало на то, что собака добыла себѣ руку по всей вѣроятности на плоту, куда она, проголодавшись за два дня ареста, снова прибѣжала искать поживы. Собравъ довольно значительное число понятыхъ съ ломами и жердями, я отправился на плотъ, чтобы осмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ нибудь около него, подъ льдомъ, какой нибудь несчастной жертвы случайности или преступленія. Когда ледъ кругомъ плота, на довольно значительномъ разстояніи, былъ обколотъ, то, при передвиженіи льдинъ, подъ одною изъ нихъ мелькнуло въ водѣ что то въ родѣ синей пестрядиной юбки. Тотчасъ же подъ эту льдину запустили багры, и минуты черезъ двѣ ощупали мягкое тѣло. Несомнѣнно, что подъ льдиной находился чей то трупъ. Когда льдину однимъ концомъ придвинули къ плоту, и немного наклонили въ сторону, то подъ нею явственно увидѣли двѣ ноги, обутыя въ старыя порванныя ботинки. Всѣ усилія вытащить трупъ изъ подъ льдины за ноги оказались тщетными, такъ какъ трупъ примерзъ къ нимъ. Общими усиліями понятыхъ и собравшагося народа, льдину перевернули и подъ ней оказалась со вмерзшимъ въ льдину платьемъ и волосами утопленница, молодая еще женщина лѣтъ около 26. Только что ее вытащили, какъ всѣ ахнули: въ ней узнали одну изъ городскихъ проституток, слывшую подъ именемъ Туруськи.

Прежде чѣмъ описывать личность этой Туруськи, я разскажу въ какомъ видѣ она оказалась, когда вытащили изъ воды. Одѣта она была въ старую синюю пестрядиную юбку, порванную рубашку и старыя башмаки. Волоса были распущены, лице имѣло видъ синебагровый и носило на себѣ видимые слѣды ссадинъ кожи. Правой руки при покойницѣ не было, а выдававшаяся изъ предплечья плечевая кость была изгрызана. Я обратилъ вниманіе, что также точно слѣды зубовъ видны были и на плечевой кости руки, отобранной отъ собаки. Такимъ образомъ дѣлалось несомнѣннымъ, что та рука принадлежала покойницѣ; носъ у не-

счастной утопленицы былъ свороченъ въ сторону, а горло перерѣзано ножемъ больше, чѣмъ на половину шеи. Выраженія лица Туруськи разсмотрѣть было нельзя, потому что оно было сильно раздуто; при жизни же своей, въ той средѣ, въ которой вращалась, она считалась «кралей.» Рука, отобранная отъ собаки, приложена была къ трупу Туруськи и совершенно пришлась плечевымъ своимъ суставомъ въ предплечье. Такимъ образомъ не было никакого сомнѣнія въ томъ, что эта рука Туруськина. Опредѣлить принадлежность ей этой руки, по внѣшнему виду съ другой рукой, было невозможно, потому что отъ собаки отобраны были только однѣ обглоданныя кости. По существующему порядку, трупъ ея былъ вскрытъ, и врачъ заключилъ, что Туруська окончила жизнь насильственно, а именно зарѣзана, что, судя по состоянію трупа, она была брошена въ рѣку назадъ тому дня три, и что, объѣденная собакою рука была отдѣлена отъ трупа послѣ смерти субъекта.

По вскрытіи, Туруську одѣли, или, вѣрнѣе, завернули въ лохмотья, какія на ней оказались, и уложили въ сколоченной на добровольныя пожертвованія гробъ, который потомъ городовые-десятскіе и похоронили на городскомъ кладбищѣ, гдѣ-то въ самомъ заднемъ углу въ болотѣ. На остатокъ отъ доброхотныхъ дателей, помянули покойницу въ ближайшемъ кабакѣ шкаликами водки.

Читателю, быть можетъ, неизвѣстно, какимъ образомъ и на чей счетъ хоронятся обыкновенно, въ провинціи всѣ подобные бездомные, безпріютные скитальцы, находимые мертвыми на улицахъ, утопленики, вытаскиваемые изъ воды и т. п.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ впредь до распоряженія о погребеніи, сохраняется подобный покойникъ, полицейскіе служители обыкновенно выставляютъ табуретку или столъ съ тарелкой, на край которой прилѣпляютъ зажженую восковую свѣчку. Всякій проходящій, изъ чувства состраданія къ несчастному ближнему, кладетъ свою лепту на тарелку, и

вотъ на эти то грошевые сборы сколачивается гробъ и справляются похороны. Иногда отъ этихъ подаяній, за удовлетвореніемъ всѣхъ смѣтныхъ расходовъ по погребенію, остается сверхъ-смѣтная сумма. Въ такомъ случаѣ, эта сумма, какъ не подлежащая ни чьему контролю, употребляется полицейскими, погребавшими покойника, на выпивку, или, выражаясь приличнѣе, на поминовеніе души усопшихъ раба или рабыни. Въ данномъ случаѣ полицейскіе выпили за упокой рабы Божіей Туруськи.

Что же за личность была Туруська? Кто она такая, откуда взялась, гдѣ, у кого и чѣмъ жила, при какихъ обстоятельствахъ и когда была лишена жизни, и какъ попала въ воду подъ ледъ? Вотъ, естественно, тѣ вопросы, которые я себѣ задалъ послѣ того, какъ Туруська была похоронена. Полиція, къ которой я обратился за свѣдѣніями о личности и званіи Туруськи, дала объ ней довольно положительныя свѣдѣнія. Я узналъ, что она была вольнаго поведенія женщина и значилась въ спискѣ проститутокъ подъ этимъ же самымъ лаконическимъ прозвищемъ Туруськи, безъ обозначенія имени, отчества и фамиліи. Постоянной квартиры, какъ сообщала мнѣ полиція, Туруська не имѣла, а проживала, по своему ремеслу и образу жизни, въ кабакахъ и шинкахъ, посѣщаемыхъ разнымъ народомъ, гдѣ проводила и ночи.

Относительно званія ея, въ отзывѣ полиціи значилось, что Туруська появилась въ Пряжскѣ лѣтъ около двухъ тому назадъ, что въ свидѣтельствѣ, по которому она проживала, значилось, что она, Тереза Павловна Р-кина, вдова какого то офицера. Въ первое время она жила въ услуженіи, занималась и поденною работою. но затѣмъ пустилась въ развратъ.

Изыскивая способы къ обнаруженію обстоятельствъ грустной кончины Туруськи, я узналъ, что, за пять дней до смерти, она съ товаркой своей по ремеслу, Иванихой, пьянствовала въ шинкѣ одного еврея. Для разъясненія дѣла, мнѣ

необходимо было прослѣдить, гдѣ именно и въ сообществѣ кого провела свои послѣднія минуты жизни несчастная женщина. Поэтому я потребовалъ къ себѣ ея товарку, Иваниху. Это была молодая дѣвка изъ мѣстныхъ мѣщанокъ, съ круглымъ багровымъ лицомъ, красными руками, чрезвычайно округло-развитыми формами, и, въ добавокъ, съ какимъ то особеннымъ специфическимъ запахомъ. Она явилась ко мнѣ, бойко размахивая руками, съ наглымъ и безстыднымъ выраженіемъ лица.

— Вы изволили меня требовать къ себѣ: такъ вотъ я и пришла — отрапортовала она.

— Да, я васъ позвалъ по дѣлу Туруськи, — отвѣтилъ я. Скажите пожалуйста, вы гуляли съ ней пять дней тому назадъ въ какомъ нибудь шинкѣ, т. е. пили водку, и кто еще съ вами былъ?

— Оно не токма что, ваше благородіе, изволите спрашивать, гуляли ли мы съ Туруськой пять дней назадъ, а мы, слава Богу, завсегда съ ней гуляли, потому какъ при нашемъ положеніи мы этимъ живемъ, — резонировала Иваниха. И теперь, примѣрно, къ слову сказать, если бы Туруська и потеперь была жива, такъ вѣрно и сегодня гуляла бы со мною, потому мы съ ней завсегда канпанію держали и суюзъ имѣли; значитъ подругами прозывались. Но только, ваше благородіе, того вечера, какъ мы съ ней гуляли, я какъ была очень выпивши, такъ ушла раньше изъ шинка къ однимъ знакомымъ ночевать, а она тамъ осталась водку пить

— Съ кѣмъ же она тамъ водку пила? перебилъ я ее.

— Не могу, ваше благородіе, про то знать, отвѣчала она. Точно видѣла, что она водку съ двумя мущинами пила, а какіе то были мущины не знаю: съ лица незнакомые, никогда я ихъ не видала, ни допрежъ, ни послѣ того.

— Ну, а послѣ того вечера вы не видали уже Туруськи?

— Нѣтъ, не видала.

— Отчего вы не спохватились, гдѣ ваша подруга, послѣ

того, какъ ее нѣсколько дней не было видно? вновь обратился я съ вопросомъ къ Иванихѣ.

— Изволите видѣть, ваше благородіе, какое дѣло то: Туруська эта самая есть дворянская дочь, изъ благороднаго роду, не такъ какъ я съ мѣщанокъ, а съ благородныхъ, значитъ она по благородному и учена была. А ужъ какъ попала она на нашу ступень неизвѣстно. Очень она свою мать любила, и за всегда хоть — прости Богъ наше согрѣшеніе — худую жизнь вела, а молитвами себя не забывала и въ Рождественскій сочельникъ завсегда по своей матери панихиду справляла. Вотъ и нонче, какъ гуляли мы съ ней въ тотъ вечеръ, она сказывала мнѣ, что на завтра пойдетъ съ утра въ монастырь, что за тридцать верстъ отъ нашего города, панихиду служить: такъ я, невидючи ее, и думала, что она въ заправду въ монастырь пошла. Только третьяго дня прибѣгаетъ ко мнѣ другая товарка, — можетъ изволите знать, солдатка, Фенюткой прозывается. Прибѣгаетъ это она ко мнѣ, а я тѣмъ часомъ въ томъ самомъ шинкѣ сидѣла, что на углу Большой улицы съ красной вывѣской. Прибѣгаетъ она, а сама страсть какъ смутилась: «знаешь, говоритъ, Иваниха, бѣда какая?» а я ей: — «чего, молъ, ты пугаешь, какая такая бѣда?» А она пуще блѣднѣетъ. «Туруську то, говоритъ, съ проруба неживую вытащили, да и горло перерѣзано.» «Что ты, говорю я, не можетъ быть, она въ въ монастырь пошла по матери панихиду служить.» Какъ захохочетъ съ дуру то эта самая Фенька. «Какую, говоритъ, ей панахиду служить, коли она у десятниковъ ужъ въ сараѣ лежитъ, да ей же самой ужъ на отпѣванье собираютъ.» Не повѣрила я, потому всякъ знаетъ ужъ очень она на языкъ болтлива, одначе побѣгла на съѣзжую. Гляжу и въ заправду Туруська моя ужъ на доскахъ въ пожарномъ сараѣ лежитъ: горло точно перерѣзано и руки одной нѣту. Индо страхъ меня взялъ и болѣзно за Туруську стало. Положила я ей на тарелку грошъ — въ карманѣ случился, а сегодня приходитъ десятникъ, къ вашему благородію прислалъ: «иди,» го-

воритъ, да еще ругается, нехорошой дочерью назвалъ. «Иди, говоритъ, такая дочь къ слѣдователю; васъ, говоритъ, теперь всѣхъ потаскухъ за Туруську въ тюрьму засадютъ.» За что же, ваше благородіе, насъ садить? Вотъ хоть дай мнѣ Господи скрозь землю сейчасъ пройдти, и чтобъ я праздника Христова не дождалась, коли я что объ ейной смерти знаю. Что знала, то и сказала. А вотъ слыхала я еще, да только не знаю правда ли: что когда я того вечера изъ шинка ушла, оставивши Туруську, такъ скоро послѣ меня пришла туда эта самая Фенька, и тоже тамъ съ тѣми молодцами, что при Туруськѣ были, гуляла. Такъ вотъ можетъ она знаетъ куда потомъ и съ кѣмъ она пошла. Коли знаетъ, такъ она не должна скрывать, потому мы тоже знаемъ, что это дѣло не шуточное, можетъ и присягать придется. Ну, а душа то какая ни на есть, все же своя.

На этихъ словахъ Иваниха окончила свое показаніе и просила, чтобы Феньку вызвать къ допросу сейчасъ же, и даже сама вызвалась немедленно прислать ее ко мнѣ.

Дѣйствительно, не прошло получаса послѣ ухода ея, какъ ко мнѣ явилась Фенька. Она была помоложе и покрасивѣе Иванихи, держала себя приличнѣе, и какъ въ разговорѣ, такъ и въ тѣлодвиженіяхъ замѣтно старалась скрывать свои шероховатости и угловатости. Она даже немного кокетничала, и нельзя сказать, чтобы это кокетство было не къ лицу ей, какъ говорится не пристало, какъ «къ воронѣ павлиньи перья.» Не смотря на свой относительно низкій нравственный уровень, она держала себя съ нѣкоторымъ достоинствомъ. При входѣ ко мнѣ она очень вѣжливо поклонилась и стала посереди комнаты, гдѣ обыкновенно становятся люди незнакомые съ салонными пріемами, а съ боку, около стула, намѣреваясь, при удобномъ случаѣ сѣсть въ виду другихъ лицъ, находившихся въ моей камерѣ. Этимъ, какъ казалось, она хотѣла показать, что, дескать: «не смотрите, что я такая; вы вотъ стоите, а я передъ самимъ слѣдователемъ, въ его кабинетѣ, сижу.»

— Что вамъ угодно, слѣдователь? — обратилась она ко мнѣ. Меня къ вамъ послала мѣщанская дочь Иваниха.

Слова: мѣщанская дочь, Фенька произнесла съ особеннымъ удареніемъ, очевидно желая этимъ показать, что она не изъ таковскихъ.

— Я васъ требовалъ къ допросу для того, чтобы вы разсказали мнѣ все, что вамъ извѣстно относительно послѣднихъ дней жизни и смерти Туруськи, найденной подо льдомъ съ перерѣзаннымъ горломъ.

— Съ этой Туруськой никогда я компаніи имѣть не могла, потому какъ она отъ зазорности своего поведенія завсегда была пьяна, такъ мнѣ и неизвѣстно ничего про нее. Должно Иваниха смѣшала меня съ кѣмъ-нибудь, а я въ такой компаніи, гдѣ бывала Туруська, никогда по своимъ положеніямъ заходить не могла.

Послѣднюю половину рѣчи Фенька, очевидно, произнесла съ тѣмъ, чтобы хотя немного поднять себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія. На это, впрочемъ, она имѣла нѣкоторое право, такъ какъ считала себя «не изъ послѣднихъ» и вращалась въ сферѣ молодыхъ офицеровъ, чиновниковъ, купчиковъ и, по особому только расположенію, допускала нѣкоторую интимность съ немногими изъ пѣхотныхъ унтеръ-офицеровъ. Такому положенію она была обязана тѣмъ, что сама, какъ выражалась, была «изъ военнаго вѣдомства»: мужъ ея былъ унтеръ-офицеръ какого то полка, года два тому назадъ отказавшійся отъ нея вслѣдствіе любовныхъ шашенъ ея съ командиромъ той роты, въ которой служилъ онъ. Впрочемъ, въ критическія минуты, она не брезгала и простыми солдатами, придерживаясь въ этомъ случаѣ пословицы: «на безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи и Фома дворянинъ». Допуская возможность, что она не водилась съ покойницей, тѣмъ не менѣе категорическое показаніе Иванихи о томъ, что Фенька въ тотъ злополучный вечеръ была въ шинкѣ, давало мнѣ поводъ сомнѣваться въ искренности словъ ея.

— Вѣдь вы были дней шесть тому назадъ въ угловомъ шинкѣ съ красною вывѣской? сказалъ я.

Она видимо тяготилась отвѣтить мнѣ, что была въ шинкѣ, и еслибы я вопросъ свой изложилъ въ формѣ болѣе приличной, т. е. назвалъ бы шинокъ напр. хоть бы виннымъ магазиномъ, то навѣрное она сразу бы отвѣтила.

— Да, я точно тамъ была, проговорила она послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья и тотчасъ-же поспѣшила добавить, что она заходила купить себѣ папиросъ, такъ какъ въ лавочкѣ, гдѣ она все забираетъ, такихъ папиросъ, какія она завсегда куритъ, на то время не случилось.

— Поздно вы были въ этомъ магазинѣ или шинкѣ—это все равно? спросилъ я, стараясь въ интересахъ дѣла заслужить расположеніе щепетильной унтеръ-офицерши.

— Да-съ, это было поздно: часовъ въ 11 ночи, отвѣтила она, жеманясь.

— А Туруську въ это время вы тамъ не видали?

— Видала, отозвалась Фенюшка: она сидѣла тамъ съ какими то двумя мужиками, пила съ ними водку, и ужъ совсѣмъ почти была пьяна.

— Вы не знаете, что это были за люди?

— Откуда же мнѣ ихъ знать? Не знаю. Вѣрно она подцѣпила ихъ съ пришпекта: съ лица они не знакомые, такихъ въ городѣ я никогда не видала.

— Долго вы тамъ были и при васъ ли Туруська вышла изъ шинка, и съ кѣмъ: одна или съ тѣми мужчинами, съ которыми она пила водку и куда они пошли?

— Этого я не видала и не могу вамъ сказать, отвѣчала она:—потому я тамъ была не долго, и только зашла купить папиросъ, и хотѣла сейчасъ-же уйдти. Но на то время зашелъ туда Гаврила Маркычъ—федфебель седьмой роты: они какъ очевнно знакомы со мною, такъ упросили посидѣть съ ними немного: «Погодите, говорятъ, Аграфена Степановна, поговоримъ.» Наливочкой дамской угостили и потомъ я ушла, можетъ пробыла тамъ минутъ съ 20. Пока я тамъ

сидѣла Туруська никуда не выходила, а только какъ я уходила, слышала, что завязался у нея съ мужчинами какой-то споръ, а объ чемъ я того не слыхала.

— А Гаврила Маркычъ съ вами пошелъ или остался въ шинкѣ? спросилъ я Фенюшку.

Улыбнувшись очень коварно, она дала мнѣ замѣтить, что поняла вопросъ очень двусмысленнымъ. Впрочемъ, развѣ только въ отношеніи къ ней, онъ могъ показаться двусмысленнымъ, по ходу же самого допроса онъ былъ вполнѣ естественъ, такъ какъ мнѣ необходимо было знать: остался ли Маркычъ свидѣтелемъ ссоры Туруськи съ ея товарищами или нѣтъ?

— Гаврила Маркычъ — отозвалась она на послѣдній вопросъ, хотѣли проводить меня до дому, потому что ночной порой оченно опасно одной ходить, да нельзя имъ было никакъ, такъ какъ пришли они въ шинокъ караулить солдатъ: не набѣгутъ ли какіе съ казармъ на ночь пьянствовать. Очень у нихъ въ полку солдаты то пьянствомъ занимаются, резонировала Фенюшка.

Такъ какъ показаніе ея казалось довольно вѣроятнымъ и естественнымъ, то я и отпустилъ ее.

— Можетъ вамъ угодно будетъ, чтобъ я Гаврилу Маркыча къ вамъ прислала, такъ я скажу имъ-съ. Только теперь они на три дня въ командировкѣ, предложила Фенюшка. А какъ съ командировки вернутся, такъ въ тотъ же вечеръ будутъ у меня и я могу передать имъ ваше приглашеніе.

Она видимо хотѣла порисоваться передъ находившеюся у меня въ камерѣ публикою и высокимъ слогомъ и знакомствомъ своимъ съ Гаврилою Марковичемъ, и даже умѣньемъ курить папироски, да еще и не всякія, а только такія, какія «завсегда привыкла курить.»

На предложеніе ея, я отозвался, что приглашу самъ, черезъ его начальство; но все таки счелъ долгомъ поблагодарить ее за любезность.

Фенюшка была на седьмомъ небѣ. Такъ какъ во время допроса ей ни разу не удалось присѣсть, то, не желая упустить случая показать передъ другими, что можетъ и въ камерѣ у слѣдователя сидѣть, она вдругъ опустилась на стулъ и стала что то поправлять у башмака, сдѣлавъ видъ, что онъ какъ бы у ней развязался. Затѣмъ встала, поклонилась не только мнѣ, но раскланялась и со всѣми бывшими въ камерѣ, не исключая даже и полицейскаго десятскаго Силантія, къ которому питала сильнѣйшую ненависть за то, что онъ не отличалъ ее отъ другихъ, и, въ извѣстные дни, вмѣстѣ съ прочими проститутками гонялъ на осмотръ. Затѣмъ вышла павой, вертя въ рукахъ зонтикомъ и напяливая на лѣвую руку дырявую перчатку.

— Словно барыня какая! И не узнаешь супротивъ того, какъ на улицѣ да по трактирамъ прохлаждается,—ввернулъ съ досады, при ея выходѣ, Силантій.

Такъ какъ Гаврила Маркычъ дѣйствительно оказался въ командировкѣ, то допросъ его пришлось на нѣкоторое время отложить, а до того времени я старался всевозможными путями розыскивать и разузнавать про все, что только могло мнѣ указать хоть на маленькую нить къ открытію личности и занятій Туруськи, убійцъ ея и обстоятельствъ, при которыхъ она была зарѣзана.

— Вотъ сводъ тѣхъ свѣдѣній, которыя я успѣлъ пріобрѣсть за два дни моихъ розысковъ до явки къ допросу Гаврила Маркыча.

Туруська, или Тереза Павловна Р-кина появилась въ Пряжскѣ два года тому назадъ, одновременно съ прибытіемъ въ городъ на зимнія квартиры Н-скаго пѣхотнаго полка. Явилась она первоначально въ роли любовницы одногс изъ офицеровъ, съ которымъ вмѣстѣ и жила, но потомъ будто бы, — такъ по крайней мѣрѣ носились слухи, — откуда ни возьмись, незваная и непрошеная, явилась вдругъ жена того офицера, и, въ силу законныхъ правъ на мужа, прогнала Р-кину вонъ. Въ отмщеніе ей за то, что она рѣшилась

жить съ женатымъ человѣкомъ, задержала все убогое ея имущество на томъ основаніи, что все это будто бы куплено на деньги ея мужа. Послѣднему, попавшемуся въ расплохъ, конечно нечего было и думать оправдывать Р-кину: ему самому оставалось только въ пору выпутаться изъ бѣды передъ своею супругою, а потому онъ, на основаніи логическихъ и тактическихъ соображеній, нашелъ болѣе выгоднымъ, перейти на сторону своей жены; мало того, онъ оклеветалъ Р-кину въ увлеченіи его и въ кражѣ.

Въ свое время эта исторія надѣлала громаднаго скандалу. Нравственные обитатели и обитательницы города Пряжска разшумѣлись не на шутку и, принявъ сторону законной супруги, нашли, что она совершенно права, заграбивъ вещи «какой то дряни,» съумѣвшей обойдти молодаго мужа и т. д. Окончилась исторія тѣмъ, что Р-кина, выгнанная чуть-чуть не въ одной рубашкѣ, лишенная послѣдняго имущества, и не находившаяся никогда въ столь критическомъ положеніи, готова была утопиться. Къ счастію, смазливое личико выручило ее изъ бѣды, и на другой же день, она, не смотря на скандальную огласку, поступила въ качествѣ «содержанки» къ другому офицеру того же полка, квартировавшему внѣ города. Прожила она съ нимъ мѣсяца три: полкъ перевели на стоянку въ другое мѣсто и офицеръ, не внимая слезамъ, бросилъ ее, увѣряя съ улыбкой, что «этого добра, въ свѣжемъ видѣ, вездѣ много: «хоть прудъ пруди.» Оставшись, по неволѣ, въ Пряжскѣ она цѣлое лѣто занималась поденной работой, полола на огородахъ, носила воду, и какъ ни кляла свою судьбу, но все же имѣла кусокъ хлѣба. Но вотъ подошла и осень, а тамъ и зима. При всей неприхотливости къ нарядамъ и стойкости въ несчастіи, Р-киной пришлось не на шутку подумать о своемъ горькомъ положеніи: ни теплой одежонки, ни обуви, ни хлѣба, ни денегъ даже, чтобы заплатить за уголъ въ какомъ то темномъ подвалѣ, которой она нанимала у одной мѣщанки. «Бѣда бѣду родитъ:» какъ на зло пришло время платить за уголъ, а

денегъ нѣтъ и хозяйка, не желая потерять на этомъ углѣ тридцати двухъ копѣекъ, безъ церемоніи и жалости выгнала несчастную квартиранку на улицу. Безпріютная, оборванная, убитая горемъ, пробѣгала она цѣлый день по городу, ничего не ѣвши; до мозга костей продрогла она, ознобила ноги... А морозъ все крѣпчаетъ, свирѣпѣетъ къ ночи. Что дѣлать, гдѣ пріютится, куда идти? Подумала и пошла она къ первому шинку. А въ шинкѣ такъ весело: балалайка тринкаетъ, тепло и уютно, народу много, а народъ то все веселый и Р-кина, скрѣпя сердце, съ затаенною грустью, въ первый разъ въ жизни переступила порогъ кабака.

Нѣкоторые быть можетъ осудятъ несчастную за то, что она слишкомъ легко рѣшилась на такой рѣзкій шагъ. Но что, спрашивается, оставалось ей дѣлать? Въ услуженіе ее никто не принималъ. Порядочные—на языкѣ общественныхъ приличій дома — гнушались ею и не рѣшались принять къ себѣ въ домъ женщину сомнительнаго поведенія, прогнанную и оскандаленную любовникомъ развратницу; люди же по ниже рангами отказывали ей потому, что она была неспособна къ такого рода работамъ и занятіямъ, которыя требовались отъ служанки. Кромѣ того не одинъ отказывалъ ей въ работѣ еще и потому, что дескать не приходится мнѣ въ мужицкомъ положеніи имѣть батрачку изъ господъ. Да наконецъ допустить можно и то, что Р-кина, въ данный моментъ, просто потерялась и не знала, что ей дѣлать; блеснулъ у ней впереди заманчивый пагубный огонекъ кабака, и она, не разбирая ничего, пошла на этотъ огонь. Чтобы осудить ее, нужно, мнѣ кажется, самому побывать въ той шкурѣ, въ которой находилась она въ то время.

— А, красавица! никакъ знакомая,—отозвался какой то солдатъ, при входѣ ея: никакъ мому барину ты лѣтомъ воду на огородъ носила, и онъ вальяжно подошелъ къ ней, заломивъ шапку на затылокъ. Угостить можетъ прикажете?..

Сжалось сердце у бѣдной, никогда еще не была она въ

такомъ положеніи, а солдатъ то какой пьяный, грязной, все пристаетъ къ ней съ угощеніемъ.

— Чтожъ, не побрезгайте, сударыня, нашимъ желаніемъ, водочкой, али наливочкой могимъ вамъ услужить, потому сегодня заработокъ получили, могимъ погулять, покуражиться съ барышнями... съ хорошенькими — вотъ какъ вы... И онъ полѣзъ обнимать ее.

Какъ ни гнусна была обстановка, но безвыходность положенія взяла свое, и она, скрѣпя сердце, принимала ласки пьянаго солдата. Пошло угощенье: сначала наливочкой, потомъ водочкой... У ней, съ непривычки, скоро закружилась голова, и, не помня какъ, она очутилась въ объятіяхъ какого то пьяницы...

«Лиха бѣда начать»—говоритъ пословица:—такъ и для Туруськи тяжолъ былъ только первый шагъ, а тамъ страшная крайность и тяжолая нужда скоро примирили ее съ окружающей обстановкой и она свыклась, сжилась съ кабацкой атмосферой. Сначала, ей было невыносимо омерзительно не только что дышать однимъ воздухомъ съ пьянымъ, до мозга костей развращеннымъ отребьемъ человѣческаго рода, но даже и подумать о той горькой участи, которая выпала на долю ей, бѣдной Съ какимъ ужаснымъ отвращеніемъ принимала она въ первое время ласки отъ кабацкихъ ловеласовъ, горемыкъ пропоицъ!.. Чтобы хотя на время забыться, заглушить въ себѣ смертельную тоску, тяжелымъ свинцомъ запавшую на ея страдальческую душу, она начала пить: водка, опьяняя, успокоивала ее, помогая забыть и счастливое дѣтство и веселую юность; даже послѣднее житье, въ качествѣ любовницы, какъ ни скверно оно было, сравнительно казалось ей сладкимъ... Она дошла наконецъ до того, что единственной любимой мечтой ея сдѣлалась водка, она только и думала какъ бы, да гдѣ бы упиться до безчувствія, утопить свое горе въ винѣ,—все остальное, *человѣческое,* сдѣлалось чуждо душѣ ея. Она пала и пала до конца!..

— Какъ тебя красавица звать? спросилъ ее разъ въ одномъ изъ шинковъ какой то пьяный мастеровой.

Только что хотѣла она было сказать свое настоящее имя, какъ вдругъ вспомнила, что до сихъ поръ имя это нѣкогда произносили дорогія уста матери и любимыя лица и она не захотѣла осквернить его въ кабакѣ. Горько ей было отказаться отъ имени, съ которымъ такъ много связано дорогихъ и близкихъ сердцу воспоминаній, но она рѣшилась лучше отречься отъ него, отречься навсегда, нежели услышать его отъ противныхъ, забубенныхъ пьяницъ. И вотъ, подумавъ не много, она на скоро, тихо прошептала:

— Туруськой зовутъ меня.

Почему именно это, а не другое имя пришло ей въ голову, она и сама хорошенько не могла дать себѣ отчета въ томъ. Прозвище это, переходя изъ однихъ пьяныхъ устъ въ другія, такъ навсегда и осталось за нею: съ нимъ она жила, среди людишекъ, вѣрнѣе, пресмыкалась, съ нимъ и въ прорубь попала, съ нимъ и въ могилу опущена.

Нѣкоторое время, пока еще не совсѣмъ, не до конца, окунулась и погрязла въ омутѣ, она считалась одною изъ первыхъ красавицъ, проститутокъ въ особенности. Громкой популярностью пользовалась она въ солдатскомъ міру, гдѣ сохранилось и жило еще свѣжее преданіе о блудной связи ея съ командирами; затѣмъ постоянное безпросыпное пьянство, безсонныя ночи, проводимыя въ кутежахъ, бродячая жизнь, безъисходная нужда, безвыходность, безпомощность сокрушили ея до конца: красивое, осмысленное личико преобразилось въ безобразно-жолтое, морщинистое, обрюзшее отъ пьянства, принявшее выраженіе идіотизма, лицо, на которое было противно смотрѣть. Даже самые неприхотливые, невзыскательные посѣтители стали брезговать ею и гнать отъ себя прочь. И звѣзда первой величины, такъ не давно и такъ ярко сіявшая на кабацкомъ горизонтѣ, день ото дня все больше и больше меркнула и наконецъ погасла въ водѣ подъ льдинами.

Никто не протянулъ руку помощи несчастной, не нашлось ни одного мало-мальски добраго человѣка, который помогъ бы ей подняться, возстать нравственно изъ той бездны, въ которую она погружалась съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ все глубже и глубже. И Богъ знаетъ, чѣмъ бы закончила она, еслибъ извѣстная катастрофа не пресѣкла ея жалкіе дни и рѣка не приняла въ свои объятія ея грѣшное тѣло!.. Да, могила милосерднѣе людей!..

Какъ теперь помню я тотъ моментъ, когда Туруську вытащили изъ воды. Что это была за безобразно-грязная, вонючая масса!... Распущенные волосы, въ послѣднее время жизни никогда нечосаные, — сплелись и падали длинными прядями на лицо утопленницы; лицо было покрыто сплошными синяками, правая рука отгрызена; отрепья едва прикрывали ея грязное тѣло. Признаюсь, не смотря на глубокое сожалѣніе къ несчастной, я съ отвращеніемъ отвернулся отъ трупа.

Одинъ изъ понятыхъ, находившихся при осмотрѣ, видя какое впечатлѣніе производитъ на меня трупъ Туруськи, обратился ко мнѣ съ такими словами:

— Она, ваше благородіе, почесть и за жизнью то не лучше была теперешняго. Совсѣмъ баба спилась и пропала, только и жила что водкой. Глядѣть тошно на нее было. Бывало носъ затыкаешь, какъ гдѣ повстрѣчаешься съ ней. А вѣдь слухи носятся, — не знаю, правда ли,—что она изъ хорошаго дому, изъ дворянскаго роду,—да вишь до какого положенія дошла!..

Послѣднія слова понятого невольно заставили меня призадуматься. Я думалъ не о томъ, какъ утопленница, хорошо воспитанная дѣвушка дошла до жизни такой, а о томъ, какимъ превратностямъ подверженъ вообще человѣкъ, какъ часто отъ какой нибудь, повидимому, ничтожной случайности разбивается цѣлая жизнь и иногда совершенно незаслуженно.

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей передо мной всецѣло пред-

сталъ, образъ не лежавшей на плоту жертвы безобразной Туруськи, а Терезы Павловны, очаровательной, полной силъ и жизни, девятнадцатилѣтней дѣвушки. Воображеніе нарисовало мнѣ идеальную красоту: передо мной стояла высокая, какъ колосъ стройная, молодая дѣвушка, съ антично-строгими, прелестными чертами лица. Глубокія, задумчивыя, цвѣта воронова крыла, глаза смотрѣли такъ мягко, такъ тепло... Роскошныя, черныя кудри волнами разсыпались по ея бѣлоснѣжной, лебединой шеѣ. Она улыбалась, съ довѣрчивостью смотря на встрѣчу бѣгущей жизни. Сколько счастія и радостей, — думалъ я, ожидало ее въ жизни и сколько отраднаго могла она, въ свою очередь, дать другому, кто бы полюбилъ ее.

Фантазіи моей, не выходившей, на этотъ разъ, изъ области возможнаго, предстояло не разбиться, не пропасть безслѣдно, а самымъ нагляднымъ образомъ, въ лицѣ Туруськи, осуществиться въ дѣйствительности и тѣмъ какъ бы доказать, что разнаго рода случайностямъ и превратностямъ въ жизни нашей нѣтъ ни предѣла, ни преградъ; нѣтъ ни начала, ни конца ихъ прихотливымъ и непостижимымъ капризамъ. Если все, совершающееся на землѣ, имѣетъ свои естественно законныя основанія и причины, то на чемъ же основаны житейскія непредвидѣнности, о которыхъ я сказалъ выше? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, и если бы кто захотѣлъ разрѣшить его, то развѣ только и можно объяснить тѣмъ, что одна случайность есть конечная причина другой случайности.

Лежавшій у ногъ моихъ безобразный трупъ утопленницы, въ силу этихъ то необходимыхъ причинъ и случайностей, пять лѣтъ тому назадъ, конечно въ иной оболочкѣ, представлялъ ту идеальную красоту, образъ которой, въ лицѣ Туруськи, такъ живо пронесся передо мною. Туруська и Тереза Павловна, безобразный трупъ и очаровательная дѣвушка, въ данномъ случаѣ, на языкѣ житейской суеты, являлись синонимами.

Въ силу чего же, эта прелестная дѣвушка, въ такой незначительной промежутокъ времени, явилась вдругъ передъ нами безобразною, гадкою Туруськой? Въ силу непреложныхъ законовъ судьбы, скажутъ, быть можетъ, нѣкоторые; но въ такомъ случаѣ, что же такое сама-то судьба, какъ не та же случайность? Скажемъ болѣе, что же такое и самая жизнь каждаго изъ насъ, какъ не та же случайность, подъ часъ невыносимо горькая?..

Мнѣ необходимо было прослѣдить самымъ обстоятельнымъ образомъ послѣднія минуты жизни несчастной и я прежде всего за свѣдѣніями обратился къ тѣмъ личностямъ, которыя, при жизни покойной, близко съ нею соприкасались. Я узналъ отъ нихъ, что Туруська, дошедшая въ послѣднее время до самой низшей ступени разврата, внушала къ себѣ въ обычныхъ своихъ потребителяхъ самой послѣдней категоріи только одно уже отвращеніе. Положеніе ея было по истинѣ ужасное: по цѣлымъ днямъ иногда во рту у ней не было крошки хлѣба. Здоровье свое, черезъ разгульную жизнь, она разстроила до такой степени, что на 26 году представляла изъ себя уже женщину въ высшей степени разслабленную, болѣзненную. Еще одна только водка, изрѣдка, въ видѣ подачки, перепадавшая ей, поддерживала до нѣкоторой степени, ослабѣвшій и почти уже отказывавшійся служить, организмъ Туруськи, на время оживляя притупѣлыя мозги ея. За нѣсколько дней до своей ужасной смерти, Туруська опять вдругъ очутилась безъ пріюта: шинкари, въ кабакахъ которыхъ она бывало ликовала, пропивая себя и свою будущность, видя, что она утратила всякую прелесть и заманчивость для обычныхъ ихъ посѣтителей, выгнали ее вонъ, такъ сказать выбросили какъ ненужную мебель, говоря, что ихъ вертепъ: «мѣсто свято—не будетъ пусто» и, конечно, не ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Несчастная бездомница, въ жалкихъ лохмотьяхъ, спасаясь отъ лютаго мороза, жалась по угламъ заборовъ, считая себя безконечно счастливою, если ей удавалось такимъ образомъ

спокойно провести ночь, не бывъ замѣченною дворниками или собаками. Впрочемъ, на собакъ она не могла пожаловаться: ни одна изъ нихъ, ни разу не укусила ее, быть можетъ инстинктивно чувствуя, что передъ ними безпріютная, безпомощная страдалица; но за то частенько приходилось ей обливаться слезами, вспоминая какъ чѣмъ ни попадя, колотушками, провожали ее дворники, со двора за ночныя посѣщенія.

Мнѣ кажется, что я достаточно ознакомилъ читателя съ личностью покойной, за время пребыванія ея въ Пряжскѣ. Описывать же весь тотъ нравственный гнетъ, доведшій ее до, по истинѣ, ужасной развязки — я не стану: потребовались бы слишкомъ ярко-мрачныя краски, чтобы нарисовать всѣ тѣ положенія изъ жизни Туруськи, которыя навсегда и окончательно убили въ ней человѣческую личность и вѣру въ хорошее, низведши ее на степень какого то животнаго, безъ всякаго права на свободное, независимое существованіе.

Пусть вообразитъ читатель ту адскую сферу, въ которой, подъ конецъ своего жалкаго пресмыканья на землѣ, пришлось вращаться горькой Туруськѣ, и тогда понятно станетъ, что должна была вынести ея наболѣвшая душа и чего лучшаго могла она ожидать отъ вѣчно пьянаго, постоянно безобразнаго общества кабаковъ, гдѣ даже чувства животныхъ побужденій меркнутъ и блѣднѣютъ передъ картинами самаго грубаго, самого безстыднаго цинизма, въ которомъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлась, изъ нужды, все та же Туруська.

Я разскажу одинъ фактъ, наглядно указывающій, что Туруська, при всемъ своемъ нравственномъ безобразіи, была въ высшей степени религіозная женщина, и въ этой то глубокой силѣ религіознаго настроенія, высказалась вполнѣ не та презрѣнная утопленница, съ личностью которой познакомился читатель, а та величественно идеальная Тереза Павловна, образъ которой промелькнулъ предо мной, и которая съ дѣтства запечатлѣла въ себѣ и съумѣла сохранить въ

неприкосновенности до конца — религіозную сторону своей жизни.

Въ этой то религіозной сторонѣ своей духовной жизни и нашла она себѣ поддержку при той громадной силѣ воли, и непоколебимой стойкости въ страданіяхъ, которыя, въ безвыходно-убійственныхъ положеніяхъ, положеніяхъ похожихъ на Туруськино,—даются только сознательно и глубоко испо·вѣдываемою религіей и вѣрою въ то, что все испытываемое предназначено свыше, и что крестъ свой, какъ бы тяжелъ онъ ни былъ, нужно нести безропотно. Мнѣ часто приходилось производить слѣдствія, въ которыхъ дѣйствующими лицами были проститутки, и въ большинствѣ случаевъ наблюдая, я убѣждался въ чрезвычайномъ развитіи въ нихъ религіознаго чувства и той покорности, съ какою переносили онѣ свою горькую, невыносимо тяжелую жизнь. Чѣмъ объяснить это, какъ не тѣмъ психическимъ настроеніемъ человѣка, когда онъ, оставленный людьми, опозорившими его, пренебрегаемый ими, не находя нигдѣ и ни въ комъ къ себѣ сочувствія, и состраданія, когда онъ, т. е. этотъ отверженный, заклейменный общественнымъ позоромъ человѣкъ, изливаетъ свою душу передъ Богомъ и въ единеніи съ нимъ находитъ отраду и успокоеніе для своей грѣшной души, и ту великую могучую силу для безропотнаго прохожденія по тернистому пути жизни, по которому идти, страдая, выпало ему на долю.

Возвращаюсь къ разсказу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго допроса, поздно вечеромъ, ко мнѣ явилась Иваниха и таинственно объявила, что имѣетъ сообщить мнѣ нѣчто важное. Зная Иваниху за личность бойкую и даже смѣтливую, я былъ доволенъ ея приходомъ и надѣялся узнать что либо по дѣлу Туруськи, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ, не смотря на всѣ принятыя мною мѣры, я никакихъ положительныхъ свѣдѣній получить не могъ.

— Что же вы хотите мнѣ сообщить? спросилъ я ее съ

нетерпѣніемъ, предваривъ однако при этомъ, чтобы она не говорила про то, чего не знаетъ и о чемъ не слыхала. Иваниха, на сколько я могъ замѣтить, подъ часъ любила выдумать какую либо утку и вообще щегольнуть небылицей.

— Знаю я, ваше благородіе, что у Туруськи на шеѣ крестъ былъ — начала она, — да не простой какой нибудь, а золотой, изъ настоящаго золота. Вѣрно это, какъ Богъ на небѣ, — добавила она, перекрестившись нѣсколько разъ на образъ.

Извѣстіе это меня чрезвычайно удивило, потому что при той нищетѣ, въ которой находилась убитая въ послѣдніе дни своей жизни, золотой крестъ являлся какимъ то не нормальнымъ явленіемъ, а потому, отнесясь недовѣрчиво къ этому сообщенію, я сталъ подробно распрашивать ее про примѣты креста, а также и о томъ, гдѣ носила его покойница и откуда получила? На всѣ мои вопросы Иваниха отвѣчала чрезвычайно обстоятельно.

— Вы, ваше благородіе, позвольте, я все разскажу по порядку, какъ и что я про ейный крестъ знаю, начала Иваниха:—и вотъ, какъ передъ Богомъ клянусь, буду говорить правду,—пусть ейная душа—царство ей небесное—на меня не гнѣвается. Туруська, только у насъ, въ Пряжскѣ, стала Туруськой, а допрежъ того барышней была, потому дворянская дочь... Училась она въ пансіонѣ у мамзели по французски и на фортопіанахъ играла. Одно слово, жила какъ слѣдуетъ быть, какъ барышня. Да только не поладила она что-то съ своимъ папенькой, ушла изъ дому. Маменька жалѣла ее очненно, потому одна она у нихъ дочка и была. Когда эта самая Туруська родилась, такъ ее отъ купели какой то генералъ богатый принималъ, съ Питера пріѣзжалъ, и на крестинахъ надѣлъ на нее крестъ, тотъ самый, про который говорила: какъ въ нашемъ быту, такъ и у господъ ведется, что крестный долженъ крестъ надѣть. Родилась она слабенькой такой, родители думали, что жива не будетъ и плакать она не могла: другія дѣти, какъ въ купель окунаютъ, кричатъ, а она и звуку не подала. Такъ порѣшили

всѣ, что безпремѣнно помретъ она. Только ужъ какъ крестный крестъ ей надѣлъ стала кричать она, плакать и такимъ шибкимъ громкимъ голосомъ. Поднесли ее къ матери, сразу за грудь принялась, а допрежъ того и соска въ ротъ не брала. Вотъ бабушка-то, что принимала ее, и говоритъ маменькѣ ейной: «это, говоритъ, крестъ Господенъ, что крестный надѣлъ, изцѣленіе ей далъ; берегите его, потому, когда надъ младенцемъ онъ свою силу возымѣлъ, и отъ болѣсти сохранилъ, такъ этотъ крещеный крестъ во всю жизнь ей благословеніемъ будетъ и ото всякой бѣды спасетъ и избавитъ. Извѣстно, мать такъ обрадовалась, что Богъ силу свою надъ ейнымъ ребенкомъ въ этомъ крестѣ показалъ, поцѣловала она крестъ, благословила имъ дочку, и, не выпускаючи попа, кресту Господнему молебенъ отслужила. Повѣсила она крестъ надъ кроваткою ребенка. Чудная сила была въ томъ крестѣ: болѣсть ли дитяти какая приключится—отслужитъ мать молебенъ кресту и болѣсть какъ рукою сниметъ. Какъ подросла Туруська, да поумнѣла, мать про крестъ ей разсказала: какую великую силу онъ имѣетъ. Барышня оченно имъ дорожила и завсегда при себѣ носила. Можетъ Богъ покаралъ покойницу за то, что супротивъ родителя пошла, не послушалась его словъ, ушла отъ него. Маменька ея на ту пору при смерти была и умираючи тѣмъ самымъ крестомъ благословила, наказывала, что это благословеніе завсегда спасетъ ее ото всякой бѣды лихой и горя большаго, и не приказала того креста никогда съ себя снимать. Съ тѣмъ и померла. Съ этимъ крестомъ она отъ папеньки уѣхала и съ нимъ жила по чужимъ людямъ, съ нимъ и въ нашъ городъ пріѣхала. А тутъ ужъ извѣстно какое ейное житье было: хуже дворовой собаки, и умерла то смертью страшною, поганою.

Иваниха замолкла и я замѣтилъ, какъ, отвернувшись отъ меня, она утерла передникомъ невольно выкатившіяся слезы. Видно было, что она жалѣла покойницу и относилась къ ней сочувственно. Не смотря на свою грубую, испорченную натуру и ту разгульную, безшабашную жизнь, заѣдающую

до конца все доброе, хорошее въ человѣкѣ, она все-таки была женщина и, какъ видите, чувство состраданія къ ближнему не погасло еще въ ней.

Нечего и говорить, что я былъ пораженъ ея разсказомъ, и въ головѣ у меня мелькнула мысль, что крестъ этотъ играетъ весьма большую роль въ конечномъ періодѣ несчастной жизни и смерти покойницы.

— Скажите мнѣ пожалуйста, обратился я къ Иванихѣ:— откуда вамъ знакома эта исторія и видѣли ли вы сами у ней тотъ крестъ, про который говорили?

— Про жисть свою она мнѣ сама разсказывала, а крестъ я у ней до послѣдняго дня видѣла на шеѣ. Материнскій завѣтъ строго она сохраняла и съ шеи креста никогда не снимала. А потому, коли на ней креста не нашли, такъ тутъ, ваше благородіе, дѣло нечистое было, не даромъ зарѣзали ее: должно лихіе люди на крестъ польстились и убили ее за него.

Показаніе Иванихи вполнѣ согласовалось съ моимъ предположеніемъ, и я тѣмъ болѣе убѣждался, что оно не безосновательно, что при осмотрѣ трупа Туруськи никакого креста на ней не оказалось. Рубашка около ворота была разорвана, шея и лице носили явные знаки насилія, и какъ бы указывали на то, что не безъ борьбы съ ея стороны достался злодѣямъ крестъ Туруськинъ, ея дорогое материнское благословеніе.

— Ну, а въ тотъ день, когда она въ шинкѣ гуляла, крестъ былъ на ней? спросилъ я Иваниху.

— А какже, былъ. Я сама видала. Да это вѣрно, ваше благородіе, что она его никогда не снимала, потому оченно она тѣмъ крестомъ дорожила и завсегда на него молилась. Послѣднее время одежишки никакой не имѣла, по цѣлымъ днямъ съ голоду пропадала, а крестъ берегла пуще глаза. Знаю я, что жидъ одинъ давалъ ей за него 20 цѣлковыхъ, такъ куда: она—лучше, говоритъ, умру съ голода, а материнскаго благословенія не продамъ.

Помолчавъ нѣсколько минутъ, Иваниха снова принялась за разсказъ:

— Оченно она мать свою любила: бывало начнетъ про нее говорить, такъ заплачетъ, ажно жаль ее дѣлалось. Сказывала какъ мать ейная, умираючи, ее жалѣла и плакала, и, примѣрно, какъ придетъ день, что мать то ейная умерла, такъ она можетъ нѣсколько дней не ѣстъ: сберетъ какой гривенникъ, да на панафиду и поминовеніе души и отдастъ. Про отца же свово никогда не вспоминала и какое тамъ дѣло у нихъ было—не сказывала... Разъ я, съ дуру,—извѣстно любопытство взяло,—спрашиваю ее: «чего ты, Туруська, отъ отца ушла?» Какъ зарыдаетъ она:—«отецъ, говоритъ, моего счастія не захотѣлъ!..» Только и сказала, а больше хоть бы слово... Больше и я не стала растревоживать ее вопросами: вижу тяжело ей вспоминать прежную жизнь.

— А сами вы не видали того креста и не разсматривали ли его когда нибудь? спросилъ я ее.

— Все равно какъ свой знала я тотъ крестъ: извѣстно, обѣ въ несчастіи жили, однимъ грѣхомъ занимались. Такъ часто бывало мы вмѣстѣ сиживали, другъ дружкѣ душу разсказываючи. Кабы показали мнѣ крестъ, такъ, кажись, изъ тысячи узнаю его: не разъ и не два сама передъ нимъ слезы лила, свое житье горькое вспоминаючи, свою долю жалкую проклинаючи...

— Какія-же примѣты того креста?

— А вотъ какихъ примѣтъ: крестъ большой, золотой, съ распятымъ Спасителемъ, внизу годъ рожденія и ейное имя вырѣзаны, только не Туруськи (Туруськой это мы ее прозывали), а настоящее, хорошее, барское имя. Называла она мнѣ его, да я забыла: голова то у меня, что у стараго, аль у малаго — совсѣмъ слабая. А на другой сторонѣ око было и кругомъ его святыя слова какія то,—читала и ихъ она мнѣ, да я запамятовала. Передъ исповѣдью, завсегда она тѣ слова говорила. А говѣла она, не такъ какъ мы грѣшныя разъ въ году, а каждымъ постомъ, раза четыре..

Бывало стану я ей говорить:—«не стыдно тебѣ, Туруська, къ попу ходить, коли онъ нашу сестру, безъ милости, хуже всякой сволочи ругаетъ:»—«съ васъ, говоритъ, грѣхи самые тяжкіе сымаешь, что въ пекло ведутъ,—а пользы никакой!» Мало значитъ даемъ. А откуда дать то, коли у самой ничего нѣтъ?... И такъ дьячки, безъ пятачка, нашу сестру въ церковь Господню не пускаютъ:—«храмъ Божій, говорятъ, только поганите, потаскухи эдакія!..»—Вѣрно говорю, не лгу.—Стану это я Туруськѣ говорить: «зачѣмъ часто на исповѣдь ходишь—попъ молъ, ругается?» А она мнѣ въ отвѣтъ на это:—«какъ поругаетъ, такъ душѣ моей легче дѣлается... За свой говоритъ, грѣхъ великій должна я все безропотно сносить.» Боязная такая была она, царство ей небесное! Умница была дѣвушка: другой разъ про Божественное разсказывать начнетъ—слушаешь не наслушаешься: кажись вѣкъ бы слушалъ,—таково складно, хорошо говорила... Да на что бывало,—извѣстно всяко бываетъ,—пьяныя распьяныя идемъ, еле-еле ноги волочимъ: такъ никогда она никакого ругательства, али пахабства изъ своихъ устъ не выпуститъ, а молчитъ все, не то что другія, примѣрно хоть бы я грѣшница: какъ упьешься, такъ хоть святыхъ вонъ выноси... А она—нѣтъ, и пьяная идетъ, а все крестъ рукою держитъ. Злые люди два раза до ейнова креста добирались: у сонной съ шеи хотѣли снять, да просыпалась она,—знать ужъ силу такую крестъ имѣлъ, что въ пору будилъ ее. Однова съ солдатикомъ гуляла она, подвыпила маленько и заснула... Солдатъ, не будь дуракъ, давай до креста добираться: шнурокъ сталъ зубами перегрызать; услыхала покойница и ну кричать. Схватили лиходѣя, да въ полицію и забрали. Отвертѣлся подлецъ:—«никакого, говоритъ окаянный, креста я не сымалъ. На что мнѣ ейной крестъ? У меня свой есть. Съ пьяныхъ глазъ, должно ей это попритчилось: сталъ я ее въ шейку целовать,—потому какъ любовь съ нею имѣлъ,—а она орать принялась: дурной сонъ, что-ли, чортъ ее знаетъ, приснился ей.»—Чай извѣстно, какія шейки то

бываютъ. У насъ и обнаковенія этаго нѣтъ, чтобы нашу сестру кто въ шею цаловалъ. У господъ точно: не токма что шейку и ручки цалуютъ... А у насъ, извѣстно, водится какъ: коли кавалеру, примѣрно, придетъ охота угодить кому изъ нашей сестры, такъ онъ наровитъ побольше да получше водочки, али наливочки, али пивка поставить...

— По какому случаю Туруська вамъ жизнь свою разсказывала? обратился я къ Иванихѣ, желая наивозможно тщательнѣйшимъ допросомъ убѣдиться: правду-ли она говоритъ или нѣтъ?

— А по тому случаю, отвѣтила она, что въ нонѣшнемъ году вмѣстѣ въ больницѣ лежали... Знаете, лежучи-то, скука беретъ. Вотъ разъ и разговорилисъ мы съ ней; сперва я ей разсказала про свою прошлую жизнь, а потомъ и она мнѣ. Сказывала вѣдь я, вашему благородію, что насъ сдружила неволя, познакомила общая доля. Въ большомъ ладу мы съ нею жили, другъ другу помогали, другъ о дружкѣ жалѣли. Горько она плакала, сердешная, про житье свое прежнее, веселое, вспоминаючи.

— «Эхъ, говоритъ, Иваниха, какія у меня руки бѣлыя были, какой красавицей я слыла!... Выйду бывало на улицу, такъ всякъ диву дается, глядючи на меня...»

Все вспоминала какъ учили ее, какъ одѣвали, да какія платья были все хорошія. Сказывала, что горничная за ней ходила, Дуней звали... Много къ нимъ въ домъ богатыхъ господъ ѣздило, одинъ молодой жениться хотѣлъ да папенька ейный не согласился отдать ее за него. Какъ вспомнитъ про это—быть рѣка зальется, заплачетъ:—«не захотѣлъ, говоритъ, мово счастья отецъ, загубилъ, меня!...» Станешь утѣшать ее, пуще горюетъ.—«Не надрывайте мнѣ сердца, говоритъ.»—Мать ей представлялась: она ее, покойница, утѣшала все да ласкала, какъ отецъ то отказалъ...

Иваниха смолкла, отерѣвъ слезы и проговоривъ: «царство ей небесное!» отошла въ сторону, какъ бы показывая, что все, что знала, она сказала.

Словамъ Иванихѣ нельзя было не повѣрить, потому что съ одной стороны они вызваны были естественнымъ теченіемъ дѣла, и тою симпатіею, съ которой она относилась къ покойницѣ, съ другой—показаніе ея вполнѣ согласовалось съ обстоятельствами дѣла.

Что Туруська была зарѣзана, что смерть ея нужна была для кого нибудь—это не подлежало никакому сомнѣнію. Исчезновеніе съ шеи цѣннаго креста, я объяснилъ себѣ конечною причиною смерти несчастной. Нельзя было допустить, чтобы, при всей своей развращенности, Иваниха могла врать и выдумывать такія обстоятельства, въ существованіи которыхъ ей не представлялось никакой пользы, тѣмъ болѣе, что она передавала исторію равной себѣ, по положенію, женщины. Кто можетъ поручиться, что она,—эта грубая и повидимому черствая натура,—передавая мнѣ свои впечатлѣнія про горькую жизнь убитой, въ глубинѣ души не ощущала и не таила быть можетъ такія же обстоятельства изъ своей собственной жизни, которыя и ее довели до ужасно страшнаго, позорнаго положенія проститутки. Въ подобныхъ случаяхъ, гдѣ личное *я* слишкомъ затронуто—врать мнѣ кажется невозможно.

Поблагодаривъ Иваниху за то, что она безъ утайки разсказала мнѣ про печальную жизнь товарки по ремеслу, я позволилъ ей удалиться.

— Да, я и забыла сказать, вашему благородію, что у Туруськи сынокъ былъ, Ѳедей звали... Умеръ онъ у нея гдѣ-то... Часто и много плакала и тосковала по немъ покойница,—обратилась ко мнѣ Иваниха уже на пути къ выходу.

— Отъ кого же у нее сынъ былъ? остановилъ я ее.

— Не знаю, не сказывала она мнѣ про то, говорила только, что былъ сынокъ.

— Такъ Туруська была замужняя?

— Кажись дѣвушка, по крайности она никогда не гово-

рила мнѣ про замужство... Примѣчала я только изъ словъ ея, что какъ-бы словно замужняя она была.

— Не говорила-ли еще чего вамъ она про своего сына? спросилъ я Иваниху, горѣвшую нетерпѣніемъ скорѣе уйдти, такъ какъ пробыла она у меня на допросѣ по крайней мѣрѣ часа четыре.

— Нѣтъ, ничего я не знаю, ничего она мнѣ больше не говорила,—отвѣтила она съ поспѣшностью и затѣмъ ушла.

Всѣ обстоятельства, сообщенныя мнѣ Иванихою, имѣли для дѣла весьма существенное значеніе. Разсказъ ея о дѣтствѣ и юности Туруськи, восполнялъ собою пробѣлъ въ дѣлѣ къ обнаруженію дѣйствительнаго званія убитой, которое до того вообще представлялось довольно неопредѣленнымъ. Открытіе креста имѣло то громадное значеніе, что указывало на возможную причину насильственной смерти несчастной, такъ какъ другихъ побудительныхъ причинъ къ убійству пока не представлялось никакихъ. Наконецъ заявленіе о ребенкѣ, не имѣя, собственно говоря, прямаго соотношенія съ дѣломъ, тѣмъ не менѣе указывало на драматичность положенія Туруськи въ прежде окружавшей ее средѣ. Заявленіе естественно вызывало въ слѣдователѣ стремленіе, на ряду съ приведеніемъ въ извѣстность ея настоящаго званія, коснуться, въ предѣлахъ допускаемыхъ закономъ, и тѣхъ ужасныхъ эпизодовъ изъ ея жизни, которые, вынудивъ ее покинуть отцовскій домъ, быть можетъ косвеннымъ образомъ послужили причиною нравственнаго паденія. Послѣднее заставило ее, въ свою очередь, подъ сцѣпленіемъ разныхъ случайностей, дойти до того состоянія, въ которомъ она, посреди самой возмутительной обстановки, окончила свою мученическую ужасную жизнь, жизнь полную страшныхъ проклятій и проклятій вполнѣ естественныхъ... на кого?...

Ужъ конечно не на себя...

Мнѣ предстояло еще снять чрезвычайно интересовавшее меня показаніе съ фельдфебеля Гаврила Маркова, на котораго, если припомнитъ читатель, сослалась Фенюшка. Онъ

явился къ допросу въ тотъ самый день, когда Иваниха дала мнѣ свое дополнительное показаніе. Предупрежденный вѣроятно Фенюшкой, онъ показалъ во всемъ сходно съ нею, подтвердивъ при этомъ, что когда уходила Фенюшка, Туруська дѣйствительно завела споръ съ своими компаньонами, и что перебранка чуть-чуть не приняла угрожающаго характера въ отношеніи убитой.

— Изъ за чего же этотъ споръ у нихъ вышелъ? спросилъ я Гаврилу Маркова.

— По той причинѣ, ваше благородіе, что пили они въ троемъ водку, напили три кварты, съѣли селедку и четыре булки. А какъ пришло дѣло къ разсчету, такъ денегъ то не хотятъ платить ни кавалеры, ни дама. Шинкарь-еврей конечно не выпускаетъ ихъ. Поднялся споръ: мужики посылаютъ его къ той дѣвкѣ,—какъ она, Туруськой что ли прозывается,—а она къ нимъ, говоритъ, что они ее угощали. Спорили, спорили, наконецъ мужики согласились заплатить за водку, требовали только, чтобы она отдала за булки и селедку, потому будто, что булки и селедку они взяли по ея спросу, такъ какъ она безъ того гулять съ ними не соглашалась. Стали приставать они къ ней, чтобы, коли денегъ не имѣетъ, такъ заложила-бы что нибудь. Шинкарь то и говоритъ имъ: «а что она заложитъ, коли нѣтъ у ней ничего?... За одежонку то ея рваную я и полушки не дамъ.» Схватилъ ее одинъ изъ мужиковъ за шею, сталъ душить да вдругъ и закричалъ: «а вотъ у ней крестъ есть, да никакъ золотой, пусть его заложитъ...» Испугалась дѣвка, начала просить меня о помощи. Увидавъ, что мужики повалили ее на землю и крестъ съ нея рвутъ, подошелъ я къ нимъ и съ помощью шинкаря-еврея, оборонилъ Туруську, и крестъ отъ нихъ отобралъ. Крестъ дѣйствительно былъ золотой, довольно большой... Удивился я откуда у такой потаскухи, можетъ крестъ такой взяться, думалъ: не украла-ли она гдѣ его, и хотѣлъ было представить ее съ крестомъ въ полицію, да пожалѣлъ: ужъ очень сильно плакала она и

клялась, что крестъ тотъ отъ крестнаго отца у ней. Отдалъ я его при тѣхъ самыхъ мужикахъ и при евреѣ ей. Мужикамъ велѣлъ и за заборъ у жида заплатить. Очень остервянились они на нее: уходя, ударили нѣсколько разъ по лицу и по шеѣ. Надѣла она крестъ на себя и хотѣла было остаться въ шинкѣ ночевать, да жидъ не пустилъ, не сжалился надъ ея слезами—вытолкалъ вонъ. Одежонка на ней самая плохенькая, нищенская была: рубашка да юбка, рваная кофта да старый платокъ на головѣ,—а морозъ, какъ на грѣхъ, лютой-прелютой, съ вѣтромъ, въ ту ночь, стоялъ..

— Вы не замѣтили, спросилъ я Маркова,—куда она изъ шинка пошла, т. е. въ какую сторону?

— Нѣтъ не примѣтилъ: потому послѣ ухода ея я съ полчаса въ шинкѣ сидѣлъ, а когда вышелъ, то никого уже на улицѣ не было.

— А крику вы никакого не слыхали гдѣ нибудь по близости и не проходили ли послѣ того мимо моста?

— Нѣтъ не слыхалъ и мимо моста не проходилъ, потому что дорога мнѣ лежала не въ ту сторону.

— А люди, съ которыми гуляла Туруська, вамъ не знакомы и не встрѣчали ли вы ихъ прежде когда нибудь въ Пряжскѣ?

— Кто они такіе — Богъ и знаетъ! Видѣть ихъ нигдѣ допрежъ того не видалъ... Изъ разговоровъ ихъ только могъ понять, что они какіе-то рабочіе, проходомъ идутъ — изъ далека... называли они себя Степаномъ да Макаромъ.

Примѣты этихъ людей Марковъ описалъ довольно подробно.

Шинкарь-еврей показалъ во всемъ сходно съ Гаврилою Марковымъ.

Соображая всѣ обстоятельства дѣла, я пришелъ къ убѣжденію, что виновниками убійства были ни кто иные, какъ неизвѣстные Степанъ и Макаръ. Необходимо было во чтобы то ни стало розыскать этихъ людей и добиться, кто они такіе, откуда приходили въ городъ и куда ушли.

Не менѣе страннымъ казался мнѣ фактъ задержанія за городомъ, съ обглоданной человѣчьей рукою, какой то собаки на другой день послѣ убійства Туруськи. Это послѣднее обстоятельство нельзя было разъяснить даже и приблизительно.

Для выясненія дѣла со всѣхъ сторонъ, я сдѣлалъ слѣдующее: 1-е, описавъ, по возможности подробно, примѣты заподозрѣнныхъ лицъ и креста, я просилъ, въ случаѣ если бы гдѣ они появились, о задержаніи ихъ, а также объ отобраніи креста и арестѣ того, у кого онъ окажется; во 2-хъ, я снесся съ судебнымъ слѣдователемъ той мѣстности, гдѣ жили родители покойной, прося объ обслѣдованіи какъ званія убитой, такъ и обстоятельствъ, заставившихъ ее покинуть родной кровъ. Въ сообщеніи, сдѣланномъ мною судебному слѣдователю, я указалъ на всѣ болѣе или менѣе рѣзко выдающіеся факты, добытые путемъ допроса Иванихи. Обыкновенно розыскъ лицъ и вещей дѣлается черезъ публикацію въ губернскихъ вѣдомостяхъ, разсылаемыхъ по всей Имперіи. Казалось бы, что подобныя розыски есть только одна формальность ни къ чему не ведущая, но на самомъ дѣлѣ часто бываетъ, — какъ по крайней мѣрѣ случалось въ моей юридической практики, что подобнымъ путемъ цѣль достигается вполнѣ: лица и вещи отыскиваются.

Сдѣлавъ такимъ образомъ повсемѣстныя публикаціи и сообщенія куда слѣдуетъ, о производствѣ по дѣлу розысковъ и дознаній, я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать результатовъ отъ нихъ, надѣясь, что они помогутъ мнѣ раскрыть слѣды преступленія.

Черезъ два мѣсяца я получилъ свѣдѣнія о личности покойной, которую съ этого времени я буду уже называть настоящимъ ея именемъ, Терезою Павловной.

Чтобы не утомлять вниманія читателей, я постараюсь быть краткимъ въ разсказѣ о печальной жизни несчастной, рано окончившей, такъ ужасно-трагически, жизнь.

Тереза Павловна былъ единственный ребенокъ князей

Габскихъ, домъ и родъ которыхъ еще очень недавно гремѣлъ славою, знатностію, родовитостью и богатствомъ. Родители души въ ней не чаяли. До десятилѣтняго возраста ее окружали нѣга, роскошь и самый тщательный уходъ, — вообще росла она при счастливой обстановкѣ, которая дается только неограниченною любовью матери къ своему ребенку и тѣмъ солиднымъ матеріальнымъ положеніемъ, каково было князей Габскихъ. Мамушкамъ, нянюшкамъ, всевозможнымъ забавамъ и игрушкамъ и счету не было. На одиннадцатомъ году Терезу отвезли въ Петербургъ и отдали въ С......й институтъ. При всей возможности дать своей любимицѣ соотвѣтствующее ея положенію образованіе дома,—помѣстить въ институтъ побуждало князей Габскихъ то, что сама княгиня воспитывалась въ С.......ъ институтѣ и до конца жизни сохранила объ немъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Свою любовь къ нему доходившую до сентиментальности, она желала передать и страстно любимой дочери. По ея понятіямъ только этотъ институтъ и могъ сдѣлать изъ Терезы порядочную женщину и поставить ея на ту высоко нравственную степень, на которой она сама стояла.

Помѣстивъ дочь въ С......й, отецъ и мать, не желая разставаться съ своимъ сокровищемъ, переселились на житье въ Петербургъ. Хорошенькая Тереза съ быстрыми соображеніями, отличными способностями, и благодаря вліятельному положенію матери,— сразу стала въ ряду самыхъ первыхъ воспитанницъ института. Начальство и учителя не могли нахвалиться успѣхами ея въ наукахъ и поведеніи; подруги и воспитанницы старшихъ классовъ полюбили ее за кроткій, обходительный нравъ, и чуть не всѣ, по институтскому обыкновенію, обожали ее за красоту.

Тереза росла и выравнивалась и наконецъ разцвѣла пышнымъ, роскошнымъ цвѣткомъ: изъ красивой дѣвочки вышла прелестная дѣвушка. Послѣдній годъ своей институтской жизни она провела въ какомъ-то лихорадочномъ нетерпѣніи:

жажда жизни ее охватила, хотѣлось скорѣе выбѣжать на встрѣчу ей, взглянуть прямо въ лицо дѣйствительности. Думала ли она, бѣдная, что вмѣсто счастія, взамѣнъ розоваго будущаго, какъ ждала она, судьба злую шутку сшутитъ, зло подсмѣется надъ нею и рано разобьетъ ея жизнь?!... Самый входъ ея въ жизнь былъ омраченъ печалью.

Отецъ ея, переѣхавши въ Петербургъ попалъ въ тотъ аристократически-банальный кружокъ такъ-называемыхъ петербургскихъ «сливокъ» общества, который любитъ жить на широкую ногу, не пренебрегая ничѣмъ, допуская всякія средства лишь бы только удовлетворить своимъ минутнымъ прихотямъ и мелкимъ страстишкамъ, прикрывая сплошъ и рядомъ свои гнусненькія поступки тѣми приличными, непроницаемыми формами, опредѣлить которыя съ точностью рѣшительно невозможно. Къ нимъ безошибочно можно примѣнить, вырабатанное негодяями правило: въ каждомъ подломъ дѣлѣ умѣть хоронить концы и выходить изъ воды всегда сухимъ. Этимъ они даже гордятся и хвастаются. Дѣлать мерзости и пакости, значитъ, какъ сами они выражаются:— «жить полною жизнью.»

Князь, не равнодушный вообще къ прекрасному полу, познакомился и скорехонько сблизился съ одною изъ блиставшихъ въ то время балетныхъ красавицъ. Она принадлежала къ тому разряду балеринъ, для которыхъ презрѣнный металлъ дороже всего на свѣтѣ и вполнѣ замѣняетъ и любовь, и молодость, и красоту. Князю въ то время на шестой десятокъ лѣтъ перевалило и каждый поцѣлуй, срываемый съ губъ прелестницы, стоилъ ему громадныхъ пачекъ ассигнацій. Пословица справедлива: «сѣдина въ голову—бѣсъ въ ребро.» Какъ ни скрывалъ старый селадонъ отъ семьи продѣлки свои, но слухи объ нихъ скоро долетѣли до княгини. Чтобы избавиться отъ слезъ и упрековъ жены, онъ поднялся на хитрость: слегъ въ постель и съумѣлъ такъ замаскировать свою мнимую болѣзнь, что доктора нашли нужнымъ послать его лечиться за

границу. Выборъ палъ на Баденъ-Баденъ—этотъ современный вертепъ общественнаго разврата и публичнаго грабежа. Ни слезы, ни мольбы страдалицы жены, ни указанія ея на скорый выходъ изъ института обожаемой дочери, не могли удержать старикашку въ Петербургѣ. Жена и дочь были забыты, принесены въ жертву танцовщицѣ. Недолги были сборы и князь вскорѣ же съ своей прелестницей очутился за границей. Въ первое время жена часто получала отъ него письма, дышащія самой пламенной любовью мужа и отца; онъ даже клялся ей вернуться домой ко времени выхода дочери изъ института. Но скоро письма стали все рѣже и рѣже, а наконецъ и совсѣмъ прекратились.

Между тѣмъ ловкая балерина не дремала, ковала желѣзо пока горячо: депозитки и золото то и дѣло, не по днямъ, а по часамъ, переходили въ руки красавицы. Къ тому же и другая прелестница, неизбѣжная въ судьбѣ каждаго богатаго человѣка, отъѣзжающаго за границу, для котораго деньги плевое дѣло, такъ какъ съ вѣтру пришли, не трудомъ добыты — рулетка порастрясла таки порядкомъ карманъ стараго грѣховодника-барича. Словомъ, Баденъ-Баденъ не остался въ накладѣ:

«Онъ привѣтливо разныхъ князьковъ принимаетъ,
Но съ сумой отъ себя выпускаетъ!»

Приближалось время выпуска Терезы изъ института, а князь и не думалъ возвращаться къ родному очагу. Княгиня написала къ мужу, звала его домой, но письмо не нашло его въ Баденъ - Баденѣ и гдѣ онъ былъ неизвѣстно. Трогательно памятенъ былъ для Терезы первый входъ ея въ отцовскій домъ: вмѣсто радости, ея встрѣтили горькія слезы любимой матери. Съ болью въ сердцѣ думала княгиня о печальномъ положеніи, въ матеріальномъ отношеніи, дорогаго дѣтища: безпутный отецъ до такой степени промотался и разстроилъ состояніе своей семьи, что несчастная жена должна была продать экипажъ и лошадей и вообще во многомъ

отказать себѣ. Горько шевельнулось у ней сердце, подъѣзжая за дочерью, въ наемной каретѣ, къ институтскому подъѣзду.

При прощаніи Терезы съ начальницею института, класными дамами и подругами, случилось слѣдующее обстоятельство. Въ жизни Терезы крестъ, какъ я уже сказалъ, имѣлъ громадное значеніе: имъ она была осѣнена при крещеніи, имъ благословлена матерью при поступленіи въ институтъ, имъ окрестила ее мать, разставаясь съ жизнью, съ нимъ она проходила и окончила свой тернистый жизненный путь... Въ институтѣ крестъ этотъ, точно также какъ и въ пору младенчества, висѣлъ всегда надъ изголовьемъ ея кроватки. Разставаясь съ институтомъ, Тереза забыла его снять въ день выпуска и на другой день вернулась за нимъ въ С......й. Здороваясь съ любимой класной дамой, онѣ обѣ, послѣ первыхъ же поцѣлуевъ, до такой степени разчувствовались, что принялись плакать: восемь лѣтъ институтской жизни ихъ до такой степени сроднили, что имъ тяжело было разставаться. Прощаясь, Тереза предложила ей оставить на память о себѣ, свой крестъ, но класная дама отказалась и, взявъ его изъ рукъ Терезы, благословила имъ ее, на предстоящій трудный жизненный путь.

— Благословленіе матери должно остаться при тебѣ на всю жизнь, до самой смерти—сказала она, цѣлуя ее въ послѣдній разъ и надѣвая крестъ.

— Въ такомъ случаѣ, пусть этотъ крестъ, послѣ моей смерти, будетъ вашимъ достояніемъ, грустно улыбаясь, отвѣтила Тереза. Во всякомъ случаѣ я завѣщаю его вамъ.

Это было ихъ послѣднее свиданіе. Больше имъ не довелось встрѣтиться въ жизни. Словамъ покойной, сказаннымъ ею тогда, быть можетъ, шутя, также не пришлось осуществиться: дорогая святыня, которую она такъ тщательно берегла, сдѣлалась достояніемъ изувѣра-злодѣя и послужила причиною ея ужасной, преждевременной смерти, составившей—впрочемъ, трудно сказать:—ея счастіе или несчастіе?

Трудно, въ самомъ дѣлѣ, опредѣлить, что дало несчастной Терезѣ ея сокровенное благословленіе: была ли, хоть бы и такая ужасная, смерть лучшимъ, единственнымъ выходомъ изъ того страшнаго жалкаго пресмыканья по землѣ, или преждевременная развязка съ жизнью случилась въ то время, когда, быть можетъ, жажда жизни сильно жила еще въ ней, и сулила ей лучшее будущее? Какъ то сомнительно послѣднее, но и первое нельзя утверждать безусловно.

Въ человѣческой жизни часто приходится намъ наталкиваться на такія обстоятельства, которыя вначалѣ ни сколько не останавливаютъ на себѣ вниманія, и только, въ послѣдствіи, когда внезапно возникаетъ какое то необъяснимое сцѣпленіе этихъ обстоятельствъ съ послѣдующею обстановкою нашей жизни, мы начинаемъ припонимать ихъ и вдумываться въ глубокій, непонятный смыслъ разныхъ сочетаній. Эти то сочетанія, въ однихъ случаяхъ, составляютъ, какъ мнѣ кажется, источникъ суевѣрныхъ предубѣжденій къ тѣмъ или другимъ явленіямъ, совершающимся въ нашей жизни, а въ другихъ — въ духовной жизни человѣка представляютъ тотъ безотчетный элементъ прозорливости, посѣщающій насъ внезапно, который мы называемъ предчувствіемъ. Подъ вліяніемъ такого душевнаго настроенія, или инстинктивно возникшихъ предчувствій, Тереза, при прощаніи съ институтомъ, вздумала оставить въ немъ свой крестъ, которымъ она такъ много дорожила. Возможно ли отрицать возможность того, что въ тотъ моментъ, когда она, покидая институтскія стѣны, вступала нетвердою поступью на житейское поприще, ею не овладѣло какое нибудь чувство, которое въ томъ или другомъ душевномъ мотивѣ, побуждало ее не брать съ собою дорогого креста? — Что это было: не тотъ-ли необъяснимый элементъ предчувствія, повода и сущности котораго она въ то время конечно не только не предвидѣла, но даже не могла и предполагать, а просто поддалась безсознательно, инстиктивно, подъ вліяніемъ минутныхъ впечатлѣній и требованій души? Подобныя минуты, я думаю,

знакомы каждому изъ насъ и мнѣ кажется, что только личности, сильно вѣрящіе въ самобытность и самостоятельность своего духовнаго бытія, могутъ относиться съ пренебреженіемъ къ подобнаго рода проявленіямъ жизни, и объяснять ихъ какими нибудь отрицательными, по отношенію къ себѣ, отвлеченностями.

Первое вступленіе Терезы въ жизнь ознаменовалось горючими слезами. Она узнала все, что прежде такъ тщательно скрывалось отъ нея матерью про безпутную жизнь и позорное поведеніе своего отца. Тереза была дѣвушка не глупая, и потому сразу поняла, что если жизнь ея отца не измѣнится и не направится къ лучшему, то перспектива, ожидающая ихъ въ будущемъ, самая плачевная и незавидная. О себѣ заботилась мало, она даже подумывала о всякаго рода случайностяхъ въ родѣ того, что со временемъ можетъ быть ей придется поступить въ гувернантки, чтобы пріютить себя и успокоить мать, которая въ послѣднее время подъ вліяніемъ глубокихъ душевныхъ страданій, замѣтно хирѣла, и носила въ себѣ зародышъ тяжкой неизлѣчимой болѣзни. Правда, состояніе Габскихъ еще не окончательно было промотано, и при благоразумныхъ мѣрахъ, при разсчетливой жизни, можно было вернуть и сохранить еще многое. Тереза рѣшилась написать къ отцу, прося его скорѣе вернуться домой. Она и тѣни не подала, что знаетъ про его проказы. Справлялась о здоровьѣ, умоляла пріѣхать въ Петербургъ, взглянуть на нее, какъ выражалась она въ письмѣ: «умницу дочку, выпущенную изъ института съ шифромъ, горящую нетерпѣніемъ скорѣе расцѣловать своего дорогаго папа.» Письмо было отправлено со всевозможными адресами, которыми приблизительно можно было отыскать убѣжище князя, и дѣйствительно оно дошло до него. Какъ бы то ни было, но прочитавъ дышавшія простотою и искренностью строки любимой дочери, онъ рѣшился исполнить ея просьбу, ѣхать въ Петербургъ. Чувства отца и мужа, пробужденныя ласковымъ письмомъ Терезы, сильно заговорили въ немъ и онъ, не

смотря на просьбы прелестной балерины, пораженной извѣстіемъ, что ее обожатель хочетъ покинуть, сильно было воспротивилась этому, въ тайнѣ злобствуя на себя за то, что не успѣла высосать отъ князя все его состояніе до послѣдней копѣйки. Но князь остался непоколебимъ. Снабдивъ прелестницу, въ обезпеченіе ея будущности, заемными письмами на весьма почтенную сумму, князь поспѣшно выѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ. На шестыя сутки онъ былъ уже дома въ объятіяхъ своей жены и дочери. Ни княгиня, ни Тереза, ни единымъ словомъ, ни единымъ намекомъ не позволили себѣ напомнить блудному отцу о его темномъ прошломъ, упрекнуть хоть въ чемъ либо. Напротивъ, онѣ встрѣтили его безъ всякихъ предубѣжденій, съ неподдѣльною радостью, надѣясь ласковымъ, родственнымъ пріемомъ возвратить его снова себѣ. Самой княгинѣ разумѣется тяжело было притворяться, мистифицировать свои чувства, но тѣмъ не менѣе, въ ущербъ даже своему здоровью, она искусно скрыла передъ нимъ всю накипѣвшую горечь въ душѣ своей и оказала ему полное вниманіе. Въ этомъ случаѣ чувства матери брали верхъ и заглушали всю боль души оскорбленной страдалицы-жены. Сознавая вполнѣ непрочность своего земнаго существованія, хорошо увѣренная, что дни ея сочтены, что съ каждымъ часомъ, съ каждой минутой она все ближе и ближе приближается къ неизбѣжной развязкѣ, къ могилѣ,—она съ ужасомъ и страшною сердечною тоскою заглядывала въ будущность своей страстно любимой дочери. Она заботилась теперь объ одномъ только: какъ бы хорошимъ обхожденіемъ съ мужемъ пробудить въ немъ прежнюю любовь къ дочери и умереть спокойно, съ сознаніемъ, что ея сокровище остается не одна, а на попеченіи добраго, честнаго отца.

Между тѣмъ въ жизни мододой дѣвушки случилось событіе, повліявшее на весь ходъ ея послѣдующей жизни. Терезѣ въ то время было 19 лѣтъ. Натура ея, впечатлительная отъ природы, искала и требовала себѣ человѣка, кото-

рому могла бы всецѣло отдаться, полюбить всею силою своей могучей, молодой души. Какъ часто, въ часы уединеній, въ часы дѣвическихъ иллюзій, передъ ней рисовалась картина семейнаго счастія, въ воображеніи возникалъ образъ молодаго человѣка, котораго она уже любила, хотя и боялась признаться въ этомъ самой себѣ. По часту и по долгу мечтала она о томъ блаженствѣ, о томъ полномъ счастіи, которое даетъ обоюдная святая, честная любовь. Избранникъ сердца ея былъ нѣкто Р—кинъ. Любя его, она долгое время но дозволяла ему просить своей руки, потому что отецъ ея относился къ нему не вполнѣ благосклонно. Душа ея страдала сильно и наконецъ, не будучи въ состояніи долѣе переносить сердечныхъ мукъ и хладнокровно смотрѣть на страданія любимаго человѣка, она рѣшилась объявить о своихъ чувствахъ къ нему матери. Княгиня благосклонно выслушала признаніе дочери, одобрила ея выборъ, и была не прочь назвать своимъ зятемъ того, кого избрало чуткое сердце дѣвушки. Но князь, когда ему сказали о желаніи дочери, не соглашался на ея бракъ съ Р—кинымъ, на томъ основаніи, что желалъ видѣть Терезу за болѣе достойнымъ, по его понятіямъ, человѣкомъ. Въ глазахъ его Р—кинъ, не смотря на свои нравственныя достоинства, былъ все таки мелкимъ человѣкомъ и по положенію въ свѣтѣ и по своему ограниченному матеріальному положенію. На всѣ убѣжденія матери выдать дочь за любимаго человѣка, князь упорно отвѣчалъ отказомъ. Не помогли и слезы и мольбы дочери: онъ не только не внялъ ея просьбамъ, но самымъ неблаговиднымъ путемъ, секретно отъ семьи, запретилъ Р—ну посѣщать свой домъ. Казалось бы, что за причина была князю становиться по перекъ дороги счастію своей единственной любимой дочери. Ни княгиня, ни Тереза понять этого не могли. А между тѣмъ въ головѣ отца проэктировался и созрѣвалъ другой планъ относительно устройства будущности дочери.

Дѣло въ томъ, что состояніе Габскихъ, разстроенное кня-

земъ долговременнымъ пребываніемъ за границею въ сообществѣ съ балериною, приходило въ сильный упадокъ; къ тому же родителя тяготили и многочисленные долги, сдѣланные имъ за границею. Княгиня, выходя замужъ, получила въ приданое довольно значительный капиталъ, который тщательно сохранялся ею и предназначался въ приданое Терезѣ. Не имѣя основанія недовѣрять своему мужу въ первое время, она передала сполна этотъ капиталъ въ его распоряженіе Разъ, по возвращеніи мужа изъ за границы, она спросила его: цѣлы-ли деньги, отданныя ему на сохраненіе? Безъ малѣйшей запинки отвѣчалъ онъ, что капиталъ цѣлъ и отданъ въ добрыя руки на хорошіе проценты. Только послѣ отказа князя, Р—кину въ рукѣ своей дочери, ею овладѣло полное сомнѣніе. Скрѣпя сердце, съ затаенною злобою на мужа, проклиная его въ душѣ, рѣшилась она наконецъ потребовать отъ него отчета въ деньгахъ дочери. Подозрѣнія оказались основательны:—деньги были растрачены. Князь, озлившись, сдѣлалъ женѣ тяжелую сцену.

Между тѣмъ прелестная балерина не дремала: она представила княжескіе векселя ко взысканію и по нимъ описали и продали послѣднее имѣніе Габскихъ. Разоренной семьѣ, въ недалекомъ будущемъ, предстояло ознакомиться со всѣми ужасами нищеты и бѣдствій.

Много горькаго пришлось испытать и вынести несчастной Терезѣ отъ своего отца: онъ сталъ обращаться съ ней невыносимо дурно. Бѣдная мать не вынесла всѣхъ треволненій. Слабая и надломленная натура ея не устояла противъ жестокаго напора такой массы страданій, и она умерла, оставляя дочь свою вполнѣ сиротою: на отца была слишкомъ плоха надежда. Благословляя Терезу крестомъ, она завѣщала ей надѣяться на милосердіе Бога. На рукахъ любимаго дѣтища испустила послѣдній вздохъ княгиня. Я не коснусь послѣднихъ минутъ прощанія ихъ: подобныя минуты слишкомъ торжественны и не легки, чтобы проходить ихъ только вскользь.

Тереза, какъ мы уже знаемъ, свято исполнила завѣтъ матери и до конца жизни строго хранила святыню, съ покорностью неся тяжелый крестъ, доставшійся на долю ей.

Смерть княгини не особенно подѣйствовала на князя. Онъ справилъ по женѣ своей великолѣпные похороны, позаботился о роскошномъ траурномъ нарядѣ для дочери и чуть не на поминальномъ обѣдѣ, у гроба матери, объявилъ ей о помолвкѣ ея за графа Б—на.

— Это моя воля,—сказалъ онъ ей сурово:—и она будетъ свято исполнена...

Какъ былинку, въ полѣ подкошенную, поразило Терезу это извѣстіе: не успѣла еще она оплакать свою мать, какъ новое горе стояло уже у ея порога. У ней сдѣлалась нервная горячка, едва не прекратившая ея жизнь: искусство докторовъ спасло ее.

Графу Б-ну было добренькихъ лѣтъ за семдесятъ. Онъ принадлежалъ къ знатному роду, гордился несмѣтнымъ богатствомъ, тремя звѣздами на груди, независимымъ положеніемъ въ обществѣ, великолѣпною лысиною, длиннымъ табачнымъ носомъ и хромотою на правую ногу, одно слово— женихъ хоть куда! И вотъ этотъ то, отжившій свой вѣкъ старикашка-подагрикъ вздумалъ, по смерти матери, претендовать на руку очаровательной, полной жизни и красоты 19-лѣтней дѣвушки. О поползновеніи почтеннаго дѣдушки пріобрѣсть себѣ не по лѣтамъ красавицу жену, не было извѣстно ни дочери, ни матери. Онъ былъ знакомъ имъ только какъ старинный знакомый князя, нерѣдко бывавшій у нихъ. Правда, у него текли слюнки, глядя на Терезу, когда она только что вышла изъ института, но онъ не смѣлъ даже и намекнуть на свою любовь къ красавицѣ, не только что сдѣлать формальное предложеніе, опасаясь остаться съ превеликимъ носомъ. Впослѣдствіи, когда дѣла Габскихъ запутались, и состояніе ихъ стало приходить въ разстройство, онъ рискнулъ, выставляя на видъ свои богатства, объявить князю, что онъ не прочь бы подѣлиться съ тою, которая

согласилась бы назваться его женою, прибавивъ какъ бы въ скобкахъ, что выборъ его въ этомъ случаѣ падаетъ на Терезу. Князь только на минуту призадумался о судьбѣ дочери; но потомъ, сообразивъ, что и ему могутъ перепасть кой-какія крохи, онъ обнадежилъ старичка, хотя, впрочемъ, и не далъ ему въ томъ положительнаго слова: онъ боялся, безъ предварительной подготовки къ атакѣ, встрѣтить самую сильную оппозицію въ лицѣ жены и дочери. Это объясненіе ихъ происходило уже послѣ того, какъ Тереза объявила князю о своей любви къ Р-кину. Чадолюбивый родитель счелъ нужнымъ, со всею любезностью свѣтскаго человѣка, намекнуть объ этомъ графу, совѣтуя ему принять самыя рѣшительныя мѣры противъ такого опаснаго соперника.

Совѣтъ князя не прошелъ безслѣдно: графъ Б-нъ, пользовавшійся въ высшихъ сферахъ петербургскаго общества большимъ почетомъ и связями, устроилъ такъ, что молодаго Р-кина скорехонько, подъ видомъ повышенія и отличія по службѣ, послали въ одинъ изъ дальнихъ губернскихъ городовъ. Р-кинъ былъ глубоко пораженъ этимъ извѣстіемъ: переводъ этотъ окончательно разлучалъ его съ Терезою, съ которою онъ хотя и изрѣдка, но все таки тайно видался. Впрочемъ привязанность ихъ другъ къ другу была на столько сильна, что если они не рѣшались дѣйствовать противъ князя открыто, такъ только потому, что не теряли надежды, когда нибудь сломить его, и заставить согласиться на ихъ бракъ. Но когда Р-кинъ, послѣ смерти княгини, узналъ о намѣреніи князя отдать его милую за графа Б-на, то хорошо понялъ значеніе своего внезапнаго перевода. Онъ ясно видѣлъ, что ссылкою въ дальнюю губернію его хотятъ на всегда разлучить съ Терезою и что если они во время не примутъ мѣръ противъ этого, то счастіе ихъ навсегда должно рушиться.

Тереза, передъ отъѣздомъ Р-кина, еще разъ рѣшилась поговорить серьозно со своимъ отцемъ. Обливаясь слезами, ползая на колѣняхъ, умоляла она жестокосердаго отца не выдавать ее за противнаго старикашку и дозволить выдти

за Р–кина, но князь оставался непреклоненъ: самымъ грубымъ образомъ отказалъ онъ дочери въ ея просьбѣ.

Между достойными другъ друга людишками сдѣлка была рѣшена окончательно: князь уже получилъ отъ графа за дочь въ задатокъ часть обѣщанной суммы. Жажда скорѣйшаго полученія остальной условленной части капитала не давала ему покоя; корысть замучила его, заглушила въ немъ всѣ чувства человѣка и отца. Вполнѣ сознавая, что онъ торгуетъ родною дочерью, безжалостно губитъ ее на вѣки, продавая безжизненному старикашкѣ — сластолюбцу, совершаетъ постыдное, гнусное дѣло, онъ тѣмъ не менѣе не призадумался надъ этимъ, не остановился, а торопился скорѣе покончить подлую сдѣлку.

Получивъ окончательный отказъ отъ своего отца, Тереза, повидимому, какъ бы успокоилась, примиралась со своимъ положеніемъ; она утихла, старалась казаться веселою, не надоѣдала уже больше отцу своими просьбами. Но это спокойствіе было только наружное, дѣлалось только для того, чтобы отвлечь вниманіе князя. На самомъ же дѣлѣ въ головѣ ея созрѣлъ уже давно планъ исполнить клятву, данную ею Р–кину. Разставаясь съ любимымъ человѣкомъ, она поклялась принадлежать только ему, и отпуская его къ мѣсту служенія обѣщала скорехонько пріѣхать къ нему. Прощаясь, молодые люди еще разъ торжественно клялись остаться вѣрными другъ другу. Сладки были поцѣлуи ихъ.

Дѣло близилось къ концу: свадебныя приготовленія были окончены и назначенъ день самой свадьбы. Старичокъ женихъ, видя, что невѣста его какъ будто бы смирилась, пріосанился, повеселѣлъ, и даже осмѣлился раза три подойдти къ рукѣ, но получилъ отказъ. Наступилъ и день свадьбы. Тереза съ ранняго утра долго и жарко молилась передъ своимъ образкомъ. Въ 10 часовъ утра она вышла изъ дому, сказавъ отцу, что, передъ свадьбой, пойдетъ помолиться на могилѣ матери. Отецъ, утѣшенный въ послѣднее время тѣмъ, что дочь его, повидимому, свыклась, сжилась съ мыслью быть

женою графа, и не подозрѣвая ничего, отпустилъ ее, а самъ занялся усиленными приготовленіями къ предстоящему торжеству.

Но вотъ настало 12 часовъ, прошла и обѣденная пора: время къ вѣнцу собираться. Наѣхали гости, собрались шафера, а невѣсты нѣтъ какъ нѣтъ. Въ ту минуту она была уже далеко: поѣздъ желѣзной дороги мчалъ ее быстро, въ костюмѣ крестьянки, отъ докучливаго жениха въ объятія милаго сердцу Р–кина.

Скандалъ вышелъ великолѣпный. Окончательно опозоренный женихъ переругался съ княземъ и уѣхалъ домой тѣмъ же холостякомъ, какимъ выѣхалъ изъ дома съ утра, только носъ его сдѣлался какъ будто длиннѣе, выразительнѣе. Князь рвалъ на себѣ волосы, тысяча проклятій сыпались на бѣдную голову Терезы. Сначала онъ хотѣлъ было разослать гонцовъ въ догонку за нею, но одумался. Въ этотъ же вечеръ, онъ получилъ по городской почтѣ записку, въ которой она просила его простить ей поступокъ, сдѣланный потому, что она не могла измѣнить любимому человѣку и стать женою ненавистнаго старика. Въ концѣ письма стояла приписка: «Если бы вы вздумали воспользоваться отцовскою властію и силою вернуть меня къ себѣ, то знайте, что я скорѣе наложу на себя руки, нежели соглашусь добровольно отказаться отъ любимаго человѣка и промѣнять его на отживающаго калѣку. Я увѣрена, что вы не захотите принять на душу лишній грѣхъ и простите мнѣ бѣгство, на которое я была вынуждена вами же самими.»

Князь, прочитавъ это письмо, погорячился было, но потомъ ему почему то вдругъ припомнилась извѣстная фраза Кречинскаго: «сорвалось» и онъ съ грустью поникъ головою. Безчестные люди всегда бываютъ трусы — это въ порядкѣ вещей. Князь, прочитавъ, исполненное твердости и достоинства, письмо дочери сообразилъ, что власть его надъ нею навсегда потеряна, и онъ порѣшилъ не трогать ее.

Графъ съ того же дня прекратилъ всѣ свои сношенія съ

Габскимъ. Послѣдній никакъ не предполагалъ, что свадьба дочери его разстроится такимъ позорнымъ для него скандаломъ. Продавая Терезу, онъ надѣлалъ пропасть долговъ, разсчитывая уплатить ихъ, получивъ отъ графа условленную плату за дочь, по выходѣ ея за него за мужъ. Увы! онъ жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ: дочь убѣжала, а графъ показалъ ему кукишъ. Несносные кредиторы, наскучивъ ждать, засадили несостоятельнаго должника, не смотря на его сіятельный рангъ, въ долговую тюрьму, гдѣ мы на время и оставимъ его, а пока обратимся къ главному дѣйствующему лицу нашего разсказа—Терезѣ Павловнѣ.

Тереза Павловна, покинувъ родительскій кровъ, черезъ нѣсколько сутокъ была уже у Р—кина, и тотчасъ же съ нимъ повѣнчалась. Цѣлый годъ прожили они счастливо, и Тереза начала было думать, что красные деньки вновь къ ней воротились. Р—кины полюбили другъ друга еще болѣе, когда родился у нихъ сынъ Ѳедя. Живя скромно, они не терпѣли ни въ чемъ недостатка; но счастіе продолжалось не долго: злой отецъ захотѣлъ разбить его до конца.

Посаженный въ долговое отдѣленіе, князь естественно всю злость и жолчъ обратилъ на дочь свою, которую считалъ виновницею своего позора и ареста. Просидѣвъ цѣлый годъ, и видя, что въ жизни для него все уже потеряно, онъ въ тайнѣ позавидовалъ счастливому положенію своей дочери, и подъ вліяніемъ самыхъ гнусныхъ побужденій, столь неестественныхъ въ родителяхъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ, но къ несчастію встрѣчающихся, задумалъ отравить жизнь, разрушить ея семейное счастіе.

Князь началъ съ того, что взвелъ на Р—кина обвиненіе въ чрезвычайно важномъ преступленіи. Клевета была обставлена на столько хитро и обдуманно, что несчастнаго мужа Терезы, отстранивъ отъ должности, немедленно вызвали въ Петербургъ. Судите, читатель, до какой степени легко было Р—кину и его несчастной женѣ перенести это извѣстіе, тѣмъ болѣе, что обвиненіе было совершенно лож-

ное и исходило отъ кого-же? отъ роднаго отца!... У нихъ сразу отнимали все дорогое: счастіе, честь, средства къ жизни и разлучали при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Тереза, по отъѣздѣ мужа, впала въ тоску и, жестоко заболѣвъ, слегла въ постель. Князь велъ дѣло Р—кина такъ ловко, что его посадили въ острогъ. Оскорбленный, униженный, несправедливо опозоренный, обезсилѣвъ въ неравной борьбѣ, несчастный не выдержалъ — застрѣлился. Въ оставленномъ письмѣ стояли слѣдующія строки: «Я не виноватъ ни въ чомъ. Гнусному отцу нужна лишь погибель моя и моей жены. Я не въ силахъ болѣе переносить эти муки, у меня кровь стынетъ при мысли, что я невинная жертва людской подлости. Мнѣ страшно подумать, что станетъ съ Терезой, когда она узнаетъ о моемъ арестѣ. Нѣтъ, лучше ничего не видѣть и не слышать. Поручаю дорогихъ мнѣ: ее и сына милосердію Бога. Прощай, Тереза, будь счастлива! Помолись за меня.» Годъ спустя, самоубійца былъ признанъ невинно оговореннымъ. Слишкомъ поздній оправдательный приговоръ!..

Тереза, получивъ извѣстіе объ арестѣ мужа, едва не помѣшалась. Наскоро продавъ всѣ свои пожитки, и оставивъ малютку своего на попеченіи одного знакомаго семейства, она поѣхала въ Петербургъ, но не застала мужа въ живыхъ: онъ былъ уже три дня какъ похороненъ. Какъ безумная, просидѣла Тереза трое сутокъ на его могилѣ. Ее нашли съ замѣтными признаками умопомѣшательства и отвезли въ больницу.

Скорбь по мужѣ какъ ни была сильна, но любовь къ сыну восторжествовала и спасла ее. Выздоровѣвъ, Тереза посѣтила въ послѣдній разъ могилу мужа, поплакала и, воротившись къ сыну, принялась за трудъ, но, къ сожалѣнію, трудъ для нея было дѣло далеко не привычное. Около года трудилась она, занимаясь шитьемъ, вышиваньемъ и, уроками, получая самое ничтожное вознагражденіе, такъ что его не доставало на самыя необходимыя нужды. Въ это

время Терезѣ было уже 23 года. Испытанныя ею несчастія, хотя и сильно подѣйствовали на организмъ, но тѣмъ не менѣе красота вполнѣ сохранилась. Память о мужѣ всецѣло жила въ ней и какъ ни старалась она удержаться на высоко нравственномъ пьедесталѣ, но нужда и горе взяли свое. Всего болѣе сокрушалась она о Ѳедѣ, видя какъ много онъ терпитъ отъ матеріальныхъ недостатковъ. Однажды заболѣлъ у ней ребенокъ. Цѣлый день пробѣгала она, отыскивая добрыхъ людей, которые помогли бы ей пригласить доктора и купить лекарства. Но не нашлось ни одного человѣка, который бы внялъ ея мольбамъ. Выбиваясь изъ силъ, она вспомнила про одного купца, предлагавшаго ей не разъ поступить къ нему на содержаніе, и вотъ, скрѣпя сердце, поборовъ всю горечь нравственныхъ страданій, она рѣшилась сдѣлаться любовницей купца. Купецъ этотъ, въ честь его рода будь сказано, поступилъ съ нею деликатно, не смотрѣлъ на нее какъ на вещь или товаръ и вообще ей жилось у него довольно сносно. Но новое горе стояло ужъ близко: у ней умеръ сынъ. Оставшись одна, она хотѣла было бросить купца и снова приняться за трудъ: нравственное чувство въ ней еще не совсѣмъ угасло. Но купецъ и слышать не хотѣлъ, уговоривъ не покидать его и она осталась.

Говорятъ, все проходитъ, время все побораетъ,—такъ было и съ моей героиней. Мало по малу любимыя черты матери, мужа и сына изгладились изъ памяти, забылось и горе; день ото дня становилась она веселѣе и спокойнѣе душою. Скоро опять расцвѣла Тереза и толпа поклонниковъ ее окружила; за ней ухаживали, напѣвали разныя льстивыя рѣчи. Это пріятно щекотало самолюбіе. Она стала посѣщать общественныя собранія, клубы, и скоро своей красотою обратила на себя вниманіе многихъ. Подъ вліяніемъ такой обстановки образъ мыслей ея измѣнился, стала она нѣсколько свободнѣе смотрѣть на людскія отно-

шенія, проникнулась такими убѣжденіями, которыя прежде ей и въ голову не приходили.

Въ это время въ городъ С-нъ, гдѣ жила Тереза, пришелъ на стоянку К-скій гусарскій полкъ. На другой же или на третій день, Тереза бросила купца и связалась съ однимъ изъ офицеровъ полка, черезъ мѣсяцъ перешла къ другому, а тамъ къ третьему и т. д. и наконецъ спустилась на степень продажныхъ камелій. Гусарскій полкъ вышелъ, на смѣну ему пришелъ Н-скій пѣхотный полкъ. Тереза сошлась съ однимъ изъ офицеровъ, и вмѣстѣ съ нимъ при передвиженіи полка, прибыла въ Пряжскъ. Дальнѣйшая жизнь и исторія Терезы въ Пряжскѣ уже извѣстна читателю *).

Для открытія убійцъ, если припомнитъ читатель, мною сдѣлана была публикація съ подробнымъ описаніемъ ихъ примѣтъ. Эта публикація не прошла безслѣдно. Черезъ пять мѣсяцевъ я получилъ отъ судебнаго слѣдователя одной изъ южныхъ губерній сообщеніе, что въ тюремномъ замкѣ имъ усмотрѣнъ былъ одинъ арестантъ, Макаръ Непомнящій, задержанный въ П-скомъ уѣздѣ за бродяжество, который, по примѣтамъ, описаннымъ мною, совершенно походилъ на одного изъ подозрѣваемыхъ въ убійствѣ Туруськи. Я немедленно вытребовалъ къ себѣ Макара Непомнящаго.

Первымъ дѣломъ я предъявилъ Непомнящаго въ числѣ нѣсколькихъ другихъ лицъ для опознанія Гаврилѣ Маркову и шинкарю. Оба они сразу узнали въ Непомнящемъ одного изъ тѣхъ лицъ, съ которыми Туруська пила въ кабакѣ водку. Улика эта, своею неожиданностію, такъ сильно подѣйствовала на Непомнящаго, что онъ, не успѣвъ приготовиться къ воз-

*) Весь мой предъидущій разсказъ о жизни Терезы до появленія ея въ Пряжскѣ, основанъ не на одних только данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ. Подобныя оффиціальныя разслѣдованія обыкновенно бываютъ компактны и подробны лишь на столько, на сколько это необходимо для существа того или другаго изслѣдуемаго факта. Въ настоящемъ случаѣ всѣ подробности изъ жизни Терезы, совершенно случайно, добыты мною частнымъ путемъ.

раженію, тутъ же сознался въ убійствѣ Туруськи въ сообществѣ съ товарищемъ, такимъ же бродягою, Степаномъ Полевикомъ.

Вотъ простой и безхитростный разсказъ Макара:

— Не припомню, ваше благородіе, началъ Макаръ обращаясь ко мнѣ, — котораго мѣсяца и числа, а такъ думаю, теперь шестой мѣсяцъ пошелъ, — я и другой мой товарищъ, тоже безродный бродяга, Степаномъ Полевикомъ прозывается,—пришли подъ вечеръ въ этотъ самый городъ. Задумали побаловаться мы водочкой, да и насчетъ барышни какой пройтись: потому мы тоже люди, хотя и скитаемся по бродяжству свому и незнанію рода, гдѣ попало, пуще всего отъ глазъ начальницкихъ, укрываючись: боимся, значитъ, чтобъ не изловили. На ту пору у Степана и деньги были, сказывалъ, что гдѣ то укралъ. Пришли мы въ городъ и зашли въ шинокъ,—вотъ къ этому самому жиду, что сегодня уличалъ меня,—зашли, водки спросили. Выпили. Глядимъ приходитъ не то дѣвушка, не то женщина: видимъ только, что изъ такихъ, какъ намъ желательно. Поднесли мы ей рюмочку, другую; она ничего. Говоритъ только: купите мнѣ булокъ и сельдя, тогда съ вами гулять хоть всю ночь буду. Мы ей купили, а она послѣ того назадъ: не хочу, говоритъ, съ вами гулять. А коли не хочешь, отвѣчаемъ, такъ заплати, что наѣла. Увидавъ, что она ладитъ уйдти—за нее: плати, говоримъ, деньги. А она: нечѣмъ, въ отвѣтъ намъ. Ну; такъ закладывай шинкарю, что имѣешь, а мы за тебя не плательщики. Только гляжу: крестъ у ней на шеѣ виситъ. Я хвать за крестъ, товарищъ подмогъ: повалили мы ее,—крестъ сорвали и хотѣли жиду за счетъ отдать. Она кричать. Случился на ту пору въ шинкѣ унтеръ, выругалъ насъ, отобралъ крестъ и отдалъ ей. А наше дѣло такое: кабы люди мы были законные, такъ и унтеру дали бы, ну, а какъ въ бродяжескомъ званіи состоимъ, такъ до большаго шума доводить не захотѣли, чтобъ, не ровенъ часъ, въ полицію не забрали. Выпили мы еще, заплатили шинкарю, да и на

утекъ. Въ торопяхъ то, по ночи, пошли не туда куда ладили, за городъ хотѣли попасть. Дѣлать нечего вернулись и идемъ себѣ по улицѣ. Ночь темная претемная, народу ни души. Степанъ и говоритъ: жалко креста то: унтеръ сказывалъ, что онъ золотой. Мы съ тобой за него мѣсяцъ бы прожили безъ дѣла. Ну, кабы мнѣ она попалась, вотъ хоша въ такомъ мѣстѣ: я бъ, говоритъ, ей крестъ показалъ. Только что сказалъ онъ это, какъ шуркнетъ изъ за угла кто то въ сторону отъ насъ, да бѣгомъ по улицѣ, и кричитъ: а, грабители, крестъ хотите отнять. Узнали по голосу мы тую самую женщину, да оба то съ пьяна за ней. Ну, извѣстно, гдѣ ей противу насъ: живо догнали ее. Степанъ ей шапкой ротъ заткнулъ, чтобъ не кричала, а я крестъ сорвалъ. Крѣпко держала она его руками, и ужъ какъ билась, сердечная; кажись теперь ни за что бы того не сдѣлалъ. Отобравши крестъ, хотѣли мы ее пустить, да побоялись, чтобъ не обжаловала. Вотъ тутъ ужъ, ваше благородіе, не помню какъ было. Кажись она отъ насъ вырвалась, вскочила, шапку то бросила, да и давай кричать: отдайте, злодѣи, материнское благословеніе. Да не то, чтобы уходить отъ насъ: другая рада бы была, что живу душу отпустили, а она нѣтъ: вьется близъ насъ, наровитъ крестъ отнять. Злость насъ взяла: какъ такъ, думаемъ, какая ни на есть дѣвка, супротивъ насъ идетъ! Зачали мы ее бить, чтобъ ушла отъ насъ,—нѣтъ не уходитъ, оретъ благимъ матомъ: «материнское благословеніе отдайте.» Дѣло дрянь думаемъ: набѣжитъ народъ—худо будетъ. А крестъ отдать тожъ жалко, да и стыдно противу дѣвки то. Схватили мы ее съ улицы, да бѣгомъ—недалеко во врагъ и стащили: полагали, что тамъ все отъ народу да отъ дороги то въ сторонѣ, подальше будетъ. Не унимается: кричитъ да кричитъ. Степка про всякій случай завсегда ножъ за пазухой держалъ. Вынулъ онъ его да къ ней; не ори, говоритъ, такая сякая—не то тутъ тебѣ смерть. А она еще пуще того: не боюсь смерти, кричитъ, отдай крестъ. Повалили мы ее на землю, бить стали, ротъ зажимаемъ

чтобъ глотку не драла. Больно озлился Степка: уперся колѣнами въ животъ ей, пужаетъ ножомъ. Слышу потомъ: захрипѣла и быть птица, какъ рѣжутъ, затрепетала. Инда страхъ меня обуялъ. Что ты, говорю, злодѣй, сдѣлалъ? А онъ въ отвѣтъ мнѣ: небось, теперь не заоретъ; важно полоснулъ, сразу готова. Обмѐръ я: видитъ Богъ не было и въ мысляхъ у меня убивство сдѣлать. Гляжу, а она ужъ и не двигается. Хотѣли мы было оставить ее на улицѣ, да побоялись, какъ бы не стали насъ розыскивать и не догнали: потому люди видали, какъ мы съ ней въ шинкѣ драку затѣяли. Вотъ и порѣшили мы подъ ледъ ее опустить (благо днемъ, какъ проходили, запримѣтили пролубу подъ мостомъ). Стащили мы ее туда, да ногами къ низу и опустили въ воду. Промучились долго: толкаемъ ее подъ ледъ, а она нейдетъ. Страху набрались вдосталь: на вѣкъ будетъ съ насъ. А ночь, тѣмь страшная —хоть глазъ коли. Какъ пихали, такъ рука ейная попала промежъ двухъ досокъ плота, и никакимъ манеромъ ее руку то не вытащимъ. Пытались было оторвать руку, чтобъ отдѣльно бросить, крутили ее крутили, нѣтъ не отходитъ. Слышимъ только кто то по улицѣ идетъ: притаились подъ мостъ.. Дали пройдти человѣку, а тамъ и на утекъ. Бросились въ лѣсъ прямо, блудили, не пивши, не ѣвши, дня три: боялись все, какъ бы не поймали насъ. Теперь самому, ваше благородіе, индо жутко на душѣ, что душу христіанскую загубили, никогда у насъ того въ мысляхъ не было. Видно такой ужъ случай подошелъ. Ну, да и сама она виновата: больно ужъ креста то ей жалко было, не хотѣла отдавать. Другая бы ушла скорѣе, еще спасибо сказала бы, что съ душой отпустили, а она нѣтъ: мы отъ нея, а она къ намъ. Со страху то и бѣжать не можемъ, ноги не слухаютъ, и въ думкахъ такое странное мерещится: какъ дескать, мы отъ дѣвки уйдти не можемъ. Связать было хотѣли, чтобъ легче уйдти отъ нея, такъ нечѣмъ, веревки не припасли. Одно слово: знать ужъ грѣхъ такой подошелъ. Жалко мнѣ ее больно молила и плакала, крестъ все просила отдать.

Кажись, кабы одинъ я былъ, ни за что того не сдѣлалъ. Ну, да Степанъ на свою душу грѣхъ взялъ: онъ полоснулъ ее ножомъ, а моей вины всего только, что пособлялъ въ воду спущать...

Макаръ Непомнящій замолчалъ. По выраженію лица его можно было замѣтить, что въ душѣ онъ дѣйствительно скорбитъ о несчастной Турускѣ. Помолчавъ минутъ съ шесть, онъ вдругъ обратился ко мнѣ:

— А какъ, ваше благородіе, тую женщину звать, что убили мы; оченно, желательно мнѣ ея имя знать?

— Зачѣмъ тебѣ? спросилъ я его.

— Вѣкъ стану за ея душу, грѣшными молитвами своими, Бога просить, отвѣтилъ онъ.

Я удовлетворилъ желанію Макара.

— Имя-то какое! Никогда такого не слыхалъ: должно господское, стало не изъ простыхъ была — произнесъ онъ съ грустью.

При этихъ словахъ, какъ то невольно чувство глубокаго сожалѣнія къ несчастной шевельнулось въ душѣ моей и я ничего ему не отвѣтилъ.

— Гдѣ же товарищъ твой, Степанъ, и куда вы крестъ убитой дѣвали?—спросилъ я Макара.

— Мы, ваше благородіе, какъ я сказывалъ вамъ, спустивши подъ ледъ ее, сами потомъ по лѣсамъ бродяжили, скрываючись отъ людей. А на счетъ креста порѣшили продать его въ надежныя руки и деньги раздѣлить по поламъ. Да только Степка и тутъ поступилъ не по-Божески. Заснулъ я разъ въ лѣсу, около огонька отдыхаючи, и онъ при мнѣ былъ, а какъ проснулся—его и слѣдъ простылъ. И крестъ за собой унесъ,—выходитъ надулъ меня, дарма только лишній грѣхъ на душу принялъ. Потому, какъ я съ эстого дѣла корысти никакой не имѣлъ, такъ и признался, вашему благородію. Пусть меня судитъ законъ: помилуетъ—ладно, осудитъ—хорошо. По крайности, я душу свою искупленіемъ

очищу. А Степкѣ проклятому, ни дна ему не покрышки мошеннику, дай Богъ, собачью смертью сдохнуть.

— Че знаешь-ли, гдѣ онъ теперь и кто онъ таковъ?— повторилъ я свой вопросъ.

— А чортъ его, прости Богъ, знаетъ, кто онъ такой? Видно мы съ нимъ одного поля ягоды: бродяги безмодные,— вотъ и все. А откуль взялись—не знаемъ, нашъ отвѣтъ коротокъ. Знаю, что Степаномъ прозывается онъ. Повстрѣчался я съ нимъ на дорогѣ, какъ шолъ въ Пряжскъ. Вмѣстѣ пришли, да экое дѣло и сдѣлали. Все тутъ наше и знакомство.

На этомъ я окончилъ допросъ Макара Непомнящаго и отправилъ обратно въ тотъ городъ, гдѣ производилось его дѣло о бродяжествѣ. Степанъ Полевикъ розысканъ не былъ; по крайней мѣрѣ для дѣла Туруськи онъ пропалъ безслѣдно. Очень можетъ статься, что впослѣдствіи онъ и былъ гдѣ нибудь задержанъ, подъ какимъ нибудь новымъ вымышленнымъ именемъ. На святой Руси бродягъ не мало, живется имъ вчастую легко и привольно.

Разсказъ мой конченъ. Жизнь Туруськи, плачевная ея судьба и страшная кончина переданы мною въ подробности. Мнѣ остается только сказать нѣсколько словъ о другихъ личностяхъ моего разсказа.

Князь Габскій, на другой же день послѣ самоубійства зятя своего, Р-кина, внезапно куда то изчезъ; гдѣ онъ—неизвѣстно. Можетъ статься, угрызенія совѣсти замучили его и онъ трагически покончилъ съ собою. Графъ Б-нъ совсѣмъ состарѣлся и въ женихи ужъ больше не лѣзетъ. Онъ ограничилъ сферу своихъ любовно эстетическихъ наслажденій тѣмъ, что держи. у себя хорошенькую горничную и за право наслаждаться ея красотой — платитъ ей громадныя деньги. Даже до поцѣлуевъ не допускаетъ она противнаго дряхлаго старикашку. Прелестная балерина до сихъ поръ продолжаетъ жить на чужой счетъ, обмолачивая рожь на слюнявыхъ старцахъ. Она постарѣла, подурнѣла, но все-таки не утратила еще способности нравиться и куртизанить. Въ

извѣстные часы, на Невскомъ проспектѣ и на всѣхъ вообще публичныхъ гуляньяхъ, можно еще встрѣтить ее, въ довольно изысканомъ нарядѣ, прельщающею, измятымъ личикомъ и «поддѣльною краской ланитъ» и волосъ, прохожихъ изъ фешенебельнаго міра средней руки.

КОНЕЦЪ.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Предисловіе	1
I.	Первыя впечатлѣнія	7
II.	Убійство и самоубійство	39
III.	Поджигатели	98
IV.	Тюремный міръ	166
V.	Грабительская шайка	270
IV.	Преступленіе суевѣрія	291
VII.	Проститутка	324

Timofěev, N. P.

Zapiski slědovatelja

Sanktpeterburg 1872

Crim. 440 u
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11003148-8